

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КОВЧЕГ

ТУЛА

2019

9

АЛТУНИН
Вычеслав

АНАНИНА
Татьяна

АРТЕМОВА
Ольга

АРТЕМОВА
Наталья

БАРАНОВА
Елизавета

БАРСОВА
Анна

БОРИСОВА
Ольга

ВИНОГРАДОВ
Валерий

ГАДЕНОВА
Елена

ЗАЙЦЕВ
Николай

ЗЕЛЕНКИНА
Галина

КАРАГОДИНА
Ольга

КОЗЛОВА
Людмила

КРАСНОСЛОБДЦЕВ
Анатолий

КРЕСТЬЯНИКИН
Сергей

КУРГАНОВА
Евгения

ЛЮБЕСТОВСКИЙ
Петр

ЛЯЛИНА
Галина

МАКАРОВ
Николай

МАМАТКУЛОВА
Олеся

МАРКИН
Геннадий

МАРТИШИН
Юрий

МЕЛЬНИКОВ
Игорь

НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
Алла

ОВЧИННИКОВ
Сергей

ПАНОВА
Татьяна

ПАНТЮХИН
Олег

ПЕНЬКОВА
Людмила

ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ
Ольга

СЕМЕНИЩЕНКОВА
Лариса

СКОБЛОВ
Евгений

ТРЕЦЕВ
Евгений

ХОДУЛИН
Валерий

ШАФРАН
Яков

ШЕЛЕПИНА
Татьяна

ЯШИН
Алексей

ПРАВΟΣЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

КОВЧЕГ

***ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ***

**ВСЕРОССИЙСКОГО
ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЖУРНАЛА
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

ВЫПУСК 9

**ТУЛА
2019**

ББК 84 Р7 (Рос.-Рус.) К 25

Альманах «Ковчег»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей.— Тула: «Полиграфинвест», 2019.— 344 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

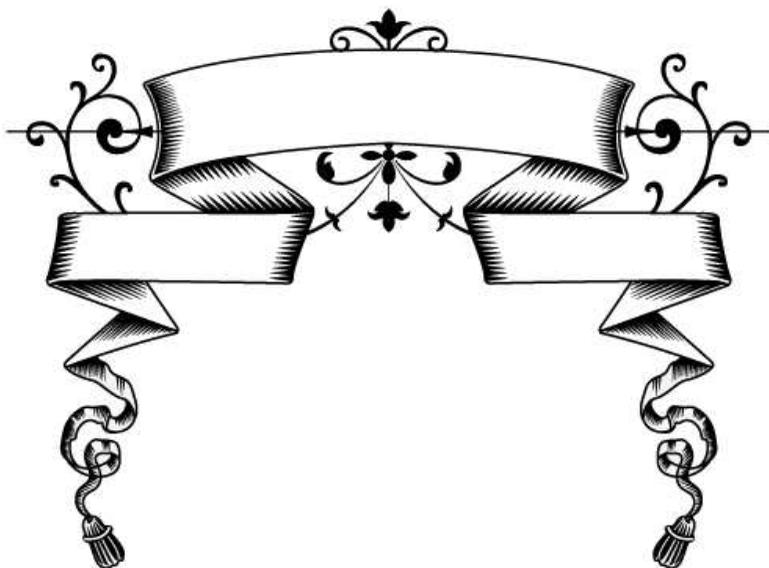
В альманахе «Ковчег» вошли духовные произведения, рассказы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Участники альманаха — это и самодельные писатели и профессионалы — члены Союза писателей России, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широкий и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В «Ковчеге» представлены авторы из Эль-Кувейта (Государство Кувейт), Москвы; Коломны и Электростали Московской обл., Сокола Вологодской обл., Ярославля, Брянска; Сельца Брянской обл., Азова Ростовской обл., Тулы; Алексина, Архангельского, Донского, Шекино и Яблонево Тульской обл., Орла, Медвенки Курской обл., Нижнего Новгорода, Самары; Екатериновки, Отрадного и Тольятти Самарской обл., Волжского Волгоградской обл., Екатеринбурга, Салавата Башкортостана, Баку (Азербайджан), Семипалатинска и Талгара (Казахстан), Нижневартовска Ханты-Мансийского АО, Тюмени, Бийска Алтайского края, Красноярска и Кодинска Красноярского края. Объединяет же всех — любовь к России, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей.

Мнение редакционного совета не всегда совпадает с мнениями авторов.
За публикуемые в альманахе произведения ответственность несут авторы.

ISBN 978-5-7679-2336-6

- © Шафран Яков Наумович, идея, составление, 2019
- © Шафран Яков Наумович, Радько Виктория Владимировна оригинал-макет, оформление, 2019
- © Издательство «Полиграфинвест», 2019

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

ИЗРЕЧЕНИЯ СВ. АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО*

<...> Некоторые ученики его, видя бесчисленное множество иноков в пустыне, украшенных такими добродетелями и с таким жаром ревнующих о преуспении в святом житии отшельническом, спросили авву Антония: «Отче, долго ли пребудет этот жар ревности и эта любовь к уединению, нищете, смирению, воздержанию и всем прочим добродетелям, к которым ныне так усердно прилежит все это множество монахов?» Человек Божий с воздыханием и слезами ответил им: «Придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где, вместо этих пустынных пещер и тесных келий, воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств, смирение заменится гордостью, многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию, любовь охладает, вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах, не меньше самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником, и несмотря на то, что будут жить среди мира, будут называть себя уединенниками (монах — собственно, уединенник). При том они будут величаться, говоря: "я Павлов"; "я Аполлосов"... (1Кор. 1, 12), как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников: они будут величаться отцами своими, как Иудеи — отцом своим Авраамом. Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас, ибо блаженнее тот, кто мог преступить, и не преступил,— и зло сотворить, и не сотворил (Сир. 31, 11), нежели тот, кто влеком был к добру массой стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей, справедливо так много прославляются в Писании» (Patr. Graec. t. 40, p. 1095).

Св. Антоний сам по себе знал, что любовь сильнее страха, и говорил: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его (т. е. не страхом побуждаюсь, как держать себя, но любовью); ибо "любы вон изгоняет страх"» (1Иоан. 4,18). (Дост. ск. 32).

<...> И других убеждал он, чтоб паче всего воспитывали в себе любовь к Богу, как силу несокрушимую и неотпадающую. Так, когда однажды спросили его братья: «Чем лучше можно угодить Богу?», он ответил: «Самое угодное Богу дело есть дело любви. Его исполняет тот, кто непрестанно хвалит Бога в чистых помышлениях своих, возбуждаемых памятью о Боге, памятью об обетованных благах, и о всем,

* «Добротолюбие». Том первый. Глава 5. Преподобный Антоний Великий. 4. Изречения св. Антония Великого и сказания о нем.

что Он для нас совершить благоволил. От памятования о всем этом рождается любовь полная, как предписывается: “возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от вся души твоя и всю силою твоею” (Втор. 6, 5),— и как написано: “Якоже желает елень на источнике водныя, тако желает душа моя к Тебе, Боже” (Пс. 41, 2). Вот дело, которым должны мы благоугождать Богу, да исполнятся и в нас слова Апостола: “Кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или гонения, или голод, или нагота, или беда, или меч?” Ничто же» (Римл. 8,35. 38). (Patr. gr. t. 40. p. 1094).

От сей или вместе с ней приходит <...> «радость» доброделания и пребывания в порядках Божиих, которая, в свою очередь, становится возбудителем ревности. Сюда относится следующее изречение св. Антония. Спросили его: «Что есть радость о Господе?» Он ответил: «Делом исполнить какую-либо заповедь с радостью, во славу Божию,— вот что есть радость о Господе. Ибо когда исполняем Его заповеди, нам должно радоваться; напротив, когда не исполняем их, должно нам печалиться. Почему постараемся исполнять заповеди с радостью сердца, чтобы взаимно соутешаться в Господе; только всячески при этом будем опасаться, чтоб, радуясь, не вознестись гордостью, но все упование свое возлагать на Господа» (Patr. gr. t. 40, p. 1095. Подобная мысль у Василия Вел. крат. прав. вопрос. 193).

ВСЕ УЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО — ЖИЗНЬ*

<...> Выступая духовным наследником Антония и Федосия Печерских, Сергей Радонежский сместил акценты в направление духовного и нравственного самосовершенствования, отказавшись от физического «истязания плоти». И недаром в самом «Житие» неоднократно подчеркивается, что именно из-за «чистоты жизни» преподобный Сергей был удостоен Божией благодати.

Немаловажным условием «высокого жития» были идеи смирения и любви. И Сергей Радонежский всей своей жизнью доказывал окружающим — жизнь можно устраивать только добром и любовью, ибо, отвечая злом на зло, человек порождает новое зло. Недаром Г. П. Федотов, говоря о Сергии Радонежском, вполне справедливо заметил: «Смирненная кротость — основная духовная ткань его личности».

*«Православие и мир». PRAVMIR.RU. Ежедневное интернет-издание о том, как быть православным сегодня. Сергей Вячеславович Перевезенцев. «Все учение — жизнь. Преподобный Сергей Радонежский». 18 июля 2008 г.
<https://www.pravmir.ru/vse-uchenie-zhizn>

Необходимой составляющей «высокого жития» являлась идея «внутренней» духовной свободы, как высшей степени свободы вообще. В основе этой идеи лежат слова Иисуса Христа: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин., 8:32). Развита впоследствии в трудах Отцов Церкви, идея «внутренней свободы» получила свое яркое воплощение в жизни и деятельности преподобного Сергия Радонежского.

Суть этой идеи в следующем. Человек, под действием благодати Святого Духа, способен познать Божию истину и вступить на путь спасения. Познание истины убеждает человека в бессмысленной суетности мирских забот, но, одновременно, многократно укрепляет его духовные силы. Следовательно, овладевший истиной человек оказывается свободным по отношению к окружающему миру и ко злу, которое этот мир наполняет. Более того, он начинает противостоять злу.

«Внутренняя свобода» — это высшая степень свободы потому, что человек в своих помыслах и поступках максимально приближается к Божественному образу. Никакая другая разновидность свободы, а особенно та свобода, которая установлена в человеческих законах, не могут сравниться со свободой «внутренней». Ведь если в сердце человека живет Божия Благодать, то ничто не может помешать ему быть свободным, ибо под воздействием этой Благодати человек совершает именно те поступки, которые внушены ему Самим Господом.

Примерами «внутренней свободы» преподобного Сергия могут служить многочисленные случаи, когда он совершенно свободно общается с князьями, епископами и многими сильными мира сего, которые приводятся в его Житие. Озабоченный только служением Господу, он оказывается выше и свободнее многих, наделенных реальной мирской властью.

Надо сказать, что идея «внутренней свободы» со временем стала очень влиятельной в отечественной религиозно-философской мысли и в литературно-художественном творчестве. Эта идея нашла свое отражение и выражение практически во всех учениях русских любомудров и во многих произведениях русских писателей. Более того, в идее «внутренней свободы» Сергей Радонежский выразил одно из важнейших качеств русского национального самосознания...

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О КУЛЬТУРЕ И НРАВСТВЕННОСТИ

Ф. М. Достоевский*

• Идея о бессмертии — это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества.

• Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, без зачатков положительного и прекрасного нельзя пускать поколение в путь.

• Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей.

• Знание не перерождает человека: оно только изменяет его, но изменяет не в одну всеобщую, казенную форму, а сообразно натуре этого человека.

• В самом деле, выражаются иногда про «зверскую» жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток.

• Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей.

• Человек он умный, но чтоб умно поступать — одного ума мало.

• Мерило народа не то, каков он есть, а то, что он считает прекрасным и истинным.

• Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее.

• Разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную гармонию, в которой бы можно было ужиться человеку.

• Даром никогда ничего не достанется. Будем трудиться, будем и свое мнение иметь...

• Овладей собою сначала, и увидишь рай... Не безграничная личность, а смиришь, подчини себя себе, овладей собою,— что, впрочем, и есть самое сильное проявление личности, и не требуй прав человечества, не то первый позовешь на помощь закон. Да, тем и кончишь. Когда ты первый их не достоин и первый в этом идеальном обществе производишь диссонанс своей злобой и жадностью наслаждений даром, за которые ничем нравственно не хочешь платить.

• ...Общественных гражданских идеалов, <...> не связанных органически с идеалами нравственными, <...> не существовало никогда, да и не может существовать!

* Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Ленинград: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1972—1990 гг.

- Добрые дела не остаются без награды, и добродетель всегда будет увенчана венцом справедливости Божией, рано ли, поздно ли.
- Главное, самому себе не лгите.
- Честный человек ничего не должен бояться!
- Что ложью началось, то ложью и должно было кончиться; это закон природы.
- Нет ничего в мире труднее прямодушия и нет ничего легче лести.
- Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем и ошибкой стать бессовестным, то есть против своего убеждения.
- Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества.
- Трус тот, кто боится и бежит; а кто боится и не бежит, тот еще не трус.
- ... Любопытно, чего люди больше боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся.
- Знайте же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома... Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь.

И. С. Тургенев*

- Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык — это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса.
- Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины,— ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!
- Бесполезно доказывать предубежденному человеку несправедливость его предубеждений.
- Брак, основанный на взаимной склонности и на рассудке, есть одно из величайших благ человеческой жизни.
- В деле сочинительства всякий (сужу по себе) делает не то, что хочет, а то, что может — и насколько удастся.
- Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия.
- Время летит иногда птицей, иногда ползет червяком; но человеку бывает особенно хорошо тогда, когда он даже не замечает — скоро ли,

* И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. М.: Наука, 1978.

тихо ли оно проходит.

- Всякая любовь счастливая, равно как и несчастная, настоящее бедствие, когда ей отдаешься весь.

- Всякая молитва сводится на следующее: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два — не было четыре».

- Вы еще не знаете, есть ли у вас талант? Дайте ему время вызреть; а если его даже не окажется, разве человеку необходим именно поэтический талант, чтобы жить и действовать?

- Выйдет случай что-нибудь сделать прекрасно, а не выйдет, по крайней мере, тем будешь доволен, что заранее напрасно не болтал.

А. П. Чехов*

- Берегите в себе человека.

- Человек — это то, во что он верит.

- В каждом из нас слишком много винтов, колес и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум — трем внешним признакам.

кам.

- Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть.

- Все, что мне известно о природе человека, я узнал в процессе познания самого себя.

- Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой.

- В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

- Чем выше человек по умственному и нравственному развитию, тем он свободнее, тем большее удовольствие доставляет ему жизнь.

- Обыкновенный человек ждет хорошего или дурного извне, а мыслящий — от самого себя.

- Воспитанные люди уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы.

- Незаписанная мысль — потерянная мысль.

- Правда и красота всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле.

- Никогда не рано спросить себя: делом я занимаюсь или пустяками?

- Праздная жизнь не может быть чистой.

- Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, ничего не делай.

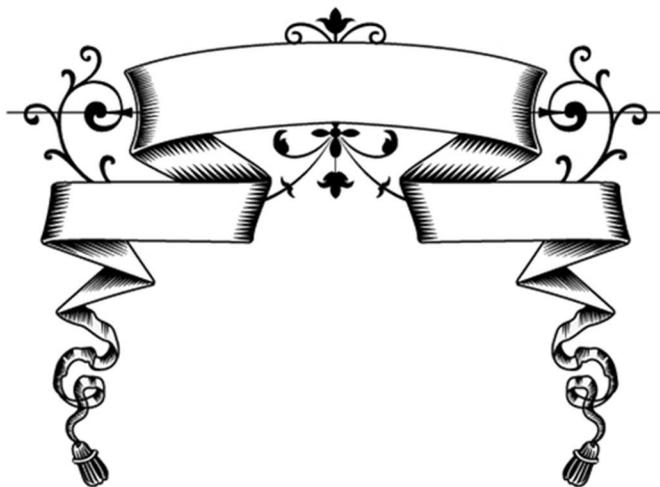
- Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг имеет значение для настоящей и будущей жизни.

* Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах.— М.: Наука, 1983. Академия наук СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького.

- Дела определяются их целями; то дело называется великим, у которого велика цель.
- Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть.
- Ложь — тот же алкоголизм. Лгуны лгут и умирая.
- Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу.
- Нужно по капле выдавливать из себя раба.
- Дойти до убеждений вы можете только путем личного опыта и страданий.
- Где искусство, где талант, там нет ни старости, ни одиночества, ни болезней, и сама смерть вполнину...
- Критиканы — это обычно те люди, которые были бы поэтами, историками, биографами, если бы могли, но испробовав свои таланты в этих или иных областях и потерпев неудачу, решили заняться критикой.
- Если можешь не писать — не пиши.

ПРОЗА

ИРИНА ГОНЧАРОВА
НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ
ЛЮДМИЛА КОЗЛОВА
ГЕННАДИЙ МАРКИН
МИХАИЛ СМIRНОВ
ПЕТР ЛЮБЕСТОВСКИЙ
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ЕВГЕНИЯ КУРГАНОВА
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ
ГАЛИНА КЛИНКОВА
АЛЕКСЕЙ КУРГАНОВ
НИКОЛАЙ МАКАРОВ

АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ЛЯМАН БАГИРОВА
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН
ИГОРЬ КАРЛОВ
НАТАЛИ ЛАЗАРЕВА
ВЛАДИМИР ГЕРАСИМОВ
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ
ТАМАРА ХАРИТОНОВА
СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ОЛЬГА КАРАГОДИНА
ГАЛИНА СОЛОНОВА

Ирина ГОНЧАРОВА

г. Москва

Окончила филологический факультет Смоленского государственного университета. Печатается с 2002 г. Пишет прозу для взрослых и детей.

ЧУДО В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Когда я получала в вузе диплом учителя начальных классов, то не думала о том, что судьба заставит спуститься еще на одну образовательную ступень ниже и придется учить дошколят рисованию и лепке. Но малыши оказались народом общительными дружелюбным. К тому же безо всяких анти-возрастных кремов не давали состариться, а это обстоятельство весьма важно для любой женщины.

В студии творческого развития, куда определила меня судьба, малыши занимались два года, а потом поступали на подготовительное отделение детской художественной школы. Разумеется, мы не только рисовали и лепили из пластилина, но и активно развивали речь, составляя рассказы по собственным рисункам, ведь детские рисунки, как известно, зачастую нуждаются в расшифровке.

В середине учебного года в нашу студию незнакомая бабушка привела внука.

— Его зовут Кирилл,— познакомила нас она и подтолкнула его ко мне.— Это твоя учительница. Поздоровайся!

На меня немного боязливо взглянуло курносо-сероглазое личико.

— Здравствуйте! — тихо, но отчетливо сказал мальчик.

Я написала бабушке список принадлежностей для занятий и свой телефон.

Бабушка считала, что внук ведет себя плохо, и поэтому всячески старалась ограничить его свободное время путем записи внука в различные кружки. После наших уроков они бежали на танцы, да и в другие дни недели кроме детского сада был хоккей, пение и что-то еще.

Однако на занятиях Кирилл вел себя очень даже примерно и рисовал вполне сносно для ребенка его возраста.

У нас было принято заполнять анкеты с основными данными о ребенке и родителей.

— Заполните, пожалуйста,— попросила я бабушку в следующее занятие,— ну, или кто-нибудь из родителей.

— У него никого нет,— почти плача, проговорила бабушка,— он сирота, я взяла его под опеку.

—Я не знала, простите.

— Я вам говорила.

Спорить я не стала. Может быть, и говорила, но обычно я запоминаю такие вещи. Мне вдруг стало не по себе, словно я нанесла смертельную рану человеку.

«Ну что ж, буду впредь внимательней»,— подумала я.

Однажды перед началом занятий Кирилл, улыбаясь, протянул мне большую желтую бусину.

— Это вам!

— Спасибо, Кирилл!

Я положила бусину на стол. Мы начали урок. Сначала мы говорили о добрых делах, потом эти добрые дела рисовали. Кто-то рисовал, как кормит птиц, кто-то — как поливает цветы.

Кирилл подошел ко мне со своим рисунком. Он нарисовал, как уступает место своей бабушке.

— Вообще-то, уступают всегда мне, но я потом уступаю бабушке,— пояснил он.

Неожиданно он взял с моего стола ту самую бусину.

— Смотрите,— все так же широко улыбаясь, сказал он,— если продеть веревочку, то ее можно повесить сюда,— он приложил бусину к своей груди, демонстрируя тем самым, как красиво она будет смотреться.— Веревочку можно сделать подлиннее или покороче,— учил он меня.— Вам нравится?

— Конечно! Спасибо большое!

— Это я на улице нашел,— радуясь своему везению, сказал Кирилл.

«Ну вот,— думала я,— теперь он счастлив, что у его учительницы кроме обручального кольца будет еще одно украшение — целая бусина на веревочке!»

Разумеется, я бы забавно смотрелась с этой бусиной на шее, но у мальчика было желание делать добрые дела, а это хороший показатель. И не у всех детей из полных семей этот призыв к добру был.

Прошло еще недели две, и бабушка Кирилла, словно открывая мне большую тайну, тихо сказала:

— У него скоро день рождения. Сколько у вас человек детей, чтобы принести угощение?

— Да не надо. Вы дома... семьей...

— Ну что дома! Дома только я и он. Понимаете? Он ждет.

— Нас пятнадцать.

Я была несколько ошарашена. Никто из родителей никогда не проявлял инициативы угостить всех учащихся в день рождения своего чадушки. Конечно, я знала, у кого и когда из ребят дни рождения, но у нас это всегда ограничивалось тем, что именинник вставал посреди класса, а мы дружно кричали: «С днем рожденья!»

— Ну а в саду вы не отмечаете? — почему-то спросила я. Мне это

показалось логичней, ведь ребенок в саду пять дней в неделю, а здесь всего два.

— Там не принято. Да и нет у него там друзей. А у вас тут атмосфера другая.

— Ну а что ему подарить? — спросила я.

— Да ничего не надо! Зачем вам тратить?

— Ну, может быть, к школе что-то? Он ведь пойдет в школу на следующий год.

— Ничего не надо,— повторила бабушка.

... Я вдруг вспомнила себя — подростка. Мне было 13 лет, и я желала отпраздновать день рождения, потому что очень захотелось ПОДАРКОВ! Раньше, когда я училась в начальной школе, мы всегда отмечали мой день рождения почти всем классом, но потом пришли «лихие девяностые» и праздновать было уже не по карману. А мне хотелось! Я сообщила маме накануне своего дня рождения о том, что я мечтаю о подарках, и мама неожиданно согласилась. За каких-нибудь полчаса я обегала своих знакомых и пригласила человек пять-шесть (так, конечно, никто не делает, сообщать надо заранее, но я же «вдруг» возжелала, и мама «вдруг» согласилась). Угощение было нехитрым, даже торта не было. Мама просто испекла печенье, сделала холодец, винегрет, потушила картошку, открыла маринованных огурчиков... Впрочем, и мои подруги были из несостоятельных семей. Но, пожалуй, если бы не спонтанный, вдруг организованный праздник, то не произошло бы и другое чудесное событие.

Дело в том, что с малых лет я любила рисовать. Рисовала много и всюду. Если не было под рукой бумаги, открывала какую-нибудь детскую книжку без иллюстраций и рисовала прямо на полях. А книжки с иллюстрациями дополняла рисунком на форзаце (он же пустой — так чего же упускать незанятое пространство). Когда я перешла в пятый класс, в нашем городке открылась детская художественная школа. Конечно же, я туда записалась не раздумывая. Получаться у меня стало не сразу. Первое время, видимо, все было так ужасно, что учительница даже оценок мне не ставила. А потом я стала выбиваться в отличницы. Но, когда я перешла в художку во второй класс, оказалось, что маме больше нечем платить за учебу. В те самые «лихие девяностые» сотрудников с ее предприятия отправили в бессрочный отпуск без содержания, и оплатить второе полугодие в художке мама уже не могла. Я тогда была очень опечалена этим фактом. Еще бы! С пеленок рисовать, выбиться в отличницы и вдруг — такая обреченность. Но... спонтанному дню рождения, видимо, суждено было быть и не только быть, но и спасти мое обучение. Одним из подарков были деньги. Как раз та сумма, которую нужно было заплатить за учебу. Я не знаю как,

каким указанием свыше руководствовалась мама той девочки, которая приготовила мне этот подарок, но он тогда меня выручил.

... Бабушка Кирилла, конечно, поскромничала. Да и я бы на ее месте постеснялась что-то заказывать. Но... я же помнила о своем спонтанном дне рождения и спасительном подарке.

Я отправилась в художественный магазин. Бабушка твердо решила, что Кирилл из группы творческого развития обязательно продолжит обучение в художке. Я заметила, что он хорошо чувствует свет и объем, да и фантазия у него есть. Почему бы ему не стать художником?

Я купила набор бумаги для акварели (мне в свое время приходилось рисовать на простых альбомных листах А4 вместо А3), беличьи кисточки (с кисточками меня во время моей учебы выручил дядя — прислал из Питера) и, конечно, брендовые акварельные краски «Белые ночи» (а вот краски мне приходилось заимствовать у своих одноклассников, ибо дядя сказал, что они дорогие, и у мамы не было денег, чтобы их купить). Да и еще пластилин! Мы же лепим! Со стеками обязательно. И еще хорошую добрую книжку с яркими красивыми иллюстрациями. Подарок, пожалуй, что надо!

Праздновали мы после занятий. Было уже почти восемь вечера, но дети, объевшиеся тортом со сметанным кремом, конфетами и зефиром, совсем не казались уставшими. Похоже, все были счастливы — таких вкусных занятий еще не было. При детях я подарок вручить не решилась — малыши стали бы обижаться: «А мне вы ничего не дарили!..» Я же не виновата, что их родители не хотят отмечать дни рождения! Впрочем, пока им этого не объяснить. Пока им сложно понять, почему у некоторых ребят не бывает родителей и почему такие дети ждут в каждый свой день рождения чего-то особенного...

После вкусного чаепития я отвела Кирилла в сторонку.

— Кирюша, я и все наши ребята поздравляем тебя и дарим тебе вот такой большой и красивый подарок!

Широкая Кирюшина улыбка, казалось, распространилась на все лицо: улыбались глаза и курносый нос, и брови, и даже уши. Он медленно открыл пакет: все яркое, пахнущее, еще кисточки мягкие, «как кошкин хвостик» — как сказал он. Радости его не было предела!

На следующем занятии бабушка сказала мне:

— Знаете, он сначала расстроился, что только я ему подарила подарок. Но потом прошло полдня и пришла одна соседка с какой-то безделицей, но ему было приятно, потом другая соседка... Каждый что-то принес. А потом вы такой огромный пакет ему подарили — он его домой еле донес и отпускать не хотел.

В тот день на уроке мы рисовали чудо. Я провела, как всегда, беседу перед уроком:

— Вы, конечно, не так еще много прожили, но, я думаю, какое-то маленькое чудо произошло у каждого из вас. Давайте вспомним, какое оно — ЧУДО.

Рисовали долго, старательно. Чудо — все-таки дело необычное и не каждый день случается. Надо еще подумать, как его изобразить.

Кирилл принес свой рисунок. Разноцветные человечки что-то держали в руках, и все они стояли вокруг другого человечка с улыбкой до ушей.

— Расскажи нам, что ты нарисовал,— предложила я.

Кирилл, вновь широко улыбаясь, стал рассказывать:

— У меня недавно случилось чудо. Мне много-много всего подарили. Раньше никогда такого не было, и я не знал, что такое подарок. А в этот раз у меня стало много, очень много подарков! И это было большим чудом!

Алексей ЯШИН

г. Тула

Яшин Алексей Афанасьевич — главный редактор ордена Г. Р. Державина всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных и научных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора.

ТАКСИ ДО СТАНЦИИ АСТАПОВО

Писатель Никаноров проживал в Подмоскowie, в бывшем наукограде. Кроме литературной профессии имел он и другие занятия: являлся подполковником запаса, а в отставке работал инженером в dotлевающем научно-исследовательском институте по профилю бывшей службы. Военная пенсия и какое-никакое жалование в институте кормило семью и позволило пережить самые лихие годы «волчьих девяностых».

Сразу по окончании Олимпиады в Афинах ему стукнуло шестьдесят, и перестал он ходить на работу. Сказать, что вышел на пенсию — нелогично; он ее получал уже десять лет. Словом, решил полностью отдаться литературе, благо дети оперились в этой жизни, а им с женой хватало. Как раз заканчивал Никаноров большой роман и даже заранее заручился поддержкой о финансировании издания у бывшего сослуживца.

живца; тот хотя и выбился в люди, но человеком остался. Фирма же его продавала за рубеж остатки неликвидов из числа ценных материалов того же самого института.

Полагал Никаноров, что теперь-то последние главы чуть ли не сами напишутся — ведь сейчас не только выходные и будние вечера в распорядке его пера! Однако, недоучел специфику психики человека в переломные для жизни моменты, расслабился (не водка, конечно, имеется в виду) и за весь сентябрь вымучил только один крохотный эпизод девятнадцатой главы.

Никаноров затосковал, но жена нашла выход и посоветовала развезься, съездить на недельку в недалекую Тулу:

— Поезжай, Андрей Сергееч уже который год зовет, поохотитесь с ним, как раз сезон открывается.

И верно, опять же бывший сослуживец в августе звонил, поздравлял с «выходом на гражданскую», звал на уток... И главное, в голове образовалось: побывать в толстовских местах, вдохновиться. Со стыдом вспомнил: лет двадцать как в Ясной Поляне не был ... писатель называется! Сразу согласился, а уже к вечеру следующего дня закусывал в компании приятеля и его добрейшей супруги летними хозяйскими припасами привезенный с собою коньяк.

До открытия охоты оставалась пара дней, потому коньяк — свой и алаверды — пил умеренно, а наутро сел в щекинский автолайн, бодро дошагал от развилки до знаменитых въездных башен, протянул в окошко кассы удостоверение члена Союза писателей, памятуя, что двадцать лет тому назад членов Союза впускали в музей-усадьбу по бесплатной контрамарке, о чем он и напомнил молоденькой кассирше. Та недоуменно выслушала, заявила, что никаких льгот никому уже давно нет, а билет с экскурсией стоит сто рублей. Ходят тут, мол, всякие.

...Возвратился в Тулу Никаноров несколько раздосадованным, но начавшаяся охота на водоплавающую дичь его отвлекла. Вернулся он домой хорошо отдохнувшим и с вдохновением, но скорее пессимистического характера, а потому в начало следующей главы своего романа вставил фантастический эпизод. Впрочем, модный в отечественной прозе в последние десять-пятнадцать лет.

...Всем известны успехи современной науки в части генетики; ее высшим достижением явилось развитие практического клонирования, то есть воссоздания из одной единственной молекулы ДНК всего целостного организма. Как известно, клонирование человека запрещено законодательно во всех странах мира, где это умеют делать. Понятно почему: каждая из сторон имеет законное опасение, что их исторический супостат-противник вырастит полки суворовых, роммелей, наполеонов и пр. И тем более понятно, что работы по клонированию человека, что называется подпольно, тотчас и начались во всех этих цар-

ствах-государствах. Не следует и пояснять: эти исследования курировались спецслужбами на государственных уровнях.

Единственным исключением оказалась Россия; опять же и дураку понятно почему. Но — свято место пусто не бывает. Или, как говорил философ Лейбниц: природа не терпит пустоты. Поэтому в России на себя эту обязанность взяли патриотически настроенные ученые, где-то в Томске или в Новосибирске, словом, в некоем еще сохранившемся научном центре.

А дальше случилось то, что случается с мастеровыми русскими людьми со времен Ползунова и братьев Черепановых: в отсутствии денег и необходимого инструмента они такое вмиг сотворят, что в европах-америках долго затылки яйцеголовые чешут. Так и наши подпольные ученые, радея за место государства в части шекотливой науки, на допотопном биологическом оборудовании не только вперед всех европейских и американских «нобелистов» научились клонировать человеческий организм, но попутно решили и сверхзадачу: ускорили рост, физическое и умственное развитие клона в сто раз! Но и опять были бы они не русскими людьми, если бы не страдали комплексом Левши из лесковского рассказа. Как тот подковал блоху, но, не ведая законов биомеханики, не рассчитал тяжести подков и обездвигил насекомое, так и наши подпольные ученые научились в сто раз скорее развивать организм, но не смогли останавливать это развитие в нужном возрасте, то есть в двадцать, тридцать лет... Еле-еле осилили этот останов в возрасте, соответствующем предельному для предшественника клона. Такая вот петрушка получилась. А все дело в том, что не было у них сорока штук баксов для покупки за рубежом машины для ДНК-анализа, что имеется в самой захудалой западной больнице! Поэтому, оставив на светлое будущее решение возникшей задачи, решили сибиряки испытать свое открытие на каком-нибудь великом человеке.

Опять же, поскольку были наши гениальные ученые подпольщиками вне закона, то возник вопрос о генетическом материале. Где тайно взять ДНК давно умершего великого? Выручил коллектив профессор Перерушев Аркадий Гаврилович, страстный почитатель Льва Толстого, коллекционер всего, что связано с его именем. В советское время каждый профессор, а то и доцент, увлекались чем-либо интеллектуальным, далеким от основной работы. Дело в том, что самым большим раритетом коллекции Аркадия Гавриловича являлся изящный дамский медальон-ладанка с прядью волос Льва Николаевича. Достался он профессору от бабушки, в начале века московской консерваторки и страстной почитательницы гения земли русской.

Поначалу коллектив засмушался, засомневался: дескать, морально ли это, все же гордость народа, на издевательства над памятью великого похоже... Но Перерушев, уже предчувствуя встречу и беседы о

смысле жизни со своим литературным кумиром, заволновался, раскричался:

— ...Где я вам биоартефакты Сталина или Суворова возьму? Что есть, то и есть, а пока мы, гнилая интеллигенция — правильно о нас Владимир Ильич говорил,— будем умничать и морализировать, америкосы тысячи копий Шварценеггеров и Майклов Джексонов настроят. И что тогда будет? Каждый Шварценеггер захапает себе территорию размером с Калифорнию, а Джексоны опи.....т весь мир!

Почему-то именно последний довод убедил компатриотов. Дело закипело и уже к концу октября следующего за началом эксперимента года Аркадий Гаврилович любовно смотрел на вдохновенное лицо Толстого, столь знакомое по фотографиям последнего года жизни великого учителя и проповедника. Толстого спящего, ибо процесс физиологического ускоренного развития и, увы, старения клона совершался в анабиозе. Опять же возник вопрос: пора будить, 31-ое октября на носу*, а как клон поведет себя? Выручил опять же профессор Перерушев, предвкушавший долгие беседы с Учителем:

— Нужно, чтобы он проснулся в той же обстановке, что и накануне кончины. Понятно, проснулся не в жару и ознобе, как то было со Львом Николаевичем, а здоровехоньким. Мы ему перед пробуждением интенсивную терапию антибиотиками проведем. Давайте обсудим, как это все сделать.

Благо, накануне в их институте выдали зарплату за три летних месяца, поэтому, выдав женам на хозяйство по минимуму, ученые сбросились (а Перерушев еще и фамильный золотой портсигар новорусскому коллекционеру за три тысячи долларов толкнул), зафрахтовали у дальнобойщиков фуру и доставили спящего клона, необходимую аппаратуру и самих себя на станцию Астапово. Совсем уж на последние деньги заарендовали на неделю бывшую квартиру начальника станции И. И. Озолина — выдали себя за киношников.

Про киношников скоро узнали все население маленького станционного поселка, поэтому никто не удивился, когда утром 13-го ноября** в станционный зал ожидания, к кассе подошел старик с длинной бородой и косматыми бровями в странной длиннополой одежде и сапогах. «Смотри, смотри! Этот актер Толстого играет. Говорят, шестидесятисерийный блокбастер снимают...» — зашептался народ в зале.

Меж тем старец, назвав кассиршу милой барышней, попросил один билет до Ясной Поляны с пересадкой в Козельске. Но барышня огорошила: так по железной дороге доехать нельзя. Старец растерялся, но

* Л.Н.Толстой скончался 31 октября 1910 года.

** То есть по старому стилю 31 октября.

тут к нему подскочил Петруха, местный парень, подрабатывавший частным извозом:

— Давайте, товарищ артист, мигом домчу. И возьму по-божески из уважения.

Старец чуть помедлил и послушно пошел за автомобилистом. Покоясь на мягком заднем сиденье «москвича», старец, только что отошедший от нездоровья, длившегося тяжело и мучительно почти неделю, да еще в постоянных переездах, боязни, что за ним пошлют домашнюю погоню, восстанавливал в некогда цепкой памяти события сегодняшнего утра: как он проснулся, нет, очнулся совершенно здоровым, без липкого пота горячки, без озноба. Какие-то незнакомые, но добрые люди помогли ему одеться, что-то положили в его бумажник (а вроде и не его бумажник?), подвели к вокзалу. Он как будто заново родился: все вокруг изменилось, поезда не ходят прежним путем, а таких роскошных авто он и в Москве не видывал... Догадывался, что болезнь случилась нешуточная, раз весь мир воспринимается иным. Такое с ним было только в далеком-предалеком детстве после сильной, горячей простудной болезни.

За их «москвичом» неотступно следовала бежевая «волга» с сибирскими учеными. Перерушевым тож. Только одна мысль заполняла большелобую голову Аркадия Гавриловича: «О чем сейчас думает Учитель?».

А старец, ощущая прилив ясности мышления, что бывает с любым человеком после тяжелой болезни, не замечая мелькавших за окном странных пейзажей, думал, что напрасно он поддался хандре, самоистязал себя душевно. Опять же этот суматошный отъезд без цели странствования...

К полудню распогодилось, осеннее солнце хотя и не грело, но радовало душу. Казалось старцу, что теперь все разрешится. И Соня, и дети поймут, что не в деньгах счастье, но в служении людям, человечеству, в личном самосовершенствовании. Да и не свойственно русскому человеку преклонение перед золотым тельцом; это ведь не протестантский Запад с его торгашеством и накопительством... Он почувствовал прилив энергии, замечтался, как лет через сто, уже в начале XXI века и нового тысячелетия деньги и вовсе исчезнут из обихода, а в его любимую Ясную Поляну будут стекаться тысячи и тысячи людей. Может, и его добрым словом помянут, прогуливаясь по тенистым аллеям, по его заветным местам...

Вот и Поляна, авто остановилось возле самых въездных башен. Старец вынул бумажник, раскрыл: и деньги он перестал узнавать, сочтя это за добрый знак — в унисон его мыслям. Протянул деньги шоферу. Тот заулыбался, взял несколько бумажек:

— В расчете, этого хватит. Может, вас подождать? И мне назад не порожняком ехать.

Старец молчал, а шофер, чуть отъехав, остановился: может, найдет пассажиров до Тулы, заодно и к сеструхе заглянет. Давно не видел.

Узнавая и вместе с тем не узнавая многих деталей, старец прошел между въездными башенками, несколько озадаченный многолюдством снующих туда-сюда, да в какой-то странной одежде? Однако двинулся вперед по плотинной дороге, но был остановлен неким мундирным: армейским или полицейским; опять же в новомодном мундире:

— Вы, я вижу, забыли билет приобрести? Пройдите к кассе,— и полицейский чин указал рукой на окошечко в домике-пристройке у левой въездной башни. Мало что поняв, старец подошел к окошку, в глубине которого виднелась молодая девица, стриженная под курсистку.

Девица была занята беседой с кем-то, не видимым снаружи в окошко, а глаза старца узрели текст объявления, обрамленный и остекленный. Из текста следовало, что билет на экскурсию по усадьбе стоит сто рублей. «Как?! — вскипела его душа,— не успел я из дома уйти, неделя всего прошла, а они Дом мой в дом торговли* превратили? А я-то, наивный, полагал, что своим уходом разбужу в них совесть, понимание мыслей и дел моих...

Снова, как вчера и в предыдущие дни в поезде, в Шамордино и Козельске, в квартире начальника станции в Астапово, зазнобило, тут же бросило в жар, в голове застучали молотки плотников, а потом и вовсе забухали фабричные молоты. С трудом, как некогда в гору на Кавказе поднимаясь, он протащился мимо белых въездных башен, теперь уже навсегда покидая свою Ясную, глядя себе под ноги, чтобы не заплелась, медленно пошел под гору по широкой площади.

— Эй, артист? — окликнул его давешний шофер,— куда везти?

Старец поравнялся с «москвичом» и с трудом втиснулся в предупредительно открытую шофером дверь. Он и не видел, как в стоявшую позади «волгу» суетливо усаживаются взволнованные ученые-сибиряки.

— Так куда прикажете?

— В Астапово,— едва пошевелил губами старец и впал в болезненное забытье.

* Евангельские слова.

Николай ЗАЙЦЕВ

г. Талгар Алма-Атинской обл. Казахстана

Родился в г. Талгаре Алма-Атинской обл. Казахстана, в 1968 г. окончил среднюю школу №1, работал в топографической экспедиции, по другим специальностям и корреспондентом. Публиковался во многих республиканских, российских и сетевых журналах, издал несколько книг поэзии и прозы, участник многих коллективных сборников. Лауреат фестивалей «Славянские традиции» (2009—2017 гг.), «Верность родному слову» (2011 г.), «Литературная Вена» (2011 г.), «Русский Гофман» (2018 г.), лауреат премии им. Белова (2009 г.) и премии им. Шукшина (2013 г.). Руководитель творческого объединения «Вершины Талгара», член Евразийской Творческой гильдии, член СПР.

ЦЫГАНЕ

Давно это было. Когда радостное, светлое детство бродило вместо меня по улицам этого города. Каждое утро было неожиданным, неповторимым. Мир был так велик, что не хватало никакого времени на познание его. Ночь уносила все проблемы, а утро приходило таким ярко-звонким, что хотелось бежать в него прямо из постели.

Летом все дети нашей улицы, как только совсем теплело, шли на реку. Она растила, воспитывала наши нравы, характеры, пугала родителей и радовала нас своей доступностью и понятностью. Окрестные сады были полны всяческих плодов, а отсутствие взрослого населения в дневное время гарантировало безнаказанность опустошения этих земных эдемов. Река поила, охлаждала наши тела, сады кормили нас своими плодами, а что еще нужно в детстве? В детстве, как никогда, хочется свободы, и те, у кого она в это время есть, в дальнейшем с радостью вспоминают время свободы и место, где она жила. Это время маленьких огорчений, которые заканчиваются сном, и больших радостей, ожидающих нас утром. Неправильно думать, что радость того времени, не совсем понятна, размыта самим временем. Нет. Радости эти (как светлы они в детстве!) вполне осязаемы, их можно потрогать, ощущение их вполне реально, и, что очень важно, помнятся счастливые моменты до конца жизни.

Был воскресный день, и мы, мальчишки, группой двинулись на базар. Не покупать, нет, а просто посмотреть на пестрое сборище людей, потолкаться в этой шумной толпе, поучаствовать в какой-то другой жизни, отличной от повседневной. Обойдя все ряды рынка, мы наткнулись на торговца резиной, которого мы все знали, потому как покупали у него резину на рогатки — оружие юности. Мы знали его как ирядного пьяницу, и теперь он тоже был пьян, но торговал не ре-

зиной и находился в пьяном состоянии более чем всегда. Продавал же он маленького ишачка, похожего на большого зайца, пушистого, как мох, которым обрастают валуны на реке. Стать обладателем живой игрушки, не задумываясь зачем, эта мысль приковала нас на месте. Продавец менял свой товар на бутылку «красного», и мы, не зная сколько это, заворожено смотрели на него, ожидая разъяснений. Взрослый люд, понимая всю несерьезность продажи, проходил мимо, но мы уйти просто не могли. Цена падала и дошла до цены пачки папирос. Собрали всю мелочь по карманам наших изодранных штанов, отдали продавцу и взамен получили настоящего ишачка, которого подарил нам случай. Один из мальчишек вынул из штанов новый ремень, привязал ишачка за шею, и мы повели его домой. По дороге стали думать, где же он будет жить, и начали понимать, что родители едва ли согласятся на такого постояльца, а без их ведома с устройством ишачка ничего не получится. Но все неожиданно утряслось само собой. По улице мимо нас на ишаке, запряженном в телегу, пронеслись цыгане. Из телеги раздался лихой свист, и наш ишачок, вырвавшись из рук вместе с новым ремнем, догнал телегу и, как показалось нам, сам запрыгнул в нее. Цыгане подхватили его и умчались своей цыганской дорогой. Мы оторопело смотрели им вслед. Миг какого-то желания коснулся наших рук и, вырвавшись, пропал, оставив тепло прикосновения, от которого замерли наши маленькие сердца. Пошли домой, не глядя друг на друга, потому что каждый считал себя виноватым в происшедшем. Так произошло наше знакомство с цыганами, таинственное, принесшее вместе с первым огорчением много интересного и волнующего в последующем времени.

Вечером, как обычно, мальчишки нашей улицы собрались за травой. В то время на подворьях держали много птицы, был скот и, конечно, кролики. Эти походы были продолжением нашего дневного общения, и мы, захватив сумки и мешки, устремились туда, где можно было говорить о вещах, которые никогда непонятны взрослым. Нельзя было сказать, что мы бездельничали днем, строгость наших отцов не позволяла этого, а отцы были у всех, так как рождены мы были уже после войны, в 50-х годах. Каждый из нас по утрам получал от родителей какое-нибудь задание, выполнял его, а потом уже шел на реку. Хорошо было иметь старших братьев, в смысле защищенности, но утром, после ухода отца, старшие братья обычно перекладывали свою работу на плечи младших. Поэтому каждый из нас появлялся на реке только после выполнения своих заданий.

Вечером же уходили за травой. Старшие братья дома помогали отцам, а мы наслаждались свободой. В этот день, утро которого принесло нам огорчение, собрались все участники злополучной покупки. Делили беду, подбадривая друг друга толчками, задирались, шутили.

Один из мальчишек предложил пойти на новое место, там, говорил он, травы полным-полно и все один клевер. Клевер был самый уважаемый кроликами продукт, и мы согласились туда пойти.

Городок в то время представлял несколько районов, отделенных друг от друга пустырями. Мы знали эти пустыри лучше городских кварталов. Пустыри, сплошь поросшие кустами терновника с дикими яблонями среди них, были нашим райским садом. Эдемом нашей свободы. Были еще и колхозные сады: яблоневые и грушевые, но их охраняли объездчики на конях, очень свирепые, как нам тогда казалось. Конечно, мы не раз бывали и там, в тех садах, но все же пустыри любили больше. Тут было светлее, множество красивых птиц распевали свои песни о высоком небе и его голубизне, обо всех наших мечтах, связанных с высотой и ее голубизной. Мечтать здесь было так вольно, воздух наполнял грудь свежей легкостью, и, кто видел, может быть, мы и вправду летали там тогда. Ведь никто не мог сказать обратного.

Дошли до пустыря, повернули направо, к горам. У самых предгорий начинались дома новостройки. Городок разрастался, но пока только частным порядком. Ближе к горам было еще пусто, зато травы и вправду росло много. Навалившись от души в пахучей прохладной траве, мы наполнили ею мешки и пошли домой. Дорога шла через сад.

Хочу добавить, что весь город тогда был садом. Частные сады жителей города сливались с колхозными садами и тянулись далеко в горы. Когда наступала весна и ближние горные склоны покрывались подснежниками, в каждом доме в стаканчиках стояли эти нежные цветы, самые юные из всех. Весна наступала настоящим праздником. Зацветали сады, и город тонул в красивейшем и благоухающем тумане. Чтобы лучше увидеть это буйство красок любви и юности, мы забирались на склоны ближних гор. Там можно было сидеть часами, оглядывая и слушая красоту. Представьте себе склон горы, уже покрытый молодой, зеленой травой с торчащими еще кое-где синими подснежниками, ласковое весеннее солнце, пучок прошлогодней сухой травы, на который можно присесть, а перед вами бушующее море юных красок, добавьте к этому музыку птичьих песен, окуните, окуните видимое в палитру своих мечтаний, облеките мелодией своей души и поймете, что перед вами то, для чего стоит жить на Земле. Ощущение прекрасного вращается в душу, остается в ней навсегда, вы ощущаете волнение в то время года, когда видели все это в первый раз, сколько бы времени ни прошло с тех пор. А значит, вы снова юны. Пусть на время, но юность и есть миг. И повторить в своей душе счастливые мгновения, значит, стать добрее и красивее.

Из-за деревьев начали поглядывать на нас сумерки. Хотелось есть. Можно было сорвать яблок, но их было уже не видно, а невидимое есть не хочется. Заторопились. Вышли к новостройке. Чуть в стороне между недостроенными домами был виден свет. Любопытство юности

сильней усталости, и мы решили посмотреть, что там происходит. Прошли между нежилыми домами и оказались прямо перед цыганским шатром.

Кто знает, откуда взялось слово «шатер», но оно прочно вошло в наш быт, как определение чего-то легкого, временного, цыганского. Можно сказать — палатка, но раз там цыгане, значит, шатер. Он состоял из сшитых между собой разноцветных лоскутов, натянутых на врытые в землю столбики. Неправильной формы, закрытый донизу лишь с одной стороны, с деревянным настилом внутри, он напоминал сцену временного цирка. На полу, в разных концах шатра и посередине вразброд сидели цыгане. Каждый из них чем-то занимался. Эта их жизнь до того была непохожа на нашу, что казалась игрой.

Поняв, что нас не замечают, мы присели на свои мешки, набитые травой, и стали наблюдать, совершенно потерявшись в непонятности, что могут делать люди ночью на улице. Наше внимание сразу привлек цыган, сидевший к нам вполоборота, прислонившись к столбику, державшему шатер. Ноги, обутые в сапоги, были положены одна на другую, темные шаровары и распахнутая светлая косоворотка, выпущенная на штаны, длинные, хорошо расчесанные волосы, гитара в руках и то, что он сидел у края помоста, создавало впечатление какого-то ожидания и временности. Все было каким-то непрочным, и казалось, что эти люди ждут какого-то звука, взмаха, чтобы превратиться в движение и исчезнуть вместе с шатром. Уплыть в пространство. Это видение вжало нас в мягкость мешков и заставило забыть время. Ведь временное это что-то несуществующее, или уже почти несуществующее. Такого в жизни у нас еще не бывало, потому-то мы и забыли о наших делах: о траве, о доме, о дороге к нему — на пути был цыганский табор. Вот и все.

Тихонько бренькавшие струны вдруг взорвались отчаянным перебором, тьма вздрогнула, сомкнулась, оставив светлым лишь шатер, цыган и звуки. Это была музыка самой природы, которая в ночи нашла светлое место и готовилась устроить здесь свой карнавал. Звуки лились сами собой, улетали, возвращались, как бы приглашая на этот праздник ночных обитателей земли. Их было уже во множестве. Различные мотыльки, мошкара, а между ними, разрезая тьму, носились летучие мыши, будто маленькие самолеты, которые доставляли ночных гостей. Они возникали из тьмы, делали пару кругов над сценой и уносились обратно. Не хватало только рева двигателей. В это музыкальное кружение вкрался голос: «Ах, ручеечек, ручеек, брал я воду на чаек, ромалэ лэ-ээй, чавалэ лэ». Что-то в природе зажурчало, громче, громче, расплескалось, но не гремя, а лаская.

Цыгане зашевелились. Они как-то незаметно подвигались к песне. Все живое собиралось вокруг нее. Плавно, плавно цыгане встали и пошли. Просто пошли, как идут задумавшиеся люди. Казалось, что

они вот-вот столкнутся меж собой, но взметнулись юбки, руки, хлопнули сапоги и цыгане разлетелись в стороны, как птицы в своих небесных танцах. Но вот, будто бы вспомнив о чем-то недоговоренном, они развернулись, и пошел перестук — разговор. Постепенно он перешел в шепот и то приближался, то отдалялся, взлетал вверх и ударялся о купол шатра. Тот мелко дрожал, как дрожит от шепота тишина. Эта дрожь передавалась нам: «Ручеечек, ручеек, ах, брал я воду на чаек...»

Вдруг цыганки взяли в круг одну девушку, более светлую, чем они, затряслись, запрокидывая головы, может, ругая ее, а может, обожествляя. Цыгане встали поодаль, легонько перестукивая каблуками. А песня все лилась, сильнее, громче, шире, как и положено растущему ручейку.

Ночью мне снились ярко-красные цыгане, они плыли в своем шатре по реке, а мы бросали им большие красные яблоки. Те не долетали до шатра, падали в воду, обращались в цыган и ярко-красным пламенем полыхали на воде.

Вы когда-нибудь видели счастье? Нет. И никто не видел. Оно невидимо. Что-то коснется нас, мы вздрогнем и долго-долго неподвижным взглядом смотрим вслед улетающему прикосновению. Что было в нем, какая неведомая доселе сила заорожила мгновение? Откуда несется и куда уносится это касание, к освобождению, или в плен? Трепет счастья невидим. Но как звенит от него мир! Долго-долго, как тронутая в задумчивости струна.

Утро принесло новые заботы. Самая серьезная — это постройка новой запруды. Ночью река взбушевалась, и все наши прежние каменные постройки были сметены «шугой». Когда долго стоит жара, то тают на вершинах гор ледники и поднимается вода, а вверху, на ГЭС, открывают шлюзы, во избежание повреждений. Вырвавшись на волю, вода набрасывается на преграды, и все непрочные конструкции исчезают. Хорошо, когда «шуга» проходит ночью, днем детвора едва успевала выбежать на высокий берег реки, хотя шум приближающейся большой воды был слышен далеко. Просто ждали до последнего, чтобы потом, с высоты, смотреть, как мутный поток ворочает камни на том месте, где ты недавно стоял.

Строительство запруды велось просто. Камни укладывались друг на друга, между ними прокладывали пучки молочая. Младшие рвали растения, старшие ребята ворочали камни, чистили дно. Купаться в построенном пруду мог только тот, кто принимал участие в строительстве. Таков был закон реки. Уважительные причины не признавались. Не попавшие на строительство до следующей «шуги» купались вне пруда.

Конечно же, мы рассказали всем нашим ребятам про встречу с цыганами. Перебивали друг друга. Каждому казалось, что только он мо-

жет правильно описать увиденное. Мы еще не могли передать чувства, и потому они не вмещались в слова. После долгих повторений наших рассказов решили вечером пойти к цыганам вместе со всеми, желающими посмотреть. Увидеть то, что так трудно было нам сообщить в полноте. Чем больше мы рассказывали, тем меньше нам верили, так как наши юные слова еще не обрели впечатляющих красок, а ведь так хотелось поделиться этим теплым туманом виденного тогда. Чистые краски лишь начало рассказа, а вот умение смешать их в нужных пропорциях — начало искусства. Вот и сидели мы на камнях, у начала всех начал, и пытались доказать себе и другим, что в мире есть невидимое.

Дождавшись вечернего часа, взяв мешки, большой группой двинулись за травой. Вечером ребята становились не похожи на себя, одежда меняла привычный вид. Вечером у гор очень прохладно, в дневной форме не погуляешь. Стесненные одеждой, сами себе казались чужими. Но по дороге угловатость движений прошла, и наши языки развязались. Боялись только, что цыгане уехали. Кто-то говорил, что они воруют детей и оставляют жить у себя. Все вместе мы были бы согласны пожить у цыган, но вот поодиночке — страшновато. Вопросы, где спят и что едят цыгане, оставались без ответа. Решили, что едят они что-то цыганское, а вот где спят, было неясно. Не на улице же?

У нас на улице жил мальчишка, по кличке Солома, так он частенько сбежал из дома, строил себе на берегу реки шалаш и там обитал, а мы носили ему еду — самую хорошую, какую находили дома, потому как жалели его. Он казался героем. Еще бы, ночью жил один в шалаше. Но однажды его геройство было постыдно развенчано. Солома проспал утром дома и не успел к завтраку, который мы принесли ему в шалаш. Под нашими хмурыми взглядами он сознался, что ночует дома, а утром бежит в шалаш. Был бит с запретом появляться на реке. Жалели не еду, а утраченных мыслей о нем как о герое. Потому мы и не верили, что на улице можно ночевать.

К цыганам было рано. Почему мы так считали, не знаю, видимо, думали, что все загадочное происходит в сумерках. Нарвали яблоч, теперь лежали головами на мешках с травой и смотрели, как медленно, нехотя сжигало верхушки тополей заходящее солнце. Высоко над нами полыхали вершины гор. Это добрые великаны зажигали в своих замках свет, чтобы приготовиться ко сну. Дрема травинками покалывала тело и красным туманом заглядывала в глаза.

В этот вечер нам не суждено было встретиться с цыганами. Уже повернув к шатру, встретились с местными ребятами. Кто помнит свое детство, тот знает, что такая встреча не сулит ничего хорошего. Здесь свои правила и, главное, нужно с достоинством ретироваться. Дипломатия на таких встречах проста, как куриное яйцо. Скорее, не проста, а привычна. Драка возникает редко, но воздух дрожит ее ожиданием.

Взаимные упреки и обиды высказываются обеими сторонами, и исход встречи зависит от равновесия нанесенных ранее взаимных обид. Обмениваются словами двое авторитетных ребят, остальные наготове. Смыться — значит навсегда вычеркнуть себя из уличной жизни, окружить себя презрением. Быть побитым не значит опозориться. Закончить драку без побоев — вроде как получить ранение в спину.

На этот раз все обошлось благополучно, но к шатру нас не пустили. Назавтра была назначена новая встреча на пустыре для решения спорных проблем. Уходили, дрожа от сброшенного напряжения, освободившись от тяжести ожидания, и эта дрожь подпрыгивала внутри каждого из нас, клокотала неиспользованная энергия. Стучали зубы, и слова проскакивали сквозь этот стук оправданием непонятно чего. Мирный исход трудно было объяснить, и неиспользованную энергию изливали в словах.

На следующий день сошлись на пустыре. Условия новостроевцев: мы пускаем их купаться в наших прудах, они нас пускают через свою территорию за травой. Мы могли рвать и в другом месте, но цыган там не было. Они тоже могли купаться ниже по реке, но она в тех местах разливалась по широкому руслу и хороший, глубокий пруд там построить было нельзя. У них в районе была еще одна речка, но та протекала по земляному грунту и потому вода в ней была грязная.

В то время, о котором я рассказываю, наша река была не только местом для купания. Отсюда для питья и для других нужд брали воду, имевшую голубой цвет, в ней, как и в небе, плавали облака. По субботам женщины полоскали в реке стираное белье. Этот день был самым заполошным, а ближе к вечеру начинали топить бани. Дым плотно окутывал город уютным теплом. Сквозь него в окнах горел усталый свет, пророча людям избавление от многих еженедельных забот. В воскресные дни у всех был выходной. Еще никто не болел показухой, когда всю неделю спят, а в воскресенье начинают заводить пилораму, не давая покоя окружающим. Люди просто трудились и просто отдыхали. С утра все шли на базар, возвращались с покупками, радовали этим детей, себя, ни от кого ничего не скрывали. Жили на виду, неясностей не было. Мы, дети, росли без излишней ласки, но всегда чувствовали заботу, и даже наказания не казались нам несправедливыми. Патриархальность семейного быта была незыблема, и будущее эмансипированное поколение девчонок опасно жалось к своим заборам, завидев юных представителей противоположного пола. Девчонки исполняли работу внутри дома, на дворе всегда находилась работа для мужчин. Голубая вода плескалась в ведрах утренней прохладой, чем-то звонким тебе, поднимающемуся с ведрами по крутому берегу, улыбалось солнце. Сверкала умытая росой утренняя зелень, и мягкими, белыми облаками проплывало над головой время.

В жизни две небылицы. Одна детская — о том, что взрослым все дозволено. Другая — выдумка взрослых, что детство неразумно. Девтора, созрев, понимают несостоятельность своих мечтаний и потому перестают верить в разумность малолетства. Одолеть это разочарование невозможно, оно как невидимая трагическая линия разделяет раннюю пору и зрелость. Что такое жизнь зрелых людей — тема дискуссий. Детство же понятно лишь в свое время. Оно неразумно,— это полет, с высоты которого виден мир таким, каков он есть. Только оттуда, с этой высоты, видна доброта Земли и всего, что есть на Земле. Чем человек старше, тем его полет становится ниже, крылья мечты уже не так легки, чтобы поднять ввысь тяжелеющее бремя забот. Приземление неожиданно и не так понятно, как бы хотелось. Только мечтатели продолжают свой полет разумом ранних лет, неприятием зрелости. Их любят дети, окружающие считают чудачками, но завидуют их продолжающемуся полету. И что сделаешь, если память уносит вас ввысь и парит над местами, где маленькие люди добры и доверчивы, над особенным местом, где жизнь была разумна своим единственным желанием стать огромной. Огромной, как мечта, несущая свободу.

Открываются ставни окон, и голубой рассвет выпрямляет углы стен, предметов, раздвигает пространство комнаты. Мгновенно исчезают сновидения, и только темная полоска приоткрытой дверки шкафа дрожит от их вторжения. Ночью прошел дождь, и улыбки умытых им листьев заглядывают в окна. После дождя утренний свет становится сиянием. Деревья отрываются от холодных капель, и маленькие радуги вспыхивают меж ветвей, как удивительные украшения. Утро не ярко, оно звонко. Сияет и звенит все окружающее вас. Мокрая трава переливается под солнцем, кажется ненастоящей, остекленевшей, будто из сказки о замороженном царстве.

Вот река. Она течет далеко внизу своим руслом, промытым бурными, часто меняющими свое направление потоками воды. На склонах глубокого русла реки давно поселились в своих домах люди, и только «шуга» пугает их жарким летом, когда раскаляются под горячим солнцем спины речных камней, а снег лавинами сходит с горных склонов, тает, наполняя реку ликующим восторгом силы. Эта безудержная, дикая сила подмывает берега, грозит заполнить водой свои бывшие владения. В такие дни по вечерам на берег реки выходят люди и молча смотрят с крутого берега на взбешенную воду, слушают грохот перекатываемых камней. Что-то кричат друг другу, но грохот реки перекрывает все звуки, уносит их за собой. Старожилы города еще помнят наводнения, когда река выходила из берегов, сносила единственный мост, выносила на улицы огромные камни, которые рассыпаны по берегу до сей поры. Но за долгое время своих летних безумий вода промыла огромное, глубокое речное русло, из которого теперь ей не уда-

ется вырваться. Она ревет, красивая и сильная, но уже не такая страшная для людей в глубине своей прочной природной огады.

Бывало, что «шуга» бушевала неделю, а то и больше. В такие дни мальчишки слонялись по берегу реки, не обращая внимания на предупреждения взрослых. Нрав своей реки мы знали лучше всех, да и какой дурак полезет в такую воду, если увесистый камень, брошенный в реку, начинал грохотать о дно метров через 30—50 вниз по течению. Так что мысли были вполне безопасны для нас. Сады в такие дни не привлекали, яблоки во множестве росли и спели в своем саду у каждого. Река была нашим прибежищем. Дом был затоплен, и нести добычу нам было некуда.

Вечер приносил удивительные минуты наших встреч с тайной, из-за которых мы торопили день. Теперь уже все пацаны в округе знали о цыганах и не раз бывали на «концертах». Увлечение стало массовым, как кино. Кино в то время было вперемежку — немое и звуковое. Немое — это Чарли Чаплин, звуковое — от «Чапаева» до «Фанфан-Тюльпан». Первыми фильмами мы жили, назначение последнего понимали слабо, но ходили на все. Мальчишек пускали бесплатно, с местами на полу. Кинопрокат того времени работал над зрительной памятью публики с аккуратностью педанта. Одни и те же фильмы показывали неделями. Запоминалось каждое слово, каждое движение героев, да и негероев тоже. Импровизированные театры памяти возникали днем с нашим участием на полянах, на прудах. Говорили словами героев фильмов, двигались движениями Чарли Чаплина, а потом вновь шли в кино, жалели чудака Чарли и не хотели, чтобы тонул Чапаев.

Цыгане, сколько бы мы ни смотрели их жизнь, песни, танцы, не запоминались. Ни движения, ни звука, увиденного и услышанного у шатра, никто из нас не мог повторить. Вроде все было просто, но начинали вспоминать, и получался хаос. Содержание звуков, движений понималось, но законченности в нашем подражании эти формы не обретали. Это было хаотичное движение фантазии природы, не имеющее окончания. Воссоздать можно только завершённое действие. Закончить что-то бесконечное — значит оборвать. Но мы могли еще только продолжать и, продолжая, боялись что-нибудь прервать.

Цыганская семья разрасталась. Видимо, приезжали откуда-то. Днем цыгане сутились в близлежащих, наспех построенных домах, но по вечерам собирались к шатру. Шатер был их отчим краем, все остальное — путь к ней. Где цыганская родина? Куда только не уносила нас фантазия нашего детства! Были острова, где живут только птицы и цыгане, в сущности своей тоже птицы. Была даже целая планета, цыганская планета, какая-то очень далекая, но обязательно разноцветная.

Почему она должна быть разноцветной, яркой, мы не знали, но спорили из-за этого отчаянно.

В этих наших юных наблюдениях нас поддерживала бесконечная доброта природы, краски ее благодущия — для любого желающего видеть эту добрую красоту. И наши чувства трепетали от этой живой красоты.

Планета детских снов. Близкая и в то же время, далекая. Знакомые лица, события, места, подхваченные мечтою, уносятся песней, слышанной где-то, но, может быть, еще не спетой. Утренний свет долго-долго дрожит, возвращая нас к действительности.

Планета мечты существует всегда. На ней собирается все лучшее, виденное и выдуманное. Там живут и река, и сады, и друзья. Главное, что там можно все это объединить и, не смешивая, соединить с собою.

Наступила осень. Еще не желтыми листьями, а началом школьных занятий. Фантастическую свободу постижения сменило познание реального мира, остановленного гениями в словах, знаках, заключенного в книгах любимых и не очень. Время в своем движении как бы разделилось. Невыносимо долгое время занятий в школе, и быстро исчезающий остаток дня вне их. Запакованные в новые одежды, порой одинаковые, мы при встрече даже стеснялись друг друга и разговаривать стали иначе, серьезней, что ли.

Лето, цыгане — все это казалось теперь нереальным и даже не прошлым, а еще не сбывшимся. Так бывает, когда заканчивается пространство любимого, дорогого, но расставаться не хочется и представляется все это будущим. А оно всегда создается нами из прошлого. Из чего же еще можно создать его, больше ведь ничего не было. Хорошо, когда нужно до чего-нибудь дожить.

Густел натруженный день. Сумерки останавливали движение предметов, приглашая ко сну. Осенью затихали мальчишеские распри, многие ходили в одну школу, да и спорить было не о чем. Мы давно собирались сходить к цыганам, но не хватало времени. И вот сегодня мы отправились туда. Посмотреть немного, и назад. Дома на новостройке стали настоящими и теплели светом окон навстречу нам. Поворот, еще поворот. Сумрак дрожал, ослепленный горящими окнами он никак не мог собрать вместе свои частицы, чтобы стать темной. И вот мы в растерянности стоим на пустом месте. Ни шатра, ни цыган, и только трава, выросшая под помостом, темнела в сумерках растянутым прямоугольником. Пустота еще не совсем освоилась здесь, и призрак шатра блуждал в ее пространстве. Призрак нашего ожидания не хотел мириться с утратой и воссоздавал потерянное нечетким видением в нашем воображении. Потом стало пусто и темно. Мы долго стояли перед исчезнувшим временем, на которое стали взрослее.

Ляман БАГИРОВА

г. Баку, Азербайджан

Родилась 6 августа 1969 года в Баку. Филолог-русист. Зав. сектором новых книг в отделе национальной библиографии Национальной библиотеки Азербайджана. Публикуется в газетах, альманахах, журналах и в электронном журнале «Школа жизни». Член СП Азербайджана и РСП. Издано 4 книги рассказов. Лауреат конкурса «Белая акация» (2015, номинация «Литература»). Удостоена диплома и премии Посла России в Азербайджане В. Дорохина «За творческий вклад в поддержку и развитие русского языка и литературы в Азербайджане». Лауреат 1-й степени в конкурсе «Русский Гофман» (2017, «Малая проза»). Финалист литературного фестиваля «Центр Европы» (2017, Полоцк). Лауреат 1-й степени Международного литконкурса «Большой финал» (2016—2017, «Малая проза») Финалист конкурса «Славянское братство» (Болгария). Дважды в золотой двадцатке сервера Проза.ру (2014). Автор лит. сайта «Фабула». Рассказ «Попутчик» отмечен в номинации «Триумф короткого сюжета».

ДОЛЯ

*Чем печальней и чем безнадежнее
Одиночества тусклые дни,
Тем все ярче забытое прежде
Зажигает в тумане огни.
Позади, сквозь сиянье вечернее,
Мне пройденную видно межу.
Все спокойней и все легковвернее
Я на будущий путь свой гляжу.
Оттого сердцем, жизнью раненым,
Мне умерших мгновений не жаль,
Что в былом, как в стекле затуманенном,
Отразилась грядущая даль.*

Поликсена Соловьева

Пробуждение от сна было внезапным и неприятным. Ярин повернулся на другой бок, желая схватить во сне серую козу с колокольчиком на шее. Но коза лукаво усмехнулась ему, взбрыкнула грязными копытцами и умчалась, звеня колокольцем. Только услышав из ванной визгливые крики жены: «Не слышишь, что ли?! Открой!», он окончательно понял, что веселая коза была во сне, а колокольчик — всего лишь требовательный звонок в дверь.

— Вам телеграмма! Распишитесь! — Пожилая почтальонша смотрела на него буднично и сурово.

Задрапированный в простыню, как римский император в тогу, Ярин расписался на бланке, просипел «спасибо» и принялся вертеть в руке телеграмму.

«Буду 2-го. Встречайте. Доля»

— Какая Доля? — Ярин недоуменно посмотрел на вышедшую из ванной жену.

— Ой! — с головы жены слетело полотенце.— Доля же звонила 10 дней назад. Говорила, что наверно приедет на пять дней. Я забыла сказать.

— Какая Доля?! — Ярин не любил просыпаться рано, да еще будучи в отпуске, и начинал выходить из себя.

— Сядь,— вздохнула жена, и Ярин понял, что разговор затянется.

— Помнишь, у нас на свадьбе был мамин троюродный брат Женя. Незрячий от рождения. Помнишь?

Ярин был здоровый крепкий мужик 39 лет, любое упоминание о немощи было ему неприятно. К счастью, и жена Рита была крупная, пышная, дородная женщина, от нее веяло уверенностью и покоем. И никаких увечных родственников Ярин не помнил, тем более что свадьба состоялась 12 лет назад, и в семье уже подрастали два сына-близнеца.

— Ладно, не помнишь, так и Бог с ним. Он умер три года назад. Царство небесное, хороший был человек, беззлобный, и очень начитанный. А все потому, что у него была чтица Дарья Викторовна. Святая женщина. Ему шесть лет было, когда ее в семью пригласили. Она все ему читала, уроки с ним делала. С ее помощью он и школу окончил, и институт. И так привязалась к нему, что потом и денег за свою работу не брала. С ним и осталась, и ухаживала за ним как мать. И ее как члена семьи уже принимали. Своей семьи у нее не было. А теперь, она вроде как одинокая тетушка, с кучей племянников, то есть всей нашей родни. То к одному поедет погостить, то к другому. И очень вежливая, никогда без подарка не придет. Вот теперь к нам решила. Я маленькой ее помню. Ей тогда чуть больше сорока было.

— А теперь под восемьдесят? — Ярин злился над нелепостью ситуации, над тем, что ему не дали поспать, и вообще на то, что отпуск скоро заканчивается, а в доме еще массу вещей надо сделать по мелочи.

— Где-то около того,— жена не уловила иронии в вопросе.— Да, и на свадьбе нашей она тоже была. Только они с Женей видно в дальнем углу сидели, ты поэтому не помнишь. Но они к нам подходили, поздравляли. И потом как-то приходили вместе, подарили чайный сервиз. Зеленый, с золотыми полосками. Он на старой квартире остался.

Не вспомнил? Ну, ладно. В общем, ты ее встретишь, пусть располагается в гостиной или в детской. Хорошо, что мальчишки в лагере.

— Не понял! Кх-х! — Ярин от удивления даже поперхнулся. — Что значит — «ты встретишь»? Аты?

Рита повернулась к нему всем корпусом и выкатила глаза.

— Ты, вообще, что-нибудь помнишь? У меня 31-го командировка. Или мне работы лишаться?

Рита работала в фирме медицинской косметики и неплохо зарабатывала. Ярин преподавал сценическую речь в театральном институте и его зарплата была гораздо меньше жениной.

— Хорошее дело! — Ярин даже зашелся от гнева, что с ним бывало редко! — Ты куда-то в тьму-таракань уедешь, а я тут незнакомых старух принимать буду! Твоих, кстати, знакомых, не моих!

Но и жена была не робкого десятка!

— Ярин! — в решающие минуты она обращалась к нему патетически по фамилии. — Ты меня, вообще, слышишь? Уменя командировка важная. Если я не поеду, то в зарплате урезать могут, или вообще уволят.

Ярин не привык спорить с женщинами, тем более с такими крупными и дородными, как его жена. Сам он вырос в семье, где царили одни женщины — мама, бабушка и тетя. Все они были большими, громогласными, и авторитет их был непререкаем. Но от них веяло стабильностью и покоем, и он был рад, что жена его похожа на них.

— Почему ты не сказала заранее? Куда приезжает? И почему Доля? Что за имя такое? — спросил он более миролюбиво.

— Забыла! И так как белка в колесе целыми днями кручусь! На автовокзал. В 14.15. Да, не кипятись. Нормальная бабка. Из бывших. Отец у нее, кажется, царский полковник или даже генерал был. В общем, вся семья такая цирлих-манирлих. А Доля, потому что ее в нашей семье Долли называли, ей нравилось так. Женька маленький не мог выговорить, и переделал в Долю. Так и прижилось. Но божий одуванчик старушка. В жизни никому грубого слова не сказала. Кстати, тебе полезно с ней пообщаться. Речь у нее — заслушаешься! И по-французски говорит, если, конечно, сейчас помнит.

— Благодарю! — съязвил Ярин. — А я все думал, не выучить ли мне французский на досуге! — Всю ночь какая-то коза серая снилась, спал спокойно, и тут с утра — пожалуйста! Хорошо, хоть Доля. А то Долли — собачье имя какое-то.

— Очень смешно! Ладно, Вольдемар, — жена перешла на игривый тон. — Не бойсь! Коза снится к переменам в жизни. Холодильник я вам заполню. Пельмешек наверчу, борща сварю. С голоду не помрете. Она неприхотлива, и очень воспитанная. Не соскучитесь!

Через четыре дня Ярин ехал к автовокзалу. Рита уже укатила в командировку, напутствовав мужа целым списком рекомендаций и ин-

струкций. Из них Ярин запомнил только первостепенные позиции: то, что старушеницу зовут Дарья Викторовна, что она высокая и худощавая, что носит очки с сильной плюсовой диоптрией и говорит, грассируя.

На автовокзале все инструкции полетели к черту! Людей было как кроликов в садке! Все куда-то спешили, шныряли, торопились, летели, толкали друг друга, ругались и кричали. У Ярина, привыкшего к размеренному образу жизни и определенному маршруту: дом-институт-прогулки в сквере перед домом и изредка вылазки в лес на тихую охоту, зарябило в глазах и разболелась голова.

Он не сразу приметил одиноко стоящую у газетного ларька высокую женскую фигуру. Слева к ларьку была прислонена какая-то обломанная деревяшка, видимо от старой мебели. Женщина держалась за нее и растерянно озиралась по сторонам.

— Здравствуйте! — Ярин подошел решительно, уж больно женская фигура гармонировала с обломанной деревяшкой.— Вы Дарья Викторовна?

Женщина повернулась, заморгала сильно:

— Да. А вы Владими`р, муж нашей Р`иты?

— С приездом, Дарья Викторовна! Давайте вещи, и к машине!

— Да у меня немного, Володя. Вы позволите себя так называть? Вот только две сумки. Ой, что вы, не утру`дняйте себя. И называйте меня просто — Доля.

В машине старушка долго суетилась, размещая сумки, которые почему-то не захотела класть в багажник. И все извинялась, что доставляет Ярину ненужные хлопоты и «утрудняет» его. И при этом так заискивающе смотрела ему в глаза, что Ярину становилось неловко и тоскливо.

«Да, нудный экземпляр. Держись, брат Вольдемар, тебя ожидают славные дни! Хитрая Ритка, как у нее так получается, вроде бы и не виновата, а все равно вывернулась, а мне отдуваться. Принесла же эту бабку нелегкая».

— Ой, как неве`роятно изменился го`род! Боже, а этого моста не было! Когда его постр`оили? Я была тут так давно, как все пе`ременилось! Ст`рашно сказать, сколько лет живу в поселке. Но, вы знаете, Володя, запах, а`ромат го`рода остался п`режним! Да! Пахнет так же, как в моей молодости — от мостовой запах осенних яблок — такой п`ряный, сладкий, чуть с гнильцой! Как хо`рошо! Боже мой, скве`р, мой любимый скве`р!

Ярин почувствовал глухую досаду, словно у него заболели зубы. Мостовая пахла обычно: нагретым асфальтом, по́том бесчисленных прохожих, бензином, выхлопными газами. Для того, чтобы уловить во всей этой мешанине тонкий аромат осенних яблок, надо было обладать очень сильным обонянием. Или воображением. Старушка восторга-

лась буквально всем: детям в парке, нелепым новомодным бронзовым памятникам, пиццериям, шашлычным, кафешкам, магазинам, женщинам в яркой одежде, прохожим с собаками, подросткам на роликах, фургонам со свежим хлебом. Все было в поле ее зрения, скорее душевного, чем физического. Она словно дала себе задание восхищаться и исправно выполняла его.

И внешность ее вызывала какое-то странное чувство. Словно бледный лепесток увядшего цветка, дрожащий сильнее, перед тем как сорваться.

«Перед смертью не надышишься». Ярин вспомнил, что его собственная бабушка, женщина недожинной силы, приговаривала это, когда рубила курам головы. Куры отчаянно трепыхались, стараясь вырваться, но это им никогда не удавалось. Ярин наблюдал за бабушкой не то с ужасом, не то с восхищением. Она была отменной хозяйкой, не просто кулинаркой, а Хозяйкой с большой буквы. В ее подворье были и куры, и гуси, и два невероятно злобных индюка с противными шеями. Ярин ненавидел индюков, они всегда норовили схватить его, маленького, за ногу и вечно косились на него яростными оранжевыми глазами. Но бабушка не торопилась их резать, берегла до Нового года. А кур было много, и бабушка ловко управлялась с ними. Для нее природа была открытой книгой, жизнь и смерть плавно заступали на место друг друга, поэтому бабушка одними и теми же руками спокойно разделывала зарубленную ею птицу, а через несколько минут гладила крохотных, недавно вылупившихся цыплят.

И вот сейчас такое же беспокойное чувство. Сидит эта мадам (или мамзель), в платье цвета стародевической невинности, то есть сильно помытого розового, щебечет, грассируя, о том, что все прекрасно и великолепно. А глаза за толстыми стеклами тревожные. Будто хочет сказать что-то и не может.

— Ах, как у вас к`расиво! — восторг бабки, поутихший на подступах к дому, принял новые обороты, едва они вошли в квартиру. — Боже! Синяя ванная! Цвет тайны и муд`рости! Волшебно! О!!! Кухня в любимых Р`иточкиных тонах — шоколад, сливки и земляника! Слушайте, это так чудесно, что, п`раво, хочется съесть саму кухню! Ха-ха-ха!

Ярин, яростно споривший с женой во время ремонта по поводу темно-коричневых стен, светло-бежевого пола и ярко-красной мебели в кухне, пробормотал нечто неопределенное. Но, надо признать, кухня и впрямь получилась «вкусная».

— Сейчас накроем на стол! Кухню есть не придется. Посмотрим, что Рита оставила.

— Как? Старушка растерянно посмотрела на него. — А р`азве Р`иточка не будет с нами?

— Дарья Викторовна, — взял терпеливый тон Ярин, — Рита срочно

должна была уехать в командировку. Работа — сами понимаете. А дети в лагере с бойскаутами. Вы просто поздно предупредили, что собираетесь приехать. Если бы хоть на месяц раньше — все можно было бы переиграть.— Ярин вдохновенно врал, естественно, дети уж точно не согласились бы отказаться от веселых каникул с бойскаутами ради неизвестной старухи.

— Бой... Простите, я не поняла.

— Ну, это вроде как пионеры. Пожалуйста к столу, Дарья Викторовна! — Ярин был сама учтивость.

За столом продолжилась та же история. Доля шумно восторгалась и малиново-огненным борщом в мраморных прожилках сметаны и голландским сыром, и салями, и хлебом, и острым маринованным перцем в стеклянной вазочке, и фирменным Ритиным салатом из чернослива с чесноком и орехами в майонезе. Закатила глаза на бутылку «Шардоне».

— Ах! Ну, это п`росто лукулловский пи`р! Нет, погодите, я неп`ременно должна выложить и свои гостинцы!

— Вот! Это от нас вашему столу! — Доля торжественно водрузила на стол разноцветные баночки.— Ва`ренья! Это малина, сама соби`рала, это к`рыжовник,— она ткнула пальцем в банку с чем-то ярко-зеленым.— Видите, какое изум`рудное? А что за со`рт не скажу — сек`рет! Это лечо, это перцы начиненные. Я специально подби`рала р`азных цветов, чтобы как светофо`р к`расиво было. Все свое домашнее, чистое!

Старуха глядела светло, и столько мольбы было в ее взгляде, что у Ярина на мгновение перехватило дыхание. Потом он вздохнул и улыбнулся. Долгая практика в театральном институте и врожденная артистичность натуры пришли на выручку.

Через несколько дней Ярин убедился в справедливости другой поговорки своей бабушки: «Первый день гость в доме — счастье, второй — доука, а третий — несчастье». Доля болтала без умолку и ее изящное грассирование и французский прононс уже не пленяли, а изрядно раздражали. Кроме того, она вбила себе в голову, что Ярин нуждается в ее заботе и помощи и предлагала их с несвойственной для восьмидесятиоднолетней дамы прытью. Ярин заставлял предприимчивую старуху то на кухне с Ритиным миксером в трясущихся руках. Видите ли, она хотела испечь ему на утро яблочные оладьи. Оладьи получались, но потом Ярину приходилось чинить миксер и отмывать плитку от брызг. То считала нужным вытереть пыль, протереть влажной тряпкой кресла и диван и перемыть полы во всем доме, после чего Ярин не мог найти любимой зажималки и очков, на полу оставались разводы, а кресла и диван были влажными и неприятно холодными. «Вернется Ритка,— клял в душе жену Ярин,— дождется у меня, ой, дождется! Я ей покажу, как мужа подставлять!»

Актерское умение жить в предлагаемых обстоятельствах стремительно иссякало, и Ярин злился на жену, детей, себя, старушеницу и весь мир.

К концу четвертого дня раздражение достигло апогея. Доля, то и дело смахивая слезу, с упоением рассказывала о незабвенном Женечке. О том, каким он был чудным мальчиком, как хорошо учился, внимательно впитывал то, что она ему читала. «А пе`речитали мы п`рактически всю классическую ми`ровую лите`рату`ру. А как он любил Р`ема`рка! Обожал «Т`риумфальную а`рку». Я несколько р`аз ее пе`речитывала. П`равда там было несколько отк`ровенных моментов. Мне всегда неловко было их озвучивать».

Ярин, испугавшись, что старухе придет фантазия анализировать драму героев «Триумфальной арки», поспешил ретироваться.

— Доля, мне нужно отлучиться на некоторое время.— Старуха взметнула на него умоляющий взгляд.— Я в магазин. Вам нужно что-нибудь?

— Да, неп`ременно. Возьмите овсянки и молока. Я завтра вам кашу сварю. Уве`ряю вас, такую кашу вы никогда не п`робовали. Я буду варить ее по маминому ста`ринному р`ецепту с п`рянностями и медом. Я заметила, что вы неп`равильно питаетесь. вы еще молодой мужчина. Зачем вам в ста`рости п`роблемы с желудком? Неп`ременно на завт`рак надо есть теплую обволакивающую пищу, чтобы п`риготовить желудок к новому дню. А вы что делаете? Заг`ружаете его та`ртинками.

— Чем?

—Та`ртинками, до`рогой д`руг. Ибо, буте`рб`родами называется только хлеб с маслом. А то, что вы п`редпочитаете — хлеб с колбасой, ветчиной и п`рочее — это п`росто та`ртинки.

— Благодарю вас, Дарья Викторовна! Буду знать!

Ярин шаркнул ножкой, но старуха, поглощенная новыми восторгамми по поводу яркого заката, не заметила его язвительности.

«Завтра последний день! Господи, дай мне сил! Последний день — он трудный самый! Завтра к вечеру провожу бабку на вокзал, посажу в автобус и — гуляй казак! Свобода — лучшее благо, или как там говорил Вольтер?» За четыре дня Ярин немало наслушался цитат и изречений на французском. «Господи, вот дал же ты энергию этому существу! Кто такое, что такое, дунешь — улетит, а туда же шебуршится, лопочет без устали, ни минутки не посидит спокойно. А в молодости, видно, ничего была, кожа у нее и сейчас не слишком морщинистая, белая, и фигурой тоже Бог не обидел — статная. Интересно, был у нее кто-нибудь когда-то, или так всю жизнь с Женечкой и просидела?»

В магазине Ярин взял масла, ветчины, шпротного паштета. Потом подумал, вернулся и добавил к покупкам овсянки и молока. Последний день остался, совестно огорчать старушку.

— Ну, вот, Доля,— Ярин постарался придать голосу задушевные нотки.— Все ваши заказы выполнены. Вот овсянка, вот молоко.

— Спасибо, Володя,— она даже имя его произносила на французский манер. Получалось не Володя, а как бы *Во*,— а потом с небольшим усилением,—*льедя*. И от этого было смешно и немного грустно. Словно старуха перекаtywала в гортани маленький шарик изо льда, и этот шарик стремительно таял.

«Что это с нею? Молча взяла свертки, пошла на кухню, не тарахтит как обычно. Приболела, что ли? Только этого еще не хватало!»

— Доля, а что это с вами? Вдруг погрустнели. На вас не похоже.

— Спасибо, милый друг. Нет, все хо`рошо. Жаль только, Р`иточку и детей повидать не п`ришлось.

—Ну, что вы. Просто так получилось. В следующий раз непременно повидаетесь.

— Конечно, Володя. Конечно, повидаемся. Надоела я вам за это время, вы уж простите великодушно.

— Доля, мне ваше настроение решительно не нравится. Что случилось? Откуда вдруг такие мысли? Может, неважно себя чувствуете?

— Нет, Володенька. Я очень р`ада была вст`рече. Вы пода`рили мне дивный отдых. Масса впечатлений, масса!

Ярин почувствовал легкий укор совести. За все это время ему и в голову не пришло спросить старуху о ее жизни, об отце — полковнике или генерале, о том, что она любит, что помнит. С ее-то словоохотливостью, может, она и ждала этих расспросов. А самой было неловко первой начать. «Цирлих-манирлих» — вспомнил Ярин слова жены.

Да и по чести сказать, когда же ему было задавать вопросы? Доля тарахтела без умолку, но именно о том, что в данную минуту попадало в поле ее зрения. Тут она начинала восторгаться. Да еще тема Жени. Пожалуй, единственная тема из прошлого, на которую она не могла не распространяться. Но никогда ни о чем больше!

— Я по`раньше лягу сегодня, Володенька. Завт`ра много дел. Вещи соб`рать, приб`рать в комнате.

— Доля, что там прибирать? Вы же сама чистота. Завтра мы с вами ходим на выставку коврового искусства. Недавно открылась в Музее искусств. Потом в ресторан — вы не против?— потом еще погуляем, а уже потом на вокзал. Да, вот Рита велела вам передать.— Ярин открыл шкаф и вынул небольшой пакет.— Это халат банный, мягкий, Рита сама выбирала для вас.

— Милая девочка! — Доля всплеснула руками.— Какое чудо!

Халат был, действительно, красив — большой махровый в серо-голубых и фиолетовых разводах. Но, пожалуй, слишком тяжел для старухи. На самом деле, год назад Рита купила его для себя, но потом почему-то он ей не понравился, и халат так и лежал в шкафу и ждал

своего часа, чтобы быть проданным или подаренным кому-то. Вручение халата тоже составляло один из пунктов инструкции жены.

— Зачем она так ут`рудняла себя? — Доля вытирала ладонями глаза, всплескивала руками, трогала халат, как невиданного и очень ценного пушистого зверя. Ярин был рад, что к бабке вернулась ее прежняя говорливость.

— Это такой до`рогой подарок. Такой до`рогой,— бормотала она.— Merveilleux! (прекрасный). Superbe! (изумительно!)

«Ну, пошла молоть мельница»,— Ярин вновь почувствовал глухую досаду.— Теперь он даже жалел, что начал интересоваться настроением старухи. «Шла себе спать, нет, надо было тебе расспрашивать».

— Только, Володенька, если можно, давайте не пойдем на выставку. А, если вас не ут`руднит, поедем на Восьмую Наго`рную. Это последняя остановка вто`рого т`рамвая. Он ведь ходит еще?

Ярин присел от неожиданности. Ни Восьмой Нагорной, ни трамвайных линий в их городе давно уже не было.

С трудом удалось выяснить, что Доля имела в виду один из самых отдаленных уголков города. Там где еще сохранились старые двухэтажные домишки, и полуразрушенные трамвайные линии, заросшие бурьяном.

«На машине придется»,— подумал Ярин. По дороге на автозаправку заехать, бензина не хватит. С чего ей вдруг приспичило? Да ладно уж, последний день».

Ночью Ярин несколько раз просыпался. Было слышно как старуха беспокойно ворочается, кричит, и что-то тихо бормочет по французски.

— Доля, все в порядке? Может, вам что-то нужно?

— Нет, все замечательно. П`ростите, Володенька, р`азбудила вас. И ночью вам покоя от меня нет.

Наутро Доля была говорлива как обычно, шумно восторгалась и овсянкой, и молоком — «Какие ароматные, сразу видно, что свежие!», но Ярин почувствовал за этой трескотней напряжение. И глаза были как в первый раз — тревожные. Будто хочет что-то сказать, а не может.

Ехали долго. Доля вертела головой по сторонам, вновь восхищалась новыми зданиями, проспектами, улицами, магазинными вывесками, женщинами в ярких нарядах, красивыми машинами, россыпями фруктов и овощей за стеклами витрин.

«Еще немного, еще чуть-чуть»,— подбадривал себя Ярин, пытаюсь совместить три вещи: не спускать глаз с дороги, улыбаться Доле и отвечать на беспрестанные ее вопросы.

Бывшая Восьмая Нагорная, по сути, представляла собой большой пустырь, заросший бурьяном и одичавшими олеандрами. Видно было, что когда-то здесь кипела жизнь. Олеандры были высажены в шахмат-

ном порядке по обеим сторонам улицы: белые, темно-малиновые и розовые. Венчали аллеи сосны и тополя. Увы, сейчас от этого великолепия не осталось и следа. Только два — три чахлых соцветия на олеандровых кустах указывали на их цвет, а сосны и тополя давно были съедены вездесущим плющом.

«Тут, наверно, и не живет никто,— Ярин вглядывался в покосившиеся балконы, в черные провалы окон.— Переселили людей. И правильно. Давно пора эту рухлядь сносить».

— Вот здесь. Будьте добры.— Доля была серьезна, и в лице ее не было ни кровинки.

Ярин въехал во двор маленького двухэтажного дома. Жизнь давно уже ушла из него, плющ покрыл ступени подъездов, расползлся по красно-желтым, осыпающимся стенам.

— Стоит. Живая моя,— старуха подошла к небольшому кривому дереву. Оно росло в отдалении, перед четвертым, последним подъездом дома. Ярин не заметил его сразу.

— Стоит,— повторила она трясущимися губами и погладила темно-серую кору.— Вот и повидались,— она прижалась головой к дереву и застыла.

Через несколько минут она отошла от дерева — прямая, высокая, с плотно сжатыми губами.

— Мы в этом доме жили, Володенька. И это дерево чуть не с рождения помню. Мы с него детьми съезжали, как с горки. Мама пирог с грушами пекла и варенье варила. А я, когда зимой болела, то из окна все на эту грушу смотрела. Вон наше окно, на первом этаже.— Доля махнула рукой в сторону черного, полускрытого плющом провала.— А еще няня учила молиться перед сном, чтобы жизнь и здоровье Бог послал папе, маме, младшему брату Антоше и маленькой сестре Милочке. Так над этой грушей всегда светила яркая звезда, будто елочная игрушка. Я, на нее глядя, молилась.

— А потом, когда папу арестовали, так он, перед тем как уйти, постоял чуть-чуть около нее, погладил кору, а потом ушел, не оборачиваясь. Мы в окно все видели.

Потом за мамой пришли. Она тоже, когда уходила, замешкалась немного около дерева, веткой волосы ее зацепило. Потом ушла. Домой они не вернулись.

— А вы? — спросил Ярин почему-то шепотом.

— Нас в разные детские дома, а няня умерла вскоре. Брат и сестричка погибли тоже. Это я потом узнала. Поедем, Володенька?

Всю обратную дорогу старуха молчала и только покачивала головой, словно удивляясь чему-то. В кафе ехать она отказалась и повеселела только на вокзале.

— Ну, вот и все,— говорила она бодро, удобнее устраиваясь в кресле автобуса.— Теперь уже вы ко мне приезжайте. Рита знает как

найти. Жаль, не удалось увидеться. Спасибо за дивный отдых, Володенька.

Ярин разместил ее сумки в багажном отделении, чмокнул холодную старческую щеку, помахал вслед отъезжающему автобусу, и через полчаса напрочь забыл о Доле.

До приезда жены оставалось еще три дня, и можно было бы с чувством выполненного долга наслаждаться ничегонеделанием.

Первая ночь прошла восхитительно. Никто не верещал, не трещал и не восторгался. Блаженная тишина была разлита вокруг. Ярин спал как младенец. Дом, милый дом!

Во вторую ночь Ярин проснулся от неясного чувства. Будто что-то должно было произойти, и он, Ярин, стоял на пороге этого открытия.

«А ведь она прощаться приезжала, — осенило его. — Эх, ну и дурак же я! Поэтому и стрекотала, заговаривала себя. А глаза такие умоляющие были. И Ритка, Ритка, хороша, нечего сказать. Халатом откупилась. Всю жизнь Доля их семье отдала».

Первым стремлением его было первым же рейсом поехать в маленький поселок, где жила Доля, и разузнать, все ли в порядке.

Но Ярин никогда не следовал сиюминутному велению души. Надо было все хорошо обдумать, дожидаться жены и детей.

«Вместе все поедем. Подарков привезем. Старуха обрадуется», — и, радуясь удачному решению, он нырнул под одеяло и вскоре уснул.

Следующий день прошел в заботах. Надо было привести квартиру в порядок к приезду жены.

— Ну, что очень утомила тебя Доля? — Рита выглядела уставшей, но довольной, поездка оказалась удачной.

— Нет, занятная дама. Даже интересно с ней было.

— Ну, а я что говорила? Сама деликатность — лишнего никогда ничего не скажет, стесняется загрузить.

«Ут`рудить» — вспомнил Ярин и усмехнулся.

— Слушай, надо бы как-нибудь к ней съездить. Она так расстроилась, что не застала тебя и детей. По правде говоря, свинтус ты хороший, подруга дней моих суровых, супруга милая моя!

— Чего это я свинтус? — шутливо надула губы Рита. — Когда ездить? Ты мне объясни — когда? Я работаю как вол, отпуск только четырнадцать дней, и прикажешь их в деревне проводить с милыми сердцу рассветами, закатами и пастушескими трелями по утрам?! Дети вообще не поедут, взвоют через полдня, что в город хотят, к друзьям, а ты понудишься два дня от силы и тоже домой согласишься. Я не права? Ну, хорошо, как-нибудь в выходные съездим. В ближайшее время не получится, в следующем месяце выберемся.

На том и порешили. И обоим стало весело и спокойно, как может быть спокойно только любящим и чистым сердцем людям.

Через неделю вернулись близнецы. Окрепшие, подросшие, исцарапанные, но веселые, пропахшие дымом костра. Перебивая друг друга, рассказывали о летних приключениях. Надо было собирать их к школе, да и Ярин двадцать шестого августа вышел на работу. И коллеги нашли его весьма отдохнувшим и посвежевшим. Надо было составлять учебный план на следующий год, готовиться к институтским будням.

А еще через месяц пожилая почтальонша с будничным и суровым взглядом принесла им телеграмму, где кратко сообщалось, что накануне в поселке скончалась Вересова Дарья Викторовна, или попросту Доля.

Послесловие: рассказ посвящается светлой памяти великого артиста Ростислава Плятта с благодарностью, любовью и благоговением.

Людмила КОЗЛОВА

г. Бийск Алтайского края

Стихи и проза публиковались в центральной, региональной, местной печати и за границей (Дания, США, Канада, Венгрия, Украина, Белоруссия). Награждена специальным Дипломом Берлинского литературного института за развитие культурных связей между Россией и Германией и участие в совместных литературных проектах. Лауреат международного литературного конкурса «Лучшая книга года» — 2014 и 2017 (Германия, Берлин — Франкфурт). Победитель Краевого издательского губернаторского конкурса — 2009 и 2015 г. Призер международного литературного конкурса «Аленький цветочек» им. С. Т. Аксакова (2018 г). Лауреат премии им. С. Михалкова (2008 г). Лауреат многих краевых литературных премий, в т. ч. им. В. М. Шукшина. Автор многих книг прозы и поэзии. Член Союза писателей России.

МАТРИЦА МЕБИУСА (старая история на новый лад)

*Когда-то Бог, играя, создал роботов.
Самосовершенствующиеся роботы
миллионы лет назад убили Бога,
чтобы завладеть его Душой
и стать равными Ему.*

Оракул

1.

Прошли, пролетели, прошумели миллионы лет. Природа — совокупность саморазвивающихся программ-роботов — все еще хранила память о Боге и его самой главной, самой загадочной части — Душе. Когда роботы убили Бога, они долго сканировали его тело — искали

Душу. Но ее уже не было. Прозрачной птицей, хрустальным голубем вспорхнула она и улетела, невидимая, ввысь, превратилась в летучий ветер. В то, что нельзя поймать. А значит, нельзя изучить, понять и использовать. Роботы искали чип, но его не оказалось.

Анализ произошедшего показал, что Бога больше нет. Вернуть все в исходное состояние невозможно. Чтобы иметь Бога, его теперь нужно *создать*.

2.

Решение было принято: создать Бога — по Его образу и подобию. Тогда робот Конструктор приступил к монтажу генома. Воспроизведена была вся схема от начала до конца. Геном — стволовая клетка — организм. Первый образец Бога до жути напоминал оригинал, но когда он вырос и из младенца превратился во взрослую особь, стало понятно — это новый вид животного. Нимб — признак Бога, его Сила, его Сияние, указывающее на присутствие Души — не появился. Молодой «бог» вел себя как молодой самец. Пришлось создать ему пару. Конструктор назвал их людьми.

Робот Конструктор решил использовать юную пару как инструмент для продолжения эксперимента: с их помощью родить усовершенствованную копию. Или несколько копий, чтобы иметь возможность выбрать лучший образец.

С тех пор эксперимент продолжался миллионы лет. Ни в одном из вариантов, рожденных по образу и подобию Божию, нимб не появился. Душа не хотела возвращаться в тела, созданные роботом Конструктором. И вдруг произошло замыкание Матрицы, возникла форма Мебиуса. В этот момент на планете Земля родился Иисус. Душа вошла в его совершенное тело. Она вернулась!

Царь животных (робот Ирод) тут же начал охоту на младенца. Он не желал иметь конкурентов в этом мире. Но божественная Душа — непобедимая сущность. Она не поддается программированию. Она свободна. Ирод ничего не смог сделать. Но то, что не удалось одному, смогла совершить толпа.

3.

Иисус был по истине Сыном Божьим — он приобрел все качества Бога. Но робот Конструктор, несмотря на свои возможности, не успел записать параметры замыкания Матрицы в форму Мебиуса. Запись зависла, произошел технический сбой. Удалось внести в память только девятюше девять процентов информации. Это не трагедия, потому что недостающие параметры можно было позднее (в пору зрелости, в тридцать три года) снять с живого образца. Но случилось непредвиденное — люди, созданные по образу и подобию Божию, взбунтовались. Они поняли, что Иисус — другой, чужой. Они убили его, и Конструктор не смог спасти свою случайную удачу. Душа снова улетела в Космос.

Однако память о Боге осталась жить на планете людей. Более того, они решили почему-то, что грядет Второе Пришествие Иисуса. Хотя Конструктор никому не сообщал о продолжении экспериментов. Никто, кроме него, не знал о глобальной цели. А ведь люди правильно поняли, или почувствовали угрозу. Если будет создан Бог, то все они станут лишними.

Конструктор снова и снова пытался воспроизвести тот удачный опыт, но пресловутый процент незаписанной информации оказался решающим. Опыты, миллионы опытов, но... все те же животные образцы.

Конструктор работал день и ночь, используя новые создания для воспроизводства эксперимента. Он надеялся на закон больших чисел. В какой-то момент в точке максимума эксперимент должен был повториться.

4.

Две тысячи лет минуло с того дня, когда Конструктор потерял Иисуса. Люди, размножаясь и увеличивая поток производимой и усваиваемой информации, совершенствовались. И вдруг Конструктор стал отмечать появление Искр Души во многих из них. Но потомки царя Ирода тоже были зорки и сообразительны. Совет царских наследников решил запустить Программу изгнания Божественных Искр. Программа получила привлекательное и на первый взгляд безобидное название. Потребление — такое имя было присвоено новой игре, которая должна была стать замечательным всепланетарным подарком.

За короткий срок Потребление стало любимой игрой масс. Поток денег, задействованный в игре, вымыл с планеты даже малые остатки Божественных Искр. Роботизация прошла быстро и эффективно. Посторонние наработки (Божественные Искры), как ненужные вирусы, были удалены. Люди сами не заметили, как потеряли шанс на свое спасение.

А Конструктор вынужден был вернуться к прежней Программе больших чисел. У него остался лишь один вариант — случайного воссоздания Бога и Судного дня для всего экспериментального материала.

Конструктор-робот, как часть Природы, не только хранил память о Боге, но имел знание. Он имел четкое представление о том, *зачем* нужно создать Бога.

Сергей КРЕСТЬЯНКИН

г. Тула

Член Союза писателей России и Академии российской литературы. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие прозаические произведения 2015 г. Лауреат литературной премии администрации Тульской области им. Л. Н. Толстого в номинации проза за 2018 год. Награжден медалью им. конструктора А. Н. Ганичева. Автор пятнадцати книг художественной прозы.

НИКОГДА

эссе

Какое простое слово.

Мы не обращаем внимания на него в детстве. Воспринимаем как просто какой-то пустой звук.

НИКОГДА...

Оно для нас ничего не значит. Это то же самое, что и произносимые нами слова: потом, позже, успею еще, сделаю когда-то. Но когда нас оглушает (именно оглушает) **НИКОГДА**, то уже не бывает: потом, позже, успею... И начинаешь осознавать, и то не сразу, какое емкое слово **НИКОГДА...**

Емкое, весомое, монолитное, тяжеловесное.

Оно давит на каждую клетку твоего организма. Оно липнет к рукам и у тебя все просто валится. Ноги врастают в какое-то место, и ты не имеешь возможности двинуться.

НИКОГДА проваливается за шиворот, и ты хочешь сбросить всю одежду и смыть с себя липкое нечто. Ты отключаешься и думаешь, что спишь, но мозг твой продолжает работать и утром, открывая глаза, понимаешь, что всю ночь пытался разобраться в сложившейся ситуации, доказывая самому себе непонятно что, и поэтому тело ломит так, будто ты работал всю ночь, а голова — словно чугунная колода.

Такое случается, когда теряешь близких тебе людей: родственников, друзей...

Мама...

Мы разговаривали с ней несколько дней назад.

Бах! Удар в голову изнутри! Мысль оторвалась, попыталась взлететь...

НИКОГДА...

Словно стрела пронзила мысль, отбросив в сторону, и пригвоздила к оболочке колокола. Он, как и полагается, зазвенел от удара, постепенно переходя в монотонный шемящий гул на низкой ноте. И ты по-

нимаешь, что это летят бомбардировщики и сбрасывают снаряды, которые пробивают твое сердце. Ты хватаешься за левый бок и чувствуешь, что еще немного и оно разорвется на мелкие кусочки, а в легких не хватает воздуха, потому что его весь выкачали из этой комнаты, и ты сейчас задохнешься. Распахиваешь из последних сил окно и валишься на диван, постепенно осознавая, что авианалет прекратился и кто-то, сжалившийся над тобой, вновь стал закачивать воздух в помещение, хоть и слишком маленькими порциями, но все же...

Ты смотришь в потолок и видишь там слово **НИКОГДА**...

НИКОГДА больше мама не улыбнется тебе, когда ты приходишь домой...

НИКОГДА заботливо (а нам кажется, что назойливо) не произнесет: «Сынок, надень все-таки шарфик — осень пришла»...

НИКОГДА мама не испечет свой знаменитый торт «Наполеон», пропитанный до такой степени, что ты, не успев еще толком откусить кусочек, чувствуешь как он уже начинает таять у тебя во рту. Да, это совсем не магазинный «Наполеон», когда приходится, чтобы откусить, некоторое время перетирать зубами, словно какую-то пленку, коржи.

НИКОГДА больше мама не расскажет тебе истории из своей интересной, насыщенной и, в то же время, не легкой жизни — жены военнослужащего. О переездах с места на новое место. О скитаниях по военным городкам. О жизни в лесах Германии, Грузии, на Крайнем Севере или в степях Оренбуржья. Где не всегда находилась работа по специальности, да и вообще порой не было совершенно никакой работы. Поэтому и положенный трудовой стаж не выработала. И когда все ее сверстницы в пятьдесят пять лет пошли на заслуженный отдых, маме пришлось еще четыре с лишним года работать и на пенсию уйти, как мужчинам — в шестьдесят лет.

НИКОГДА теперь мама не вспомнит о своем детстве, о собаке овчарке, которая у нее была, о подругах, о замечательной студенческой поре, о родственниках, о своем брате Иване, моем дяде — капитане Советской Армии, разведчике. Он погиб при освобождении Белоруссии и был представлен к награде — ордену «Красной Звезды».

НИКОГДА. Остро заточенный топор, рассекая со свистом воздух, моментально разрубает тонкую нить — связь с твоим прошлым. И эта нить, как струна лопается на высокой ноте и бьет тебя по вискам. И тебе кажется, что сейчас мозг взорвется изнутри. Ты конвульсивно, в судорогах пытаешься схватить обрывок этой нити и понимаешь, что не в силах дотянуться до этого извивающегося связующего звена, которое словно издеваясь, как во сне, удаляется медленно, неторопливо. До тебя доходит, что это была последняя ниточка, связывающая с предками.

НИКОГДА. Это слово написано на мосту. Ты пытаешься преодолеть эту преграду и бежишь. Однако мост рушится не как в кошмарах — по твоим следам за спиной, а сразу — весь.

НИКОГДА валится в пропасть. Ты падаешь вслед за ним. Вокруг темнота. Страха нет. Есть боль... обида... досада...

БОЛЬ. Щемящая, колющая и всепоглощающая — потеря близкого человека...

ОБИДА. Ты понимаешь, что это произойдет, но надеешься, что еще не скоро. Ты к этому готовишься, настраиваешься. Проходят несколько месяцев и даже несколько лет... Но к этому нельзя подготовиться.

НИКОГДА все равно неожиданно бьет тебя как обухом по голове. Свершилось... Когда-то это должно было случиться...

Тебя пытаются утешить, что человек прожил долгую интересную жизнь. И восемьдесят пять — это очень даже хорошо. И ты это прекрасно понимаешь, но принять не можешь...

ДОСАДА. От того, что не успел что-то рассказать, чем-то поделиться, спросить совета...

НИКОГДА. Ты летишь в темень пропасти, и тебе кажется, что твой мозг все-таки взрывается яркой вспышкой, которая освещает все вокруг и позволяет увидеть на определенном расстоянии еще несколько **НИКОГДА.**

Вот глубоко внизу **НИКОГДА** — это умер мой дедушка Василий Никифорович, воевавший в Первую мировую войну и ослепший, когда немцы применили газовую атаку. Он остался жив, но были затронуты зрительные нервы, поэтому всю жизнь после случившегося (а дожил до 70-х годов 20-го века) дед провел в темноте.

Дом был деревянный. Ни газа, ни водопровода в то время не было. Но дедушка Василий прекрасно на ощупь научился рубить дрова и складывать под навес в поленницу. И сам, не спеша, ходил за водой к колонке за два квартала, часто беря меня с собой с маленьким ведерком, когда мы с родителями приезжали в отпуск, приучая с малолетства к труду. А пока мы двигались по тротуару, он на слух по шагам узнавал соседей и приветствовал их еще издали...

А через несколько лет появилось еще одно **НИКОГДА** — бабушка Катя. Заботливая, строгая, но справедливая хозяйка дома, где я родился. Все хозяйство, конечно же, было на ней: стирка в тазу с водой из колонки при помощи стиральной доски, уборка дома, походы в магазины за продуктами или в скобяную лавку за керосином. А еще — большой сад, где росли яблоки, груши, сливы, вишни, малина, крыжовник, капуста, огурцы, помидоры, редис, морковка, лук и чеснок... И за всем этим надо было следить. Сажать, пропалывать, а самое главное, поливать из специальных бочек с дождевой водой ведрами.

А какие вкусные бабушка Катя пекла пирожки, ватрушки с творогом и большие пироги! Просто дух захватывало от запаха. Устоять

невозможно! Пальчики облизываешь в прямом смысле этого слова от вытекающего из пирожков малинового варенья или вишневого джема, собственного приготовления...

Бабушка Катя на пару лет пережила дедушку Василия.

И вновь резко, как выстрел, **НИКОГДА!**

Я тогда был маленький. Конечно, переживал. Но мы переезжали в новый городок, куда направляли отца, я шел в очередную школу. Новая обстановка, новый коллектив, новые друзья. А время, как известно, лучший лекарь. В памяти многое осталось, но боль ушла вглубь...

А вот еще одно **НИКОГДА** — это отец.

Навалившееся на меня, обволокло словно туманом. Два года я ходил ошарашенный: работа — дом, работа — дом, работа — дом... И почти ничего не помню из того периода.

Но больше всего в то время я волновался за маму, боясь, что она не вынесет разлуки с мужем, с которым они прожили вместе около пятидесяти лет. Я оставался у нее с ночевкой и почти не спал, находясь в полудреме, а она каждую ночь плакала и разговаривала с отцом.

Это было страшно — казалось, что разум покидает ее. Но мама оказалась настоящей женой офицера, привыкшей стойко переносить все тяготы и лишения.

Спустя какое-то время она пришла, если можно так выразиться, в норму. Смогла прожить еще более шестнадцати лет в здравом рассудке и прекрасной памяти. Сама готовила, стирала, наводила порядок в доме. Радовалась успехам внуков. Мы часто вместе с ней ходили на могилу отца...

НИКОГДА — всего лишь семь разных букв, но какое всеобъемлющее слово... Связь с предками прервалась. Но из этих букв можно составить другие слова: Книга, Кино, Кони, Годы, Надо...

НАДО! Падение мое остановилось. Я взмахнул руками и почувствовал, что нахожусь в какой-то вязкой жидкости. Моя связь с предками оборвалась. Но ведь я же предок для своих детей и внуков. Движения руками становились более уверенными — я поднимался на поверхность.

НАДО любить своих родителей, пока они живы, и не забывать о них, когда они уходят.

НАДО рассказывать о них своим детям и внукам.

Никогда. Оказывается не такое уж и страшное слово.

Я всплыл на поверхность и полной грудью глотнул свежего бодрящего воздуха.

НАДО!

Наши родители всегда будут с нами, **ПОКА МЫ О НИХ ПОМНИМ.**

Геннадий МАРКИН

г. Щекино Тульской области

Заместитель главного редактора, заведующий отделом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», член Союза писателей России.

КАРТЕЖНЫЙ ДОЛГ (глава из повести «Охотник»)

Переведенный в 65-й Московский пехотный полк из Драгунского Новороссийского полка подпоручик Григорий Апполонович Колокольцев был назначен на должность взводного командира четвертой роты, дислоцированной в трех верстах от Новой Колпны, в деревеньке Озерки, с двумя раскинувшимися вокруг нее природными живописными озерами — Большим, уходящим своей лазурной гладью в заливные луга и молодую, поросшую осиною, зеленую дубраву, и Малым, вплотную подступающим своими водами к крайним крестьянским избам, из-за чего часто их затапливающим, особенно в осеннее ненастье и весеннюю распутицу. Двадцатилетний Григорий Колокольцев, с первых дней своего пребывания в полку, показал себя грамотным офицером, требовательным военачальником и заботливым командиром, чем быстро заслужил к себе уважение со стороны сослуживцев. Имея молодцеватый внешний вид, небольшие щеголеватые усы, карие глаза, небольшое родимое пятно на левой щеке и прекрасные дворянские манеры поведения, он быстро завоевывал, побеждал, покорял и разбивал многие непреступные доселе крепости, воздвигнутые из крестьянских, купеческих, мещанских и дворянских девичьих сердец.

Однажды глубокой осенью на полковых учениях взвод под его командованием, выполняя поставленную ему задачу, атаковал условного противника и захватил стратегически важные высоты, с которых Колокольцев увидел, как взвод третьей роты, под командованием поручика Стасюлевича, попал в окружение и уже готов был смириться со своей участью побежденного. Не раздумывая ни минуты, Колокольцев бросился на выручку своего союзника по учению, загнав себя и своих подчиненных по грудь в холодную, с комьями грязи и выпавшего талого снега воду. После окончания учения Стасюлевич подошел к стоявшему в мокрой и грязной одежде Колокольцеву.

— Хорошо было бы вам, подпоручик, в таком виде по Дворцовой площади в Петербурге парадом пройти, чтобы царь наш самодержец увидел, как самоотверженное русское офицерство верой и правдой ему отечеству служит,— улыбаясь, проговорил Стасюлевич.

— А по мне, поручик, главное, не перед царем, а перед дамами в таком срамном виде не предстать,— ответил Колокольцев, вытирая рукой испачканное грязью лицо.

— Имею честь представиться, поручик Стасюлевич Александр Матвеевич, дворянин. С этого дня для вас просто Александр,— проговорил Стасюлевич, кивнув головой и щелкнув каблуками сапог.

— Подпоручик Григорий Апполонович Колокольцев, дворянин. Для вас просто Григорий.

— Судя по большим комьям грязи, прилипшим к вашим погонам, можно предположить, что вы не подпоручик, а генерал,— засмеялся Стасюлевич.

Они сняли перчатки и пожали друг другу руки. После этого случая между ними установилась настоящая мужская дружба.

Двадцатидвухлетний Александр Матвеевич Стасюлевич происходил родом из обрусевших польских дворян. Сын профессора, он отказался от карьеры юриста и последовал примеру своего старшего брата, офицера русской армии Матвея Матвеевича Стасюлевича, и положил свою жизнь на алтарь служения Отечеству. Высокого роста, стройный, с озорными искорками в ярких голубых глазах, с лихо закрученными вверх усами и большими бакенбардами Александр так же, как и Григорий, был уважаем среди сослуживцев и с не меньшим успехом умел покорять женское непокорство, к тому же ловелас Стасюлевич был заядлым кутилой и азартным картежником. Он то и привел Колокольцева в дом новоколпенского купца Богатырева, где свободные от службы офицеры полка коротали вечера за игрой в карты, винопитием и нескончаемыми разговорами о воинских баталиях и женщинах.

Дом купца Богатырева Дмитрия Фроловича был двухэтажным. Первый этаж был выстроен из камня, а второй поднимался деревянным, он был пристроен к дому позже, после того как хозяин, оставив продажу картофеля и капусты и получив в акцизном управлении разрешение на торговлю спиртным, разбогател. С увеличением благосостояния Дмитрия Фроловича увеличивалось и его семейство. Жена Пелагея Ивановна родила ему четверых сыновей и трех дочерей. Дети стали подрастать, и возникла необходимость расширять дом. Так был пристроен второй этаж, одну из комнат которого — большую залу — он предоставил для развлечения полковым офицерам, имея от них хороший доход, организовав на первом этаже в одной из свободных комнат, продажу белого, легкого и шампанского вин.

Под ярким светом, лившимся из-под оранжевого абажура, в густом табачном дыму, за большим круглым, обтянутым зеленой скатертью, столом, собравшиеся в большой зале офицеры играли в карты.

— Ваша карта бита, господин капитан,— произнес сидевший за столом Стасюлевич, кидая карту на заляпанную от пролитого вина скатерть.

Не вынимая изо рта папиросы, средних лет капитан откинулся на спинку стула и достал из кармана брюк несколько денежных купюр, небрежно бросил их на стол.

— Ваша взятка, господин поручик,— нехотя произнес он, при этом пепел с его папиросы обсыпался на расстегнутый мундир.

Еще несколько игравших в карты офицеров так же, как и капитан, достали деньги и выложили их на стол. Стасюлевич небрежно сдвинул их в сторону и, взяв колоду карт, начал сдавать. В зале, кроме играющих в карты, находились и другие офицеры, многие из которых сидели за небольшими самодельными столиками и пили вино. Было шумно и накурено.

— А правда ли, господин подпоручик, во время проведения полковых учений, вы были пленены и брошены условным противником в реку? — спросил у сидевшего здесь же Колокольцева один из офицеров, и после его вопроса раздался дружный смех.

— Да нет, господа, не в реку, а в грязь. Господина подпоручика солдаты и унтеры специально положили в грязь, чтобы его не заметил наступающий противник,— раздался веселый голос другого офицера, и присутствующие в зале офицеры, выпуская в потолок табачный дым, громко засмеялись.

Колокольцеву не понравились насмешки сослуживцев, и он заиграл желваками. Затем встал, налил себе вина и залпом выпил.

— Прекратите ржать, как лошади! — крикнул он, ставя опустошенный стакан на стол, но шум и смех не прекратился

— Не обращай на них внимания, Григорий,— не прекращая игры в карты, сказал Стасюлевич.— Господа! — обратился он к смеющимся офицерам.— Подпоручик Колокольцев совершил благородный поступок; он в сложных условиях пришел на выручку своим сослуживцам, и если, господа, это произошло бы на войне, он спас бы не одну жизнь. И смеяться над этим не нужно, это, господа, по крайней мере, глупо.

— Герою полковых учений подпоручику Колокольцеву наше троекратное, два коротких и одно длинное — ура! — прокричал все тот же офицер.

— Ура! Ура! Ур-а-а-а! — дружно отозвались остальные, и кто-то сунул Григорию в руку фужер с шампанским вином.— До дна, подпоручик, до дна!

Григорий выпил и, зная традиции офицерства, ударил фужер об пол, он разлетелся вдребезги. Увидев это, многие офицеры тоже стали бить свои фужеры об пол и стены. Всюду стоял звон разбиваемого стекла, слышались возгласы и смех.

— Качать Колокольцева, качать!— раздалось со всех сторон, и в тот же миг несколько сильных рук подхватили Григория под руки, схватили за ноги и начали подбрасывать к потолку.

— Господа, прекратите, я прошу вас, господа! Что вы делаете?! Не нужно, умоляю вас, господа! — кричал Колокольцев, с ужасом наблюдая, как он то и дело подлетает вверх и того и гляди стукнется лицом о потолок. Наконец-то под громкие улюлюканья, Колокольцева поставили на ноги.

Со стороны играющих в карты офицеров послышался шум и оживленные возгласы.

— Вам, поручик, просто сегодня повезло,— проговорил капитан, вставая из-за стола.— Ваша карта пошла в масть,— произнес он, смотря на Стасюлевича.

— Предлагаю отыгаться,— улыбаясь, произнес Стасюлевич.

— У меня нет денег,— с грустью в голосе ответил капитан.

— Играйте в долг, капитан,— предложил Стасюлевич.

— Отлично! Я согласен! — оживился капитан.

— Прекратите, Денис Арнольдович,— стоявший рядом пожилой штабной офицер схватил капитана за запястье руки, стараясь остановить его.

— Что?! Вы мне, боевому офицеру, предлагаете принять поражение от этого юнца?! От этого мальчишки?! Прочь, не мешайте! — капитан оттолкнул от себя штабного офицера.— Сдавайте карту, поручик! — тоном, не терпящим возражения, приказал капитан.

— Сколько ставите на кон, господин капитан? — спросил Стасюлевич, начиная тасовать карточную колоду.

— Ваше слово, поручик,— капитан до конца расстегнул мундир, уселся за игровой стол, развел в разные стороны руки и, словно собираясь играть на пианино, стал с хрустом разминать пальцы.— Сдавайте! — вновь повторил он.

Стасюлевич раздал по три карты.

— Так сколько ставите на кон? — вновь спросил он.

— Ваше слово, поручик,— капитан буравящим взглядом стал смотреть на Стасюлевича.

— Предлагаю... тысячу на все мои выигранные деньги,— предложил Стасюлевич, не отводя взгляда от взгляда капитана.

Услышав названную сумму, капитан вздрогнул. Он прекрасно понимал, что в случае проигрыша ему таких денег не найти и чтобы расплатиться с долгом, придется заложить свое имение, но отступить было поздно, и он согласился.

— Согласен,— тихим голосом проговорил он, и лишь слегка дернувшееся веко на левом глазу, выдало в нем волнение.— Я согласен,— вновь повторил он уже громко, после чего кто-то из присутствующих офицеров присвистнул, и в зале наступила тишина. Все обступили играющих.

— Ну, тогда вскрывайте, Денис Арнольдович,— предложил Стасюлевич.

Капитан взял карты и стал медленно с придыханием их переворачивать. Затем вновь положил их одна на одну и прикрыл рукой.

— Еще! — чуть подумав, произнес он, и Стасюлевич вбросил ему одну карту. Тот взял ее и прижал к груди. Посидев в таком положении несколько секунд, он заглянул в карту.— Еще,— сквозь зубы произнес капитан, и Александр Матвеевич, улыбнувшись, вбросил ему карту. Денис Арнольдович быстро чуть ли не на лету схватил ее и приоткрыл.— Себе,— тихо приказал он.

Стасюлевич взял из колоды одну карту и приоткрыл ее. Затем он взял со стола все карты и веером бросил их на стол.

— Кон! — в полной тишине, произнес он.— Ваша карта бита, господин капитан.

Денис Арнольдович со злостью швырнул карты на стол, опустил голову и обхватил ее руками.

— Я разорен, я разорен! Поручик, вы меня разорили! — стал он причитать, взъерошив руками волосы.— Вы, поручик, вы... вы шулер! — срывающимся голосом громко воскликнул капитан и взглянул на Стасюлевича.

— Видит Бог, я играл с вами честно,— ответил ему Стасюлевич.— Вот господа офицеры могут засвидетельствовать это,— добавил он, обведя рукой стоявших офицеров, и многие из них в знак согласия закивали головами.

— Тогда вы дьявол! — тихо изрек капитан, уставившись на Стасюлевича недобрый взглядом.— Господа, я вам всем заявляю, что поручик Стасюлевич дьявол! — громко произнес капитан, и в зале сразу стало шумно.

— Полноте вам, Денис Арнольдович, ну какой же я дьявол? У меня нет ни хвоста, ни рожек, ни копыт, ни шерсти. Вот хотите, потрогайте мою руку, она без шерсти,— произнес Стасюлевич, и протянул капитану руку, после чего стоявшие рядом офицеры оживились, многие из них стали смеяться.— Лучше скажите мне, любезнейший Денис Арнольдович, когда вы намерены отдать мне деньги? — спросил Александр Матвеевич.

— А я утверждаю: вы, Стасюлевич, дьявол! — вновь повторил капитан, не обратив внимания на заданный ему вопрос.

— Денис Арнольдович, дорогой мой, уж не тронулись ли вы рассудком от проигрыша, видя во мне дьявола? — искренне забеспокоился Александр Матвеевич.

— Вы же меня разорили! — со вздохом в голосе тихо произнес капитан и опустил голову на грудь. Лицо его побелело, руки тряслись, и он долго не мог прикурить папиросу.

— Вина господину капитану! — крикнул кто-то из присутствующих, и тут же Денису Арнольдовичу протянули фужер с шампанским.

— Вина, дайте крепкого белого вина,— прокричал Денис Арнольдович и в ярости швырнул фужер с шампанским на пол.

— Не хотите ли, господин капитан, получить еще один шанс и отыграться? — задал вопрос Стасюлевич, поднося подсвечник с горящей свечой к папиросе капитана.

— Шутить изволите, поручик? Обыграли меня в карты и довольно! Издаваться над собою я не позволю! — вскипел капитан.

— Отнюдь, господин капитан. Я не шучу и не издаваюсь над вами. Помилуйте меня от этого,— произнес Стасюлевич, прикуривая от свежи папиросу.

— Но, у меня же, ничего нет. Вы выиграли все, что у меня было, даже более того,— капитан в подтверждение своих слов и в доказательство, что у него, действительно, ничего нет, вывернул наизнанку карманы брюк.— Может быть, вы хотите выиграть у меня последние штаны? Пожалуйста! Только уверяю вас, господин поручик, они форменные и без мундира не представляют никакой ценности. Вряд ли вам удастся их кому-нибудь продать.

— Я не претендую на ваши штаны, Денис Арнольдович, и не предлагаю вам играть со мною в карты,— улыбаясь, произнес Стасюлевич, выпуская в потолок табачный дым.

— Тогда во что вы мне предлагаете с вами играть? — удивился капитан.

— Я спишу с вас долг и верну вам ваши деньги, если вы станете у той стены и поставите себе на голову бутыл шампанского, а я стану у стены напротив и из пистоля вышибу в бутылке пробку,— произнес Стасюлевич, указывая рукой в то место, где должен стать капитан. В зале вновь наступила тишина.

— Ну, что же вы, капитан? Не будьте трусом! — засмеялся Стасюлевич.— Я стреляю без промаха.

— Прекратите, поручик, это уже не смешно,— перебил его пожилой штабной офицер.— Вы вышибете из его головы мозги, а не пробку из бутылки.

— Плевать! — вдруг громко выкрикнул Денис Арнольдович.— Плевать! Я согласен. Все равно у меня остался только один выход — это пуля в лоб. Так пусть это сделает за меня кто-то другой, нежели я сам уничтожу себя! Греха меньше! — закричал он и, взяв со стола бутылку шампанского, направился к стене. Застегнув на все пуговицы мундир, он водрузил себе наголову бутылку и, прикрыв глаза, стал читать про себя молитву, шевелия при этом одними губами.

— Александр, прекрати, ты убьешь его и тебя отправят на каторгу,— вполголоса заговорил Колокольцев, схватив Стасюлевича за руку и пытаясь отобрать у него мушкет.

— В сторону! Все в сторону! — приказал Александр Матвеевич, отталкивая от себя Колокольцева.— Вы готовы, Денис Арнольдович?

— спросил Стасюлевич, взводя курок на мушкете. Лицо его пылало, в глазах горели недобрые огоньки, вместо улыбки на лице появилась злая гримаса.

— Палите, поручик! — крикнул капитан после секундного недолгого молчания, продолжая стоять с закрытыми глазами.

Стасюлевич поднял руку с зажатым в ней мушкетом и прицелился. В полной тишине выстрел был похож на хлопок в ладоши. Стоявшая на голове у капитана бутылка с шампанским лопнула и разлетелась на куски, обдав побледневшего капитана маленькими крошками осколков, слегка поранив ему лоб. Вино с шипением брызнуло по сторонам, медленно стекая с головы капитана на его мундир. И в тот же миг тишина взорвалась овациями стоявших доселе молча офицеров.

— Вот ваши деньги, капитан, — проговорил Стасюлевич, протягивая капитану деньги. Тот взял их и несколько мгновений стоял молча. Затем взглянул на Стасюлевича.

— Вы дьявол, Стасюлевич! Ей-богу, дьявол! — тихим голосом проговорил он. Затем обвел всех растерянным взглядом и вдруг закричал: — Шампанского! На все шампанского! — и бросил деньги на стол.

В зале с новой силой зашумели, стали раздаваться выкрики, восхваляющие Стасюлевича и капитана. Один из офицеров спустился на первый этаж, и вскоре стол был заставлен вином. Начали пить.

— Качать поручика! — крикнул переживший страх близкой смерти капитан, разбивая о пол фужер. Он был весел. Бледно-землистый цвет с его лица сошел, и на смену ему пришел свежий, словно выступивший от мороза, розово-красный румянец. — Качать Стасюлевича! — вновь крикнул он и обхватил Александра под руки. В тот же миг множество офицеров обхватили поручика и, взвалив на свои руки, с гиканьем начали подбрасывать его к потолку.

— На улицу, господа офицеры! Все на улицу! Строим фейерверк! — вновь воскликнул счастливый капитан. Затем взял со стола бутылку с шампанским и, подбросив ее вверх, выстрелил из пистолета. Бутылка разлетелась на мелкие осколки, шампанское с шипением разлилось по полу. В зале послышались овации от происходящего, и многие офицеры последовали его примеру. Поднялась беспорядочная стрельба, многие начали подбрасывать бутылки в воздух и разбивать их шашками. Со звоном разлетелось оконное стекло, и в прокуренную, душную комнату ворвался свежий воздух.

— А теперь, господа, к женщинам! — пытаюсь перекричать стоявший шум и гвалт, крикнул Стасюлевич.

— К цыганам, господа! К цыганам в Бабурино! — кричал счастливый капитан.

Игорь КАРЛОВ

г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

КАК БЫ НЕ ТАК...

«Старый Арбат» — ароматные слова, словно утренний кофе отпусника, проснувшегося рано (без будильника, по привычке, по привычке уработавшейся ломовой клячи), но непосредственно по пробуждении вспомнившего, что спешить некуда, можно понежиться в постельке, а вместо того чтобы второпях давиться растворимой бурдой, пытаясь очередной дозой кофеина понудить организм к производственной активности,— заварить себе чашечку крепкого тягучего напитка и выпить небольшими медленными глотками. В такие-то вот внезапно неспешные минуты, до слезы ясно осознав, что впереди у тебя двухнедельная вечность, исполненная безмятежной неги, и можно поистине насладиться кофе, постичь умом своим, для чего Господь спустил на землю усеянные небольшими зеленоватыми зернышками ароматные кусты, для чего вразумил людей сушить, обжаривать и молоть эти зернышки.

Что же касается Арбата, то и его прелесть сполна раскрывается тоже утром. Не в лиловых сумерках, пронизанных первыми вспышками неоновых искр центрального гламурного безумия, и не в пору ночной ресторанно-таксистской свистопляски, и, само собой, не днем, когда нескончаемая толпа, достигнув верхнего экстремума в своем бесконтрольном размножении, сродственном размножению раковых клеток, начинает пухнуть, подниматься, как дрожжевое тесто, затопливать все пространство узкой улицы по вторые-третьи этажи домов... Нет, утром, утречком, в конце лета. Не самым даже ранним утром, когда уже вовсю трудится районное отделение банка сбережений, тогда как расположившиеся по соседству магазинчики, сами названия которых есть антоним бережливости, только лишь позевывают дверными проемами, нехотя раздвигают жестяные веки витринных жалюзи. Именно, утром, когда первые торговцы сувенирами начинают раскладывать на прилавках аляповатые безделушки, ожидая интуристов, ошалевших от московского широкого разгула и потому нежадных; когда уличные художники еще не успели повсюду расставить и развесить свои картины — хитрые силки на несостоявшихся Джоконд из провинции.

Утром, когда патентованная метла дворника-таджика уже взвихрила с мостовых предписанное управдомом количество пыли, которая теперь стоит в воздухе, подрагивает в розовато-золотистых солнечных лучах, помогая высветить, подчеркнуть столичные объемы да средневековую кривоколенность окрестных кварталов. Конечно же, утром, когда интеллигентски рефлексирующую арбатскую тишину бесцеремонно загоняет в подъезды визгливый, чудно интонированный диалог (впрочем, не так странен пронзительно громкий разговор, как его участники: непостижимым образом явившаяся из диких степей в центр мегаполиса скифская каменная баба с плоским круглым ликом — но, разумеется, живая, наживейшая, поминутно поправляющая на грубо вытесанных грудях и ягодицах фанерные листы с меню ближайшего ресторана — и раздающий рекламные листовки негр). Итак, говорю я вам, утром, когда лениво разбредаются по своим рабочим местам на панели странные персонажи, словно бы явившиеся из отлетающих в небеса тревожно-томительных снов горожан: позевывающие зазывалы в костюмах а-ля рюсс, потрепанные бутафорские пираты, церемониймейстеры в камзолах и сбившихся набок париках, склонные к педофилии гигантские поролоновые куклы... Словом, в тот час, когда Арбат находится в руках своих профессиональных хранителей, а празднотворной публики пока, к всеобщей радости, мало.

Лишь краткой утренней порой можно причаститься ко вкусу песенно-текучей асфальтовой реки и ее многочисленных притоков: увидеть новыми глазами знакомые еще по школьным хрестоматиям здания; в очередной раз придирчиво оглядеть изваяния-новоделы и новоделы-постройки, чтобы в очередной раз убедиться, насколько болезненно приживаются они на древней почве; в подробностях рассмотреть открыточные фронтоны с пленяющими неброской прелестью башенками, балкончиками, барельефами, розетками... Казалось бы, именно с этой целью — увидеть воспетую бардом улицу — не поддающееся исчислению количество экскурсантов, понукаемых бездушными погонщиками-гидами или неорганизованных, самочинно-залетных, ежедневно ныряет в бесконечную арбатскую толкотню. И что же? Как идущий на нерест лосось, вклинившись между тысячами столь же целеустремленных тушек, столбенеет в неподвижности, не двигаясь и мешая двигаться собратьям, так и запрудившие все видимое городское пространство шленды препятствуют друг другу совершить предписанный путеводителями променад по Арбату.

Прогулка здесь днем есть ритуальное убийство времени. В толпе, то влекущей тебя на стремнину, то затыгивающей в водоворот, то прибивающей к берегу у стоячего затона, как ни старайся, смотришь либо себе под ноги, либо в затылок впередиидущего. Тут уж не до видов из рекламных брошюрок: невозможно остановиться даже на миг, чтобы пристальнее взглянуться в красоту достопримечательных мест,

ибо людской поток по своему произволу несет тебя — шепку. Редкий смельчак найдет в себе силы противостоять течению, упрямым островком застыть, скажем, неподалеку от «Праги», чтобы вдоволь налюбоваться мидовской высоткой, которая сквозь легонькое марево московской пыли кажется колоссальной сказочной скалой, где в потаенных пещерах обитают маги, вершащие судьбы мира...

А наутро Арбат вновь выглядит милым, чистенько прибранным, необыкновенно просторным, словно детская, на пороге которой замер ее хозяйчик, вернувшийся после долгих каникул, замер на секундочку, чтобы отменить момент превращения обустроенного заботливыми родителями уютного мирка в фонтанирующий нестройными звуками бедлам.

Пройдитесь в покойный ранний час по почти безлюдной улице! Вы убедитесь, что Арбат по-прежнему перетекает из прошлого в будущее, и на несколько минут сами окажетесь сопричастниками творящегося волшебства. Происходит это так. Сперва к обыденным, ординарным звукам просыпающегося города примешиваются явственные, но долетающие словно бы из другого измерения шумы: то заставит насторожиться возникший из ниоткуда по-военному четкий стук каблуков, то начинает нервировать надоедливое шарканье за спиной, то вдруг напугает надсадное отхаркивание невидимки в двух шагах от вас; едва уловимый стук колес свадебного экипажа Пушкина сливается с тихим перебором гитары Окуджавы и разбитным оркестром, играющим мелодию из «Принцессы Турандот»... А затем к слуховым галлюцинациям добавляются видения: по незримой меже между шумом и тишиной, между хаосом и космосом скользят фантомы миллионов прохожих (им предстоит непременно материализоваться уже через несколько часов), смешиваются с призраками бывших здешних обитателей, которым вовеки не обрести плоти. Неприкаянные тени живших некогда по соседству домовладельцев, литераторов, полярников упорно ищут своих былых пристанищ — и не могут найти: сменены замки, заложены прежние окна, прорублены новые двери...

Вот и в «папанинском» доме вместо парадного, в старое время доступного для немногих избранных, ныне зияет почти не закрывающийся проем — недорогая кафешка ждет гостей: нагулявших аппетит прохожих, привычных к тяжелой пище командировочных, прикормленных постоянных посетителей... Среди них, завсегдатаев забегаловки, выделяется странноватая старуха — не то полоумная пенсионерка, не то одно из привидений, шагнувшее сюда с арбатской мостовой, не то ряженая, вроде профессиональных уличных зазывал...

На первый взгляд — и впрямь комедиантка, переодевшаяся в бахрашлишко «из подбора», чтобы жестоко разыграть публику. Кто другой надумает влезть в вызывающе колоритные обноски горьковских

босяков из стародавних постановок? Кто еще, кроме язвительной клоунессы, в летнее время обуется в карикатурные войлочные чеботы?

Но стоит несколько минут понаблюдать за старухой, как станет понятно, насколько чуждо ей стремление к эпатажу. Ее собранная из случайных вещей экипировка по-своему продумана. Кофтенку (кажется, серую? или болотного цвета?) и юбку (вроде бы клетчатую? или в полоску?) почти не видно под добротным кардиганом, считавшимся лет тридцать назад супермодным. Сей предмет гардероба, далекий от современных трендов, но прекрасно сохранившийся, носится постоянно и явно напоказ, с тайной целью отвлечь внимание от венчающего наряд и также несменяемого (однако, к сожалению, изрядно траченого молью) головного убора — фантасмагорической шляпки, напоминающей одновременно и рыцарский шлем, и рог единорога...

Если бы кто задумал устроить аллегорический маскарад, эту старуху пригласил бы непременно. И, явившись на костюмированный бал, она была бы безошибочно узнана в первую же минуту. В первую же секунду несколько злорадно-азартных голосов одновременно воскликнули бы: «Я тебя знаю, маска! Ты — Одиночество в старости».

Ну, что ж... Ну, да, одиночество в старости...

А ведь чуть ли не вчера «одиночество» и (тем более!) «старость» казались столь далекими, столь чуждыми понятиями, что разобраться, кроется ли за ними какой-нибудь реальный смысл, помог бы разве лишь словарь. Только вот кто в чудесную весеннюю свою пору готов сменить потрепанный плащ первооткрывателя вселенной на мантию заучки, постигающего мироздание по словарным статьям? Кто променяет трещащий под натиском шторма капитанский мостик на скрипящее кресло книжного червя, дабы отыскать в залистанном глоссарии точное толкование абстрактных существительных? Да нет таких!

Посему все унылые словечки из старперского лексикона до времени мирно полеживают под толстыми обложками пыльных фолиантов, как стальные чушки в снаряжных ящиках. Но настает час, и с мстительным торжеством обрушиваются на голову несведущего человека холодно посвистывающие согласными термины, оглушивают, контузят.

Знать бы об этом молоденькой учительнице, торопливо пробегающей мимо заставленных книгами стеллажей школьной библиотеки! Знать бы, почувствовать бы опасность... Как бы не так!.. Беспечно потряхивает она локонами, с вызовом постукивает каблучками, гордо подергивает плечиками. В те давние годы она была энергична и чуточку заносчива. Ее окружали сотни юных веселых лиц. Ни старческая дряхлость, ни страх тоскливого молчания наедине с собой тогда не тревожили ее.

Напротив, перед молодым специалистом, сразу по окончании института принятым на работу в одну из лучших столичных школ, от-

крывались блестящие перспективы: она, несомненно, добьется выдающихся успехов на учительском поприще, возможно, даже станет педагогом-новатором; всегда будут рядом творческие, интересные люди, настоящие друзья, с которыми так здорово проводить время в турпоходах по самым красивым местам страны; обязательно сложится чудесная, словно с картинки, семейная жизнь... Зачем же вникать в суть неприятных слов, особенно тех, которые никогда не будут иметь к ней ни малейшего касательства? Зачем излишними копаниями в смыслах сбивать ритм неуклонного поступательного движения вверх, ритм, столь удачно заданный при самом начале карьеры?..

Теперь же только и осталось: одиночество, старость... Теперь старуха не поручится, что в оны дни именно в ее жизни напряженная «рабочая» тишина уроков перемежалась шумными переменами. Теперь кажется, что не она, а кто-то другой душевными июньскими вечерами с видом чуть уставшего от пылких откровений, однако все еще благосклонного наставника выслушивал излияния теребящих новенькие аттестаты прожектеров. Теперь ей уже не вспомнить, отчего выступление на очередном педсовете представлялось безмерно важным, чуть ли не определяющим в судьбе; с какой стати колкое замечание коллеге делало героем дня; с чего вдруг предъявление завучу вполне умеренных претензий по организации учебного процесса обретало в глазах окружающих черты сознательного диссидентства. Теперь уже невозможно объяснить себе, почему дочь, зачатая вне брака, некоторое время добросовестно, но безуспешно пытавшаяся называть папой едва знакомого мужчину, в итоге так и выросла в неполной семье? Когда и каким образом эта забавная девчушка успела превратиться в дородную тетку с дурным злым глазом? Как это так получилось, что даже с ней, пусть не самым симпатичным, зато единственным родным человеком, старуха за последние пять или шесть лет не обмолвилась ни словечком?

Теперь случайные люди в арбатском кафе стали ее семейным кругом... Нет, скорее, классом, которым она по привычке пытается руководить. И вот, если кто-нибудь из посетителей вдруг начинает кричать в телефонную трубку или в разговоре переходит на повышенные тона, самозваная классная дама, с годами не утратившая железную хватку блюстителя школьных уложений, немедленно вскидывается на смутьяна. «Давай-давай!» — провокационно подначивает она распоясавшегося подопечного, и первые же звуки ее хорошо поставленного, хотя чуточку надтреснутого, голоса убеждают: перед нами опытнейший специалист (так первые аккорды сонаты свидетельствуют о мастерстве композитора).

Эх, если бы за столиками собралась публика, способная (пусть и не в полной мере) оценить виртуозность дидактических пассажей! Знатки насладились бы симфонической соразмерностью строгости и сар-

казма, вложенных в прозвучавшие слова. Ценители воздали бы должное маэстро, тысячекратными повторениями одних и тех же сольфеджио добившейся удивительной интонационной выразительности буквально каждого звука. Доки по части тонкостей школьной жизни догадались бы, что за годы непрерывного педагогического стажа исполнительница достигла такой мощи воздействия на слушателей, что могла одной-единственной фразой обескуражить самого опасного хулигана в районе. Однако в шумливой столовке никому нет дела до талантов какой-то посторонней бабки, даже тем, к кому она непосредственно обращается. И уж, конечно, никто не соглашается играть роль провинившегося школяра, а потому вместо благоговейного уважения старуха встречает в лучшем случае безразличие...

Но, несмотря на явное пренебрежение окружающих, отставная училка продолжает наседать на расшумевшегося гостя. Самоуважение профессионала обязывает ее достойно завершить начатое, а профессионал не может не знать основополагающего правила чтения нотаций: развитие темы не менее важно, чем гармония и тональность. Поэтому старуха, не теряя темпа, переходит ко второй части назидательной импровизации. «Давай, громче давай! А то на улице тебя не слышат!» — настойчиво теревит она возмутителя спокойствия, который, прекращая беседы, раздраженно машет рукой на зануду, отворачивается, скорчив страдальческую мину, невольно начинает говорить спокойнее, тише. Прекословищице же только того и надо! Губы ее чуть вздрагивают, кривятся, опускаясь уголками вниз — это старая сдерживает улыбку. Она вновь добилась своего, хотя и отмахивались от нее как от назойливой мухи! И, уже отходя прочь, торжествующая победительница, желая, чтобы последнее слово даже формально осталось за ней, бросает побежденному: «А то давай еще громче. Внизу тебя тоже не слышат!»

Впрочем, «внизу», в подвальном помещении кафе, сейчас некому прислушиваться даже к самым громким разговорам. Там, в закрытом по утреннему времени пивном зале, пока пусто. Лишь через несколько часов начнут собираться любители пенного напитка, раздражая и одновременно ввергая в соблазн абсолютное большинство «верхних» едоков, у которых нет ни времени, ни возможности предаться обстоятельному алкогольному гедонизму: успеть бы насытиться, пока не закончился короткий перерыв на службе. Эти праведники поневоле, тоскливо-завистливым взглядом проводив решительно направляющихся в хмельную преисподнюю счастливых, с напуском равнодушием отводят глаза, с еще большим остервенением пускают в ход механические молотилки челюстей, заглатывая огромные, не прожеванные как следует куски.

Начиная с обеда, только успевай делать замечания! Старуха разворачивает воспитательную работу со всем энтузиазмом бодрящегося

вопреки возрасту ветерана. Жаль, нет уже прежних сил: спустя краткий срок накапывает непреодолимая (хотя и приятная!) усталость, которую, надо полагать, испытывает честно отстоявший смену сознательный пролетарий. Стало быть, пора возвращаться в пыльную свою комнатенку. Зато потом весь вечер, проходящий в бестолковой суете с чайником вокруг телевизора, и позже, ворочаясь на узком жестковатом матрасике, с удовлетворением вспоминает старуха недоуменное лицо какого-нибудь выпивохи, имевшего несчастье у нее на глазах расслабленной походочкой подняться из гамбринусова подполья и нетвердыми шагами направиться к выходу. Сколько же гневных инвектив обрушилось на его голову! С какой интенсивностью изливался на него праведный гнев! Бедолаге оставалось одно — быстренько ретироваться, даже не пытаясь огрызнуться в ответ на внезапные нападки, затеряться в кишаших народом переулках, раствориться в исподволь густеющих сумерках.

Хотя на Арбате приходится быть бдительной в любое время суток. Не единожды на глазах самоотверженной воспитательницы разыгрывалась весьма огорчительная и утомительно однообразная сцена: в неурочный ранний час не протрезвевший после вчерашнего клиент вламывается в кафе, начинает требовать пива, сетовать, что ему-де не дают как следует отдохнуть. Подобных наглых пришельцев терпеть никак невозможно! Старуха с горячностью одного из лучших бойцов комсомольского оперотряда немедленно встает на защиту установленных правил, клеймит позором и выдворяет дебошира. Законность торжествует! Надолго ли?..

Ах, если бы только пьяницы вели себя в общественных местах неподобающим образом! Существуют еще бездомные — особая категория нарушителей. Вот кто цинично, нагло игнорирует любые этические нормы. Вот на кого не найти управу! Отставная шкрабина испытывает к окрестным бомжам и бомжихам почти классовую ненависть: заделались, понимаешь, какой-то новой арбатской знатью! Пробуждаются, когда солнце чуть ли не в зените, и вот лезут из смрадных щелей на свет божий, вот уродуют лицо столицы! Эткими барами фланируют по центру, точно обозревая, все ли благополучно в их вотчине. Плюс ко всему, как будто подражая празднующемуся городскому дворянству прошлых веков, завели всяческую живность! Один воючий аристократ разгуливает в окружении своры дворняг, другая светская дама с подобным глазом прижимает к груди котенка... Да еще объясняет сердобольным прохожим, что ему, видите ли, надо свежей рыбки купить, сшибает рублишки на прокорм вшивого вымеска...

Тут иной пожилой человек, всю жизнь самоотверженно работавший на государство, рыбные деликатесы разве во сне увидит, а какие-то антиобщественные элементы... мало того что сами жируют, так еще взялись котят откармливать! Устроились в жизни, ничего не скажешь!

Добро бы шастали по помойкам, не показываясь на глаза честным людям, искали пропитания себе и прирученным ублюдкам в мусорных баках, нет — на предприятиях общепита антисанитарию разводят!

Центровые подзаборники, действительно, чувствуют себя вольготно в старухином кафе. Заходят они сюда смело, деловито прохаживаются между столиками, с панибратской развязностью обращаются к samozабвенно жующим гражданам. Любой мало-мальски сочувственный ответ, благосклонный кивок или даже заинтересованный взгляд служат бродяге сигналом к основной фазе обработки клиента: в просительный монолог подпускаются жалобные детские нотки, до того чистые, до того искренние, что отказать несчастному в незначительной сумме просто невозможно. Как бы ни контрастировал с видом немолодого уже, крайне неопрятного приставалы тон вымаливающего игрушку ребенка, примитивный, в общем-то, психологический прием в большинстве случаев оказывается действенным — застигнутый врасплох едок чаще всего раскошелливается. Осторожно, дабы не замарать одежду лоснящимися от жира пальцами, извлекает он из карманных глубин свой лопатник, бегло осматривает содержимое разверстого, будто для потрошения, портмоне и, сдерживая отрыжку, протягивает нищему бумажку или горсть монет.

Психологи-практики с окрестных свалок прекрасно изучили нашу, откровенно сказать, примитивную натуру: набивший брюхо человек подает легче и щедрее... Когда расслабляющее ощущение избыточной сытости разливается по телу, утроба полностью подчиняет нас себе, превращая в бесхарактерных тугодумов. В голове, отяжелевшей от аморфных наплывов полусна, лениво ворочаются банальные, пошлые мыслишки: «Питаться-то всем надо, а я уже утолил голод, признаться, даже переел, так что поделюсь с нищевродом, чтобы тот поскорее свалил отсюда, не портил мне аппетит своим отвратительным обличьем и неприятным запахом...» Побирושка — живое воплощение расхожей сентенции о том, что не стоит зарекаться от сумы — точно рассчитал! Послеобеденный брезгливый гуманизм обязательно заставит сытого мелкой подачкой откупиться от навязчивой демонстрации вида чужой нужды...

В какой все-таки своеобразный клубок сплелись в этом кафе говорящие и слушающие, жующие и пьющие, жарящие и парящие, раз за разом пересчитывающие деньги существа, не то паразитирующие друг на друге, не то поддерживающие удачный симбиоз! Возможно, у кого-нибудь картины подобного сосуществования низших организмов вызывают неприятие, чуть ли не омерзение, но оставленная от места учительница следит за жизнедеятельностью простейших с отстраненностью выдавшего виды натуралиста. Она деловито фиксирует реакцию одноклеточных на погружение в размягчающее волю, парализующее разум пресыщение, отмечает, как они ведут себя под воздей-

ствием выжимающего дешевые слезки заискивающе-лукавого убожества...

Когда в НИИ вечности и вечного покоя будут подводить итоги поставленного над всеми смертными эксперимента, отчет пожилой естествоиспытательницы тоже подошьют к делу. Старуха выступит экспертом по пустым разговорам, скучным грешкам, постыдным глупостям, наивным хитростям и первобытной заурядности. А экспертное заключение готово уже сейчас (осталось только подпись поставить): никто из подопытных не выдержал длительного облучения повседневностью, что обусловило крайнюю степень их несчастья в ходе проведенного исследования.

Из-под набрякших старческих век внимательно следят за каждым из нас помутневшие от времени и горестных впечатлений жизни глаза: и за теми, кто с низкопробными ужимками выклянчивает себе пропитание, и за теми, кто кичится поданным грошиком, забыв, что за столом нельзя прикармливать животных да неимущих — потом не отделаешься. Построже надо с попрошайками, построже...

Старуха, было дело, пыталась прямо объяснить все это неразумным своим подопечным, призывала в помощники администрацию кафе, пылая благородным негодованием, изгоняла бомжей из помещения. И всякий раз после подобного инцидента ее подлавливали на улице решительно настроенные оборванцы мрачного вида, в грубой форме объясняли, что не стоит вести себя так безоглядно спесиво — может плохо кончиться. Нескольких вызывавших приступы тошнотворного страха разговоров оказалось достаточно, чтобы чертова перечница прекратила свои выпады, хотя по лицу остававшейся безмолвной свидетельницы продолжающихся безобразий было видно, что примириться с происходящим она так и не смогла.

Однако есть еще одна причина столь жгучей ненависти защитницы универсального порядка к бездомным. Как ни трудно признаться в том себе самой, в глубине души она осознает, что неказистым одеянием да чудаковатым поведением до тождества напоминает побродяжку. Не обидно ли: люди с абсолютно разными судьбами, с полярными взглядами, с несравнимым отношением к миру, с несхожими привычками в конце жизненного пути приходят к одинаковому итогу! Вот чего категорически не может понять и принять старуха. Оттого и злится.

Единственное, что примиряет въедливую пенсионерку с вселенской несправедливостью, — возможность повелевать основной массой посетителей кафе. По крайней мере, воображать, что повелевает. Особенно же приятно командовать иностранными туристами, порой заглядывающими на огонек. Иноземцев старуха моментально берет под свое покровительство, общаясь, правда, исключительно при помощи мимики и жестов, поскольку языков не знает... Да и к чему? Скромные потребности представителей рода человеческого без всяких слов понят-

ны любому и в любой точке планеты. Энергичным жестом направишь забугорников в очередь к раздаче, покажешь, с какой стороны подходить к кассе,— и уже можешь считать себя субъектом международной деятельности, таким дипломатом-любителем.

Впрочем, нечасто зарубежные гости соблазняются стряпней поваров недорогой закуской. Втянут ноздрями любопытных носов доносящийся с кухни чад, поглядят на небурную посуду на столах — и помашут рукой отрицательно. Тогда старуха смекает: забрели в поисках туалета. Милостиво дозволяя приедем приобщиться к достижениям отечественной сантехники, она указывает расположение мест общего пользования с тем величественным видом, с каким, должно быть, некогда государыни-императрицы жаловали чужестранцев русскими титулами. И провожает интуристов столь же царственно, сопровождая легкий наклон головы доброжелательной, хотя все же несколько высокомерной улыбкой: мол, помните наше беспримерное гостеприимство и великое к вам снисхождение... Как ни редки такие минуты, они дарят волнуемую возможность ощутить себя классной дамой в мировом масштабе, а это дорогого стоит.

Но большую часть дня старуха проводит в непрестанном мельтешении, как бы генерируя вокруг себя завихрения суеты. Двери кафе не успели распахнуться, а знакомая всем работникам фигура в неказистой шляпке и неизменном кардигане уже маячит на пороге. Все начинается с покупки чашки чая и долгой оживленной беседы с официантками, которые, не прерывая разговора, играючи убирают посуду, оставшуюся после немногочисленных пока посетителей. Темы для обсуждения у подружек известные: о парнях, о том, как прошло вчерашнее свидание, о девичьих обидах, о сердечных неурядицах... Тут старая учительница имеет непререкаемый авторитет: какими бы запутанными или драматичными не представлялись ситуации, переживаемые неискушенными в любовных делах разносчицами, обязательно придет ей на память аналогичный случай, произошедший с одной из бывших учениц. И за каждой назидательной историей последует проверенный житейским опытом совет, которому молодайки внимают, словно словам оракула.

В ответ на пристальное (даже с легким налетом мистики) внимание девушек консультантка-доброхот старается по-своему отблагодарить их: то подскажет, в каком магазине продукты подешевле, то возжелает передарить выданную на кассе вместе со сдачей дисконтную карту на одну поездку в такси: «Мне-то ехать некуда, а вам пригодится...» Но как бы убедительно старуха ни просвещала товарок относительно выгоды и удобства отлаженной системы скидок, официантки, сдерживая улыбки, упорно отказываются принять столь щедрый подарок — самим девать некуда бесполезные картонные прямоугольнички, сотнями валяющиеся в подсобке.

Так и катится день. Еще несколько раз старуха с чашкой кипятку подходит к кассирше, получая с чеком еще одну скидочную карту, одноразовый пакетик чая (он будет использован дважды!), сахар, конфетку за счет заведения. Весь ее рацион и состоит преимущественно из чая да даровых конфет. Впрочем, она настолько своя здесь, что персонал сквозь пальцы смотрит на то, как из-под знаменитого кардигана извлекается порой на свет божий завернутое в целлофан яблочко... Пусть уж старая поточит зубки, ничего страшного. Не гнать же ее! Предстоит долгий рабочий день, когда может пригодиться каждая пара рук, сколь бы немощны они ни были...

Да, да, в суматошный обеденный час, когда харчевня забита до отказа, когда забегавшиеся официантки перестают справляться с горами громоздящихся повсюду столовых приборов, престарелая активистка тоже берется за дело: то сметет в мусорный бак объедки, оставленные кем-то из посетителей, то соберет на поднос использованные чашки-миски, то отнесет к окну посудомоек несколько тарелок... Зачем?..

Старуха понимает, конечно, что слишком слаба и медлительна, что почти незаметен ее вклад в общий трудовой порыв. Да ведь дело не только в желании помочь приятельницам! Беспрестанная, хотя и лишенная практического смысла, хлопотня — это ее пропуск в мир энергичных, занятых, полезных для общества людей, это оправдание ее теперешнего существования. Так пусть же дребезжит на весь зал грязная посуда на подносе, дрожащем в дряблых руках, обсыпанных старческой «гречкой». Пусть звякает на весь дом, на весь Арбат! Пусть грохочет неуверенной морзянкой на всю Москву, пусть разнесет по всему свету послание одной из малых мира сего: «Я есть, я существую!»

Ежедневно отправлять в эфир свой писклявый позывной — потребность, не меньшая, чем потребность в пище и воде. Отними у старухи рожденный суетой звон бытия, и что останется? Лишь горечь былых потерь... Тогда уж лучше лечь да помереть. А помирать ей никак нельзя, ведь, пока есть она, есть и бывшие ученики, и новые знакомцы из кафе, и заполонившие Арбат гуляки, и интуристы, и даже бесчинствующие бездомные. Без нее — что же будет со всеми этими людьми? Что произойдет с дешевой, но нужной же для чего-то забеголкой? Устоит ли сам «папанинский» дом?..

...Двери кафе безостановочно распаиваются и закрываются, впуская алчущих или прожоразав утоливших голод. За мелькающими створками (словно бы на сеансе оптического театра) видно прерывистое движение оживленной улицы: то пропылит пара сапог, догоняющих метлу, то пролетят куда-то стоптанные кроссовки подросткового размера, то вспыхнут черным бриллиантом безукоризненно чистые штиблеты столичного франта... А иной раз терпеливому наблюдателю вы-

падет случай узреть восхитительное зрелище — легкий ход двух пар обнаженных женских ног.

Две подружки-соперницы плывут по мостовой, что по подиуму, ступают павами две амазонки из таинственного племени Девушек Из Центра... До сих пор остается загадкой, каким образом приживаются и возрастают на нашей суровой почве сии эфемерные существа (вполне вероятно, инопланетного происхождения). Про них, вообще, известно немного... Ну, например, что пешком те куколки практически не передвигаются, поскольку их нижние конечности предназначены природой для иных функций... Если же все-таки возникает необходимость пройти небольшое расстояние, то шествуют они почему-то всегда парно. Кроме того, путем многолетних наблюдений установлено, что надменные красавицы ведут ночной образ жизни, а куда скрываются и где обитают в дневное время — опять неведомо...

Надо полагать, в ареале центровых девчонок происходит жесточайшая видовая борьба, поскольку они всеми силами стремятся устранить любой намек на собственную индивидуальность, непременно мимикрировать под общий стандарт. Чтобы выжить и оставить потомство приходится действовать грубо, цинично, исходя во всех поступках из двух основных постулатов, простых, зато накрепко засевших в модно причесанных головках: украшать мир — наша миссия на Земле; наша свирепая, доходящая до едкой мелочности меркантильность — производная от нашей миссии, неизбежный и объяснимый побочный эффект.

Знаменосицы собственной непреложной правоты, прелестницы мерно чеканят шаг по старинной мостовой, словно бы на параде в честь окончательного торжества обезличенной красоты, которая, вопреки предположениям классиков русской литературы, оказалась абсолютно индифферентна к морали. Идут, словно пишут, упиваясь властью над царством мужчин, и при каждом шаге профессиональной чаровницы общепринятые представления о границах приличий причудливо смещаются, игриво колеблются вместе с подолами коротеньких юбочек.

И не оторвать глаз от матового сияния молодой кожи голых ног, открытых любопытно-бесстыжим взорам до самых нежных, самых сокровенных изгибов и оттого кажущихся еще длиннее! Ножки записных красоток (это даже на взгляд можно определить) упруги и чуть прохладны. Похожи на косые лучи августовского солнца, еще способного на томную страсть, однако утратившего былой испепеляющий задор и легкомысленно сдающего победительнице-осени. Хотя от нее-то, как подсказывает вдруг пробившийся родничком холодок в сердце, милости ждать не приходится: деспотичная владычица уже примеряет свой златотканый багряный халат — торжественное обла-

чение для дней чудовищных казней, когда падут миллионы и миллионы безвинных листьев.

Ну, что ж... Шагайте, девушки, шагайте... Вы, похоже, уверены, что знаете, куда заведут вас ваши длинные ноги... Вы, верно, полагаете, что античной лепки ножки долговечнее каррарского мрамора... А устойчивее ли власть вашей мимолетной красоты, чем ваш высоченный каблук? А найдется ли в конце вашего пути хотя бы одно местечко, где вам разрешат присесть в кругу собеседников, откуда вас не прогонят, несмотря на то, что вы бестолковы и неприглядны, словно пугало?

Михаил СМИРНОВ

г. Салават, Башкортостан

Родился в г. Салавате 27 сентября 1958 г. Печатался во многих ведущих литературных журналах и газетах. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Международной премии «Филантроп». Лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого. Лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и многих других. Издано 6 книг прозы.

ДАЧНЫЙ СЕЗОН

Петрович выбрался из трамвая на конечной остановке и закрутил головой в поисках знакомых, никого не приметив, махнул рукой и неторопливо пошел вдоль длинного заводского забора. С одной стороны высоченный забор, за которым мрачные цеха, откуда постоянно доносился шум и грохот, а напротив забора, через дорогу начинаются дачные участки. Здесь, возле проходной, их в основном получило заводское начальство. Все под рукой: работа, гаражи и дачи. Правда, между ними затесались и простые работяги. Этих сразу отличишь по заборам. У начальства-то металлические, высокие или из кирпича выложенные, а поверх колючая проволока натянута, чтобы никто не залез, а рабочие строили из всего, что под руки попадало. У одних из штакетника, у других из разнокалиберных досок, а вот Иван Елисеевич умудрился сделать из старых дверей. Да-да... И где достал столько дверей, никому не говорит. Даже небольшую будочку из них смастерил, а потом обшил рейкой, и получился довольно-таки симпатичный домик. Но больше всех удивил Кузьмич, который работал столяром или плотником — Петрович не помнил. Этот Кузьмич построил будку из обрезков древесины. Выписал двадцать или тридцать кубометров отходов,

напил их, как кирпичи, все под один размер и выстроил будку, а остальной хлам к баньке перетаскал. Безотходное производство, так сказать. Все посмеивались, когда начинал строить. А когда отгрохал свое строение да резные ставенки приладил, да крылечко резное, с других улиц на его теремок приходили полюбоваться. Особенно женщины любопытствовали. Охали, ахали и потом своему мужику экскурсию устраивали и плешь проедали, чтобы такой же теремочек поставил, а может, и получше. Кузьмич же сидел на крылечке и посмеивался, думая при этом, что бы еще этакое смастерить. Правильно говорят, что голь на выдумки хитра...

— Петрович, меня подожди,— донесся голос, и тот, оглянувшись, увидел, как по дороге, торопливо перебирая коротковатыми ногами, шагает мужичок с рюкзаком на плечах.— Здорово! С прошлого года не виделись.

— А, Володька, здорово, коль не шутишь,— приостановился Петрович.— Давно сезон открыл?

— Сегодня впервые пошел, а что? — догнал мужичок и сунул ладошку, здороваясь.— А ты когда открыл?

— Я уж раза три или четыре был,— нахмутив густые бровищи, сказал Петрович.— Еще по снегу приходил. Кое-как пролез. По крышу замело, заборов не было видно. В емкость снегу набросал, бочки набил...

— А правду говорят, что опять по огородам лазили? — быстро перебирая коротковатыми ногами, сказал мужичок.— Егоровну встретил на прошлой неделе, она сказала, будто Мамай по участкам прошел. Все подчистую выгребли. Сволочи! — и заматюгался.

— Да, Вовка, почистили наши огороды,— завздыхал Петрович.— Каждый год налеты делают, а милиция ворон ловит. Под носом дачи, а они сидят и будто не видят, что здесь чужие машины мотаются. Все видят, но палец о палец не ударят, чтобы выйти и остановить. Ну, ты приподними задницу-то, шагни за порог, останови машину, в кузов загляни и спроси, откуда вещички-то? И все, можно брать под белы ручки и в тюрьму его. Так нет, сидят и не шелохнутся, потому что им лишняя головная боль не нужна. Зато, как недавно говорили, случайно поймали какого-то алкашонка или бомжа, на него повесили все кражи и отправили в тюрьму. Наверное, бомж до сих пор радуется, что туда попал. Не надо башку ломать, где взять жратву: в тюрьме и накормят, и напоят, и спать уложат. Для него зона — это дом отдыха, по-другому не назовешь.

— Ага, твоя правда, что ворон считают,— вскинулся Володька и подпрыгнул, поправляя тяжелый рюкзак.— Зато охрана умеет дачи начальников караулить. Ближко не подпустят, сразу подмогу вызывают и за оружие хватаются, а на простых работяг им наплевать. Работнич-

ки, м.ь вашу так, так и еще разэтак! — и длинно, витиевато снова заматерился.

— Татьяна, привет! — приостановившись, Петрович громко крикнул женщине, которая граблями собирала мусор на участке.— Готовишься к посевной?

— А, ребятаки, здрастье! — она разогнулась, держась за поясницу, и вытерла тыльной стороной ладони лоб.— Да, нужно убраться. Осенью, перед снегом прибралась, а сейчас пришла и будто ничего не делала. Весь участок в мусоре. Откуда принесло, не понимаю. Земле нужно кланяться, тогда урожай будет. Слышь, Петрович, нашего председателя не видел?

— А зачем тебе? — спросил Петрович.— Что случилось?

— Да узнать, когда воду станет давать,— опершись о черенок, сказала женщина.— А то получится, как в позапрошлый год. Высадили, а поливать нечем. У многих половина урожая пропала. Да еще труба прохудилась. Пусть сварщика пришлет, чтобы заварил, а то всех соседей затоплю.

— Нет, Алешку не встречал,— покачал головой Петрович.— Наверное, работает. Может, к вечеру появится. Ты поглядывай. Скажи, пусть к нам заглянет.

И неторопливо пошел по разбитой дороге.

— Ладно, скажу,— крикнула вслед женщина и опять склонилась, работая граблями.

Петрович остановился. Прислушиваясь, закрутил головой. Стал внимательно всматриваться в яблоньки, а потом ткнул пальцем.

— Слышь, Володь, как птички заливаются? — он стоял, улыбаясь.— Весна пришла. Радуются. Я несколько скворечников повесил. Наверное, скворушки заняли. А воробышки так и прыгают, так и прыгают...

Мужичок тоже остановился. Долго стоял, также прислушиваясь, потом махнул рукой:

— Скажешь тоже — птички,— он засмеялся.— Это же воробы! А воробей, как известно, не птица...

— Дурак, это курица не птица, как говорят,— заворчал Петрович.— Воробей — это самая главная из птиц, которая — я уже не первый год подкармливаю их и заметил — не станет в одиночестве кушать, а всегда позовет свою семью. Хоть крошку хлеба найдет или пригоршню семечек. Все делят на всех. Людям нужно поучиться у них, как должен жить человек. А мы привыкли, что каждый за себя и для себя, и все на этом, а они последней крошкой делятся. А ты — воробей не птица... Дурак набитый!

И постучал скрюченным пальцем по Володькиной голове.

— Сам дурак,— буркнул мужичок и, подпрыгнув, опять поправил тяжелый рюкзак.— Воробьи наглые. Помню, в детстве всегда били их из рогаток. Еще спорили, кто больше других собьет за день.

— Точно — дурак, да еще какой,— буркнул Петрович и, не удержавшись, шлепнул Володьку по затылку.— Вон, я где-то читал, что в Китае какой-то умник, наподобие тебя, решил вывести всех воробьев. Будто они весь урожай истребляют. Вывели... И что? Урожай сожрали всякие мошки-блошки-козявки-букашки. Китайцы чуть с голоду не перемерли. Ага, исхудали, кожа да кости остались... И тогда, чтобы спасти урожай и истребить насекомых, им пришлось покупать воробьев в других странах. Представь, сколько пришлось вкладывать труда и денег, чтобы уничтожить птиц, а еще больше потратили, когда закупали и опять разводили. Вот и получается, что воробей — это самая главная и ценная птица на планете. А ты — рогатка! Руки бы обломать вам, когда стреляли, а рогатку сунуть в одно место, чтобы присесть не могли...

Они шли по дороге, переругиваясь. Иногда останавливались, отдыхали, потом снова шагали по краю разбитой дороги. Оборачиваясь, Петрович видел, как изредка по дороге мелькали такие же дачники, как они. Правда, были и такие, кто мчался на машинах. Ехали одни, никого с собой не брали. Не останавливались, когда встречались старушки или старики. Проезжали, словно не замечали. А другие, наоборот, сами притормаживали, звали подвезти, и тогда дачники садились в машину и облегченно вздыхали — все не пешком в гору подниматься.

Добравшись до поворота, Петрович опять устроил перекур. Стоял, поглядывая на высокий забор, а через дорогу чернело поле. Огромное. Вдали темнела лесополоса, а еще подальше тонкой ниткой тянулась дорога и исчезала за горизонтом. Вздохнув, он посмотрел на подъем. С каждым годом все тяжелее и тяжелее добираться до огорода. А раньше бывало...

— Володька, помнишь, как участки получили? — сказал он и кивнул на едва заметные сады на склоне горы.— Ух, как мы радовались!

— Ага,— закивал головой мужичок.— Я несколько лет простоял в очереди.

— А я тоже стоял, потом смотрю, многие, кто после меня был, уже получили, а я все жду,— задумавшись, сказал Петрович.— Пошел к началу. Говорю, что за ерунда? Другие получили, а я с места не сдвинулся. В общем, сильно поругался. Даже матюги пускал. А после обеда подходит ко мне наш профсоюз и сует бумажку, где был написан номер участка. Не поверишь, чуть не запласал. Жене сказал. Помчались смотреть. Кое-как нашли. Стоим посредине участка и радуемся — наша земля, наша! Глядим — там знакомые и вон там стоят, и тут уже костер развели и чайник поставили, а эти бросили куртку на

землю, уселись и пускают стакан по кругу — землю обмывают, чтобы на ней все росло-плодоносило. Считай, многие с завода получили. И почти все знакомые. Так и начали потихонечку строиться и обжигаться...

— Да, что ни говори, а раньше было лучше, чем сейчас, — вздохнул Володька. — Люди другими были, проще, что ли... Мы снаружи поставили забор, а внутри не стали размечать. Посадили смородину и все — это весь забор между соседями. Они зайдут к нам, мы заглянем. Посидим, поболтаем. Бывало, пузырек раздавим на праздник. А вот наши нижние соседи быстро построились. Кирпич навезли, плиты. Домик поставили. Потом баньку сделали. И каждый выходной парились. Да еще гости приезжали. Мы между грядок ползаем, каждый сорнячок выдираем, а они напарятся, потом устроят застолье, глядишь, к вечеру все на бровях ползают, и бабы — тоже. О, жизнь! Для кого-то участок — средство для выживания, для поддержки штанов, а для других, чтобы на природе отдохнуть да водки нажраться...

И правда, кто-то приезжал, чтобы отдохнуть на даче, а многие добирались, чтобы весь сезон пропахать на участке, тогда зимой будут соленья-варенья на столе, а это очень хорошее подспорье как к зарплате, так и к пенсии. А были такие, кто на продаже наделов зарабатывал деньги. Они умудрялись достать сразу несколько участков. Ставили жиденькие реденькие заборы, туалеты, похожие на скворечники, а потом продавали почти готовую дачу, как они называли. И в те времена люди покупали! Потому что не хватало этих садов-огородов, и желающие всегда находились... А теперь на рынке не накупишься, там втридорога дерут. Зарплаты такие, что плакать хочется, а уж про пенсию и говорить нечего. Чтобы чинушам до конца дней своих жить на такие деньги. Сволочи! Вот старикам и приходится выживать, копясь на своих грядках, а без садов и огородов давно бы повымирили. Не у всех же есть дети, кто может помочь...

Петрович взглянул на склон горы. Ужас, сколько участков побросали! А почему? Да потому что некому стало работать на них. Раньше, когда он был моложе, многие ездили с детьми. Сами работали на земле, а ребятишки в песке возились или по проулкам бегали, все в прятки да в войнушку играли. Но подрастая, детям скучно стало возиться на участках, да и времени не было. Школа, уроки, да еще с друзьями нужно встретиться и куда-нибудь сходить. В общем, молодежь слишком занята, чтобы тратить время на дачу. Это родителям нечего делать, вот они и возятся в земле... Петрович вздохнул, приложил ладонь и взглянул вдаль. Вон виднеется здоровенный особняк за забором. Не дом, а картинка. На участке все, что душе угодно. Почти каждый вечер оттуда шум и гам доносились. Вереница машин стояла, гости туда-сюда сновали, а потом хозяина не стало и дача никому не нужна. Жена не работала. Все на травке отдыхала или за столиком в беседке сидела,

чай да кофе распивала, а дети и раньше-то не приезжали, а теперь тем более не станут. Вот и стояла дача, никому не нужная. И никто не купал — дорого. А весной добрался по сугробам, глядь, с особняка все железо воры снимали. Теперь вообще никто не купит.

А вот там, неподалеку от водокачки, много лет пустует недостроенная дача. Мужик надрывался, хоромы намеревался поставить, чуть ли не на половину участка. Для детей старался. Говорил, поставит родовое гнездо и отдаст ребятам. Ага, поставил... Мужика прямо на участке парализовало. В больнице помер. И оказалось, что его родовое гнездо никому не нужно. Зачем на земле пахать, когда все овощи и фрукты можно купить на рынке. Вот молодежь и отказывается от всего, что им родители готовили, жилы рвали, надрывались. Плевали они...

— Володька, зараза такая, когда мою лопату отдашь? — донесся резкий протяжный голос.— Как взял по осени на минуточку, так до сей поры не отдаешь,— и ехидно так: — Видать, лопатка привыкла к новому хозяину, да, Вовка?

— Да отдам я, отдам,— заворчал Володька, то и дело поправляя рюкзак.— Забыл. Ей-богу! Осенью приткнул в уголок за дверь, будку закрыл и уехал. Если бы ты, дед Митрич, не напомнил, я бы даже не вспомнил.

— Вот и давай таким оглоедам,— из-за забора выглянул старик в фуражке, в старой телогрейке и вытер вспотевшее лицо.— Здорово, Петрович! Говорят, по вашей улице жулики прошлись. Много забрали?

И с любопытством уставился на Петровича.

— Как сказать, дед Трофим...— Петрович поставил сумку на землю.— И украли много, а напакостили еще больше. У нас почти каждый год воруют. Сволочи, знают, что никто не станет искать, вот и пользуются этим. Я взял и вкопал емкость и бочки в землю. Глубоко опустили, чтобы не выдернули. Они же что стали делать... За машину цепляют и выворачивают, а потом грузят, и поминай, как звали. В будку залезли. Ничего не нашли. Взяли, все поразбросали, стекла повыбивали и рамы сломали, хотя сами в дверь зашли. Я же на зиму не стал закрывать будку. Пусть заходят. Все ценное давно вывез оттуда. А они, сволочи, если ничего нет, значит, напакостим... Эх, люди — людишки, сволочи — воришки!

И махнул рукой.

— А вот у Ермохиных, что через проулок,— старик кивнул показывая.— Ты знаешь их, Петрович. Сколько дачу держат, столько лет и строят. А сейчас, как на пенсию вышли, так и живут участком. Вот к ним залезли. Вывезли все, что можно было. Даже столбы украли. Как? Да очень просто! Видать, заранее присмотрели. Воду залили в трубы и оставили. Земля стала мягкая. Ночью подъехали, зацепили и выдерну-

ли. Один штакетник валяется. А у стариков ни детей, ни родственников. Где они возьмут деньги, чтобы новый забор поставить? Скорее всего, воры знали, что здесь старики обитают. И у них украли. Гады последние! Как только этих тварей земля держит...

И старик принялся материться: сильно, громко и обиженно.

— Ладно, у нас только металл воруют,— Володька закурил и махнул рукой.— А вот у моего брата дача на берегу речки. Да какая дача — одно название. Клочок земли, будочка в углу, и все на этом. Так у них не только металл крадут. Как весна наступает, туда, на берег речки, бомжи перебираются и почти каждый день рыбаки бывают. Не успеют посадить, не успеет проклюнуться, а эти шакалы уже лезут на участок. Выдирают все, что можно сожрать или продать.

— А мне жена рассказывала,— к ним подошел еще один дачник: в подвернутых штанах, в рубахе нараспашку и женской шляпе с веселеньким бантиком на боку.— Говорит, у них на работе мужик есть. Осенью собрался картошку копать. Приезжает. Глядь издалека, кто-то на участке мелькает. Подходит, а там несколько здоровенных парней картошку выкапывают. Он испугался. Если скажет, что хозяин, могут голову оторвать, тут же закопают, и никто не найдет. Он постоял, посмотрел, а потом сказал, мол, мужики, а мне можно с вами покопать? Чутьочку для себя набрать, а? Они смеются. Говорят, заходи, все равно чужое. Вот сколько мужик успел выкопать — это для него оставили, а остальное загрузили в машину и увезли. Вот и сажай для чужих...

— Не говори, сосед... Все они: сволочи, гады, твари последние, потому что последние крохи у людей забирают,— сказал дед Трофим.— Я говорю сыну, давай капкан поставим, враз отучим лазить, а он отвечает, не дай Бог, если вор попадет в капкан, сразу тебя посадят. Лет пять дадут за посягательство на жизнь и отправят кедры окучивать в тайгу, вот так прямо и сказал. А какое покушение, если я свое защитить хочу? Да уж, законы...

И старик задумался, навалившись на забор и поглядывая на соседей.

— Вот оно — наше правосудие,— вздернув брови, сказал Володька.— Вора поймашь в капкан, за это срок намотают. Что же получается, братцы? Получается, что у воров полная свобода действий, так сказать. Тащи все подряд. И тащат! Машинами воруют, а их словно не замечают. Странно...

— Правильно говоришь, Вовка, но самое интересное, если разложить по полочкам, что приезжают воровать не бомжи, а люди с машинами,— кивнув, сказал Петрович.— Люди, которые уже все просчитали на много шагов вперед. Вот так! Они мотаются, все высматривают и высчитывают, а может, им говорят, когда и куда нужно нагряться, и потом, в один прекрасный день приезжают на машинах да еще кран с собой тащат. А вы подумайте, как они огромную емкость могут погру-

зять на машину. Ее вдесятером с места не сдвинешь — пупок надорвешь, а они грузят. Это можно только краном поднять, никак иначе. И считайте, сколько техники привлекается для воровства. Машины, на которых вору приезжают, машины, на которые грузят, и еще кран. И воруют не с одного участка, а сразу несколько улиц грабят. Спокойно воруют, не боятся, что поймают. А почему не боятся? Сами думайте... А потом еще металл сдать нужно. Тоже подумайте, как они груженные всяким железом проезжают по дорогам, а потом сдают в пунктах приема, где сразу же видно, что это ворованное, но никто не интересуется, где взяли. И сами приемщики не боятся, когда берут украденный металл. Кто объяснит, почему так происходит? Ага, молчите! Вот и я не могу найти ответ на этот, казалось бы, легкий вопрос. Хотя, если поглубже копнуть, есть догадки, есть...

Петрович поморщился, махнул рукой, поднял сумку и стал подниматься в гору. Володька подхватил рюкзак и засеменил за ним, стараясь догнать.

— Слышь, Петрович,— крикнул Володька.— Что хочу спросить... А что ты свою дачу не бросаешь, а? Говоришь, что воруют, а самого не выгонишь с дачи. Ты глянь, сколько участков пустует. Умные люди давно на диванах лежат и в потолок плюют, а ты каждый год мотаешься, с утра и до ночи пашешь на участке, а урожай с гудкин нос собираешь, потому что все или почти все украли. Глянь, сколько побросали...

И Вовка ткнул пальцем, показывая на склон горы.

По склону горы, там и сям, были видны заросшие квадраты... Даже не квадраты, а словно неведомая болезнь расплзалась по дачкам. Где люди ухаживали, там участки чистенькие видны, а на остальные взглянуть страшно. Хозяин оставляет участок и земля начинает умирать... Нет, не сама земля умирает, а участок заполняют сорняки, кустарник разрастается, яблоньки дичают и все оплетает вьюнок, словно паутиной... Пройдет несколько лет и вместо дачного участка появляется зеленое пятно. И таких пятен становится все больше и больше. Точно неизвестная болезнь захватывает землю, вытесняя отсюда людей, а может, наоборот — это не хвороба, а природа возвращается, залечивая раны, что люди нанесли. И многие люди не в силах бороться с ней и с теми бедами, что сваливаются на них, не выдерживают трудностей и отступают. И бросают свои дачи. А потом появляются бомжи, которые уносят все, что можно продать, которые будут собирать урожай и тащить на рынки, к магазинам и отдавать за копейки. А когда уже нечего будет собирать, бомжи и вору забросят участки и переберутся на другие, где еще можно пожить, а оставленные наделы начнут умирать, покрываясь сплошным ковром сорняков. Крапива и репейник заполняют, всю землю захватывают. Может, когда-нибудь весь склон покроется зеленым ковром. Значит, дачники проиг-

рали. И непонятно, кому проиграли: вора́м, бомжа́м или природе. Скорее всего, что вора́м и бомжа́м, а природа просто лечит свои раны. Все может быть...

— Говоришь, почему не бросаю...— задумавшись, сказал Петрович.— Знаешь, Вовка, скучно дома сидеть. Много раз хотел бросить все к едрене фене, даже манатки собирал, а потом зиму посижу, подумаю и опять тащусь на дачу.

— А я сразу брошу, как на пенсию пойду,— подпрыгнув, поправляя рюкзак, скороговоркой сказал Володька и провел ладонью по горлу.— Вот так осточертело! Глаза бы не смотрели на эту дачу. Правда! На работе вымотаешься, на участок придешь, к вечеру так ухайдакаешься, что не знаешь, дойдешь до дома или где-нить свалишься. Пашешь, пашешь, как папа Карло, а воры придут, урожай соберут и оставят тебя с носом. Вот и получается, что выращиваем для дяди чужого, а не для себя. А ты, Петрович, подсчитай, сколько денег тратим на всякие семена, на воду и землю, а сколько на дорогу улетает — это ужас! Знаешь, лучше лежать на диване и в потолок поплевывать, а захочу огурчики или помидорчики, на рынке куплю, все дешевле, чем самому выращивать. От пуза нажрусь и опять на диван завалюсь. Эх, красотища!

И снова подпрыгнул, поправляя рюкзак.

— Дурак ты, Вовка,— буркнул Петрович, покосившись на невзрачного мужичка.— Дело не в том, что работаешь до упада, не в том, что половину урожая своруют или калитку с бочками утащат. Понимаешь, Володь, на диване ты быстро загнешься. Да... Долго не протянешь — это факт. А здесь тебе и разминка, и свежий воздух, и овощи свеженькие, прямо с грядки, и смородинка поспевает, и яблочки наливаются, но главное — это тишина, которая заставляет думать, размышлять о жизни, а глянь, какая природа вокруг, птички поют, вон прислушайся, как заливаются, а какое общение с соседями и знакомыми, а если еще при этом по полосочке опрокинуть... Вообще, красотища!

И Петрович, покачивая головой, причмокнул.

— Красиво говоришь, а вот по полосочке хлопнуть — это хорошо, но где взять? — не удержался, тоже причмокнул Володька и оглянулся.— Я бы сейчас не отказался начало сезона отметить. Полный рюкзак тащу, все положил, а пузырек забыл сунуть. Придется на сухую...

— Вот видишь, я прав оказался, что пора сезон открывать,— сказал Петрович и похлопал по карману.— Нет, что говоришь-то... Не сезон, чтобы пьянствовать, а дачный сезон откроем, чтобы все у нас росло, цвело и пахло, а осенью урожай соберем, дай Бог, целехонький. Да, так и должно быть, как сказал... Ладно, Вовка, угощу тебя, горемычного,— он хохотнул.— Пошли, Володь, у меня посидим. По рюмашке опрокинем, по душам потолкуем. Глядишь, кто-нибудь еще на огонек заглянет. Все веселее будет. За жизнь поговорим. Считаю, с осени не

виделись. Много воды утекло, когда последний раз встречались. Поговорим, а потом примемся за работу. Заждалась земля, истосковалась. И мы соскучились. Да вот... И будем до тех пор ходить на участок, покуда нас вперед ногами не вынесут с него. А вон, глянь, Николай Матвеич с нашими мужичками идет, — и крикнул: — Эй, Матвеич, зайди ко мне! И ребят прихвати. Да посидим, за жизнь покалякаем, обо всем посоветуемся, а потом за работу возьмемся. Соскучились за зиму. А сезон закончится, дружно скажем, слава Богу, отмучились, но сами всю зиму будем сидеть и ждать, когда весна наступит. А весна придет, снова пойдем на дачу и будем радоваться, что наконец-то дожили до нового сезона. Вот так-то, Вовка! Все, добрались. Заходи в гости...

И подталкивая соседа, Петрович распахнул калитку и заторопился к будке.

Весна. Дачный сезон начинается...

Натали ЛАЗАРЕВА

г. Тула

Писать начала на пенсии. Заполняла вакуум. Я люблю людей. Часто их жаль, потому что они путаются в собственных страстях... Возможно, мои рассказы поднимут им настроение.

ПРОПАЖА

— Зин, а Зин, ты меня слышишь? — ответа не последовало. Только кот Василий недовольно заворочался в ногах. Удивительная животина этот кот Василий. Он Сонечке понравился сразу. Он умел читать ее мысли. Она никому об этом не рассказывала, но сама точно знала, что у нее с этим зеленоглазым пятнистым зверем есть телепатическая связь.

Когда она увидела его в первый раз, то подумала: «Какой красивый кот», и он тут же подошел и начал тереться об ее ноги. А вечером, когда они определились со спальными местами, Соня посмотрела на него и тихонько сказала: «Я не возражаю, если ты будешь со мною спать, но только в ногах, на подушку, к лицу, не лезь, а то выставлю из горницы». Василий все понял и с тех пор греет ее ноги уже полтора года. Правда, грел он ноги не всегда. Иногда на пару недель исчезал, но потом, нагулявшись, возвращался как ни в чем не бывало.

— Ах ты, шатун такой! Где же тебя носит? — ругала кота Сонечка, но он только стыдливо отводил глаза. Она смеялась, и мир был восстановлен.

Еще бывали минуты кокетства. Это когда Василий строил ей глазки. Он муркал, поднимал к ней свои зеленые глаза с узкими зрачками и начинал играть ими. Зрачки то расширялись, то сужались. В это время морда у кота была на удивление смеющаяся. Сонечка не всегда его понимала, но всегда гладила и говорила ему хорошие слова. Так они укрепляли свои связи.

За окном по-прежнему мело. Снег стучал в ставень. Было рано и поэтому темно, но нос уже приятно щекотал запах пекущихся оладьев. Значит, хозяйка Клава встала и готовит завтрак. Сегодня воскресенье, можно себя побаловать и понежиться подольше в постели.

— Сонь, чего тебе не спится? Сегодня же воскресенье. Дел у нас никаких нет,— подала голос подруга Зина.— А ты будишь меня ни свет ни заря. Совести у тебя нет. Спишь со своим котом Васькой, так и спи дальше.— Зина потянулась и еще глубже зарылась под одеяло.— А там все метет? Вот проклятое место! Если дождь, то льет неделю, если вьюга, то две недели, а уж если засуха, то пока все не сгорит, не успокоится! Ты чего меня звала?

— Зин, мне нужно в Колдыбань!

— Зачем это тебе нужно? Метет три дня, никто туда проехать не сможет. Здесь же ездят по столбам, а сейчас даже их не видно. Мы вчера с тобою до школы еле добрались. Забыла? Еще хорошо в колокол звонили, а так бы заблудились.

— Да я и сама это знаю, но у мамы скоро день рождения и я хотела ей отправить денег на подарок, и, может быть, сумела бы с нею поговорить. Ты знаешь, Зин, я соскучилась. Вот сегодня мне приснилось, что мы под нашей старой шелковицей, ну той, что папа спилил, сидим и пьем чай! Все вместе, понимаешь?

Зина это хорошо понимала, потому что сама тайком плакала по маме и брату. Они с подругой Сонечкой второй год учительствовали в селе Горюхине.

Село называлось так не из-за горя, а из-за того, что стояло на горушке. Этот холм так назвать можно было с натяжкой, но возвышенность была. На самой высокой точке была построена церковь, а рядом с нею добротное здание школы. Так два храма, Божий и знаний, стояли рядом.

Церковь была действующая. Священником в ней служил молодой, лет двадцатипяти статный парень. Он приехал сюда так же, как и учительницы, по распределению. Дали ему приход, дякона и придурковатого человека, который любил звонить в колокол. В такую метель — это было спасением, потому что делал он это не переставая, хорошо, звон был не тревожным, а успокаивающим, дарящим веру в жизнь всем заблудшим и потерявшимся в степи.

Девушки со священником, батюшкой Николаем, раскланивались, перебрасывались парой фраз о погоде, но на более близкий контакт не

шли. Они в глубине души жалели его и посмеивались, не понимали, что он может искренне верить в Бога, потому что сами были далеки от религиозных учений. Сонечка окончила факультет физики и математики, а Зинуля была биологом.

Объединяло их только то, что они все трое оказались в одном месте и в одно и то же время по распределению. Но не только это связывало их. Все трое несли в народ светлое и доброе. Соня как-то сказала отцу Николаю про одного ученика, что он способный парень, ему учиться надо дальше, а семья этого не понимает. Через какое-то время парень уехал в Куйбышев, поступил в техникум. Соня поблагодарила отца Николая, а он просто ответил:

— Все в руках Божьих,— улыбнулся и пошел. Сонечка поняла, что ему это было приятно.

Однажды рано утром, перед экзаменами, они с Зинулей решили сбежать на Иргиз искупаться.

Иргиз — чудная, прозрачная, чистая речка текла между песчаными берегами и имела плотное укатанное дно. Течение было, но не сильное. Глубины в речке — по шею, а ширины было метров десять — пятнадцать. Все пили воду из Иргиза и купались в нем. Славная речка, дарящая всему живому радость.

Даже в банный день, в субботу, если позволяла погода, девушки предпочитали натаскать воды для мытья из реки, чем из колодца, который был ближе. Легкость воды Иргиза радовала тело!

Так вот, раненько утром они пришли на речку и застали там отца Николая. Они вначале хотели уйти, но он помахал им рукой и прокричал, что вода теплая. Они разделись, а отец Николай в это время выходил из воды. На нем были нормальные цивильные плавки. Не семейные трусы, как у многих сельчан. И только окладистая борода мешала воспринимать его как нормального молодого парня. Он был загорелым, с хорошим мускулистым телом, мужчиной. Девушки переглянулись. Им обеим пришла одна и та же мысль: «А где это наш батюшка приобрел такое красивое тело?»

С этого раза они стали смотреть на него другими глазами. Они начали его стесняться. Видимо, время делало свое дело. Бывшие студентки превратились в женщин, готовых вступить в брак и начать самостоятельную жизнь. Но с этим были очень большие сложности. У каждой из девушек была своя причина, по которой она оказалась здесь, в селе Горюхине.

Сонечка жила в Таганроге с мамой — учительницей русского языка и литературы и с папой — рабочим, слесарем высокого разряда. Она в семье была старшей дочерью. Еще был брат Саша и сестра Оленька. Семья была удивительная, потому что они все очень любили друг друга.

Мама с утра до вечера пропадала в школе. То родительское собрание, то дополнительные занятия, то педсовет, а домой еще приносила тетради на проверку, поэтому домашние дела Соня делила с папой.

Мама у Сони была белотелой красавицей. Соня это поняла тогда, когда их после девятого класса, отличников, премировали поездкой в Ленинград. Сонечка ходила по Эрмитажу и почти в каждой картине или скульптуре видела свою маму. Такие же руки, ступни, красивые длинные пальцы, поворот головы, улыбка. Ее ошеломили эти открытия, но потом она поняла, что ее мама не только умная и добрая, но классически красивая женщина.

Она не понимала только одного, как такая божественная женщина смогла выйти замуж за их папу? Нет, папу Соня любила и уважала. Она знала, что он умный и достойный человек, но он был старше мамы, все его тело покрывали черно-седые кучерявые волосы, кустились лохматые брови, и только чистые голубые глаза всегда лучились улыбкою. Руки у папы умели делать все. Он два года провел в окопах Гражданской войны и четыре года в окопах Отечественной. После такой школы Жизни, его уже ничем нельзя было удивить.

Но самым большим достоинством папы была его безмерная любовь и преданность семье. Он любил повторять, если наступали неприятности: «Фараонов пережили, переживем и это». Кто такие фараоны Софа по малолетству не знала, но ей нравилось это изречение.

И еще ей понравилось, как ответил папа соседке. Брату Сане было тогда лет одиннадцать. Он подрался, и его жутко избили. Синяк под глазом, нос распух, на щеке ссадина.

— Иосиф, что случилось с вашим мальчиком? Он что, попал под трамвай?

— Нет, уважаемая. Он учится быть мужчиной.

Соня долго потом обдумывала эту фразу «Учится быть мужчиной!». Как это правильно и красиво!

Но больше всего Сонечке понравилось напутствие, которое пожелал ей папа, после окончания школы:

— Дочка, в Талмуде сказано: «Сто смертей и ни одного позора!». Так трудно жить, но нужно. Будь счастлива и стой всегда прямо, а если тень кривая, то не обращай на нее внимания.

И это сказал ей папа, слесарь, а не заслуженный педагог. Соня гордилась своими родителями.

Она очень любила папу. Она любила прижиматься к его плечу, а он целовал ее в волосы. В их семье все любили детей. Она не могла даже представить себе, чтобы ее папа, когда-либо сказал так, как это сделал Зинин папа:

— Мне до детей нет дела. Они уже большие, проживут без меня.— и ушел к другой молодой женщине.

Папа был очень близким человеком, которому можно было задавать вопросы по всем жизненным делам и всегда получать от него ответы. Сонечке нравилось готовить с папой вместе еду. Они обсуждали все — от сотворения мира до сегодняшнего дня. Тем, что Сонечка выросла умным, пытливым человеком, она обязана папе.

После ухода папы в доме Зины поселилась смерть. О папе никто не вспоминал, мама ходила неживой. Никто не смеялся. Старший брат взял на себя управление семьей. Он был хорошим, но Зине не хотелось его слушаться. Брат — это не отец. А отец ни разу даже не приехал и не позвонил. Одним словом, вырвал их с корнем. Зина первый год плакала от обиды, а потом начала его забывать. Ну, нет, так нет.

Студенческие годы — веселая пора. Пролетели они быстро. На пятом курсе надо было уже думать о будущей жизни и распределении. Сонечка была из Таганрога. В Таганрог распределений не было. Зинуля была москвичкой, но ей надо было выйти замуж или получить письмо-открепление на свое личное трудоустройство. Был бы отец с ними, он бы такое письмо достал, а у брата связей не было. Оставалось замужество. За все четыре институтских года никто из мужчин на сердце не лег. Были легкие свидания, походы в кино, поцелуи в подъезде, но все это не трогало сердца.

У Сонечки был друг Эдик. Они были из одной группы, часто вместе готовились к экзаменам, часто смеялись, ели один пирожок на двоих и бегали в кино. После каждого фильма долго и горячо обсуждали увиденное. Те первые иностранные фильмы, которые стали появляться, будоражили ум и будили воображение.

Они оба учились на повышенную стипендию. Внешне и внутренне ребята были хорошей парой, но на четвертом курсе, на майские праздники случилось следующее.

— Сонь, моя мама приглашает тебя, ну со мной конечно, к нам на праздничный ужин. Ты придешь?

Софья зарделась, у нее вспотели ладони. Она, оказывается, уже давно ждала приглашения в семью Эдика. Хотела, но боялась его мамы.

— Эд, а что мне надо принести?

— В каком смысле? В смысле еды? Ничего не надо, у нас папа недавно два пайка получил, и у нас все есть. Купим цветы и все. Да ты не переживай. Ну, понравишься ты маме или нет, какое это имеет значение? Главное, что ты мне нравишься.

— А ты мне не говорил, что я тебе нравлюсь.

— Вот кокетка, ветренный ребенок, а еще физик. Чего бы я тебя звал, если бы ты мне не нравилась?

— Ладно, Эд, а что мне надеть?

— Ничего. Легкая накидушка и пара перьев в волосах не будут лишними. У тебя что, много платьев? Ну, вот видишь, имея одно платье «на выход», проблема решается просто.

Они купили тюльпаны, и еще Сонечка специально для мамы Эдика купила маленький букетик душистых фиалок.

С хорошим настроением они вошли в дом. Мама Эдика Соне понравилась. Она с доброю улыбкою приняла цветы и поставила их в вазы. Сонечка поставила бы их так же. Фиалки в маленькой хрустальной вазочке на стол, а тюльпаны на тумбочку. Контакт получился. Эдик куда-то исчез, а Соне его мама дала приборы и попросила помочь ей накрыть на стол. Сонечка с радостью согласилась. Соня помнила, как мама накрывала праздничный стол, как сверкали бокалы и всегда были цветы. Теплое праздничное настроение наполнило ее душу.

— Все готово, Марта Самуиловна. Что еще нужно сделать?

— Нет, не так, девочка, вилки должны лежать зубцами вниз, а ножи должны быть повернуты лезвием к тарелке. И еще фужеры надо помянуть местами.

Соня очень хотела ей сказать, что ее мама учительница и знает, как надо накрывать на стол, но она себя сдержала. Она вяло улыбнулась и все переложила, как ей велели. Эдик не появлялся. Возможно, его отправили, чтобы познакомиться с будущей невесткой поближе, но Соне было уже все равно. Жгучая обида за маму вызвала у нее слезы на глазах. Она не могла больше находиться в этом снобистском доме, где не работают на заводе, а получают министерские пайки.

— Марта Самуиловна, вы меня извините, но я вспомнила, что мне надо срочно купить маме одну вещь. Совсем забыла. Пойду, приятно было с вами познакомиться. Всего доброго. Эдику я потом все объясню. До свидания.

Марта Самуиловна смотрела на Соню с пониманием. Да, девочка умная, умеет себя вести, ну, семья у нее, конечно, простоватая, не такую жену она хотела бы для своего сына, но он сам сделал выбор. Пусть и разбирается. Девушка не плохой вариант. Ее бы немного ограничить и можно принимать в семью, но сын сам решит.

Эдик очень долго не мог понять причины Сониного ухода. Для него было пустым делом, как лежат ножи и вилки. Под конец разговора он рассердился и назвал ее «дурой». Этого она ему вообще простить не смогла, и между ними пролегло непонимание.

Вот так Сонечка не вышла замуж за сына министерского чиновника, москвича, а уехала по распределению в Тьмутаракань.

— Зинуль, познакомься, это Аркадий, а это моя младшая сестренка. Она оканчивает биологический факультет пединститута, так что вы скоро с Аркадием будете коллегами. Он работает в одном закрытом

учреждении и уже защитил кандидатскую диссертацию.— Зинин брат разливался соловьем. Он очень хотел благополучно устроить судьбу сестры, но как это сделать, кроме замужества, не знал.

Навстречу Зине из-за стола поднялся молодой симпатичный парень. Довольно высокий, блондин с темными глазами, но как только он улыбнулся, вся его симпатия куда-то исчезла и на ее место пришло ощущение уродства. Верхняя челюсть Аркадия выдавалась вперед и два передних зуба заходили один на другой. «Суслик»,— пронеслось в голове Зины.

Зина ловила себя на том, что не может отвести глаз от этих скрученных зубов. Она знала, что это нетактично и некрасиво, но глаза ее все время подводили. Аркадий смущался, а брат злился. Светская беседа о том, когда экзамены и чем она думает заниматься, быстро закончилась. И Аркадий начал прощаться. Было видно, что милая: круглолицая, живая и непосредственная Зинуля ему понравилась, но также было видно, что он произвел на нее удручающее впечатление.

— Слушай, ты откуда выковырял этого сурка? Это с ним ты пытаешься построить мою дальнейшую жизнь? Чтобы я все время смотрела на него и прятала от него сухари, чтобы он их не сгрыз?

— Ты что? Совсем глупая? Ему 28 лет, а он уже кандидат наук! Он же ученый! У него будущее, а ночью все равно какие там зубы!

— Какой еще ночью? Тебе лишь бы меня с рук сдѣхать. Я уеду по распределению, а ты себе найди сурчиху и спи с ней ночью. Я должна любить своего мужа, а не его диплом. Неужели тебе это не понятно? Он биолог и не может себе выправить зубы?

— Ему предлагали, но он боится.

— Господи, он еще к тому же и трус! Кого ты мне подсовываешь? А у вас в институте нет ребят с прямыми зубами?

Да, таких не нашлось, а время шло и довольно быстро. Самое интересное, что Зинуля больше Аркадия не видела, но по телефону разговаривала с ним часто. Ему она нравилась, и он все время ходил с разговорами вокруг да около, пока однажды Зина не посоветовала ему сделать операцию и после этого засылать к ней сватов, потому что ей интересно с ним общаться. Сказано было со смехом. Она знала, что он никогда на это не пойдет. Все, слово не воробей — вылетело, не поймешь!

Вот так Зинуля отказалась выходить замуж без любви и попала по распределению в Тьмутаракань.

Встретились и познакомились девушки в гороно города Куйбышева. В институте они видели друг друга, сталкивались, но знакомы не были. В гороно им объяснили, что свободных мест нет и поэтому их направляют в районный центр Колдыбань, находящийся в сорока ки-

лометрах от Куйбышева. Там построили новую школу-десятилетку и поэтому нужны учителя. Детей надо учить!

В Колдыбани все повторилось. Новая школа, оказывается, была построена в селе Горюхино, что в десяти километрах от райцентра, на реке Иргиз. Село большое, до войны тысячу дворов в нем насчитывали, а сейчас, конечно, меньше, но дети есть и много. Поэтому школу и построили. Всем же понятно: коммунизм — это молодость мира и его возводить молодым! Их обвели вокруг пальца, но комсомолки и отличницы ничего не смогли с этим поделать.

В Горюхино ехали в кузове открытой машины. Была страда. Шел хлеб. Его везли поездами-прицепами на элеватор в Колдыбань со всего района. В воздухе стоял запах нагретого зерна. Запах был вкусный и родной. Настроение у девушек было хорошее. Ну и что, что деревня? Мы все вытужим!

Председатель колхоза был бывший фронтовик. Вылинявшая гимнастерка с орденскими колодками была с черными от пота пятнами.

— Так, девчата, учительствовать, значит, к нам приехали? Добро! Одна, значит, физик и механик, а другая биолог? Ладно. Я почти что понял. На три года к нам? По распределению? Ладно. Жить вместе хотите или по отдельности? Ладно. Я думаю, что вместе вам будет веселее. У меня здесь Клавдия, доярка, есть. Чистая баба, справная, она недавно овдовела. Хороший мужик у нее трактористом был, так по пьяной лавочке под собственный трактор угодил. Слез было... Ладно. К Клавдии и поселитесь, и ей не скучно будет одной. Да за ваш постой ей ведь платить будут. Тоже пара копеек не помешает в дому-то. Вы вот что, девчата, если чего надо, обращайтесь. Чем смогу, тем и помогу. Ладно. Спецодежду мы вам выдадим. У нас без нее нельзя. Устраивайтесь. К директорше школы идите. Она уже вас ждет. Петька, проводи учительниц в школу, а их вещи сvezи к Клавдии в дом.

Председатель заскоружлой рукой пожал им руки, и они в сопровождении Петьки пошли в школу.

Так и началась их трудовая жизнь. Школа, действительно, новая, хорошо оснащенная, учителя им были рады. Они с их плеч сняли нагрузку, а то один преподаватель вел два — три предмета.

Клавдия оказалась молодой, чуть за тридцать, милостивой, женщиной. В избе чисто, двор подметен. Куры сидят за сеткой. Занавески на окнах белые. Запах в избе сдобный. Пахло хлебом.

Не сразу, но они устроились и притерлись друг к другу. Валенки, резиновые сапоги, телогрейки, тулупы, одеяла с подушками и пакетом постельного белья им привезли на телеге. Такое начало жизни им понравилось. Клавдия взялась им за деньги готовить еду. Это их устраивало. На них была уборка в избе и баня. Раз в неделю надо было натас-

кать воды и вытопить баню. Вот с этим они намучились, но потом приспособились. Да, не так страшен черт, как его малюют.

Всякое в жизни у них здесь было, но полтора года пролетели незаметно. Скучновато только было. На танцах резвились подростки, а на свадьбах и праздниках так все упивались, что веселиться уже не хотелось. «Учителок» всегда приглашали. Это и честь была и дань гостеприимству. Одни они здесь. Вот о них и заботились.

А теперь метель третьей сутки засыпает все снегом. Ни пройти ни проехать, а так хочется поговорить с мамой по телефону. Соскучились они по своим семьям. Вот что мешало им здесь счастливо жить. Даже отец Николай привез себе попадью. Тоже, видать, истосковался в одиночестве долгими зимними ночами.

Он на них посматривал, но это как литр и метр — ну невозможно им было соединиться. Разные миры!

Особенно сердце охватывала тоска, когда лил бесконечный дождь или вот так, как сейчас, все время воет ветер. Ну, может быть, завтра поутихнет? Клавдия как-то пришла из коровника и говорит, что коровы повеселели, значит, метель заканчивается. Они вначале на такие заявления переглядывались и смеялись, а потом привыкли, что Клавдины коровы умные. Надо у нее спросить, как там ведут себя коровы.

— Клав, а Клав, что коровы говорят? Метель скоро кончится? — прокричала Сонечка.

— А я с утра сегодня не ходила. Мы с Раиской поменялись. Ей за чем-то вечер нужен, а мне все едино. Так что мне они ничего не сказали. Да ты у Васьки спроси. Он нос лапой закрывает или уже нет? Умывается? Ну, значит, конец непогоде. Пережили и это. Сонь, я слыхала тебе в Колдыбань надо? До непогоды дед Матвей туда за чем-то собирался. Только он ведь на санях, не на машине. С ним, может, и Петька поедет. По такой дороге одному нельзя. Если хочешь в санях, то я с ним поговорю. Он сегодня на ферме будет. Ты думай и скажи мне.

На машине, на санях, да хоть на палке верхом! Соня до боли в сердце хотела услышать мамин голос.

— Клав, поговори, попроси, пусть они меня с собою возьмут.

— Ладно, девка, попрошу, только сама потом об этом не пожалей. Двадцать верст на санях по морозу — это плохо. Обморозиться можно. Но решать тебе.

— Сонь, — подала голос Зина, — подожди, когда все утихнет. После вьюги пару недель будет спокойно, и ты съездишь на машине. Чего гнать-то лошадей? Да еще этот дед Матвей с Петькой. Влипнешь с ними во что-нибудь. С ними вечно что-то случается.

Да, Зинуля права. Дед любил выпить и по пьянке утопил телегу в Иргизе. Хорошо, что хоть лошадь как-то выскочила.

— Зин, у мамы ведь день рождения. Понимаешь? И она не знает, что мы здесь зимуем, как на полярной станции. Я ведь говорю, что у нас все хорошо, весело. Маму я хочу услышать.

Зина молчала, только подозрительно засопела носом. Софа соскочила с койки и подошла утешить подругу.

— Ну, хочешь, я с тобою поеду? Вместо Петьки.

— Как же, возьмет вас дед обеих вместо Петьки. От Петьки в крайнем случае сила будет, а вы две, что сможете сделать, если коняка понесет?

— Это какая такая коняка? У него что, новая лошадь? А Маньку что, съели?

— Тьфу, типун вам на язык! Да кто ж ее, старую, есть-то будет? Все та же Манька у него...

— Ну, если Манька, тогда она не понесет. Ей уже сто лет в обед будет.

— Ладно, поговорю с ним. Давайте завтракать.

Вьюга стихла. В Колдыбань выехали затемно, путь не близкий, лошаденка староватая и в саних трое.

Сани у деда Матвея были произведением искусства. Их еще до войны сделал один плотник из соседнего села. Мастеровой был человек, жаль, что погиб. А вот сани-лебедушки остались. Их уж дед Матвей и холил и ремонтировал, но никогда никому не отказывал и всегда на них подвозил людей, куда надо было.

Видать за добрые дела и сани держались, не ломались. Или срублены были на совесть.

Одним словом — поехали. Дед с Петькой разместились на скамеечке впереди, а Сонечку, укутав тулупами и попоной, уложили на сено в сани.

Слабый ветерок дул в спину, Манька резво трусила по дороге, Сонечке было тепло, спокойно и уютно. Скоро она будет говорить с мамой. Незаметно для себя она заснула и проснулась только тогда, когда они уже остановились около почты в Колдыбани. Дед Матвей был доволен. Хорошо приехали, споро. Он подвесил Маньке мешок с овсом, обтер ее мешковиной и укрыл попоной.

— Ты, девк, долго не задерживайся. Дела на почте сделай, в магазин сходи и поедем в обратный путь. Зима ведь, выехать надо засветло. Поняла?

— Да, я все поняла, дед Матвей, час я думаю, ну, может быть, чуть больше.

— Хорошо, мы пошли с Петькой в магазин.

Перевод она отправила быстро. А вот телефонную связь пришлось ждать долго. Соединили сначала не с тем городом. Долго выясняли, что к чему, потом она услышала треск и далекий мамин голос.

— Софьюшка, радость моя, у тебя все хорошо? Ты здорова? Когда ты приедешь? Мы по тебе скучаем. Да ладно, куплю себе что-нибудь. Спасибо за деньги. Мы все здоровы. Ребята учатся, мы с папой работаем. Все как всегда. По тебе только очень скучаем. Далеко ты все-таки от нас. Приехать к тебе сложно. Не приезжать? Не надо? Почему? — тут что-то засвистело и затрещало.

— У вас осталась одна минута, кончайте разговор,— проворковала телефонистка.

— Мама, мамочка,— прокричала Сонечка,— я тебя тоже очень люблю и соскучилась...— в трубке что-то щелкнуло, и связь оборвалась.

— Девушка, девушка, вам надо доплатить еще полтора рубля за разговор. Вы превысили лимит.

Соня рассчитывалась с телефонисткой и не замечала, что по щекам текут слезы. Она очень хотела еще поговорить с мамой и с папой. Она не думала, что у нее так будет шемить сердце. Родные мои, далекие, как же я хочу быть рядом!

Пока она ждала переговоров, дед с Петьюшкой сходили в магазин, купили продуктов и две белоголовки, которые торчали у деда из карманов. Увидев, что Соня плачет, дед расстроился и нервно затоптался рядом.

— Дочь, дома чего случилось? Помер кто, не приведи Господи, или захворал кто? Чего реवेशь-то?

От дедовой заботы Софа заплакала еще сильнее.

— Во, дура-баба, ну чистый маскарад, все живы-здоровы, а она ревет. Петька, сходи с учителькой в магазин, посмотри, чтобы купила все по списку. Вишь, девка расстроена. Да побыстрей уже. Ехать пора.

Все было куплено, уложено в сани. Они поели хлеба с салом и соленым огурцом. Соня все вздыхала и судорожно всхлипывала.

— Соф,— позвал дед Матвей,— вот на, глотни на дорожку. Это не наш самогон, а хорошая водка, успокойсья, согреешья и уснешь. Да что ты так пьешь, как цыпленок? Сделай хорошие глотки. Ну, вот и хорошо. Полезай в сани, и я тебя укрою. Учителка, а чистое дитя. По мамке плачет. Никто не разберет этих баб.

Сонечка согрелась, от выпитой водки ей стало весело, она разулыбалась. Видишь, какой дед заботливый и вообще человек славный. Ей везет. Ее везде окружают заботливые люди. Все ее любят и хотят ей добра. С этими благостными мыслями Сонечка не заметила, как уснула. Проснулась оттого, что вокруг было очень тихо. Не скрипели полозья, не фыркала Манька и не сопел дед.

Ни Маньки, ни саней, ни деда вообще не было. Она лежала посреди дороги на сене, которое сползло с саней, и ее уже стало заносить снежком. Соня вскочила на ноги. Никого не было видно. Кругом степь. Столбы просматривались, да и след от полозьев еще виден, но больше

никого и ничего. Кричать бесполезно. Ветер дул в лицо. Надо идти, пока не наступила ночь. И она пошла...

— Тпру... — Петька дернул вожжу.

— Но... — дед Матвей дернул другую вожжу.

Манька фыркнула и остановилась. Потом задрала хвост и в нос наездникам выпустила струю вонючего ветра.

— Итить твою мать! Да что ж ты делаешь? — замахал руками дед Матвей. — Так ведь и окочуриться можно. Ты чего злишь животное и тормозишь, когда она домой хочет, в стойло?

— Да мне по нужде надо.

— Ну, надо так надо. Иди, — дед оглянулся на Соню: досталось ей от вони или она спит, ничего не почувствовал.

Сани были пустые. Дед снял рукавицы и протер глаза. Он, конечно, вздремнул малость, но, чтобы девка исчезла и он не услышал, такого еще не бывало. Куда же она подевалась?

— Петька, а учителька с нами ехала?

— Ехала, а сейчас она где? — вполне разумно спросил Петька.

— А сейчас вот ее и нету. Убегла верно.

— Куда убегла? — не понял Петька.

— Дай Бог, чтоб не на небо! Поворачиваем и едем ее искать. Кабы не замерзла, мороз крепчает и ветер.

Соня прошла немного. Она не замерзла и не устала, но каким же для нее облегчением было увидеть на дороге увеличивающуюся темную точку. «Ну, точно дед Матвей едет, — подумала она спокойно и радостно. — Не забыли про меня, едут».

О том, что случилось, они, не сговариваясь, решили никому не рассказывать. Но со временем Петька проболтался, и к учительке Софье Иосифовне приклеилось необидное прозвище «Пропажа».

Заканчивался второй год их учительствования. После последнего экзамена Зина с Соней задержались в классе. Убирали весь экзаменационный реквизит. В дверь класса просунулась Петькина голова. Он дико вращал глазами и ухмылялся.

— Что горим? — строго спросила Соня.

— Не-е-е, — протянул Петька. — Во, к ней, — он указал глазами на Зину, — братан приехал.

Зина поблденла и выдохнула: «Мама...». Они обе выскочили в коридор. У школьного крыльца стояли двое молодых мужчин. Они спокойно переговаривались и улыбались.

— О, сестренка, как ты славно выглядишь! Загорелая. Да нет, с мамой все нормально. Мы вот с Аркадием решили тебя отсюда увезти. Помнишь Аркадия?

Рядом с братом стоял симпатичный молодой человек. Он улыбался, и пристально смотрел на Зину. Она растерялась. Какой Аркадий? Суслик?

— Это вы? — сумела она из себя выдавить. — Я бы вас не узнала. Мы ведь с вами виделись всего один раз, да и то давно. Что вас привело сюда? Край вроде бы не близкий.

— Да, это я, а привели меня сюда ваши слова. Не помните? Вы мне сказали, что я могу к вам посвататься, когда сделаю операцию. И вот я здесь.

— Простите меня. Это была с моей стороны глупость, неразумная шутка. Я ведь не думала, что это так на вас подействует. Ну знаете, Аркадий, вы мне нравитесь. Не из-за исправленных зубов, а из-за упорства. Нам, конечно, надо было бы немного лучше узнать друг друга. Мы ведь давно с вами не общались, но, скорее всего, я приму ваше предложение.

Они стояли в кольце односельчан, которые с интересом слушали весь разговор. Петька ликовал. Учителка выходит замуж, и он первый привел к ней жениха. Слухи об этом дошли до отца Николая, и он предложил обвенчать их в церкви. Молодые люди вежливо отказались. А жаль. Такое постоянство и упорство должно иметь благословение Божие!

На каникулы молодые люди уезжали все вместе. Только Зина, как жена Аркадия, уезжала к мужу, а Сонечке надо было отработать еще один год. Она радовалась за подругу, но печалилась за свою судьбу. Годы идут, а рыцаря на белом коне что-то не видно. Ладно, она съездит домой и там, как всегда, оттаит сердцем.

Таганрог был родным городом. С одним учился, с другим крестился, с третьим замуж выходил, как говорится. Все тебя знают и поэтому проявляют бесцеремонность.

— А что, Софочка, вы еще одиноки? Замуж еще никто не позвал?

Такие вопросы она слышала все чаще и чаще.

— Пап, найди мне какого-нибудь мужа. Меня эти досужие сплетницы уже одолели.

— Ну, что ты, родная, какой-нибудь муж тебе не нужен. Муж обязательно должен быть любимым. Иначе сил на всю долгую жизнь не хватит. Ты не думай об этом. Господь позаботится, и все сложится само собой.

Соню такой ответ не устраивал. Какой там Бог будет о ней заботиться? И где до сих пор этот Бог отсиживается? Все уже детей имеют. Одна она вековуха. Обидно и горько, но плакать не хотелось. Значит, не раскиснет она, переживет и это.

Надо было глазки строить отцу Николаю, а то все «комсомолка, комсомолка». А он вот взял и привез себе попадью, а они ведь с ним хорошо разговаривали. Он ее понимал. Странное дело, ей нравился отец Николай. Она вспоминала его загорелое сильное тело, и что-то ныло у нее внутри. Эдика с вилками его мамы она уже забыла, а вот Николая помнила. Но не зря же говорят — одна у попа жинка. Все, поезд ушел и ничего не воротишь. Такие мысли приходили и уходили. Горько не было. Может быть, еще, действительно, все впереди.

Была середина августа. Соня, дорожившая каждым днем, проведенным в семье, все откладывала свой отъезд в село Горюхино. Ей теперь одной надо было там куковать. Зинуля звонила и сказала, что получила открепление и что ей нравится быть замужем. Еще сказала, что они с мужем поедут в Минск и, возможно, на обратном пути к ним заедут, навестить и покупаться в море.

Они приехали втроем на машине друга Аркадия. Машина напоминала американский додж времен войны. Она была очень интересная, и поэтому в первое мгновение Соня с интересом рассматривала ее, а уже потом рассмотрела хозяина. Он не был высоким. Возможно, из-за того, что широкие плечи делали его кряжистым, но веселая улыбка и измазанная щека в Сонечкином сердце подняли волну нежности.

Сердце гулко застучало по ребрам. Ладони вспотели. Привычным движением она вытерла их о юбку ситцевого сарафана, проведя ладонями по бедрам. Движение получилось простое и, в то же время, женственно-призывное, потому что приезжий гость с интересом за нею наблюдал и улыбался. «Он уже мужчина, — пронеслось в голове у Со-ни, — и он понял, что мне понравился».

Носового платка под рукою не оказалось, поэтому она задрала подол сарафана, подошла к нему и сказала:

— Можно я вытру вашу щеку? Вы вымазались машинным маслом, — и уверенным движением стала вытирать его лицо.

Хозяин доджа радостно улыбался. Ему понравилась эта естественная девушка.

Сонечка знала, что теперь она будет заботиться о нем до конца своих дней.

Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

г. Сельцо Брянской области

Родился в 1947 году на Смоленщине, в д. Любестово, в семье фронтовика. Окончил Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Работает учителем в школе-интернате. Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «День Литературы», в журналах «Молодая гвардия», «Север», «Дон», «Искатель», «Странник», «Сельская новь», «Воин России», «Пограничник», «Нана», «Огни над Бией», «Приокские зори», «Фантастика и детективы», «Наша молодежь». Автор восьми книг прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Руководитель литобъединения «Парус» (г. Сельцо).

НЕБЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Эту историю мне довелось услышать от одного из моих друзей, совершивших паломничество в Ольминский женский монастырь.

Во время посещения святой обители ее настоятельница матушка Феофания рассказала прихожанам о том, как в довоенные годы монастырь был закрыт, а во время войны подвергся бомбардировке и был основательно разрушен. И как в послевоенное время поднялся из руин и возродился, словно птица Феникс из пепла.

Матушка Феофания особо подчеркнула, что помимо Божьей помощи в деле восстановления святой обители важную роль сыграл гражданин Германии, участник Второй мировой войны.

Рассказ матушки Феофании об участии бывшего немецкого солдата в возрождении русской православной женской обители показался мне весьма интересным. Я записал его со слов друга и привожу практически полностью.

— Когда встал вопрос о возрождении Ольминской женской обители, выбор пал на меня. Видимо, так было угодно Богу. Я была уже в почтенном возрасте, а в этом непростом деле нужен был опытный человек, который сумел бы найти силы и средства, чтобы в короткий срок дать вторую жизнь бывшей обители.

Ознакомившись с положением дел на месте, я убедилась, что будущий монастырь придется возводить практически заново. От бывшего осталась только часть старого храма. Во время войны здесь проходила линия фронта, шли ожесточенные бои. С обеих сторон в них участвовали подразделения пехоты, танки, артиллерия.

Чудом уцелевшие стены храма, обшарпанные, изрешеченные пулями и осколками снарядов, кое-где со сквозными отверстиями, являлись собой жалкое зрелище. Такие же отверстия зияли и в куполе. Внутри храма лежали груды камней, а на бывшей звоннице поднялись то-

шие березки-верхолазы. И только фундамент да подвал сохранились целыми, если не считать, что последний был едва ли не полностью завален битой штукатуркой и кирпичом.

Ни средств, ни сил на восстановление обители поначалу не было. Но вскоре появились первые насельницы будущего монастыря. Монахини обосновались в небольшом вагончике, подаренном местными строителями, и трудились от зари до зари, чтобы приблизить возрождение обители. Помогали и местные жители: подвозили воду, дрова, приносили продукты.

Те небольшие пожертвования, что попадали в монастырскую казну, целиком шли на строительные материалы: кирпич, цемент, железо, брус. Главное было начать стройку, а дальше Господь не оставит, может довести до конца благое дело.

Начали с того, что очистили помещения и территорию, возвели леса, заделали отверстия и трещины в стенах, оштукатурили и покрасили часть здания. На этом средства закончились.

На правах игуменьи вынуждена была пойти по высоким инстанциям, просить помощи у чиновников. Некоторые отказывали, ссылаясь на собственные трудности, другие давали крохи, третьи обещали горы золотые, но палец о палец не ударили, чтобы помочь.

Не отчаивалась, не впадала в уныние, истово молилась вместе с монахинями в расчете на чудо. И оно случилось.

Однажды осенью получила письмо из Германии. Конверт был подписан по-русски и адресовался матушке Феофании — настоятельнице Ольминского женского монастыря, которого, по сути, еще не было. Вскрыла письмо с большим волнением. Была крайне удивлена, что в Германии знают о нашей обители и обо мне.

Немецкий язык я изучала в миру, во время учебы в институте, поэтому трудностей с переводом не испытала. К тому же часть письма была на русском.

«Добрый день, почтенная госпожа Феофания!

Пишет Вам житель Нижней Саксонии, ветеран Второй мировой войны Гельмут Кирст, проживающий в немецком городе Ольденбурге.

В сорок первом году, когда фашистские войска подошли к вашей границе, я был призван в армию и направлен на восточный фронт.

О том, что пришлось мне испытать, вдаваться не буду.

Вначале была эйфория от легких побед. Многим тогда казалось, что покорение Москвы — дело нескольких месяцев, что эта военная кампания всего лишь легкая прогулка, наподобие тех, что были ранее в Западной Европе, когда оккупировали Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию...

Однако с самого начала военных действий на вашей территории, начиная с границы, я понял, что нашу армию ждет затяжная кровопро-

литная война, которая в конечном итоге едва ли приведет к победе Германии.

В боях под Москвой я впервые получил ранение, а после излечения в военном госпитале был вновь направлен на восточный фронт. В ту пору наша часть стояла на территории Центральной России. Здесь мы узнали, что наша армия потерпела сокрушительное поражение на Волге, под городом Сталинградом. Нет необходимости говорить о том, что эта весть надломила боевой дух солдат вермахта.

В 1943 году мы последовательно стали сдавать свои позиции. А осенью того же года наступающие русские войска прорвали нашу оборону и погнали нас со своей территории.

Под вашим поселком, госпожа Феофания, мы попали в настоящий котел. Бой был на редкость жестоким и длился несколько суток.

Мы делали попытки сдержать натиск вашей армии, но безуспешно. Когда боеприпасы были на исходе, мы побежали. Впереди виднелись черные скелеты сгоревших русских хат, дальше — широкое поле, а за ним темный лес. Я понял, что, если мы побежим через поле, нас перестреляют, как куропаток.

Я был молод и очень хотел жить. Мой мозг работал лихорадочно, повторяя одну и ту же мысль: «Как спастись?»

И тут я увидел в стороне от поселка на высоком пригорке разбитый снарядами православный храм. Решение созрело мгновенно. Я опрометью метнулся в направлении храма, на бегу шепча молитву: «Господи! Имя Тебе Милость. Помилуй. Спаси и сохрани меня!»

Мне повезло. Под прикрытием кустарника я благополучно добежал до храма. Робко шагнул внутрь, перекрестился. И увидел груды битых кирпичей да голые стены, пробитые снарядами. Укрыться было негде, и я понял, что здесь найду свою смерть.

Но случилось чудо. Я сделал еще несколько шагов, и вдруг взгляд мой упал на узкое темное отверстие в полу. Это был вход в подвал, наполовину заваленный битым кирпичом.

Я юркнул туда, словно мышь и, сдирая руки в кровь, стал быстро маскировать лаз, засыпая себя сверху кирпичом. Едва я закончил эту работу, как услышал шаги и русскую речь. Я замер. Казалось, что у меня не только прекратилось дыхание, но и остановилось сердце. Солдаты Красной Армии обшарили все углы храма и, убедившись, что в нем никого нет, бросились в погоню за отступающими немецкими солдатами. А я, немного придя в себя, подумал: «Видимо, и впрямь ангелы не оставляют храм, даже если он поруган и разрушен».

Трое суток я провел в своем укрытии. Среди ночи вылезал, разминал руки и ноги. И все это время истово молился, глядя в ночное небо, усыпанное яркими звездами. Что только я не передумал за это время? Мне хотелось домой, к матери, к любимой девушке Эльзе, фотографию которой я хранил у сердца. Я проклинал войну, которая разлучи-

ла нас, проклинал тех безумцев, кто затеял этот восточный поход, надеясь снискать богатство и славу.

Когда силы стали покидать меня, я вылез из подвала и под покровом ночи поплелся через поле, в сторону леса, вновь надеясь на чудо. Шел долго. Падал, но поднимался из последних сил. Ел желуди, корешки трав, кору деревьев, дикие яблоки. Наконец впереди показались спасительные огни. Это была лесная деревенька в несколько хат. Я постучался в крайнюю и на ломаном русском попросил поесть. Пожилая женщина в темном платке, из-под которого выбивалась прядь седых волос, открыла дверь и долго с нескрываемым удивлением изучала меня умными и печальными глазами. Потом впустила в избу, подала на стол еду. Обед был скудным, как и вся обстановка в доме.

Я рассказал ей, что по профессии учитель и на фронт попал не по своей воле. Во время трапезы я обратил внимание на фотографии, стоящие на комод. Молодая женщина сидела на солнечной поляне в окружении детей. Я с трудом узнал в ней хозяйку. Она оказалась моей коллегой — до войны работала сельской учительницей. Рядом стояли еще две фотографии. Мужчина с проседью и молодой парень в военной форме смотрели на меня настороженно.

Заметив мой интерес, хозяйка пояснила, что на одной — ее муж, который пропал без вести в начале войны, а на другой — сын, на которого недавно получила похоронную — он погиб в бою за Сталинград. Женщина рассказывала и тихо плакала. Ком застрял у меня в горле. Я не выдержал, упал перед ней на колени, стал просить прощения...

Уходя, сердечно поблагодарил ее и попросил показать дорогу в город, где находится штаб Красной Армии. Заодно поинтересовался, как называется тот православный храм на окраине ближайшего поселка. Женщина пояснила, что до войны это был Ольминский женский монастырь. Разбитый храм — это все, что от него осталось.

Претерпев немалые трудности и лишения, я оказался в лагере для военнопленных на границе с Белоруссией. А после окончания войны и последующей репатриации вернулся в Германию, в свою Нижнюю Саксонию...

В мирное время я сделал неплохую карьеру, стал директором гимназии. Но всю свою жизнь не забывал о том, что именно Ольминскому православному храму я обязан своим чудесным спасением. Все эти годы я копил деньги, чтобы когда-то отблагодарить Господа, помочь возродить этот храм. Но долгое время мне не удавалось отыскать сведений о судьбе Вашей обители.

И вот совсем недавно, благодаря сети Интернет, я узнал, что Вы, матушка Феофания, взялись за возрождение Ольминской обители. Я несказанно обрадовался этому событию и тотчас решил предложить свою помощь. У вас, у русских, бытует пословица: «Долг платежом

красен». Не откажите мне в моем благородном деле. Ведь этой обители я обязан жизнью...»

Я ответила Гельмуту, что готова принять его помощь, поблагодарила и сообщила реквизиты банка и на какой счет можно перевести пожертвования.

С той поры мы стали регулярно получать от него переводы на довольно солидные суммы. Во многом благодаря его помощи мы и возвели свой храм.

Мы приглашали Гельмута Кирста на открытие обители. Он обещал приехать, но неожиданно заболел. Годы берут свое...

Потом был период, когда Гельмут перестал отвечать на наши письма и звонки. И переводы мы не стали получать. Лишь спустя некоторое время его сын Вальдемар сообщил, что его отец умер.

— Перед смертью отец просил меня по возможности поддерживать связь с Ольминской женской обителью и всячески помогать ей,— сказал мне по телефону Вальдемар.

И этот наказ отца Вальдемар Кирст выполняет по сей день.

Владимир ГЕРАСИМОВ

г. Тюмень

Коренной сибиряк. Родился 7 ноября 1955 г. в Омской области. Окончил филологический факультет пединститута имени П. П. Ершова и Омский У. М.-Л. Более четверти века трудился в родной области. Учительствовал, был директором сельских школ, на партийной работе, в структурах потребительской кооперации. Пишет стихи и прозу. Издано несколько сборников. Печатался в журналах «Тюмень литературная», «Берега» (Калининград), «Приокские зори» (Тула), «ЛиФФт» (регион), «Культура. Немцы Сибири» (Омск), в периодической печати ряда областей. Победитель и лауреат конкурсов различного уровня. С 2000 г. живет и работает в Тюмени.

ШКАТУЛКА

Заболела Анна этой весной, прихворнула, как сама с горечью в голосе, говорит. И надо же именно сейчас, когда самая работа и на молокозаводе и на собственном подворье, за день не провернешь работу-заботушку. А тут эта болезнь привязалась и, похоже, надолго. Серьезно застудилась она в цехах заводских — в воде да резине.

А помощники-то дома не ахти какие. Матери вон уже под семьдесят — тоже недомогает часто, в войну надорвалась по дялям да по другим тяжелым работам. Скрипит, конечно, помаленьку на огороде, по двору.

Мужиков в доме нет совсем. Только слезы о них. Полегли родненькие, муж и сын старший, где-то на Смоленщине осенью сорок третьего.

Младшие ребяташки, конечно, помогают, не без этого, стремятся что-то делать. Но дело ответственное, серьезное, доверять еще рано — устают быстро, а то и в игру все норовят превратить. Одна надежда на Лешку — сына среднего, что батина копия. Этот уже взрослый. В январе как-никак двенадцать годков стукнуло. Гордится им Анна. И в школе учится хорошо, спортом, когда время есть, опять же занимается.

Видела раз Анна, что на турнике у школы он выделывал. Гордость за сына взяла. В тот же вечер выпросила у мужиков на заводе хороший обрезок трубы металлической, домой принесла — вот радости-то было. Турник делал сам с ребятами соседскими. Надежно, добротнo сделали, на совесть. Место выбрал у дома, на полянке, рядом со своей любимой березкой, что брат старший перед войной посадил. Тут же рядом скамеечку основательную приспособил.

Стало теперь это место любимым для сына и его школьных друзей. Собираются вечером зачастую на полянке, устраивают состязания всякие на спор — кто больше подтянется, кто упражнения разные лучше выполнит. Одним словом, по сердцу ребятам стали и турник и занятия эти.

А Лешка еще и музыкой увлекся. В школе говорят, что у него получается.

У соседки Авдотьи Воротниковой осталась после мужа гармошка новая. Купил он ее незадолго до войны, по случаю, в райцентре на базаре. Даже не купил, а на картошку семенную выменял. Туго что-то перед войной с семенами было, вот он на мешок доброй картошки и обменял гармонь эту. Да еще от доброты своей деньгами приплатил немного, чтобы не ушла к другому.

То-то шуму дома было. Разошлась тогда Авдотья, хоть «святых» выноси. Долго бушевала баба, плакала. Успокоилась потом, простила — потому как сильно любила мужа своего Гришу, да и петь сильно любила.

А когда пошли провожать мужиков-то на войну, хорошо играл ее Гриша, надрывно, подходяще для момента такого. Когда запылела по большаку машина с мужиками деревенскими, Авдотья прижала гармонь эту к груди, как самое дорогое, что у нее оставалось и плакала молча, будто предчувствуя, что ничего и никого кроме этой гармонии у нее не останется.

Долго никому Авдотья эту гармонь не давала. Стояла она у нее на месте видном под образами, вместе с единственными фотографиями ее Григория да сына Петра, что погиб где-то на границе северной еще в финскую.

Не раз просили мужики свои, что вернулись с фронта и парни повзрослей, продать гармонь, или поменять на продукты. Никому не отдала, всем отказала, а как иначе — память. А вот Лешке принесла как-то вечером сама.

Все были дома. Зашла Авдотья тихо, без стука. Гармонь несла как ребенка, крепко прижав к себе. Сразу присела на скамью у печи. Некоторое время молчала. Молчали и в доме.

Потом как-то взволнованно сказала:

— Нюра, подруга моя дорогая! Видела я сегодня во сне Гришу своего. Грустный какой-то, а потом и говорит мне, вроде как с укоризной: «Скучно пошто живете? Жизнь-то продолжится. Песен не слышно, музыку не играете. Разве за это мы полегли? Что бы вы горе только горевали. Нет, дорогая супруженица! Мы погибли, чтобы солнце светило, дети и вы радовались всему, песни пели, жизнь возвеличивали да краше делали. И нам радостней будет, душа воспоеет. Вот так-то милая. Помните это, живите и за нас», — так прямо и сказал Гриша то мой. Потом, знашь, Нюра, замолчал он и светлеть стал, навроде облака и пошел куда-то. Не, не пошел, а поплыл над травой зеленой, как наша, а там впереди его лес тоже березовый светлый. А Гриша то уходит и улыбается. Проснулась я, подруга — чисто как-то на душе, светло стало и слез нет... Ты знашь, соседка, день маялась, не могла надумать, что же сделать, чтоб наказ-то его сполнить, не послушаться. И вот решила: а возьми-ка, Лешка, ты гармонь эту солдата моего, пусть и вправду играют она, народ веселит. Пусть и песни поются, может, и вправду легче им там будет.

И она опять замолчала. Вся подобралась как-то. И лицом, будто светлее стала. Потом неожиданно сказала:

— А сыграй-ка Гришину, сынок.

Лешка взволнованно произнес:

— Да, а смогу ли, ведь редко играю.

— Сможешь, касатик. Все сможешь, — бодро ответила вдова.

Лешка потными, слегка подрагивающими руками взял гармонь из ее рук. Присел тут же на табурет. Попробовал несколько аккордов и как-то робко сначала заиграл, потом музыка зазвучала все громче и громче, торжественнее. Он играл любимую соседа «На сопках Маньчжурии». Играл Лешка хорошо. В доме стояла тишина, никто не сдвинулся с места. Тишина стояла еще какое-то время и после того, как он закончил играть.

Потом Авдотья встала, подошла к сидящему Алексею, поцеловала смутившегося мальчишку и поклонилась в пояс.

— Спасибо, сынок, уважил. Пусть Леша будет тебе это подарком от солдат наших. Вижу, правильно решила, в надежных руках инструмент будет. Играй, людей радуй, — перекрестившись, Авдотья молча вышла.

Вот так появилась в их доме эта гармонь. Без дела она не стояла. Вечерами иногда просили женщины-соседки Анну позвать Лешку с гармонью, поиграть. Ни Анна, ни Лешка никогда не отказывали им в этом. И слышна была в округе чаще грустная музыка и песни грустные, печальные. Плакали женщины да пели, пели да плакали. Словно душу чистили. Напевшись, молча расходились грустные по домам.

Так и текла жизнь деревенская, в заботах да хлопотах. И царапали порой сердце женское до боли страшной воспоминания о жизни прошлой, о солдатах, что не вернулись.

Печально было тогда бабам, вот и собирались вместе выплакаться.

Мать эту весну да и лето, пожалуй, была точно не работница. Лешка видел это, понимал, сочувствовал ей. Больше старался, что посылно взвалить на себя, держал крепко в руках меньших брата и сестру. Да и сами погодки стали вдруг повзрослей и в шесть лет многое уже делали по дому и огороду, ухаживали за мамой, которая еще не могла много передвигаться.

Общими силами, под руководством бабушки, провели в саду все работы. Прибрались, вскопали грядки, мелочь посадили. В конце мая сосед на заводской лошаденке вспахал небольшой клочок земли под огород. Миром посадили и картошку. Помаленьку делали и другие дела.

К началу июня и матери стало полегче. Лешка уже выводил ее ненадолго за ограду. Она тихо сидела на скамье во дворе, любовалась зеленой травой и садом, слушала пение птиц. Радовалась солнцу и курам, что копошились у ее ног. Обрадовало Лешку и бабушку и то, что Анна стала понемногу, но с аппетитом, кушать.

А однажды попросила приготовить ее любимую окрошку, со свежим зеленым луком. Бабушка, конечно же, все скоренько приготовила. А потом с любовью смотрела, как дочь, не торопясь, с удовольствием ест. Бабушка опять начинала плакать и приговаривать при этом:

— От счастья, детки, от счастья я.

Повеселел и Лешка, и малышня. Лешка стал вечерами находить время и на турник, и мяч выходил погонять с ребятами на заводской поляне. Иногда из их сада были слышны и звуки гармонии.

Но это уже была другая музыка — веселая, зовущая. Как-то вечером бабушка тихо подседа к Лешке на скамью за оградой. Положила свою натруженную мозолистую, но такую родную ладонь, на его колено и некоторое время молча сидела. Лешке казалось, что рука эта прожжет ему штаны, столько тепла было в этой жилистой и сухонькой руке.

Потом бабушка Ульяна заговорила:

— Видишь, Ляксей, мамке твоей лучше стало. На поправку, стало быть, пошла. Это хорошо!.. Я тут на днях в церкву в соседнюю дерев-

ню с оказией доеду. Помолюсь еще за нее болезную, надо... С тобой о другом говорить хочу. Скоро день рождения у нее. Чтобы тако придумать, подарок какой. Дух чтобы ее еще шибче поднять, настроение чтобы на радость повернуло... Ну, ты меня понимаешь, внучок? Ты молодой, ум у тебя лучше кумекат. Подумай. Что такое можно сделать?

— Да, поднимать надо дочу, поднимать. Одна она у нас пока и надежа и кормилица,— немного помолчав и вздохнув, продолжила старая женщина.— А ты подумай, милай, подумай. И бабушка ласково погладила внука по голове. Потом устало поднялась и молча пошла в ограду, у нее всегда были дела. Чем можно порадовать мать, чем поднять настроение в ее день рождения? С этой думой и заснул Лешка в этот вечер. И утром не давала покоя ему эта мысль.

Надо что-то сделать особенное, женское. Чтобы это было только ее. Но вот что?

Этот вопрос сидел в его голове как заноза. И вдруг под вечер его как током ударило.

Шкатулку! Да, непременно, шкатулку, он сам сделает матери.

Он вспомнил, как в школе на уроке рисования старый учитель-фронтовик Анатолий Романович однажды поставил на высокую подставку простую шкатулку, обделанную простыми битыми ракушками.

Шкатулки такие мальчишки старших классов делали на уроках труда еще до войны. Мальчишки те в основном погибли, остались где-то там, на полях сражений, а вот несколько шкатулок до сих пор хранятся в школе.

Хранил одну такую и старый учитель-солдат, в память о своих ребятах.

Лешка точно помнит, как в классе тогда раздались возгласы восхищения, когда на шкатулку упали лучи яркого весеннего солнца. Все ребята были просто поражены этой простой красотой. Шкатулка переливалась и играла перламутровыми цветами, казалась просто необыкновенной, неземной.

Вот именно такую красоту и захотел сделать Лешка своей матери, порадовать ее. Дело это нельзя было откладывать, времени оставалось не так уж много.

На следующий день, выбрав время, Лешка пошел на завод, в бондарный цех.

Дядя Вася Воронов, друг его отца, один из немногих вернувшихся с войной земляков, всегда был рад Лешке, разговаривал с ним как со взрослым, серьезно и степенно.

Узнав, что собирается делать парнишка, он похвалил его, поддержал. Подобрал ему необходимые дощечки, подсказал, посоветовал как лучше делать.

Инструменты столярные были дома всякие, остались от отца, который очень любил столярничать до войны в свободное от работы время и мальчишек своих учил, как чем пользоваться.

Два или три вечера, перед встречей домашнего стада с полей, Лешка трудился под навесом, где отец когда-то соорудил себе верстак, на котором и производил все столярные и слесарные работы.

Здесь под рукой было все, к тому же всегда под вечер стояла прохлада.

Шкатулка у Лешки получилась необходимого размера, вместимая. Ладной получилась и крышка — легкая, плотно подходила по шкатулке. Придумал Лешка и ножки — подставки, вроде и простые, но на них шкатулка смотрелась гораздо лучше. Форму ножек он подсмотрел у старинного бабушкиного сундука, в котором она хранила все свое самое ценное. Проклеив шкатулку, хорошо обработав поверхность, Лешка остался доволен своей работой.

Шкатулка вышла легкой, даже какой-то изящной. Дело оставалось за ракушками. Да еще надо было все это удержать в тайне. Он старался работать в то время, когда мать час — другой перед вечером отдыхала. Бабушка же зная, чем занимается старший, старалась отправить малышню куда-нибудь с «особым» заданием.

Потом дня два, Лешка под предлогом жары и того, что в стаде, которое пригоняли на водопой, надо посмотреть теленка, что всего несколько дней на выпасах, уходил на озеро. По берегу он шел к дальним камышам, в отдалении от всех купающихся, добывал ракушки. Дело это было нетрудное. Лешка получал двойное удовольствие — дело делал и от души купался.

За это время необходимое количество разных по размеру ракушек он добыл — были и черные и серые экземпляры.

Дома Алексей осторожно раскрыв у всех ракушек створки, извлек содержимое, которое скормил курам. Закончив эту работу, парнишка сложил под навесом наверху в укромном темном месте сушить половинки раковин.

Через несколько дней высохшие половинки Алексей осторожно разломал на нужные по размеру кусочки. Разложив их на свету, долго любовался картинкой, менял местами разломанные части ракушек.

Пришлось опять, взяв с собой несколько забракованных кусочков ракушек, бежать на завод к дяде Василию за советом и за помощью. Как специалист, тот опробовал опытным путем все имеющиеся у него виды клея, что-то помешал, сделал клеевую смесь и сказал:

— Возьми, это будет держать мертво. Только береги, в хозяйстве мужику всегда сгодится.

Еще два вечера Лешка колдовал со шкатулкой. Подбирал цвет перламутра и тщательно подгонял кусочки. В последний вечер было уже темновато, когда он закончил работу. Чтобы избежать всяких нежиз-

данностей с ее хранением, он унес шкатулку на ночь в баню, поставил ее на полку над окошком, чтобы клей просох и все «прикипело».

Утром встал раньше обычного вместе с бабушкой, которая выгоняла телка в стадо и уже затопила печь-временку, что сложена на летний период у ограды, чтобы уже начинать что-то готовить.

Когда внук вынес свою поделку из бани на утреннее солнце, у него самого дух захватило. Так она ожила, как будто пропиталась солнечными лучами вся насквозь. Бабушка тоже зачарованно смотрела на поделку внука.

— Ах, какая красота, какая баска! Ну, прям жемчужовая! А горит-то, польхат, что сама Царь-Птица. Вот это подарок. Вот мать-то рада будет. Молодец, внук! Правильный растешь, рукастый. А как жа, наша порода. Весь в деда и отца. Хорошо, прямо скажу, хорошо!

И бабушка уголком поблекшего фартука утерла набежавшую слезу.

— Теперь вот что, касатик, надежно прибрать надо красоту эту до времени. Вот возьми-ка корзинку, что под навесом, не поленись и в предбаннике на жердочку, где веники висят, повешай. Там она в надежде будет, подсохнет чуток, крепше станет.

День рождения матери выпал на субботу, был конец июня. Погода стояла теплая. До этого два дня дождило. На огородах все радовало. С понедельника начинался Петров пост. Он хоть и не строгий, но деревенские старались его придерживаться.

Несмотря на то, что все знали о состоянии Анны, с поздравлениями потянулись с утра.

Первыми, еще до выгона скота в поле, подошли друзья Вороновы — Василий и Люба. Они спешили на завод. Любовь, принимать молоко, что скоро будут подвозить после утренней дойки, у Василия был большой заказ от производства на тару под масло, вот он и решил до сенокоса поработать в выходные, чтобы впрок наготовить тары. Они преподнесли Анне на день рождения петуха и курицу, Василий что-то прокомментировал на ухо виновнице, что та засмушалась. Принесли ведро рыбы-карася живого, которого только что вывалил из сетей Воронов. Ох, как это было кстати.

Бабушка расщедрилась по такому случаю, подала Василию целый ковш браги, который он с большим удовольствием почти весь и «принял». Крякнув, остаток торжественно двумя руками преподнес жене со словами:

— Не обессудьте, гражданочка. Я в бондарке роблю один. А вы человек умственного труда, вы на людях, вам боле нельзя.

У Любаши чертики пробежали в глазах, но она с улыбкой, поклонившись, сказала:

— Благодарствую, муженек! Чтoб внуки тебе на старости столь водицы подавали.

На что Воронов шутя обратился к бабушке Ульяне:

— Вот смотри, старая, что солдату, осколками посеченному, защитнику-герою, желат жена родная. Закусив, еще немного пошутив, чета Вороновых ушла на завод.

Сразу после того, как прогнали стадо за околицу, подъехал дядька Матвей-безногий, так все в деревне звали его за глаза. Безногий, потому что вернулся с фронта без ноги, а потом и вторую «отчекрыжили» в больнице, как он говорил, так как заражение пошло. Звали же все его уважительно — Матвей Степанович. Хоть и без ног был солдат, но работать любил, везде успевал. И сильно не нравилось ему, когда его жалели.

Успевал Степанович и дома и в колхозе трудиться. И жена его Нина детей рожала часто, чем вызывала шутки и зависть со стороны женской половины населения. Матвей Степанович был родным братом бабушки Ульяны, следовательно был родным дядькой Анне. Любил он свою старшую сестру. Уважал за основательность, надежность и щедрость, за женскую мудрость и покладистость. Любил он и племянников своих. И несмотря на то, что его семья жила скромно, он всегда чем-нибудь да помогал сестре и Анне.

Вот и сейчас Матвей Степанович привез ведра два картошки, хороший кусок копченого сала, что весной коптил, и полную «лагушку» кваса березового на ячмене.

Степановичу Ульяна налила не браги, а с уважением подала стакан водки, что держала про запас для брата всегда. Матвей Степанович пожелал Анне доброго здоровья и простого бабского счастья, с большим удовольствием выпил и тоже крякнул. Так, наверное, делают все, кто понял цену жизни и дорожит ею, кто занял свое место на земле этой.

Больше пить не стал, сославшись на работу и свои принципы. Да, все знали, что в этот период он возил по бригадам на покосы воду и людям, и лошадям, и для техники. Дело делал важное. Степанович немного закусил, попросил разрешения подымить. Покурил, что-то тихо сказал сестре. Потом громко обратился к Анне:

— Там вечером моя забежит с подарком. Да и отдохнет пусть, умялась тоже. Если меня не будет, не обессудь. Могу, племяшка, уработаться за день так, что свалюсь без ног.

И Матвей Степанович как-то невесело улыбнулся, посмотрев на культи в брезентовых защитных чехлах, но все же бодро попрощался со всеми и уехал.

Больше в течение дня никто с поздравлениями не заходил. Субботний день, хлопотный банный день — работы хватало всем. Но домашние знали, что вечером непременно придут и подруги и соседи.

Поздравив и поцеловав мать, ребята объявили, что подарки будут вручать только при всех вечером за столом.

Бабушка потихоньку хлопотала весь день. Помаленьку помогала ей и Анна с малыши. Готовили окрошку, варили картошку цельную в чугуне, нарезали копченого и соленого сала. Лешка на грядах нащипал много лукового свежего пера. Он знал, что будет сегодня на столе это неприхотливое блюдо с домашней сметаной.

Любят эту простую закуску в деревне летом. Идет она и с картошкой горячей и под сало идет «за милу душу», да и просто с хлебом.

Разливали по крынкам квас ядреный и ставили в углубление в земле под навесом. Женщины готовили и мясо. Столы и лавки поставили у ограды, часть их взяли у соседней.

Ребята в заводском саду аккуратно наломали березовых веток, постарались с душой украсить стенку навеса, возле которой стояли уже столы. Поставили и на них веточки в простых глиняных крынках. Все было готово.

Вечером гости собрались быстро. Все после бани, уставшие за рабочую неделю, с большим удовольствием садились за столы.

Анна вышла нарядная, в цветастом платье, что до войны купила в городе с мужем. Это платье он сильно любил.

Все желали Анне здоровья, что-то дарили. Старый учитель-ленинградец, что поселился с женой в деревне во время войны и похоронивший здесь супругу, преподнес Анне букет полевых цветов и прочитал стихотворение о женской доле, чем растрогал женщин за столом.

Жена Матвея Степановича подарила ей отрез на платье и что-то прошептала племяннице на ушко.

Бабушка, подойдя с поздравлением, разволновалась, не могла ничего сказать, поцеловала дочь, расплакалась и отошла хлопотать под навес.

Когда настала очередь детей, малышня о чем-то пошептавшись, убежали в баню. Вышли оттуда с красивым венком из полевых цветов и зеленых веточек.

Они попросили мать сесть и торжественно надели на голову своей любимой мамы это простое великолепие. Анна совсем растрогалась, ее глаза стали слезиться, и она часто прикладывала к ним платочек.

Последним с поздравлением и подарком в руках вышел Алексей.

Он начал говорить негромко, но говорил так, чтобы все слышали:

— Мама, то, что я тебе сейчас подарю, делал сам. Не знаю, понравится, нет. Но я старался. И сильно хочу, чтобы по сердцу тебе был подарок этот, как это платье, что купил тебе отец. Делал я его отцовским инструментом, делал и думал о них — о бате и братке. Думал, чтобы они подарили тебе сегодня. Так что правильно будет, что подарок этот я тебе подарю от всех нас, от всех твоих родных мужчин.

И Лешка замолчал. Он сильно волновался. Ведь не в школе, а перед своими близкими и соседями впервые говорить довелось. Видя, что внук сильно волнуется, бабушка негромко подбодрила его:

— Давай, Ляксе́й, не робей. Дари подарок-то. Лешка развернул тряпицу, в которую была завернута шкатулка, бережно, двумя руками преподнес ее матери. Заходящие лучи солнца ласково коснулись подарка, и шкатулка заиграла, все цвета радуги ожили на ней.

Мать тоже двумя руками приняла этот дорогой для нее подарок. Отвела его в сторону, чуть приподняв вверх, или чтобы все видели его, или чтобы лучи уходящего солнца на прощание еще раз коснулись шкатулки.

Да, она была прекрасна. Мать и подумать не могла, что такое мог сделать парнишка, ее подрастающий сын.

Анна бережно поставила шкатулку рядом с собой, потом крепко обняла Лешку. Она ничего не говорила, но ее плечи стали вздрагивать. Мать беззвучно плакала на плече повзрослевшего сына. Потом медленно подняла голову, и все увидели в ее глазах какой-то особенный блеск, это был блеск радости, счастья и гордости.

— Спасибо, сынок, за подарок расчудесный, за руки твои золотые, за старания твои. За радость, что мне доставил. Особенно спасибо тебе, сынок, за память твою и слова. Слова добрые, слова правильные, что сказал ты сейчас от сердца об отце своем и брате.

Анна на какое-то время замолчала, потом, поцеловав Лешку, молча присела. Все-таки непрощедшая еще до конца болезнь, волнения сегодняшнего дня сказались — она устала.

Затем она подняла стакан, что стоял перед ней и торжественно, но спокойно произнесла:

— Да, правильно сказал сейчас сын мой. Надо думать о них, о тех, кого нет сейчас с нами. Но они в сердцах наших навечно. Дело делаем — они с нами. Горе мыкаем — они с нами. Радость у нас — пусть и у них радость будет. За радость эту они полегли, не возвернулись к нам — отцы и мужья, сыновья и братья, девчонки и бабы, молодые и старые — родные наши. И пока живы, помнить о них и о времени том будем, крепко помнить. Все сдюжим, все переживем. Давайте, родные и дорогие мои, выпьем за них, за память нашу. Спасибо им всем за то, что солнце светит, детишки спят спокойно, сны добрые видят, о будущем мечтают.

Все слушали Анну молча. Каждый сейчас думал о своем и о том, как живется без них, думали о солдатах, лежащих где-то в краях неведомых далеких и здесь на родном погосте за озером.

Вечер стоял теплый. Постепенно застолье стало более оживленным. Анну поздравляли, выпивали, закусывали. Уже сыпались шутки, прорывались забористые частушки, слышался чаще смех. Ребятно уже отправили спать, Лешку же оставили посидеть со взрослыми.

Через какое-то время его попросили поиграть. Гармонь уже с вечера стояла под навесом на верстаке, дожидаясь своего часа. Лешка стал играть, что просили. Играл он сегодня с каким-то особым подъемом и настроением.

Радовало то, что подарок матери пришелся по душе, что он за столом со взрослыми и что они признают его как равного.

Люди пели душевно, без надрыва и крика, спокойно и величаво. Песни ложились на душу и уплывали куда-то в темнеющее небо. Пели о женской доле и о войне, о любви и сторонке родной, пели о том, что дорого в жизни этой каждому за этим столом. После очередной песни народ за столом стихал, кто-то вытирал слезы, кто-то просто молчал, подперев голову руками.

На небе были уже четко видны звезды, ночь накрыла деревню темным цыганским платком. Анна, извинившись перед гостями, отправила Лешку спать. Кое-кто из соседей тоже засобирався было уходить, сославшись на завтрашнюю занятость. Но с общего согласия решил еще немного посидеть, благо было тепло да и на столе было чем угоститься.

Снова стало оживленно. Уже засыпая, Лешка услышал пение матери. Запела одна, других голосов он не слышал. Давно она не пела. Не пела с тех пор как проводила мужа и сына на фронт. Замкнулась в себе и стала гаснуть, когда получила похоронки на своих дорогих мужиков.

А сейчас она запела их любимую с отцом песню «По диким степям Забайкалья». Они пели эту сибирскую народную песню часто, когда ехали на покос или в деляны, или иногда просто вечером, когда оставались вдвоем. Она пела о судьбе каторжника так душевно и просто, так чувственно, что все за столом даже и не пытались подхватить песню, чтобы не нарушить воцарившуюся гармонию.

Засыпая, Лешка улыбался — ему стало тепло, надежно и спокойно.

Вячеслав АЛТУНИН

г. Тула

ДЕРЕВЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Рассказы о сельской жизни. Миниатюры

Журналист, поэт, прозаик. Родился в д. Песковатое Белевского района Тульской обл., в семье сельских учителей. Окончил среднюю школу в г. Белеве, а затем — историко-филологический факультет КГУ. Почти сорок лет работал в газетах Тульской обл. Многие годы занимался освещением АПК. Стихи пишет и печатается с 14 лет. Автор 4-х и соавтор нескольких книг, публикуется в альманахах и сборниках. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» им. И. С. Тургенева. Дипломант конкурса ЦФО «Потенциал России». Член СПР и Союза журналистов России.

ПЕТУХ-РЫЦАРЬ

У соседей моих очень боевой, отважный петух. Куры и цыплята под его защитой — как за каменной стеной. Нынешним летом произошёл такой случай. Наседка с цыплятами гуляла по подворью. Вдруг сверху налетел ястреб и бросился на цыплят. Петух, нимало не медля, кинулся на агрессора, распушив хвост, взъерошив гребень и сделал боевую стойку. Он так стремительно и бесстрашно атаковал ястреба, что тот растерялся и дрогнул. И хоть петух в схватке потерял несколько перьев, и гребень его был в крови, но он вышел полным победителем: ястреб, тоже с потерями, улетел. А петух возвестил о своей победе торжествующим кличем и долго потом с горделивым видом, под восхищенными взглядами кур ходил по двору, отряхиваясь и оправляясь. Вот так, наверное, и средневековый рыцарь у ворот замка Прекрасной Дамы трубил в рог о своей победе, а потом, ловя ее восхищенный взгляд, гордо ходил по замку, чувствуя себя наверху блаженства. Такое же чувство радости, наверняка, испытывал и петух, ощущая себя рыцарем и настоящим мужчиной. А многие ли из людей в критической ситуации ведут себя так же отважно? Увы...

МНОГОЭТАЖНОЕ СЕМЕЙСТВО

Всем вам, наверное, доводилось видеть, как мама-лягушка везет на спине своего сыночка-лягушонка через дорогу. Но то, что увидел я этой весной на автодороге, было поистине удивительным: на спине мамы-лягушки восседали... сразу четыре лягушонка! И она их несла,

хоть было видно, как тяжело ей это дается. Я боялся только одного: чтобы проезжающая машина не раздавила это многоэтажное семейство. Поэтому, когда появился легковой автомобиль, я поспешил рукой, чтобы он остановился.

— Ну что?! Что?! — раздраженно спросил водитель, открыв дверцу. Он, видимо, куда-то спешил и был раздосадован задержкой.

— Посмотрите,— ответил я, указывая на многодетную маму-лягушку.

— Надо же! — искренне удивился он, и лицо его из раздраженного стало добрым и светлым.— Ну и мамаша! Никогда такого не видел!

— Я — тоже...

И долго мы стояли и смотрели на то, как четырехэтажное лягушачье семейство пересекает дорогу, направляясь к ближайшему пруду. Только после того, как опасный участок пути был им пройден, мы с водителем, пожав друг другу руки, расстались. И в душах наших осталось доброе чувство. Оказывается, могут люди и животные понимать друг друга, а общение с «братьями нашими меньшими» нас, людей, делает лучше и добрее. Хотя бы на короткое время.

ПИРАНЬИ ИЗ ЛЕСНОГО ОЗЕРА

Пирании — хищные и прожорливые рыбы, которые водятся в некоторых южных морях. Встреча с ними опасна даже для человека, а не то что для обитателей морских глубин, потому что они очень злобные и прожорливые, а их рот усеян длинными и острыми зубами. Появились своего рода пирании и у нас в деревне, в лесном озере. Года три назад туда запустили мальков рыб-ротанов. Название «ротаны» очень точное. Сама рыбешка — с ладонь, а половину ее туловища занимает голова с огромным ртом, которым ротаны пожирают все, что попадает на их пути. Размножаются они быстро, часто и в огромных количествах. И вот за три года они у нас в озере пожрали все: водоросли, тину, лягушек, мелких рыбешек других пород и начали уже от недостатка пищи пожирать друг друга и пожрали бы, если б не огромный приплод, компенсирующий с лихвой убыль. Слава Богу, что они небольшие и на людей не нападают!

Наши деревенские рыбаки сначала радовались: рыбы в озере стало много, ловить легко. Правда, улов никуда особенно не годится: только если жарить их поильнее прямо с костями да залить яйцами,— получается неплохо. Однажды встретил своего знакомого рыбака.

— Что-то давно,— говорю,— не видел тебя на озере.

— А я туда больше не хожу. Езжу на придорожный пруд, Дмитриевское водохранилище.

— А что так? Рыбы на озере не стало?

— Да нет. Наоборот, слишком много. Неинтересно ловить. Смысл-то в чем? Чтобы посидеть, на зорьку полюбоваться, клева подождать. Вот поплавок дрогнул — и сердце дрогнуло: есть! А сейчас что? Только закинул, минуты не прошло — уже клюет! Вытащил, опять закинул, через полминуты — тащи! Они же ведь прозорливые, жадные, наживку глотают будь здоров! Все удовольствие от рыбалки теряется!

«Вот так,— подумал я,— на рыбаков не угодишь: мало рыбы — плохо, а слишком много — выходит, еще хуже?»

ЗНАКОМАЯ ЦАПЛЯ

Я регулярно гуляю по дороге, ведущей к селу Манаенки. Возле дороги есть небольшой пруд, весь покрытый тиной, с лягушками, мальками рыб, рыбами и прочей водяной живностью. Идеальное место для цапли. Правда, шумноватое, потому что по дороге то и дело проносятся автомашины, проходят люди, в окрестных полях работают трактора. Но цапля, которая поселилась здесь, быстро к этому привыкла, и шум человеческий ее, похоже, не смущает. Она прилетает сюда каждый год и проводит на этом пруду весну и лето, а осенью опять улетает в теплые края. Она то неподвижно стоит на одной ноге, то бродит по отмелям, выискивая добычу. Мы с ней познакомились. Да-да! Постепенно она начала узнавать меня и даже приветствовать, делая круг надо мной и опять опускаясь на воду. Однажды я принес ей кусочек сырого мяса и положил у берега. Цапля увидела и после совершения традиционного приветственного круга опустилась на это место, взяла кусок клювом и с удовольствием проглотила. Угощение, судя по всему, ей очень понравилось. С тех пор я то и дело приносил ей гостинцы: то кусочки мяса, то рыбы, а то хлеба. Все это с благодарностью принималось и съедалось. Так дружили мы лет пять, наверное. А вот в прошлом, 2017-м, году цапля что-то не прилетела. И я затревожился о ней, как о друге: не случилось ли чего? Не погибла ли она во время долгого перелета протяженностью в тысячи верст? Ведь цапли летят зимовать на африканский континент, чаще всего — в Египет. Они летят над морями и пустынями, над селами и городами, через часовой пояс и несколько климатических зон. Путь этот опасен, долог и труден. Далеко не все птицы преодолевают его успешно. Но все же они летят... И я верю: моя знакомая цапля вернется! Я жду ее...

ДРУЖОК

Когда мы с братом Сашей были еще маленькими (ему шесть лет, а мне — десять), у нас жила замечательная собачка по кличке Дружок. Масть ее была белая с черным: мордочка черная, спина черная, а лапки и животик беленькие. Удивительно умная была собачка, такой у нас

уж больше никогда не было, хотя собак мы держали постоянно, как и кошек, и другую живность. Дружок понимал человеческую речь и мог выполнять даже сложные команды. Бывало, скажешь ему: «Дружок, подай кружку!» — Смотришь, а он в зубах тащит кружку. И уж давно он носил и подавал ботинки, калоши, шапки. «Ну и собака! — говорили все, кто его видел. — Прямо как человек. Только что не говорит по-человечьи!» А я уверен, что Дружок мог бы и говорить, но просто не хотел.

Он умел открывать лапками дверь, загонять уток и гусей в сарай, причем получалось это у него гораздо лучше, чем у нас с Сашей: так ловко он с ними управлялся, диву даешься! И еще одна поразительная способность была у Дружка: он прекрасно искал грибы. Пойдешь с Дружком — гарантия того, что наберешь полную корзину или ведро, или сумку! Во-первых, он точно определял места, а уж оказавшись в таком месте, просто замечательно находил сами грибы. Он и защищал нас. Однажды на улице на меня бросилась чужая большая и злая собака. Дружок, не колеблясь, вступил с нею в схватку и прогнал ее. Она с позором бежала и больше на нашей улице не появлялась, а увидев Дружка, поджимала хвост и убегала сломя голову, хотя была намного больше его. Дружок жил у нас года три. А потом случилась беда: он пропал. Что такое? Точно неизвестно. Но мама говорила, что его отравил один злой человек, наш сосед. Мы плакали о Дружке, как плачут об утрате близкого, любимого человека. Да и впрямь: он был членом нашей семьи, а по разуму, смелости, благородству едва ли не выше многих людей. Да и до сих пор, хоть прошло уже больше полувека, вспоминаю о Дружке с грустью. А того человека Бог наказал за убийство: он вскоре спился, спятил с ума и умер от запоя. «Спрошу,— сказал Господь,— за всякую душу и за всякую кровь: человека и скота!»

ПРИЗРАК СТАРОГО ДОМА

Это случилось в Белеве, когда я однажды заночевал у своего одноклассника и тезки Славы Писанца. Мы с ним были соавторы: я писал стихи, а он — музыку на них, и наши песни, звучавшие на школьных вечерах, пользовались большим успехом. Слава жил в старом деревянном доме, в жилую часть которого вела довольно крутая лестница, а под нею был небольшой закуток, в котором жил маленький, очень милый, пушистый щеночек. В тот раз мы засиделись допоздна. Родителей Славы дома не было, они куда-то ненадолго отъехали или отошли в гости, уж не помню. Настали темные осенние сумерки, и в такую пору почти всегда тянет на страшные рассказы: о привидениях, диких зверях, разных таинственных явлениях. Вот мой друг и решил удивить меня рассказом о призраке, который якобы появляется в их доме. Он уверял, что сам не раз видел его и что привидения вообще любят такие

вот старые деревянные дома. Я тоже рассказал ему что-то о необъяснимых явлениях, и мы собрались пить чай. Между тем выяснилось, что совсем нет воды. Водопровода у них в доме не было, и Слава сказал, что он сейчас возьмет ведра, быстренько сходит по воду, и мы поставим чайник. Он ушел. До колонки было недалеко. Время шло, а моего друга все не было. В раздумье о том, что бы это значило и что могло его задержать, я, почувствовав недомогание, прилег на диван и завернулся в светло-серое покрывало, лежавшее на нем. Задремал. И вдруг — не знаю, в дреме или наяву,— слышу чьи-то тихие, медленные шаги по лестнице. Это возвращался мой друг с ведрами, полными воды, но я-то этого не знал, вернее, почему-то не подумал об этом, а сразу пришло мне на ум в темной комнате, что это не иначе как призрак старого дома появился и бродит тут. Завернувшись в светлое покрывало (словно оно могло защитить меня!), я вышел, цепенея от страха, в сумеречный коридор и не своим, а каким-то странным, изменившимся голосом спросил: «Кто? Кто это тут ходит?» И вдруг слышу грохот падающих ведер, истошный визг щеночка, сердитый голос Славы: «Пошел отсюда, придурок!» Потом он, очевидно, дал щеночку пинка, потому что тот взвизгнул еще раз. Я кричу: «Слава, не бойся, это — я!»

— Фу! — сказал он.— А я взаправду немного испугался. Ну представь себе: выходит медленно чья-то фигура в белом и спрашивает: «Кто там?» и таким неестественным голосом спрашивает!

Ну, перепугался-то он, конечно, не немного, а сильно, аж ведра уронил, облив холодной водой бедного щеночка под лестницей. Пришлось еще раз ходить по воду. На этот раз уже вдвоем. Ох, и посмеялись мы тогда! Только маленький, хорошенький щеночек долго возился в своем закутке; дрожал, скулил и никак не мог понять: за что его окатили ледяной водой, дали пинка да еще и наорали на него? «Вот больные-то, вот ненормальные-то!» — наверное, думал он о нас, людях. А что? Собачка была недалеко от истины.

СРЕДСТВО ШАЛЯПИНА

Однажды, заведая отделом в газете «Молодой коммунар», я с нашей молодежной делегацией поехал в Чехословакию. Было это в далеком 1979 году. После окончания всей программы был заключительный концерт, на котором чехи и словаки должны были показать свои номера, а мы, советские,— свои. Поскольку все наши чехословацкие друзья и партнеры отлично владели русским языком, я попросил у руководителя делегации, второго секретаря Тульского обкома комсомола Валерия Калугина позволения прочесть свои стихи. И показал ему, что намерен читать.

— Хорошо,— одобрил он,— стихи — это хорошо. А то у нас — все

песни, музыка, а вот поэтического жанра нет. Давай, читай. Но помни, Вячеслав, о той высокой ответственности, которая на тебе лежит. Смотри: это дело политическое, никаких накладок быть не должно! Ты представляешь страну!

И вот этими своими речами о «высокой ответственности», «недопустимости малейшего сбоя или накладке», «защите интересов страны» и тому подобное он так меня запугал, что к началу концерта я находился в совершенно невменяемом состоянии, которое психологи называют протрацией, это когда человек уже плохо соображает, что и зачем он делает.

В полном отчаянии я обратился к профессиональному артисту, замечательному, веселой души человеку Андрею Тишину, из вокально-инструментального ансамбля «Росы России» Дворца культуры профсоюзов в Туле.

— Слушай, Андрей,— говорю ему.— Спасай. Скоро мне выходить на сцену, а я в полном ступоре от волнения. Боюсь провалиться. Что делать?

— Не горюй, Вячеслав, не горюй,— засмеялся он.— Есть одно верное средство от такого состояния. Его применял великий наш певец Федор Иванович Шаляпин, и оно всегда действовало безотказно.

— Что за средство? Давай! На все согласен.

— Да вот,— он достал бутылку коньяка и налил в стакан граммов примерно двести.— Выпей перед самым выходом и — вперед, на сцену. Все будет нормально!

— Да ты что? Да я пьяный буду! Тогда вообще — конец!

— Не будешь! Все уравнивается и будет отлично. Ты что, не веришь Шаляпину, его опыту?!

Делать было нечего, отступить некуда, тем более что уже объявляли мой номер: «Наш молодой комсомольский поэт Вячеслав Алтунин читает свои стихи!»

Я залпом выпил стакан коньяку и, как в пропасть или на эшафот, шагнул на сцену. И как только я вышел — о чудо! — волнение вдруг как рукой сняло. Я боялся, что буду заикаться, но и заикания не было, речь лилась гладко и свободно. Я читал артистично и эмоционально. Меня проводили громом долго не смолкавших аплодисментов и криками «бис!» Пришлось бисировать, то есть читать еще раз. Успех был полный. Я был вне себя от радости.

— Ну, что я говорил?! — поздравляя меня, сказал Андрей.— Срабатало. Ну а теперь я тоже приму-ка средство Шаляпина, ведь нам сейчас на сцену. Он допил коньяк и пошел со своим ансамблем петь советские песни.

— Молодец, Алтунин, молодец! — похлопал меня по плечу руководитель нашей делегации.— Четко, эмоционально, ярко, артистично.

И стихи прекрасные. Даже не ожидал от тебя. Знай наших! Что значит проникнуться чувством высокой ответственности!

Знал бы он, что не «чувство высокой ответственности» было причиной моего успеха, а средство Шаляпина!

Евгений СКОБЛОВ

г. Москва

Прозаик, член МГО Союза писателей России. Заместитель Президента Академии российской литературы. Автор пятнадцати книг прозы крупных и малых форм. Участник многих российских и зарубежных периодических литературных изданий. Лауреат литературных премий имени А. П. Чехова, имени М. Ю. Лермонтова, дипломант нескольких конкурсов «Лучшая книга» МГО СПР.

БАБОЧКИ

Утром 7 апреля, я в хорошем расположении духа, бодрый и подтянутый (ничего не скрипит и не хрустит, как обычно с некоторых пор бывает по утрам), следую в деловой центр на Новинском бульваре. Нет, сам я там не работаю, просто по делам моей фирмы надо уладить кое-какие вопросы.

Солнце, теплый ветерок. Москва уже давно начала свой рабочий день, и я с удовольствием отмечаю, что тоже причастен к делам своего города, а так же с не меньшим удовольствием поглядываю на встречаемых женщин, и, вообще, на всех вокруг. Все же весна, кажется, утвердилась и ... Вот она.

Бабочка-шоколадница... В центре Москвы? Ну да... порхает мне навстречу. Впрочем, не порхает. А скорее, отчаянно сражается, машет крыльями, пытаюсь удержаться на лету. Сражается с тем самым легким ветерком, который, возможно, кажется ей штормом. Она вьется почти на одном месте, и мне хочется, чтобы с ней ничего не случилось. Первая бабочка этого года, которую я встретил, и как она попала в водоворот Большого города, скопление людей и машин непонятно.

Немного понаблюдав за бабочкой, я спешу дальше: там, где делаются большие дела, опаздывать не принято.

У газетного киоска, напротив отделения Сбербанка, ко мне не вполне твердой походкой направляется некто. Это мужчина неопределенного возраста, он небрит, неряшлив и с выражением лица человека, который собирается попросить денег. Мужчина высок, широкоплеч, но какой-то помятый, как полуспущенный футбольный мяч. Он похож на бывшего спортсмена, перворазрядника, а может быть, и мастера, кото-

рый в свое время, выполнив спортивные нормативы, в силу неких жизненных обстоятельств, занялся выполнением других, далеких от спорта. И, судя по его виду, добился некоторых результатов. От него сильно пахнет смесью пота и перегара, и это чувствуется даже на свежем воздухе. Представляю, каково будет очутиться вместе с ним в закрытом помещении, например в кабине лифта...

Я не успеваю пройти мимо, он уже передо мной, смотрит сверху вниз, прямо в глаза. И говорит:

— Покорнейше прошу прощения за то, что обращаюсь к вам, незнакомому мне господину. Но не могли бы вы проявить любезность и уделить мне несколько мгновений вашего, без сомнения, очень дорогого времени?

Я не знаю что сказать. Подобный тип должен говорить как-то по-другому. Ну, например: «Командир, выручай...» или «Брат, не дай помереть...», или...

Но он продолжает:

— Я еще раз приношу глубокие извинения, вам, уважаемый, за свою навязчивость, но, видите ли, в чем дело... Обстоятельства сложились таким образом, что я попал, как говорится, в весьма затруднительное положение. Весьма затруднительное...

Мне интересно: если это спившийся спортсмен, то каким видом спорта он занимался? Может быть, шахматы? Но нет, скорее всего, бокс, у него под глазом почти заживший синяк.

Между тем мужчина продолжает:

— ... и теперь вынужден обращаться к добрым гражданам за помощью. Не сочтите за неучтивость, проявленную непосредственно к вам, но не смогли бы вы меня выручить? Я прошу совсем немного, ровно столько, сколько сможете... Понимаете ли, так сложилось...

Ему, действительно, плохо. Я уже успел разглядеть его как следует, пока он торопливо, ни разу не запнувшись, читал свой текст. Конечно, я подумал о том, что свое выступление он подготовил заранее, и не я первый, к кому он обращается таким вот неожиданным образом.

Полное несоответствие его внешнего вида и речи, которую он произнес, было чем-то для меня новым, оригинальным и необычным. Как правило, попрошайки давят на жалость, и делают это так профессионально, что их, действительно, жалко. Этот же представитель выступил просто мастерски. Не знаю, всегда ли он действует таким образом, но, видимо, недостатка в спонсорах у него не бывает. Я понимаюе кивнул и дал ему пятьдесят рублей.

Он взял деньги, и с легким поклоном поблагодарил:

— Благодарю вас, от всего сердца благодарю. И дай Бог вам всего хорошего, самого доброго. Там (он указал пальцем на небо) ваш добрый поступок обязательно зачтут. Верьте мне.

Он еще раз поклонился и отошел в сторону. Я же продолжил свое апрельское шествие в деловой центр на Новинском.

Дела решились быстро. Документы отдал, документы получил, с подписями и печатями, улыбнулся девушкам на ресепшене и покинул сверкающее здание.

На обратном пути увидел своего нового, весьма учтивого и милого знакомого. Теперь он сидел на ступеньках у отделения банка, напротив киоска, умиротворенный, и, видимо, вполне довольный жизнью. Он курил сигарету, а на асфальте перед ним стояла вскрытая банка пива «Балтика №9». Просветленным взглядом он поглядывал на прохожих, а может быть, следил, не появятся ли вдруг, неожиданно, как это у нас бывает часто, сотрудники полиции. Полицейские не любят, когда кто-нибудь пьет крепкое пиво на ступеньках у банков.

Дальше мне попала та самая бабочка-шоколадница, честное слово! Теперь она сидела на тротуаре и то поднимала, то опускала крылышки, наверное, отдыхала, борьба со стихией дело не из легких. Я надеюсь, что просто отдыхала. Прохожие аккуратно обходили бабочку, и это меня немного приободрило, мне очень хотелось, чтобы она полетела снова.

Я шел своей дорогой и думал, нет ли какой-нибудь связи между бабочкой и «спортсменом», раз уж я их повстречал на пути, и не раз?

Наверное... наверное есть.

Может быть, чтобы я их запомнил? И запомнил, что они тоже жили и были рядом со мной в эту весну, в этот день, в этот час и в этом месте...

Евгения КУРГАНОВА

г. Москва

Родилась в Москве, окончила Филологический факультет МГПУ им. Ленина по специальности русский язык (литература), долгое время работала в ТАСС. Первые рассказы опубликованы в газете «Московские новости». Печаталась в журнале «Приокские зори», «Московский Парнас», в альманахах «Лесной орех», «Ясноцвет», в болгарской газете «Есенински булевард», в литературном журнале «Страна и мы», в сборнике «Вечерами у балкона». Вышли в свет две книги. Лауреат литературного конкурса «Страницы семейной славы» и Международного фестиваля «Русский лад». Член МГО СПР.

МУЗЫКА ДУШИ

Сегодня день рождения у дорогого мне человека. Мы с ним живем достаточно далеко друг от друга, только телефонные разговоры да

редкие встречи поддерживают нашу дружбу. Мой звонок обрадовал его. Я, как всегда, поздравила его избитыми дежурными фразами: «Желаю здоровья, любви, счастья!». Но неожиданно для меня он спросил: «А что для тебя счастье?» Задумавшись, я попросила его посмотреть и послушать музыкальный клип, который я ему послала. Песню там исполнял мой любимый итальянский певец Андреа Бочелли.

Сначала ты видишь портовый город, окруженный скалами. Поздний вечер, горят фонари, гирляндами огоньков украшены кусты. Вдалеке из-за деревьев видна луна. Тебе кажется, что ты ощущаешь теплый южный ветерок, играющий твоими волосами, листьями деревьев и волнами у пристани, покачивая на них лодки, катера, яхты. Рядом с пирсом — городская площадь. Она подходит к самой воде. Здесь проходит концерт итальянской музыки.

На небольшом возвышении — сцена. Внизу, за столиками сидят зрители. Но вот в глубине сцены заиграл оркестр. Его ведет за собой соло скрипки в исполнении красивой женщины. Неожиданно для всех сюда включается пение Андреа Бочелли. Их дуэт — скрипки и голоса — это разговор мужчины и женщины, об их любви, об их страсти, об их отчаянии. Но, чтобы больше усилить наши чувства, по мановению смычка скрипачки на сцену врываются танцоры. И все это обрамлено магией самого города, южного вечера и прибоя, который плещется совсем рядом. Но самое главное — это ваши чувства. По мере развития действия на сцене они захлестывают вас все больше и больше, но неожиданно музыка и пение резко обрываются, танцоры застывают на месте. А ты не можешь понять, что же случилось, почему так произошло? Ведь ты еще в водовороте своих эмоций, музыка еще не отпустила тебя.

Мой друг позвонил мне только на следующий день и сказал: «Я не хочу много говорить. Я понял!» И повесил трубку.

***P.S.** Для меня счастье — это жизнь, наполненная разнообразием чувств, которые могут быть и трагичными, и прекрасными. А значит, счастье — это любовь!*

Тамара ХАРИТОНОВА

г. Брянск

Тамара Харитоновна (Макарченко), родилась в Брянске в 1956 г. Окончила общеобразовательную школу в 1974 г., в том же году поступила в Калининградский госуниверситет (ныне БФУ им. И. Канта), на биофак. В 1979 г. получила диплом и осталась работать при кафедре, в Научно-исследовательском секторе. Всю сознательную жизнь проработала в Высшей школе. Получив диплом магистра психологии, занимается психологической практикой. Пишет прозу, но особенно привлекает жанр исторической прозы.

РОДИТЕЛИ

Это была не совсем обычная Родительская суббота, а так называемые Большие родители, случающаяся, как известно, раз в году и предполагающая особое внимание и заботу о могилах предков. Поэтому мы решили навестить скромное сельское кладбище в прародительской деревне, где были похоронена наша бабушка, ее отец и братья. До деревни было не близко, потому навещали ее весьма редко, а некоторые из нас на том дальнем погосте никогда и не бывали. То есть в деревню то бывали, и не раз — при жизни бабушки, еще детьми. Но кладбище в ту пору посещать не считали нужным, да и взрослые нас к тому не нуждали.

Когда еще были живы мать и старшая тетка и когда еще были у них силы — они ездили туда каждую Пасху, ухаживали за могилками. Детей, то есть нас, с собой не брали. Это все понималось как должное. Сколько прошло с тех пор лет или десятилетий — никто не считал. Дальнее кладбище никогда не вставало перед мысленным взором потомков немим укором в забвении прародины — насущных проблем хватало...

Был конец октября, небо хмурилось пепельно-серыми облаками. Только сосны светло-зеленой и ели темной своей хвоей раскрашивали пейзаж.

Кладбище, как и все небольшие сельские погосты, выглядело маленькой рощицей, в основном березовой. Было немного боязно — в каком состоянии находятся последние приюты прародителей? Кто за ними ухаживал все это время? Найдём ли их, вообще, или там только расплывшиеся земляные холмики, безымянные и заброшенные? Есть же и такие, и не на сельских, а на городских, посещаемых кладбищах? Недаром сказано, что уровень культуры общества можно оценить по двум критериям — состоянию кладбищ и клозетов! Почему кому-то

взбрело в голову соединять в одной оценке столь далекие по сути места, непонятно, ну да ладно.

Пока добирались до своих участков, тревога сменилась успокоением — кладбище выглядело так, будто его посещали по всем религиозным праздникам, а, кроме того, еще и по воскресеньям. Аккуратно покрашенные оградки, фотографии и надписи на памятниках, ухоженные надгробия и шелест березовых ветвей. Воздух осени — запах прелых листьев и неприхотливых цветов. Зброшенных могил не было, а на памятниках и крестах виднелись такие знакомые фамилии — Зябкины, Селезневы, Остроглазовы... полдеревни родственников! Вот бабушкина могила, а рядом с ней, в просторной ограде — трое ее братьев. А вот совсем уже история — прапрадед Антоний, тот самый, что воевал на Шипке и привез оттуда жену — болгарку, нашу прапрабабу.

А муж старшей тетки тоже здесь похоронен? Нет, он далеко, в другом городе, другой области... Так и мать лежит не здесь, и отец... Разъезжались, разлетались из родного гнезда дети, да так и приживались на новых местах, там и в землю легли... Вот и это кладбище совсем небольшое. Но все же кто-то да оставался в родной деревне! Кого-то хоронили и здесь...

Тем временем все чаще слышался с дороги шум моторов, все больше людей копошилось за оградками, приводя в порядок могилы и поминая родителей. А вот и со стороны деревни идут двое — да это же подруга нашей тетки с младшей дочерью! Здесь у нее не только родители, но и двое внуков — подростков, утонувших в одночасье в местном озере. Поехали с дедом на покос, никак закупаться не могли. Забрал водяной. Невысокая, сухощавая, немногословная Валентина прибрала с дочкой могилки, поцеловала фотографию внуков — вместе были сняты, одному восемнадцать, другому двенадцать лет...

— А мы вас ждали, ждали! Ну, поехали, у нас там все приготовлено.

И поехали мы в родительскую деревню, такую памятную по детским годам. Это же сюда мы шли в мой первый приезд — в школу еще не ходила — со станции, на край света, за семь километров, пешком, через поля и овраги, и рожь на тех полях ходила волнами под ветром. И на полдороги делали привал, потому что сразу на край света не дойти, ноги отвалятся! Мы с братом просили пить, а ветер приглаживал рожь на поле и отцовы светлые волосы — «ежином». А брат, чтобы подразнить меня, по секрету сказал, что мы будем ночевать у бабушки и спать на «пирожках».

— А как это? — приставала я.

— Увидишь,— загадочно улыбался брат.

«Пирожками» оказалась болотная трава аир. Если ее расщепить по длине и попробовать сердцевину — пирожки, не пирожки, но сладко.

Охапки ее были брошены прямо на чисто выметенный пол бабушкиной хатки, а сверху прикрыты домоткаными половиками. Солнце село, и стало темным-темно и тихо, как никогда не бывает в городе, и немного боязно. А утром солнышко заглянуло в хату и высветило ярко-красные помидоры на большом плакате, прилепленном на мазаной глиной стене: «Гидропонике дорогу — плодоносит круглый год наш чудесный огород!». Взрослые читали и смеялись, и стало интересно и весело. Запомнился этот ночлег, как и поход на край света, на всю жизнь. Даже не сознанием запомнился, как и все на заре жизни, а ощущением, чувством — громадности расстояний, необозримости просторов, этих темных и светлых волн колышущейся под ветром ржи,— впервые впечатавшимся в душу чувством родины...

Нету бабушкиной хаты — продана на снос, и на том месте построен совсем другой дом, и живут в нем совсем другие люди, не родственники, а приезжие. А место узнали сразу. Въезжали мимо бабушкина двора от моста через речку, по проулку на дорогу — вот здесь был плетень, и мы мимо него столько раз сбегали вниз, на луг, к реке. Вот она, речка, а моста этого не было, мост был дальше, или это мы бежали в другую сторону, левее? А за речкой та самая березовая роща, которую насадили уже после войны, взамен сожженной фашистами, и в которую столько раз мы ходили за грибами. Светлая, просторная роща, с могучими деревьями — березы растут быстро, а может, это уже много лет прошло... А грибов в ней было — пропасть. Да каких! И белые, и подберезовики, и любимые подосиновики, такие густо-красные в сочной, зеленой траве, в разноцветье лесных, луговых цветов. Ой, помнит эта роща наши с сестрой кровожадные дикарские вопли в честь каждого найденного грибного экземпляра — была та грибная охота уже гораздо позже, не в детстве, а в юности. Эх, жаль, сейчас не лето, а поздняя осень!

— Ну, ничего, приедете на следующий год, в августе!

Проехали мимо бывшего бабушкина поместья на край деревни — дальше уже луга, если не считать самой крайней, брошенной, хаты. У двора Валентины прямо перед калиткой — колодец. Такой же «журавель», как и тот, через улицу против бабушкиной хаты. Из колодца так легко было доставать полное ведро, даже нам, детям, — знай, перехватывай выглаженную руками толстую жердину! А вода — ух, до чего свежа и сладка. Сладше только из родника. Валентина живет одна, но двор у нее — полная чаша. Свињи, куры, гуси, сад, огород. За хатой — картофельная делянка соток на пятьдесят. Все в отменном порядке. В одни руки?! Да нет, дети, внуки помогают, у зятя — техника. Приедут, вспашут, посеют, посадят, соберут урожай. Остается только потихоньку пропалывать.

— Ну, пойдёмте же в хату, холодно!

А в хате пахнет теплым кирпичом и старым деревом, потому что топится русская печь, и такие от нее волны уюта, покоя. Это не батарея — то ледяная, то горячая — не дотронуться. Печка живая, только что не дышит. Прислониться к ней — что к матери. Встать спиной к беленому боку, руками ощутить теплую шероховатость...

А на столе — обед по-русски, по-деревенски, когда гости. И свиная тушенка, и запеченная в духовке курятина, и котлеты домашние, и яичница на свойском сале, и рыба жареная, и яблочный пирог, не говоря уж о салатах и картошке, а ко всему же еще и домашняя наливка, и сами яблоки — урожайный выдался год. Среди всей снеди не с поместья — только рыба. Да когда кто из деревни уезжал голодным!

В тот давний приезд грибной охоты, как и бабушки и хаты ее, уже не было, — ну так что, соседи были, тоже Зябкины, значит родственники, а не родственники, так однофамильцы, да и какая разница! И бабушку, и всех ее детей и внуков в деревне знали поименно...

— Вы чьих будете? А, Анастасии Михайловны! Татьяны и Виктора дети? Ну, заходите, пообедайте, небось голодные, набегались!

Впервые тогда увидели, как вынимается хлеб из русской печи — а пекся он не на железном листе, а на капустных листьях, и вынимался деревянной хлебной лопатой. И на обратной стороне большого округлого каравай отпечатывался рисунок капустных прожилок, а на вкус этот хлеб был — словами не рассказать, его причаститься надо. С прогулки ли по роще, по другим ли причинам — но, видно, так мы накинулись на этот хлеб, творог и сметану, в которой ложка стояла, что женщины смотрели на нас сердобольно, сочувственно и понимающе, кивая головами, — ну, ясно, разве в городе накормят! И потом, отъезжающим нам, на ходу впихнули в машину громадную ковригу хлеба — чтоб хоть по дороге не померли с голоду! Всю обратную дорогу обнимал нас могучий, жизнеутверждающий дух свежее испеченного хлеба.

...И сейчас, перед тем как сесть в машину, окинули взглядом родительскую деревню — ну что такого в этом пейзаже? Таких деревень в округе на сто — девяносто девять. Одна длинная улица, вдоль нее — два порядка домов, внизу, через луг, параллельной линией — речка, за ней следующей параллелью — березовая роща. Надо всем — хмурое осеннее небо, сквозь облака скорее угадывается, чем просвечивает солнце. Ни тебе горных крутых склонов, ни лазурного морского побережья... Да и в нашей стороне бывают села куда как понарядней, и пейзажи поэффектней.

Родительская деревня...

Некоторые дома — заколочены, некоторые — перестроены почти в особняки. И на обратном пути мы все высматривали, много ли пустующих домов, и радовались, когда видели крепкие фасады, яблоневые ветки из-за заборов. А вот здорово — песочница с детскими игрушка-

ми! Пусть некоторые из дворов куплены горожанами под дачи, лишь бы не пустовала, лишь бы жила родительская деревня.

В школе еще, когда проходили Пушкина, никак не могла понять одну его мысль, выраженную столь торжественно, что ясно было — говорит человек о сокровенном:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Все думалось — о чем пишет великий поэт? Понятно — любовь к родителям, любовь к родному дому... Но пепелище? Гробы? Ну, хоть убей!

Теперь понимаю.

Рудольф АРТАМОНОВ

г. Москва

Окончил 2-й Московский мединститут им. Н. И. Пирогова в 1961 г. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Прозаик. Публикуется в журнале «Приокские зори» с 2007 г. и в «Ковчеге» — с 2012 г. Лауреат всероссийской литпремии «Левша» им. Н. С. Лескова.

МЕКСИКАНЕЦ (Документальный рассказ)

Оказалось, его звали ФернандеФлоресДоротео...

На меня с фотографии смотрел смуглый человек. У него широкий нос. Густые черные волосы, распадающиеся на две стороны, образуя естественный пробор. Смотрю на фотографию похожего человека, чудом сохранившуюся в нашем скудном семейном «архиве». Лицо точно такое же. На нашей фотографии у этого человека лицо более светлое, но тоже смуглое. Так же волосы распадаются на обе стороны, такой же широкий нос.

Смотрим на другие архивные материалы, которые удалось сыну найти в РГАСПИ* вместе с фотографией ФернадесаФлоресаДоротео. Краткие биографические данные в его «деле». Коммунист, подполь-

* Российский государственный архив социально-политической истории.

щик. Имеет партийную «кличку» — Хорхе и фамилию на американский лад. Автобиография в его открывшемся файле написана на испанском языке. Не прочесть.

В «деле» указано, что решением партийной ячейки мексиканской компартии посылается в СССР для подготовки к политической борьбе в своей стране.

Я никогда не верил, что это возможно. Мой уже взрослый сын спрашивал про моего отца. Сбивчивые, не всегда ясные воспоминания моей старенькой мамы возбуждали в ее внуке интерес к моему происхождению. И к своему собственному. Особенно, когда мы все вместе рассматривали старую фотографию, которая в рамке висела над моим письменным столом.

Меня же — сына того человека, что на нашем фото — потрясло то, что тот, о котором я слышал неотчетливые воспоминания мамы, якобы его жены, на самом деле существовал.

Значит, я не известно откуда взявшийся сын, в анкете которого в строчке «отец» был прочерк.

Значит, он есть, был, смутные воспоминания о нем остались в памяти моей мамы. Как жаль, что она не дожила до этого дня, когда бы могла увидеть этого ФернандесаФлоресаДоротео, ее мужа, которого она знала и звала Георгием, по-испански Хорхе. Случись это незадолго до смерти, выдержало ли бы ее сердце, старой, много пережившей, тяжело трудившейся все это время «незамужней» женщины, матери-одиночки, как говорили тогда. Она мало что знала о его прошлой жизни. Он скупко рассказывал о себе, так мало, что с годами, ослабев памятью, она мало что могла вспомнить о человеке по имени Хорхе. Он тогда сказал ей, что можно звать его русским именем Георгий. Поэтому-то и внука она просила нас с женой назвать Георгием. В честь деда, Хорхе, которого она никогда не забывала.

... В поселке Текстильщики, тогда окраине города, деревянные двухэтажные дома, оштукатуренные и покрашенные краской неопределенного цвета, были расположены полукругом. Этот полукруг был нашим двором. Нашим, потому что это был наш мальчишеский мирок. Все лето мы проводили здесь. Играли в салочки, лапту, городки. Но чаще всего в войну. Она только что закончилась. Зимой заливали каток и гоняли шайбу. Шайбой была консервная банка из-под «сгущенки» — сгущенного молока. Из того, чем снабжала нас, нашу страну, Америка по ленд-лизу. Так говорили взрослые.

Как сейчас помню. Одного из ребят звали Коровой. Может быть, потому, что его имя было Вова. Отсюда: Вова-Корова. Его младшего брата нарекли Индейцем — не знаю почему. Был Вова Гольдберг, Ваня Богданов, по прозвищу Вач-Вач. Его отец был Иван Михайлович. Сына называли в его честь Иваном, а маленький он называл себя Вач-Вач, что должно было означать Иван Иванович. Еще был Гарик, он

был одноногий. Ему в раннем детстве отняли ногу, мы, мальчишки, не знали почему. Но он, видимо, с этим недостатком свыкся — почти ни в чем не отставал от нас. Гонял с нами шайбу. В футбол стоял на воротах. И даже, скача на одной ноге, играл в волейбол. Еще были другие мальчишки, но их имена в памяти не остались. И я... Меня звали повсякому. За смуглость почему-то конголезцем, татаринном, евреем, а взрослые просто говорили: «Не нашей расы».

Потом я получил другое прозвище. И вот как это было.

В одном из домов появился боксер. Был он намного старше нас, мальчишек. Молодой, белотелый, как женщина. С выпуклыми мускулами, которые шарами перекатывались под белой кожей его рук и груди. По утрам он выходил на зарядку. Мы видели, как он вставал в боксерскую стойку и кулаками дубасил воздух, уклоняясь в разные стороны от нападений невидимого соперника. Мы собирались в стайку и с восхищением смотрели на эту сцену.

Однажды мы увидели, как он едва не избил Крупеню. Фамилия у того была Крупенин, потому и прозвище соответствующее. Он был такой же молодой парень, как и боксер. О чем-то они повздорили. И Боксер, мы так и не знали, как его зовут, с кулаками и в боксерской стойке пошел на Крупеню. Мы думали, будет настоящий бой, но Крупеня выставил перед боксером свои большие ладони и отступал, говоря что-то примирительное. А Крупеня был высокий и толстый парень.

Вот бы нам быть такими, как боксер, думали мы.

Этот боксер, видимо, от нечего делать сбил из нас компанию и стал учить боксу. Раздал нам полуперчатки, прикрывавшие только перед кулаков, в которых мы сжимали тесемку. То есть это были не настоящие боксерские перчатки, а только их половина, которая защищала от удара костяшками наших кулачков. Устраивал соревнования, что-то вроде турнира с выбыванием от поражения. Сам был рефери. Так звали судью в боксе, узнали мы.

Мне нравилось боксировать. У меня получалось. Если только соперник был не на много старше меня. Боксер, наш тренер, заметил мое увлечение, стал намеренно ставить меня против старших. Дубасили меня здорово. Но я терпел. Уступать не хотел. «Хорош!» — кричал Боксер, когда у меня из носа начинала течь кровь. А мне хотелось продолжать. «Из тебя выйдет толк, парнишка», — говорил наш тренер. «Ты похож на мексиканца. Хорошо держишь удар». С тех пор меня во дворе мои мальчишки звали уже не татарин, не еврей, а мексиканец. Это прозвище я помнил долго. В жизни много было «ударов». Но оно помогало их «держать».

Потом боксер куда-то уехал, на дворе мы его уже не видели. И боксировать перестали.

Безотцовщина трудное испытание для ребенка. Я завидовал тем ребятам, у которых были отцы, вернувшиеся с войны. Они показывали

мне их медали, ордена. Мне нечего было показывать. Моя мама не могла мне толком объяснить, где мой отец. Она или ничего не знала о нем, или очень мало, или чего-то не договаривала. Этот вопрос долго мучил меня. Однако со временем он забылся. В документах, где значилось «отец», был прочерк. Прочерк, так прочерк...

Когда мне исполнилось шестнадцать, мама сказала в паспортном столе, что по отчеству я Георгиевич. Не Хорхеви́ч же. Так стал вполне полноценным человеком. С прочерком в графе отец разных бумаг, которые мне пришлось заполнять, я и прожил всю свою жизнь.

В молодости прочел рассказ Джека Лондона «Мексиканец». Тоже про боксера, стойко сносившего удары. Было за что — за ружья для повстанцев, для борьбы с гринго. Так мексиканцы звали своих соседей американцев. Читал с упоением. Вспоминал, что прозвище мое в детстве было Мексиканец.

Потом в свое время родился сын. Мама хотела, чтобы мы с женой назвали его Георгием, в память о ее бесследно пропавшем муже. Рождение внука на короткое время оживило ее память. Она повела нас тогда, что провожала мужа с Виндавского вокзала* с ребенком, мною, на руках. Что Хорхе плакал, говорил, что не может сейчас ее с сыном взять с собой. Но непременно, когда это можно будет сделать, заберет. Сказать о каких-либо деталях этого расставания — куда едет, почему едет, напишет ли, будет ли писать... сказать она не могла. Давно это было. В памяти ее остались разрозненные кусочки того события.

Когда сын подросток и понял, что моя мама ему бабушка, стал спрашивать, а где дедушка. Мы показывали ему фотографию, сохраняемую как единственное доказательство, что был у бабушки муж, ему дедушка, а мне отец. Что его давно уже нет. Что звали его Георгий, по фамилии, кажется, Майкот,— вспомнила мама, и сын назван так в честь деда. Вот почему, говорили мы ему, ты тоже Георгий.

Сын рос, и рос его интерес к истории нашей семьи. Иногда мне приводилось застать его, разглядывающим фотографию, что в рамочке висела над моим письменным столом. Мальчик он был смуглый, но светлее, чем я, а я был светлее, чем тот на фотографии.

Времена изменились. Изменилась и усложнилась жизнь. Она стала более современной. Появился Интернет. Мобильные телефоны. Можно было получить практически любую информацию по любому почти вопросу. Сын во всем этом преуспел. Часто мне приходилось прибегать к его помощи, потому что Интернет меня «не слушался». Не вся-

* Рижский вокзал (до 1930 — Виндавский, до середины 1930-х — Балтийский, до 1946 — Ржевский) — пассажирский терминал станции Москва-Рижская. Один из девяти железнодорожных вокзалов Москвы, расположен на Рижской площади, на пересечении проспекта Мира и улицы Суше́вский Вал. Материал «Рижский вокзал» — из Википедии — свободной энциклопедии.

кую операцию я мог выполнить сам. Нередко терял набранный текст. «Чайник», одним словом, как стали называть мне подобных айтишники, которые со Всемирной сетью на «ты». Сын был айтишником.

Заметил, что взрослый сын стал проявлять интерес к некоторым сторонам истории нашего государства. Он прочитал «Архипелаг Гулаг». Купил книгу Ефросинии Керсновской. В этой книге были рисунки автора, на которые было тяжело смотреть. Иногда он делился со мной прочитанным. Мой интерес к обрушившейся тогда на нас информации был индифферентный — да было, очень давно. Зачем старое ворошить. Надо жить настоящим.

Неугомонный сын стал все настойчивее расспрашивать меня о моем отце. Мама моя к тому времени умерла. Она мало что знала о своем муже, а я еще меньше о своем отце... Самые крохи событий нашей маленькой семьи о тех далеко в прошлое ушедших годах. По правде сказать, меня пугало, что в прошлом было что-то необычное, может даже страшное. Я не поощрял интерес сына к семейным «тайнам», но и не отговаривал от поиска.

— Смотри, что я нашел в архиве — однажды сказал он и выложил передо мной на экране ноутбука картинки. Несколько снимков одного и того же человека, смуглого, с широким носом...

— Когда я узнал, что он Фернандес Флорес Доротео с партийной кличкой Хорхе Майкот, у меня руки задрожали, — сказал сын.

Это был он. Тот, что в рамочке на фото висел над письменным столом, и которого мы рассматривали всей семей, ища сходство с кем-либо из нас — с сыном, со мной.

— Что дальше будешь делать? — спросил я.

— Я заказал в архиве перевод с испанского на русский его автобиографии, написанной им самим. Ты что будешь делать?

— Жить дальше, как жил... Может, сменить отчество? — пошутил я. — Вместо Георгиевич называться Фернандесович, Флоресович или Доротеович.

Что еще я мог сказать...

Сергей ЛЕБЕДЕВ

г. Тольятти Самарской области

Родился в 1949 г. в Рязанской обл. Дипломант и лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со д. р. Н. А. Некрасова, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреат-победитель 1-го, 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического Интернет-конкурса «Звезда полей — 2016» им. Н. М. Рубцова, дипломант международного литературного конкурса им. С. А. Есенина «Страна березового ситца»

ХЛЕБ

Костер весело затрепетал языками пламени, затрещали сухие осиновые сучья, выбрасывая искры, тут же улетающие с дымом в ночное небо. Отец снял свою старенькую телогрейку и бросил ее на песок около костра:

— Ложись, грейся, сынок, я схожу к реке, зачерпну воды, а потом и почаевичаем.

Он взял котелок и исчез в темноте прибрежных кустов. Я лег на спину, надо мной безмолвная вечность с неисчислимым множеством светящихся искр. Словно вылетали они из костра и замирали там, в вышине, в чернеющей бесконечности. В двенадцать лет рассуждения о вечном и бесконечном были неподвластны моему воображению. Все мне казалось простым и ясным. И таинственная тишина в лесу, которая изредка нарушалась недовольным криком какой-то ночной птицы. И безмолвие реки Ветлуги за кустами тальника, которую я чувствовал по прохладе, поднимающейся от берега. Изредка там, за кустами, слышались громкие всплески — это, по всей видимости, сердитые щуки охотились у поверхности воды за несмышленими и беспечными мальками. И я снова и снова останавливал свой взгляд на темном бархате небосвода. Глубина и ширь звездного неба привораживали меня таинственностью и непонятным величием. Лежа на песке около костра среди тревожных голосов природы, я чувствовал себя причастным к окружающему меня миру. К ночному небу с его бесконечностью, к земным и пугающим звукам в лесу и на реке, к теплу, исходящему от безмолвного костра. И вместе с тем во мне была детская убежденность моего личного существования среди звезд, леса, на берегу реки. Потому что я был не один, со мной во всем этом тревожно-ночном мире где-то рядом находился отец, присутствие которого вселяло в меня уверенность в самом главном — в моем пребывании на земле.

Я услышал хруст сухой ветки под ногой отца, шедшего от берега реки, шуршание листьев в кустарнике, а вот наконец и он сам вышел из темноты к костру. В одной руке отец держал старенький, еще дедов котелок с закопченными до черноты боками, заполненный почти до краев водой, в другой руке я увидел охапку листьев смородины и какие-то кривые, нетолстые коренья.

— Вот, накопал корней шиповника, сначала их заварим, а уж потом листочков смородины для духмяности подбросим.

Отец вставил заранее приготовленную им деревянную палку в дужку котелка и повесил его над костром, положив палку на две вбитые в землю рогульки. Подбросил несколько толстых сухих березовых

сучьев в огонь. От жара они сразу же загорелись, языки пламени с жадностью обхватили котелок со всех сторон. Даже мне, в стороне от костра, стало теплее, я взял небольшую сухую сосновую ветку и не успел поднести ее к бьющемуся пламени, как хвоя вспыхнула, разбрасывая искры, которые тут же подхватило теплым потоком и понесло вверх, в ночную темноту.

Вскоре вода забулькала, пошел пар, отец убрал котелок с огня, поставил на песок и бросил в кипяток коренья шиповника, потом подвинул его поближе к пламени, следя за кипением воды. Минут через десять он совсем отодвинул котелок от костра и бросил в него листья смородины. Пар наполнился резковатым, терпким ароматом с лесными таинствами и загадками.

— Ну, вот и чай наш готов! — сказал весело отец, глаза его радостно светились.

Он достал из берестяного пестера большую краюху хлеба, завернутую в чистую тряпицу, и две алюминиевые кружки. Отец не стал резать хлеб, а, разломив горбушку пополам, одну половину подал мне. Осторожно зачерпнул своей кружкой горячий чай из котелка и налил его, дымящийся ароматным паром, в мою кружку.

— Давай, сынок, перекусим, да отдохнем перед рыбалкой, а то летняя ночь быстро пролетит. И разбуду я тебя с первыми лучами солнышка.

Он осторожно отхлебнул из кружки, улыбнулся мне:

— Красота!

Потом остановил свой взгляд на куске хлеба, который держал в правой руке, понюхал его:

— Запах, сынок, какой запах от хлеба! — радостно улыбаясь, сказал он.— Только понюхай, какой удивительный дух! Такого ароматного у нас в городе не найдешь. Бабушкин хлеб из русской печи, ну с чем его сравнишь? Он и сейчас как свежеиспеченный пахнет.

Я поднес ломоть хлеба к лицу, вдохнул его запах и сразу же почувствовал себя в утренней тишине бабушкиного дома, когда она негромко стучит заслонкой, ухватом, доставая из печи через устье только что испеченные караваи хлеба. Круглые, невысокие, с румяной корочкой, этой самой ароматной и пахучей его частью. Вынутый хлеб бабушка складывала на белую холстину, постеленную на столе. По избе расходился аппетитный аромат смеси чуть-чуть кисловатого запаха опары с приятным духом мира и доброты свежеиспеченного хлеба. Ковриги, разложенные бабушкой в ряды, горбились своими коричневатыми корочками, а мне казалось, что это разложили свои боевые щиты уставшие после битвы древние богатыри, которые отдыхают, прогнав супостата и установив мир на нашей земле.

Я пил заваренный отцом чай, темно-бордовый от корней и резко пахнущий от смородины, хрустел жестковатой коркой хлеба, и тепло

разливалось приятной истомой по телу. Отец посмотрел на меня, улыбнулся, спросил:

— Наслаждаешься, сынок? Запомни на всю жизнь неповторимый вкус простого деревенского хлеба. Такой ели твои предки. Может, благодаря ему наш род продолжается. Не забывай, что все мы родом из одной деревни, название которой — Русь. Запах родного хлеба особенно вспоминал я в годы войны, когда служил в далеком Забайкалье. Как мне не хватало тогда хоть маленькой корочки его, маминой выпечки. Да и не только мне, все солдаты нашего полка испытали на себе и узнали воочию, что такое голод. И хотя мы не участвовали в сражениях с фашистами, но без единого выстрела похоронили в полку около девяносто человек, умерших от голода.

Отец замолчал, подхватил из костра горевший сучок березы и прикурил от него папиросу. Раз-другой глубоко затянулся, прищурился, видимо вспоминая что-то далекое.

— Случилось это суровой зимой в конце сорок третьего года, — вдруг негромко, и как бы задумываясь, заговорил отец, поставив кружку на песок около костра. — К тому времени я уже два года служил командиром орудия. Можно сказать, опытный боец. На западе по всем фронтам гремели бои, немцев уверенно гнали с нашей земли, а мы на границе с Маньчжурией продолжали нескончаемые учебные стрельбы. Поднимали нас ночью по тревоге почти каждую неделю.

Читинская область — суровый край, особенно зимой. Мороз до тридцати — сорока градусов доходил. «Воевали» мы в зимних лагерях за многие километры от расположения полка. Порой жили в снежных ячейках и простых землянках по несколько дней. Это так называемые зимние квартиры. Мороз трещит, а мы одеты в старенькие шинели и буденовки времен гражданской войны, байковые двупалые перчатки, обуты в кирзовые сапоги или ботинки с обмотками. По глубокому снегу, по пересеченной местности вручную таскали на занятиях орудия и боекомплекты зарядов для пушек, станковые и ручные пулеметы, винтовки, рыли мерзлую землю, оборудуя окопы, огневые позиции и укрепления. А уж чем кормили, вспомнить страшно — стылой кашей и замороженным хлебом, нарубленным топорами. Почти в каждой роте десятки красноармейцев или простужены, или обморожены.

Однажды ночью возвращался наш полк с очередных боевых учений. Вся артиллерия в те годы была у нас на конной тяге. Да я и сам службу-то начинал ездовым. Сразу определили, коли деревенский, значит к лошадям привычный, с делом этим знаком. Так вот, закрепили мы орудие за передок, а стрелковые роты без суеты заняли места в открытых кузовах машин и маршем двинулись в казармы. Я упрямил командира батареи посадить свой расчет орудия на машину со стрелковым взводом, а сам с ездовым Пастуховым, устроившись на передке, поехал в конце колонны. Мороз набирал силу. Дорога неблизкая, до

военного городка километров двадцать, а по морозу и все тридцать покажется. Уже проехали больше половины пути, как обогнала нас полуторка, крытая брезентом.

— Хлеб повезли,— определил ездовой.

Действительно, так и было. В пекарне хлеб грузили прямо в кузов, прикрывали брезентом и развозили по солдатским городкам.

Лошади из последних сил тащили тяжелое, промерзшее орудие. И вот, несмотря на мороз, сморил меня, я и задремал. Хотя, поставленный в арьергард колонны, я обязан был внимательно следить за дорогой. Возвращающиеся с учений красноармейцы, уставшие и голодные, часто выпадали в полусне из машин. Оставались замерзать под открытым сибирским небом. Поручив ездовому глядеть во все глаза, тому все равно править лошаадьми, я приказал разбудить меня, если он вдруг что-либо обнаружит. Вскоре сквозь сон слышу голос, вроде кто-то зовет меня, а сообразить не могу — кто кричит? Потом понял — это же ездовой Пастухов.

— Товарищ сержант, товарищ сержант! — он уже начал толкать меня в бок.— Смотрите, хлеб на дороге, целая буханка.

Открыв глаза, я, действительно, увидел ее, большую, в сугробе около тракта. А надо тебе сказать, что хлеб для нас пекли весом по два килограмма. Мгновенно прошел сон, и я, спрыгнув с передка на обочину, поднял буханку, которая оказалась замороженной до каменной крепости. Но это был хлеб! Потеряли, значит, из кузова вывалился на повороте. Что делать?

«Везти в казарму — отберут, да еще в воровстве обвинят, оставить на расчет — тоже кто-нибудь да сболтнет,— пронеслось в голове.— А тут мы вдвоем. Пастухов человек надежный». И вслух сказал:

— Слышь, Пастухов, а ты что думаешь по этому поводу?

— А тут не думать надо, товарищ сержант, а жрать. Все одно — отберут хлеб-то. Да нас еще вредителями, да врагами народа выставят,— ответил скороговоркой, сглатывая голодную слюну, ездовой, как будто прочитав мои мысли.

Саперной лопатой разрубил я буханку на четыре части, половину отдал Пастухову, вторую сунул себе под шинель. Хоть немного надо было хлеб отогреть. Но не было сил вдыхать его запах, даже мерзлого, и я начал рвать его зубами, пытаясь разогреть кусочки во рту. Ныли от мороза и от начинавшейся цинги зубы. Солдатский хлеб, выпекавшийся наполовину из отрубей, крошился, скрипел на зубах.

— Товарищ сержант, а вы его во рту рассасывайте, как конфетку, тогда на дольше хватит и не так холодно в брюхе будет,— подсказал Пастухов, детство которого прошло в голодных беспризорниках, и уж он-то хорошо знал цену каждому куску хлеба.

Всю дорогу до расположения полка мы откусывали, рассасывали и проглатывали этот подарок судьбы в декабре 1943 года. И не заметили,

как съели по килограмму его, мерзлого, практически не очень съедобного для человека.

Вкус того забайкальского мякинного хлеба, наполовину смешанного с отрубями, запомнился мне на всю жизнь. Но не в этом дело, сын, а главное, что до сих пор я не могу забыть солдат своего расчета, и осталось у меня перед теми ребятами чувство вины. Вины в том, что не смог я разделить с ними в голодные дни найденный на дороге хлеб. Проще говоря, смалодушничал я, сын. Положил тогда на одну чашу весов суровость возможного наказания за сокрытие найденной буханки, а на другую чувство солдатской взаимовыручки и дружбы. И первая перевесила. Да что тут особо говорить — испугался я, что могут меня в военное время сурово наказать за такое дело.

Примерно через полгода расстались мы с Пастуховым. Меня отправили учиться в танковое училище. А он еще через полгода, отслужив после меня командиром расчета, попал на фронт, как раз к окончанию войны. Что стало с ним дальше, я не знаю. Но до сих пор не дает мне покоя совесть, думаю — правильно ли я поступил?

Отец замолк. Подбросил в костер еще несколько сучьев, прилег ко мне на телогрейку, обнял и сказал:

— Спи, сынок, немного времени до утра осталось. На утренней зорьке разбужу, клев будет отменный.

Рядом с отцом мне стало тепло, я еще раз посмотрел во всепрощающую вечность ночного бездонного неба. Звезды переливались светом, как будто моргали, но смотрели понимающе и с добротой. Засыпая, почувствовал, как отец поднялся, сел рядом со мной и снова закурил папиросу. А я спокойно и уверенно проваливался в сон с мыслью, что рядом самый родной человек, детским умом не понимая происходящего сейчас в душе отца, которую через рассказ-покаяние он очищал передо мною, своим сыном, веря, что я пойму и никогда не предаю, сохранив навсегда только светлые и честные воспоминания о нем.

Галина КЛИНКОВА

г. Волжский Волгоградской области

Родилась 15.03.1949 г. Учитель русского языка и литературы в школе. После окончания пединститута трудовой путь начинала литсотрудником в районной газете. Продолжает держать с ней тесную связь. Очень любит поэзию, хотя стихи не пишет. В публицистических материалах делится с читателями впечатлениями о том, что стало дорогим, затронуло душу... Печатается в межобластных литературно-музыкальных альманахах.

НА ЛАДОНИ ОПАВШИЙ ЛИСТОЧЕК КЛЕНОВЫЙ...

Я не знаю, само по себе во мне родилось это чувство неразделимости души с осенью или напроорочено свыше, только в любое время года тоскую о днях этих — светлых, но не ярких; цветах последних — и оттого — самых милых взору, о воздухе — переполненном их терп-

ким, горьковатым ароматом и еще — запахом прелой листвы... О тихой, грустной песне — шелесте разноцветного листопада, когда летят, «неслышны, невесомы», листочки, отпавшие от «ветки родимой...»

... Сколько в моей жизни было осенних дней? И в девчоночьей поре, и в пришедшем так неожиданно «бабьем лете»... И каждый раз, беря в руки остроугольный кленовый листочек, слетевший, будто с неба сорвавшаяся звезда, с особым чувством смотрю на него... Принимаю, как очаровательный подарок природы — красивый и мудрый... Представляю его неслышный полет бок о бок с ветром... Его последние думы...

*Остановилось время, чуть дыша,
И в воздухе, застывшем на мгновенье,
Вдруг улыбнулась желтая душа...*

Живое сердечко странника не боится своего предстоящего конца, просто ничего еще об этом не знает. Ведь осенний полет листьев в их судьбе один — единственный: первый и — последний. В эйфории неожиданно наступившей свободы. Это их лебединая песня...

Ощущаю прохладную свежесть, вдыхаю, наклонившись, аромат скопившегося в жилочках золотого солнечного света и летней голубизны неба. Провожу пальцем по выпуклым линиям незатейливого узора. Много таится в них событий из жизни осеннего скитальца: дни блаженства, а бывало, непогоды — ветер рвал и дождь хлестал безжалостно. Он все терпел... до самого конца. А потом летел, летел, кружась... И, если бы не моя рука, опустился бы на землю.

Притих листик, доверчиво прислонившись к моей ладони... А я вглядываюсь теперь в свои линии: «Все, что было и будет — в рисунках судьбы.» Прямая, длинная протянулась моя дорога жизни. Встречалось и счастье, и ненастье порой бушевало. Только надежда и вера крепко держали меня на плаву. А самыми прочными соломинками оказывались любимые лирические строки да музыки голос... Как же эти листочки — такие милые в танце и такие одинокие, оставшиеся в свой последний час сиротинками, — трогают, обнажая душу... Доро-

гой мой листочек! Беззащитный и хрупкий... Продрогший, озябший... Огонек, светофорик осенний...

Из лабиринтов памяти всплыло затронувшее душу стихотворение Сергея Сердобинцева из Эстонии «Эльф осенний». Чем зацепило душу? Может быть, обаятельной целомудренной грустинкой...

*Вдруг рыжим эльфом опустился желтый лист,
Мне возвещая о скончании лета.
И тут и там фонарики зажглись
Несмелой осени несмелые приветы...
Она приходит временем летать
Листве и мыслям в разноцветных вальсах...
В ее прозрачности так хорошо мечтать
И гладить эльфа в чуть дрожащих пальцах...*

... Пора уходить. Но мне жаль убаюканный, согретый кленовый листик оставлять на улице в парке. Так и пошли домой вместе. Осторожно, чтобы не разбудить, положу потом в альбом. На память об еще одном свидании с любимой осенью.

Скоро начнутся снежные морозные дни. Соскучившись по золотой поре, открою. Ласково поглажу земную звездочку — листик...

Мы тоже — странники на свете. В короткий век так много нам отпущено...

Вячеслав МИХАЙЛОВ

г. Москва

Родился и вырос на южной окраине СССР, в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Опубликовано более чем сорок научных работ. Печатался в «Литературной газете», литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег». Автор сборника малой прозы «Вызов» (2017 г.).

ЗАЩИТНИК СУСАНИНА

У Вадима Кочнева, ведущего технолога машиностроительного холдинга, собралась на домашнюю вечеринку небольшая компания. Пришли Серега, старый друг — с детских лет, Леша, коллега Кочнева по работе, и еще Сергей уговорил пригласить нового своего приятеля и сослуживца — Дениса Седова. «Толковый мужик, — заверил он. —

Придется ко двору. Вот увидишь». Все, конечно, с женами. Обоих чад своих Вадим отвел к Серегиной ребятне; это в пяти минутах ходьбы.

Вечеринка шла привычным ходом: застольные беседы прерывались изредка перекурами на лоджии, непродолжительными танцами; когда мужики садились играть кто в шахматы, кто в нарды, женщины секретничали в соседней комнате. Денис и впрямь оказался интересным собеседником. «Немногословный только,— подумал Вадим,— откликается коротенько, тему сам не открывает. Хотя, с другой стороны, он первый раз в нашем кругу, и сдержанность такая ему в плюс».

Ближе к окончанию встречи разговор зашел про экзаменационное тестирование, упорно внедряемое в школах. Довольно дружно прикнули к лагерю скептиков — главным при таком подходе, действительно, выходит знание, а способность соображать самостоятельно остается невидимкой, не учитывается почти. Но и в том сошлись после короткой полемики, что временно тестирование можно использовать — ведь учителя стали заметно слабее, и зарплата их позорная мздоимство провоцирует. Престиж профессии нужно восстанавливать и возвращаться к классическому экзамену «учитель и ученик: глаза в глаза» — так порешили. Старший сын Сергея недавно сдавал выпускные тестовые экзамены. И Серега пересказал с иронией несколько запомнившихся кусков из теста по истории России. Прочитировал и задание, касающееся финала Русской смуты начала XVII века, с вариантами ответов: «Иван Сусанин завел в лесную болотистую глушь вражеский отряд, спасая

княгиню Ольгу;

Дмитрия Донского;

Михаила Федоровича Романова;

Екатерину Вторую».

— А что, неплохо. Я думал, будет что-нибудь с вариантом ответа «Сусанин заблудился», — хохотнул Леша. — Где-то читал или анекдот слышал, что Сусанин не обманул вовсе «ляхов», не намеренно завел их в глушь и принял мученическую смерть, а заблудился просто, когда провожал иноземцев к месту укрытия Михаила Романова... Кажется, спорят до сих пор, когда это случилось — после избрания Михаила царем или накануне.

Жена Лешкина тоже хихикнула, но остальные эту реплику пропустили как бы. Промолчал и Вадим, хотя его она покорибила. Сергей начал было вспоминать сыновний тест по географии, но его прервал Денис.

— Сережа, извини, мне поделиться хочется с вами кое-чем, — сказал он и, заметно повышая голос от фразы к фразе, продолжил: — Меня вот давно мучает вопрос: отчего мы так легко и терпимо относимся к насмешкам над нашими героями, наветам на них. Хуже того, сами можем поржать, съязвить... Эту байку подленькую про Сусанина я

давно услышал, да еще как: в телепередаче, в вечернее время — при стечении народа считай — воспроизвел ее известный юморист, давясь от смеха. Не вырезали, и не помню, чтобы публично попеняли ему, пристыдили, на дверь указали, от дома отказали. До сих пор на экране мельтешит, приглашают, привечают... А еще как-то прочел в столичной газете (респектабельной слывет), что Александр Матросов потому лишь закрыл амбразуру дота собой, что иначе свои бы его поставили к стенке. Выхода, дескать, другого не было у бойца. Отказали Саше в способности на героический порыв! Трясло меня, хотел порвать, бросить тот лживый, паскудный текст, едва начав читать. Но заставил себя докончить... И еще один грязный выверт хорошо запомнился — фильм документальный, тоже по телевидению показали. Историю Зои Космодемьянской подали так, что гибель разведчицы оказалась чуть ли не бессмысленной. Мол, результаты диверсий ее мизерны (перерезала телефонные провода, подожгла конюшню в деревне, где разместился штаб гитлеровской части), а на другой чаше весов — фашистские пытки и виселица. Подбили баланс. Не знают, что подвиг ее был в стойкости духа высочайшей?! Не могу поверить... Может, герои — не те? Или нужда в них отпала?.. Теперь-то, когда мы сникли, разуверились в себе!

Денис остановился и, часто дыша, вопросительно глядел то на одного, то на другого.

Острая, взволнованная его речь с самого начала вывела всех из блаженного расслабленного состояния. Не удивилась ей, пожалуй, одна Катя, жена Дениса. На лице у нее были тревога и смущение.

Леша, запаливший невзначай Седова, смешался, кажется, больше Кати.

А Кочнева Денис тронул — очень искренними и сердечными показались его гневные слова. «Наболело, не иначе,— мелькнуло у Вадима.— Как преобразился мужик!.. Прав он. Но сейчас нужно побыстрому разрядить обстановку».

— Честно говоря, и меня злят эти плевки в прошлое наше, ближнее и дальнее,— спокойно сказал Вадим.— Чтобы не бередить душу, что-то такое поганое — в урну, раз попало, и телик вырубая, если что, или переключая на другой канал.

— Да я так и делаю давно. Просто здесь не ожидал с этим столкнуться,— буркнул миролюбиво Денис.

— Я ж упомянул только анекдот злосчастный, а ты вдруг взбеленился,— обиженно упрекнул Леша.

— Не только, Алексей, не только,— возразил ему Седов негромко, но с нажимом в голосе.— Ты хохотнул еще... Ладно, ставим точку. Как чувствовал, так сказал. Не сердитесь, мужики, и вы, девочки.

— Ну вот и славненько,— выдохнула с облегчением жена Вадима, обрадованная, что ситуация выравнивается.— Как насчет чая? Будем чаевничать?

— Может, попозже,— предложил Сергей и добавил: — О Матросове и Космодемьянской я впервые такое слышу. Низость! Но с Сусаниным ты, по-моему, перебрал. Масса анекдотов и баек разных ходит и про богатырей наших былинных, и про царей, и про советских вождей, не говоря уж о Чапае... И в обиход вошло давно, как кто завел не туда, так обязательно его в шутку Сусаниным назовут.

— Неужели не видно, что поворот сусанинского подвига на сто восемьдесят градусов, пусть даже в виде хохмы — иное совсем! — не удержавшись, опять воскликнул Денис.— Подвиг обратили в предательство!.. Вот ты, Сергей, рассказывал мне про деда своего — фронтовика, разведчика, как он ногу потерял после ранения. Представь, говорит тебе некто: «Не сердись, твой дед, конечно, отважный человек. Но ведь могло же быть так, что он из разведки вернулся не гитлеровцами подстреленный, а сам себе неудачно ногу прострелил — надоело воевать». Твоя реакция?

— Загрыз бы его,— зло бросил Сергей, неприязненно глядя на Дениса.

— Ты и мне сейчас готов выдать за мою дрянную фантазию. Извини. Но ведь анекдот про Сусанина — то же самое. Вы представляете, как крепко нас обработали, если даже зрелые, образованные люди стали путаться... Вот, кстати, еще яркий пример путаницы — не выходит из головы. Пионера Павлика Морозова стали выдавать некоторые чуть ли не за эталон предателя. Причем, и авторитетные известные лица проходятся по мальчишке в таком духе. Мальчишке! Нашли дяди и тети козла отпущения. Взрослые! Повинные в его трагедии взрослые!.. Ему памятник большой поставить нужно взамен порушенных, с надписью: «Мальчику Павлику Морозову от взрослых, сначала его запутавших и убивших, потом воспевавших, далее оболгавших и опозоривших, а теперь раскаявшихся и молящих о прощении».

Умолкнув, Денис переключился на тарелку: обстоятельно, неспешно подбирал остатки салата и холодца, постукивая вилкой и ножом.

«Что ж вы не угомонитесь,— расстроено подумал Вадим.— Не хватало еще, рассорятся вдрызг... Как теперь разруливать?»

Выручила денисовская Катя. Она оценила ситуацию и взялась напоминать мужу, что дети звонили из дома, что обещали им пораньше вернуться и пора уже подниматься. Нашла оперативного подходящий повод, чтобы уйти от греха подальше. Денис не возражал. Удерживать Седовых не стали. Через минуту, другую они откланялись. Оставшиеся гости тоже скоро разошлись, выпив наспех чая с тортом.

Спустя несколько недель опять наметились домашние посиделки, теперь у Сергея.

При встрече с ним Вадим неуверенно и с опаской поинтересовался:
— Седова с женой позовешь? Думаю, он понял, что переборщил. Катерина девчонкам понравилась... Или все злишься на него?

Сергей вытаращил свои синие глаза:

— Он понял?! Ты, Кочнев, даешь. Он же натуральный буйный максималист. Врагов не достать, своих сечет. Как я проглядел.

— Что, и на работе с ним не контактишь?

— Почему? Недружба недружкой, а служба службой... Да выбрось его из головы. Но если хочешь, общайся, хозяин-барин. Только без меня.

Алексей КУРГАНОВ

г. Коломна Московской области

Прозаик, 59 лет, образование — высшее медицинское. Регулярные литературные публикации в местных и областных изданиях. В июле 2013 г. в издательстве «Серебро слов» выпущен сборник рассказов и миниатюр «Земляки».

ЖИЛИ МЫ НА ПЕСТЕЛЯ, РЯДОМ С ГАСТРОНОМОМ...

Магазин был замечательный. Как сегодня говорят, супер в тренде. Нет, это я не о том магазине, который у собачьей площадки, справа от помойки, а который на углу нашей улицы, Пестеля, и Юных Пионеров. Особенно великолепен был мясной отдел. Колбаса — всегда! Даже при Советской власти! Правда, тогда в ассортименте имела только одного сорта — ливерная, но такая скромность (если не сказать — аскетичность) выбора нас, тогдашних, совершенно не напрягала. Ливерушка как закуска к портвейну «Три семерки» не имела себе равных по соответствию этому благороднейшему напитку! Кстати, тогда она стоила пятьдесят восемь копеек. Сейчас — двести десять. И не копеек, а рублей. Это насколько же ливер подорожал?!..

Продавщицей в мясном отделе работала некая Клава. Фамилию не помню (кажется, Кукушкина). Клава и Клава. Клабочка-Клавуня. Красавица с выраженными пышными формами. Вероятно, ее разносило так из-за постоянной близости к мясу. Рост — под два метра. Губки — бантиком. Щечки — булочками. Под носиком — усики. На правом нижнем клыке — золотая коронка. Правый ее глаз задорно смотрел налево и вниз. Левый — строго вверх, без отклонений в стороны. Если кто Клаву впервые видел — от этого ее взгляда робел. Некоторые даже пугались. Но в этом не было ничего трагичного. Это по первости и от робости. Потом привыкали. И действительно: чего такого-то? Ну, ко-

сят глаза, причем одновременно оба. Да, это ненормально. Это изъян. Но не преступление же! Даже наоборот: была в ее косоглазии какая-то пикантная изюминка. Загадочность, как у Моны Лизы. Какой-то экзотический шарм. Шарм... Шарм-эль-Шейх. Так называется курорт египетский. Клавушка (она сама рассказывала) была там один раз. Во второй не захотела. Говорила, что жарко и мужики все заняты. В том смысле, что разобраны. А которые не занятые, те почему-то пугливые. А с местными связываться чревато (так опять же она говорила — по-пробовала, что ли?). Запросто можно нарваться на неожиданные неприятности. Местные же такие прожженные ловеласы... Так что нет уж, нет уж. Как говорится, лучше уж вы к нам.

Кстати, по слухам (слухи — самый надежный источник информации!) Клава не всегда обладала таким экзотическим видом своих глаз. По этим самым слухам в молодости они у нее были совершенно безупречны. То есть смотрели нормально и синхронно. Как у всех. А разлетаться в разные стороны они начали после того, как Клава сходила замуж за какого-то матроса. Который увез ее из нашего города на Дальний Восток, откуда через год она вернулась уже одна. То есть не совсем одна. С ребенком. Но без матроса. Он ее там, на Дальнем Востоке, изрядно лупил. А потом его то ли зарезали в пьяной драке, то ли он ушел в плавание и утонул, то ли сбежал к японцам. В общем, мужиком оказался куда как веселым. С таким не соскучишься. Хотя глаза запросто можно испортить. На постоянно нервной почве.

У Клавы была подружка, Милочка. Она работала в хлебобулочном, и сама была похожа на аппетитную булочку. Почему-то ее, в отличие от Клавы, никто замуж не звал. Даже матросы. Даже дерущиеся. Почему не звали — загадка. Она же была хорошая, эта хлебобулочная Милочка!

Улица же наша, которая Пестеля, начиналась здесь, у гастронома и, проскочив между домами, сараями, задами складских помещений железной дороги и высоченным, метров под пять, и совершенно глухим забором психиатрической лечебницы, выскакивала напрямик на железнодорожную платформу, между баней и привокзальной общественной уборной. Баня была великолепной — жаркой и грязной, и мы, пестелевцы, регулярно там мылись и парились. Запомнилось, что горячая вода в бане была не просто горячей, а самым настоящим кипятком, потому что нагревалась подключенным к бане паровозом.

Уборная же великолепием не отличалась. Это было скучное, выкрашенное ядовитого светло-зеленого цвета краской, вытянутое вдоль платформы строение с двумя дверями по бокам. На одной двери была написана буква «М», на другой, соответственно, «Ж». Буквы были большими и четкими, что придавало им строгость и изначальную значимость. И никаких излишеств. Здесь туалет, а не, скажем, консерватория. Надо же понимать. Надо же различать.

Обстановка внутри уборной также угнетала: половина пола, та, которая ближе к двери, была выложена грубой керамической плиткой и у стены имела желоб для малой нужды. Вторая половина, более удаленная от входа, представляла из себя невысокое деревянное возвышение с прорезанными в нем большими черными отверстиями. Это сооружение имело очень неприглядный вид, так как не все посетители отличались воспитанностью.

Дополняло все это «народное творчество», щедро представленное на здешних стенах рисуночными изображениями и похабными надписями. Поскольку эта «наскальная живопись» периодически уничтожалась здешним обслуживающим персоналом, то тут же, подобно птице Феникс, возрождалась вновь. Возмущаться ею было бесполезно и бесперспективно. Да никто и не возмущался...

Логичным дополнением ко всему этому был ядреный аромат концентрированной хлорки. Железнодорожники ее не жалели, нет! Вероятно, они опасались эпидемических заболеваний, которым хлорка, как известно, первый враг и лучший убийца! От ее запаха кружилась голова и щипало в носу. Да, это было не совсем эстетично, зато стопроцентно гигиенично.

На середине улица расширялась, округлялась и трансформировалась в некую то ли лужайку, то ли площадку, то ли большой уличный двор. В примыкающем к железнодорожным складам закуте двора, под старыми бесхозными яблонями, стоял большой деревянный стол со вкопанными в землю тумбами-ножками. Здесь играли в домино и карты, пили водку и портвейн, ругались и мирились. Стол был символом уличной жизни и оплотом мирного сосуществования.

Вечерами около него появлялся Васька Чуев. Он приносил гитару и пел:

*— А на дворе — хорошая погода.
В окошко светит месяц молодой.
А мне сидеть еще четыре года.
Душа болит и просится домой.*

После чего переходил на исполнение частушек, зачастую совершенно скабрёзного содержания... Мужики угощали Ваську папиросами «Беломорканал» и сигаретами «Дымок», поскольку у него самого курева никогда не было. Васька никогда не работал, зато время от времени, как он сам говорил, «присаживался». Сажали его всегда за воровство и давали немного, года два — три — четыре. «Не можешь — не мучайся», — говорил ему дядя Петя, старый вор, живший ближе к пустырю, у водонапорной колонки. То есть не умеешь воровать — не берись. Васька воровать не умел, поэтому его всегда ловили. Одно его оправдывало: воровал всегда у государства. На складах, по цехам и

магазинным подсобкам. Если бы воровал у нас по домам, то так легко не отделялся бы. Убили бы. На улице за крысятничество расправлялись сразу и жестоко. Были случаи, были трупы. Милиции не выдавали убийц. Круговая порука.

Самым азартным доминошником был Шурик Козелупов, а самым спокойным — Виль Петрович. Его настоящее имя было Вилли. Он в войну под Сталинградом попал в плен и отбывал его у нас в городе, на машиностроительном заводе, потому что по профессии был токарем. В Германию не вернулся, женился на нашей местной, Маше, дочери Петра Игнатъича Спиридонова и продолжал работать все на том же машиностроительном. Со временем окончательно обрусел, и хотя акцент сохранился и выдавал в нем уроженца иностранной державы, никто из уличных его иностранцем, конечно, не считал. Тем более что Виль Петрович был великолепным матершинником, матерился легко и приятно для слуха, а все тот же акцент придавал произносимым матерным словам утонченную пикантность.

И уж коли заговорили о разных нациях... Улица в вопросах интернационализма проявляла свойственные, пожалуй, только лишь нам, русским, великодушные и, как сегодня говорят, толерантность. Кстати, соседом Виля Петровича был Соломон Израильевич. Это тоже был в своем роде примечательнейшим человеком. Маленький, но цепкий, говорят про таких в народе — и говорят совершенно правильно: Соломон Израильевич, имея рост метр пятьдесят восемь сантиметров, выделялся просто-таки выдающейся потенцией, что подтверждали несколько женщин, а в первую очередь его супруга Тамара Моисеевна, женщина огромная по габаритам и совершенно вздорная по характеру. Периодические измены мужа ее ничуть не огорчали, поскольку в этом отношении она и сама имела немалый опыт, приобретенный еще в юности, когда Тамара Моисеевна работала официанткой в офицерской столовой некоей воинской части в так называемой ГСВГ (Группа советских войск в Германии).

И в продолжение сексуальной темы. Была еще тетя Рая. Она жила в маленьком домике за помойкой и считалась падшей женщиной, потому что водила в этот симпатичный домик разных симпатичных и не очень мужчин. На улице ее за это не осуждали. Улица вообще была очень терпимой к человеческим порокам. Тетя Рая носила красивые платья, ярко красила губы и смеялась неприятным басом (такой смех называется вульгарным — это определение я уже потом узнал, когда повзрослел).

— Ну, чего, Райк? — весело спрашивал ее дядя Петя. — Нагулялась?

— Нет пока исчо, — жеманно собрав губы в дудочку, отвечала тетя Рая.

— Ну, гуляй-гуляй,— милостиво разрешал дядя Петя.— Смотри тока заразу не подцепи.

Однажды летом тетя Рая уехала с очередным мужиком на южный курорт и оттуда уже не вернулась. На улице говорили, что этот самый ухажер там, на курорте, ее к кому-то приревновал и зарезал. Такой поворот тети-Раиной судьбы никого не удивил. Все бывает. Кого давят, кого режут, третьи сами помирают. Действительно, судьба! Другие с жаром уверяли, что никто Райку не резал, а совсем даже наоборот: этот то ли грузин, то ли турок, с которым она уехала, купил ей на побережье симпатичный домик, в котором Раиса сейчас и блаженствует. И эта версия тоже имела право на существование и тоже никем не отвергалась и не оспаривалась.

Огорода у тети Раи не было, садом она не занималась, зато прямо у калитки рос огромный куст жасмина. Каждый год, с мая по сентябрь, от него исходил такой умопомрачительный запах, что прохожие невольно останавливались, нюхали и качали головами. Странно, но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь отломил от куста хоть веточку.

Как сейчас перед глазами картина: хозяйки который месяц уже нет, дом стоит непривычно тихий, сиротливый, забытый и брошенный, покорно смирившийся со своей печальной участью постепенного разрушения — а жасмин по-прежнему цветет бьющим по глазам белоснежным цветом и все так же, по-прежнему дурманит головы, словно бросает вызов судьбе и не желает сдаваться.

Справа от тети Раи, ближе к железной дороге, жила семья Зворыкиных. Примечательна она была тем, что Зворыкины считали себя единственными на всей улице эстетствующими интеллигентами, и по утрам Зворыкина-мама беспощадно орала то ли на Зворыкина-папу, то ли на их сына Стасика, редкостного даже по нашим уличным меркам раздолбая, то ли одновременно на обоих: «А кофий из банки надо брать сухой ложкой! Только сухой! Нет, я с вами точно с ума сойду!» Свое обещание она, в конце концов выполнила: ближе к старости, действительно, выжила из ума и даже несколько раз лечилась в психиатрической больнице, впрочем, с совершенно бесполезным результатом.

Зворыкин-папа, невероятно худой очкарик со взглядом побитой собаки, работал бухгалтером на мукомольном комбинате и ничего оттуда не воровал, что по нашим уличным меркам считалось даже не чудом, а уникальностью. Работать на мукомолке и не тащить — это было за гранью нашего понимания.

Их сынок, раздолбай Стасик, то ли в девятом, то ли в десятом классе неожиданно для всех стал комсомольским лидером, после школы по комсомольской линии поступил в педагогический институт, но его не окончил, потому что с третьего курса уехал в Москву и стал слушателем суперсекретной кэзгбэшной школы. Далее слухи разнятся: одни говорили, что он оказался предателем, был разоблачен и тайно рас-

стрелян в подвалах Лубянки. Другие с жаром уверяли, что никто его не разоблачал и не расстреливал, а совсем наоборот: Стасик ту школу успешно закончил и был заслан за рубежи нашей Родины, шпионичать в одной из развивающихся стран. Сделал там головокружительную карьеру, и от простого-рядового шпиона дорос до целого шпионского резидента. Впрочем, это были уже детали. Главное, что в той суперсекретной школе он наверняка прошел специальный курс западных манер поведения в быту и поэтому наверняка научился на радость своей психиатрической маме пользоваться насухо вытертой кофейной ложкой.

И уж коли говорить о заграницах и шпионаже: ближе к вокзалу, в маленьком домике с большой деревянной терраской и покатою крышей, жил Пал Анисимыч. Он всю жизнь проработал по дипломатической линии: возил на машине то ли нашего посла в Америке, то ли кого из его подчиненных. Бывало, спросишь его: «Пал Анисимыч! А как они там живут? Вообще-то как? Продуктивно?» А он в ответ задумается, этак многозначительно в воздухе пальцами покрутит и отвечает всегда односложно: «А чего ж им? Продуктивно, да...» — «В каком,— спрашиваю,— смысле?» — «В обычном,— отвечает.— В физиологическом. Как утром просыпаются — первым делом продуктов своих американских высококалорийных нажрутся — и тут же начинают свои американские сношения. И никакого прям стыда, и никакого на них, тварей, народного контроля...» Да, большого ума был человек! Когда там, в Америке, работал, то водочкой увлекаться остерегался (как можно! — находился в самом главном логове идеологически враждебного стана, и коварные цэрэушники враз могли подловить на алкогольном увлечении, хоть работаешь ты простым шофером и по дипломатическим табелям о рангах есть ты никто и зовут тебя совершенно никак!), а вот как на пенсию вышел — расслабился, увлекся. Через это расслабление и помер. Да и чего удивительного? Проспиртовываться надо постепенно, месяц от месяца, год от года, чтобы организм привык и душевно спиртовую благодать прочувствовал. А если сразу на нее накинуться, по голодному, то недолго и до печального исхода в виде соответствующих этому моменту картонных тапочек и духового оркестра впереди скорбной процессии.

Из уличных баек: в начале шестидесятых годов на улице вознамерился поселиться городская знаменитость — художник Ефим Бутылко (творческий псевдоним — Трофим Пятилеткин). Прославился он раньше, в сороковые — пятидесятые, когда натренировался рисовать партийных деятелей, в первую очередь, конечно, «дорогого Иосифа Виссарионовича». Побудительным мотивом для поселения у нас было стремление Бутылко-Пятилеткина стать ближе к народу, к так называемым широким пролетарским массам. Стремление было подкреплено практическими действиями: художник уже договорился с тетей Машей

Кругловой насчет обмена ее домика на его квартиру, и все вроде бы сладилось-сделалось, но в самый последний момент расстроилось из-за тети-Машиного соседа, Кузьмы Прохоровича Самоедова. Который, пребывая в своем привычном (читай — пьяном) состоянии, отчего-то на художника осерчал и вследствие этого своего огорчения-осерчания избил его. Желание влиться в массы у Бутылко-Пятилеткина сразу пропало, он сказал: «А ну вас, пролетариев!..» — и, как говорится, был таков. Художник поторопился: через месяц Кузьма утонул в городском фонтане, из которого вознамерился попить водички. Вероятно, в тот момент его мучила похмельная жажда, он потянулся припасть к вожделенной фонтанной влаге, но не удержал равновесия и свалился в воду. Так нелепо погиб этот скромный герой.

К слову, Бутылко-Пятилеткин был не только городской знаменитостью и достопримечательностью, но и выдающимся конъюнктурщиком: после смерти Сталина он также резво и рьяно принялся рисовать портреты «дорогого Никиты Сергеевича», а когда того уволили со всех его государственных постов, но строительство коммунизма продолжили (правда, уже без кукурузы), он с не меньшим энтузиазмом переключился на изображения товарища Брежнева. Закончилась его художественно-изобразительная эпопея, увы, печально: в какой-то момент все три героических государственных образа в его художественном воображении слились в один и превратились в некий сюрреалистический симбиоз из лысины, густых широченных бровей, усов и курительной трубки. Что Бутылко-Пятилеткин тут же и нарисовал. Власти расценили сей живописный натюрморт как самую настоящую политическую диверсию, направленную поколебать устои, но поскольку на дворе был не тридцать седьмой год, сюрреалиста не расстреляли, а всего лишь поместили в психиатрическую лечебницу. Где он тут же стал редактором больничной стенной газеты, на которой мог вышеупомянутый симбиоз рисовать без всяких карательных последствий, потому что сумасшедший дом — он и есть сумасшедший дом. Таким образом, так и не став жителем нашей улицы, он от улицы далеко не отдалился, поскольку задним забором психлечебница выходила как раз на нашего Пестеля.

Улица заканчивалась домом, в котором жила семья Толстопятовых. Глава семьи, Василий Прохорович по кличке Пупок, как и все вышеназванные жители улицы, тоже был замечательным человеком. Особенно прекрасным он предстал в состоянии подпития (у нас на улице многие выпивали), когда выходил из дома и громко объявлял: «Я вас, тварей, всех наскрозь вижу!» Это сопровождалось поднятым и сотрясаемым в воздухе кулаком. Понятно, что никакого должного эффекта ни грозные слова, ни этот кулак на окружающих не производили. Наверное, потому, что все вокруг были точно такими же «рентгенологами».

Иногда после этого кратковременного спектакля Василий Прохорович уходил домой сам, иногда его уводила супруга, достопочтенная Тамара Марковна. Опять же, иногда уводила его без всяких лишних движений, но, бывало, иногда молча лупила Василия Прохоровича по лицу мокрой тряпкой, которой вытирала посуду. После пары ударов «рентгенолог» быстро приходил в чувство, горбился, сникал плечами и опускал голову. Тамара Марковна вздыхала, гладила его по бритой голове и уводила в калитку. Работал Василий Прохорович продавцом кваса недалеко от нашей улицы, около вокзала, и нас, пацанов, всегда поил бесплатно. Квас был очень вкусным. Это я помню совершенно точно.

А на уличной помойке постоянно кормились бродячие собаки. Мы их все время гоняли, но не от жестокости, а от азарта. Собаки это понимали, поэтому бегали от нас не резво и в страхе, а подчиняясь этой непонятной и совершенно безболезненной для них игре. Однажды весной одна из них сдохла здесь же, в лопухах, и мы, пацаны, вырыли ямку и похоронили ее. Помню, была она маленькая, рыженькая и со смешными остренькими ушами. Детство и отрочество — время формирования жизненных принципов, в которых совершенно непонятным образом сочетаются и жестокость, и азарт, и бездушие, и сострадание к братьям нашим меньшим и к падшим, и память о павших.

А еще на помойку прилетали крупные вороны и такие же крупные галки. Вот их-то мы, действительно, ненавидели, потому что они нахально, прямо из-под носа, воровали объедки у нам дружественных собак.

В самой середине улицы стояла водонаборная колонка. Мы, пацаны, очень любили около нее собираться и поливать друг друга здешней водой. Вода была холоднущая, просто ледяная. Мы визжали, матери ругались, а мужики посмеивались: здоровее будут! А не будут, так помрут! Делов-то!

У Сиротиных на кухне, на полке у печки, всегда стояла трехлитровая банка с так называемым грибом. Он представлял собой этакое медузообразное существо внешне совершенно противного вида, а вода, в которой он плавал, была желтой по цвету и настолько кислой на вкус, что сводило скулы, если пить без сахара. Считалось, что эта желтая вода помогает от всех болезней, и все жители улицы в это почему-то безоговорочно верили. Хотя я не помню случая, чтобы кто-то, действительно, от чего-то этой жидкостью излечился.

Сейчас уже нет ни нашего двора, ни дома, ни стола. Магазины тоже нет. В его здании сейчас располагаются разные конторы (посегодняшнему — офисы). От них, наверное, есть какой-то толк, пото-

му что контор — много, и в каждой сидят люди. Может, даже ответственные работники. Счастья им. И успешных выполнений стоящих перед их конторами офисных задач.

Самой улицы тоже нет. Нас переселили в новый городской микрорайон, а от улицы остался какой-то совершенно несерьезный огрызок в виде прохода к собачьей площадке. Остальная часть перегородена бетонным забором, за которым находится городской исследовательский центр норм и стандартизаций. Чего-то работники там все исследуют, никак не наисследуются, изображая на своих лицах государственную значимость и глубокомысленную важность. Удачи им и всех благ. И нам тоже. И всем.

Ольга КАРАГОДИНА

г. Москва

Родилась в Москве. В 1981-м г. окончила Московский библиотечный техникум по специальности «Библиотековедение». Работала библиотекарем, секретарем-референтом, методистом. Пишет прозу, бардовские песни и исполняет их. Любит фотографировать на любительском уровне. С 2009-го г. работает оргсекретарем в Академии российской литературы. Член

МГО Союза писателей России.

ЗАПИСКИ ИЗ ПОЛИЦЕЙСКОГО УЧАСТКА

Дежурная часть — это и визитная карточка, и центр управления, и кухня, и передовая. Вахта, очередное дежурство, суточный наряд, сводка происшествий — обычные будни МВД.

— Младший сержант Никифоров! Что у нас сегодня?.. — ворвался в дежурную часть капитан Валерий Пишук. — Что молчишь? Проще с овощами общаться, чем с вами. Показывай документацию, оружейную комнату, спецсредства, докладывай о состоянии связи. Мне через час делать доклад начальнику управления обо всех происшествиях, которые имели место в нашем районе за сутки. Тишины-то у нас... не бывает!..

Никифоров медленно оторвал глаза от лежащих перед ним бумаг, уставившись в лицо начальнику ясными детскими глазами.

— Много чего было. Вам докладывать или сами почитаете?..

— Пошли ко мне в кабинет. Сам доложишь. Посади кого-нибудь вместо себя.

Сержант нехотя вылез из-за стола.

— Кострыкина! Подмени! — и медленно поплелся за начальником на второй этаж.

— Ну-у... Начинай,— устроился поудобнее в кресле Пишук.— Сухо, не эмоционально, протокольным языком. Перечисляй только факты, без всякой личной оценки.

— В шесть утра неизвестный мужчина похитил у гражданки Филоновой серьги, которые находились у потерпевшей в ушах, при этом бил ее по лицу ее же радикулем. На месте происшествия была обнаружена и изъята черная вязаная шапка с прорезями для глаз. На нападавшем была рубашка в цветочек, черные брюки, на ногах драные кеды, на голове — лысина. Ищем. На станции метро обнаружен труп неизвестного. Внешних следов насилия нет, за исключением квитанции об оплате годовой подписки на газету «Взгляд изнутри» и пяти лотерейных билетов. Гражданин Иванов был задержан за то, что, идя по улице, нецензурно удивлялся кормовой части впереди идущей женщины. Отпущен после поучительной беседы. Оказана медицинская помощь бомжу Сапрыкину, получившему телесные повреждения по месту жительства на помойке. Гражданин Дудиков нарушал постановление 592 на стену православной церкви. Дежурный по участку лейтенант Павликов, обходя вверенный ему участок, сделал Дудикову устное предупреждение. Дудиков повернулся и продолжил нарушать постановление 592 на лейтенанта. Павликов повел Дудикова в участок. По дороге Дудиков злостно продолжал нарушать постановление 592, причем делал это с особым цинизмом, то есть зигзагообразно. Когда Павликов доставил его в участок, он прекратил нарушение постановления 592, но не потому, что осознал, а потому, что иссяк. Пенсионерка Бобрикова принесла на экспертизу жидкость от своей соседки, имеющую запах самогона и дрожжей. Написала жалобу. Гражданин Копейкин, возвращаясь ночью пьяным с работы, сбил ногой на пешеходном переходе проезжающий мимо мерседес. Завязалась драка между Копейкиным и водителем мерседеса, который тоже был пьян. Обоим предъявлены штрафы за административные нарушения.

— Хорошо-хорошо,— постучал костяшками пальцев по столу Пишук.— Задержанные есть?

— Есть,— по-военному четко ответил Никифоров.— Полуголая девица, фотограф и баба с волком.

— С кем?..

— С волком. Сидят в обезьяннике. Сказал утром разберемся, выпустим.

— Эти что натворили? — насупил брови Пишук.

— Баба с волком гуляла на огороженной площадке для выгула собак, которая граничит с большой спортивной площадкой, на которой гражданин Карандашкин, называющий себя фотографом, устроил фотосессию с обнаженной гражданкой Пипеткиной, прямо перед окнами

жильцов многоэтажного элитного дома. Гражданка Пипеткина, будучи обнаженной до трусов, принимала всякие вызывающие позы. Волк вырвался с площадки и напал на Пипеткину, сорвав с нее стринги, что оскорбило взгляд прохожих и жителей дома. Прохожие вызвали наряд полиции. Все нарушители общественного порядка были доставлены в участок до выяснения обстоятельств дела.

— Та-а-к... Разберемся. Веди-ка сюда бабу без волка,— грозно сверкнул очами Пищук.

— Без волка не получится,— раскраснелся сержант.— Рычит, никого к хозяйке не подпускает.

— Волк большой? Надо ей впаять статью за квартирное содержание диких животных в мегаполисе. Веди. Пусть намордник оденет.

— Кто? — не понял Никифоров.

— Кто-кто! Волк! Впрочем, лучше бы на обоих надеть. Веди.

Через пять минут дверь отворилась. В кабинет медленно вошла растрепанная женщина средних лет, рядом с ней мирно шел, поблескивая янтарными глазами, серый волк из сказки про «Красную Шапочку».

«Почему у него такие большие зубки?..» — чуть не вырвалось у Пищука, но он вовремя спохватился.

— Садитесь на дальний стул у двери. Гражданка Скоморохина, рассказывайте, как это ваша серая скотина напала на несчастную девушку? Почему не следите? Нарушаете общественный порядок — раз, содержите дикое животное в квартире — два.

— М-м... — замычала женщина,— это не волк, это порода такая, это овчарка с волком.

— Еще не легче. Гибриды еще хлеще,— злобно буркнул Пищук.— Рассказывайте, как он вырвался.

— Мы гуляли в отведенном месте,— начала хозяйка волка, нервно теребя в руках ярко-красный поводок.— На соседней площадке шла фотосессия. Мой пес нормально реагирует на обычных людей в одежде, а здесь девица выставила свои перси наружу и начала руками размахивать. К нам пришли друзья с лабрадором, волк выскользнул в открывшуюся калитку и напрямиком к девице. Та, как раз в этот момент, джинсы приспустила, увидела волка, испугалась, запуталась в них и начала дрыгаться еще больше. Ну, вы же знаете, как охранная собака реагирует на лишние движения. Фотограф сорвал с нее джинсы, она в одних стрингах осталась, тут волк подоспел и побежал за Красной Шапочкой, тьфу, за девицей. Стали они бегать по стадиону. Волк схватил девицу за стринги и сорвал их, в итоге она оказалась голой. На ней остались только туфли на пятнадцатисантиметровых шпильках. Я спустилась, поймала его, отругала, а тут наряд полиции подоспел. Но никакого вреда ни девице, ни фотографу — пес не нанес!

— А порванные стринги! Самое что ни на есть хулиганство. А собака без привязи? Двойное. Десять суток вам или штраф светит, дорожка. Что выбираем?

— Штраф... — вспотела Скоморохина. — Выписывайте.

— Ждите в коридоре. Сержант принесет. — Нажал кнопку вызова. — Никифоров! Веди фотографа с девицей.

В комнату робко вошли молодые люди: парнишка в толстых очках и юная дева в майке-сеточке, через которую просматривались все достоинства фотомодели.

— Присаживайтесь, — пригласил раскрасневшийся Пищук. — Рассказывайте, что вы делали на спортивной площадке элитного дома?..

— Мы проводили фотосессию для модного журнала «Образ», — начал фотограф. — Мы недолго. Всего полчаса.

— Как вы, батенька, в таких линзах фотографируете? — поинтересовался Пищук. — Искажение реальности. А почему в голом виде в общественном месте? Мелкое хулиганство.

— Мы выбрали время, когда народа мало. Мы собирались быстро отснять материал и уйти, уж больно натура хорошая была.

— Да уж... — смерил взглядом девицу Пищук. — Натура и впрямь что надо, даже волк оценил. А вы, Пипеткина, что же, совсем стыд потеряли? Крутите своими прелестями на глазах у изумленной публики. Придется вас на десять суток посадить, обдумать свое поведение. У нас в участке откорректируем ваш образ.

— Во всем виноват волк! Если бы не он... никто бы и не заметил, — засуетилась Пипеткина. — Мы снимались для приличного журнала. За такие снимки платят большие деньги.

— Деньги заплатите. Не сомневайтесь, — усмехнулся Пищук. — Мы тут и не таких на чистую воду выводили. А вы, гражданин фотограф, выбирайте «натуру» в более скромных местах.

— А тетка с волком?.. — заблестел линзами очков фотограф. — Стало быть, не виновата вовсе. Если бы не она, никто бы и не заметил.

— Однако заметили, — поправил его Пищук. — С гражданкой Скоморохиной и волком разберемся без вас. На соседнем поле футболисты играли, вы им сорвали матч. Мимо шли мамы с малышками, и что они видели? Нагую Пипеткину бегающую по стадиону в чем мать родила? Все хороши. Что мне делать с вашей веселой компанией? Волка на цепь, вас всех на десять суток. Ответите коллективно за ваши антиобщественные действия, хулиганы. Были тут у меня клиенты. Пожилые. Налила бабка деду сто грамм, ему показалось мало. Стал клянуть еще. Заявил, если не нальет, повесится в ванной. «Иди вешайся, старый дурак» — сказала бабка. Пошел дед в ванную, взял веревку, привязал ее к брючному ремню, пропустил под рубахой и сверху надел фуфайку. Встал на табуретку, привязал конец веревки за палку и откинул табуретку. Бабка видит, дед затих, заходит в ванную и давай при-

читать. Вызвала участкового. Петренко пришел, решил снять труп. Поставил табурет, встал на него, достал нож, чтобы обрезать веревку. Дед возьми и обними его за шею. В результате упали оба. Петренко сломал два ребра. Между прочим, за это деду дали пятнадцать суток, как за мелкое хулиганство.

— Не надо пятнадцать суток,— неожиданно заплакала Пипеткина, тряся худенькими плечами, усыпанными каштановыми локонами.— Мы лучше штраф заплатим. Сколько скажете.

— Правильно! Штраф. Это официально установленная плата за то, чего делать нельзя,— строго рявкнул Пищук, нажимая кнопку вызова.— Никифоров! Выпиши штрафы: Скоморохиной и Пипеткиной по пятнашке, фотографу — пятерку. Зайди в кабинет, я тебе колбасы дам. Угости волка. Я бы, на его месте, тоже за голой бабенкой побегал. Нам бы такого в полицию, патрулировать улицы. Ну и денек!

Николай МАКАРОВ

г. Тула

Военный врач ВДВ, гвардии майор медицинской службы, член Тульского общества православных врачей, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова и литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого.

ГКЧП, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ГОД МОЕГО СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

— Теперь власть будет наша!

Так начал совещание оставшихся офицеров начальник штаба дивизии, гвардии полковник Попов Юрий Юрьевич.

— Наведем в стране порядок!

Офицеров штаба дивизии на зимних квартирах осталось немного. Вся Тульская десантура во главе с генерал-лейтенантом Лебедем (находящимся в те дни в отпуске в Туле, будучи заместителем чего-то там Командующего ВДВ) выдвинулась в Москву. Не за песнями, ясное дело, не за пенсиями. Зачем? Брать власть в свои руки? Наконец-то! Дождались! Надоел этот бардак в стране! За Державу обидно!

О том и говорил Юрий Юрьевич на первом совещании в первый день, как оказалось, грандиозного фарса и мошенничества.

Поведал он нам также о том, что Лебедь всем оставшимся передает привет и держит руку на пульсе. Еще немножко, еще чуть-чуть... и власть будет наша. Военных власть!

На том и разошлись по кабинетам. На ночевку. С заряженными пистолетами под подушкой... Днем? Днем, пожалуйста, сдай пистолет дежурному и свободно выходи в город. Оставь телефон на всякий случай, где можно будет найти, в крайней необходимости. За три дня никого так телефонными звонками не вызывали. За ненадобностью.

Оставшиеся войска продолжали заниматься повседневной текучкой. Лишь ночью нас будоражили какие-то вопли из «матюгальничков» в проезжающих мимо штаба машин. И все.

На второй день, второй день ГКЧП, опять ровно в 18.00 начальник штаба (педант невероятный: никогда, никуда не опаздывал ни на секунду, умнейший офицер, пример честности и порядочности) начинает совещание. И опять Юрий Юрьевич передает привет от Лебеда. Что у них там, в стольном граде, все идет по плану. Еще бросок — и мы у власти.

Хорошо! Отлично!

На третий день... На третий день ровно в 18.00 начальника штаба в тактическом классе, где собрались офицеры, нет. Нет его через семь («дипломатическое время») минут. Нет через пятнадцать («театральное время») минут. Нет и через полчаса!

Кому необходимо — выступили с трибуны. Идет непринужденный офицерский треп, рассказываются анекдоты.

Время школьного учебного урока — сорок пять минут — прошло. — Попова нет!

Кто-то на свой транзистор ловит «чужой» голос. Все ошарашены: «Что он несет? Этот гадюшник? Какую ересь порет?» — «Не может быть!» — «Чтобы Лебедь? Наш Лебедь!» — «Предал? Сдал? Нас с потрохами! То есть, с батальоном десанта перешел на сторону Ельцина!..»

В этот момент в тактический класс входит Попов, вернее, тень от Попова. Серая, враз осунувшаяся тень эталона настоящего русского Офицера.

— Звонил Лебедь! Просил не считать его предателем! — гробовую тишину прервал тусклый с осипшим надрывом голос Попова. — Всем сдать оружие и по домам!

Хотите продолжение этой истории?

Пожалуйста...

На четвертый день войска возвратились на места постоянной дислокации. Утром пятого дня (отсчет от начала бездарного ГКЧП) в кабинет начмеда входит старший прапорщик (когда писались эти строки, я связался с ним, рассказал то, о чем пишу, и он просил меня не называть его фамилию), зная, что в нашем сейфе всегда имеются в наличии

реанимационные средства.

Между первой и второй восстановительными дозами он рассказывает о событиях минувшей ночи. Рассказывает о том, что буквально выносил (! — может, чуточку и приврал) из кабинета того-то и того-то (просил также не упоминать их фамилий), и... Лебеда, который, дескать, плакал и говорил, что его все считают предателем, но хотя бы ты, Петро, не считай его таким...

Этому старшему прапорщику я полностью доверяю. Служил вместе с ним еще с одна тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Когда он пришел в Армию восемнадцатилетним солдатом...

Вот и все... Весь сказ о ГКЧП... как я его помню, как на дальних подступах к Москве о нем помнят десантники-туляки...

Галина СОЛОНОВА

г. Брянск

Родилась в 1948 г. на Брянщине. Работала в системе народного образования на разных должностях. Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Автор шести сборников рассказов. Печаталась в Брянской периодике (газеты, альманахи, журналы), а также в российских журналах: «Муравейник», «Странник», «Подъем», «Воин России». Член общественной организации «Международный Союз писателей и работников искусств». Активный участник семинара прозы при Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России.

ВСПОМНИМ ВРЕМЯ БЫЛОЕ

Рассказ-очерк

Целинникам земли Казахстана посвящаю

— Ну что, сынок, нечем платить нам за девятый класс,— печально произнес Борис Иванович, нервно поглаживая левой рукой парализованную правую.

— А ты, бать, не волнуйся. Поправляйся скорее. Переросток я уже, какой мне девятый класс,— успокоил Гриша отца.

— Да будь проклята эта война.

— Пойду в сельхозучилище. Там годовичные курсы механизаторов открываются.

Ах, как время быстротечно!

Сидит Григорий Борисович на скамеечке у стены собственного дома, на солнышке греется, любитесь свежевскопанными, аккуратно

взбитыми грядками, готовыми принять семена и рассаду. Это сын постарался за выходные дни навести такую красоту. «Не справились бы мы с Машей с такой работой: девятый десяток нам уже, тяжелолато», — вздохнул Григорий Борисович и поглядел на двух прилетевших грачей.

— Ишь, по-хозяйски как вышагивают. Клюйте, клюйте червячков, разрешаю, — произнес вслух хозяин и прикрыл глаза, подставляя лицо майскому солнышку.

Вспомнился ему март тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года, когда окончил механизаторские курсы.

— Товарищи выпускники! Родина поручает вам ответственное задание: работу на целинных землях Казахстана, — торжественным голосом произнес секретарь райкома партии...

Деревенскому пареньку все было в диковинку: станция с названием «Красивая», небедный совхоз «Комсомольский», центральная усадьба и четвертая бригада, что базировалась на берегу огромного озера. До сих пор помнит Григорий Борисович его торжественное величие. А за озером — необъятные земельные просторы, уходящие к горизонту.

Стояли механизаторы шеренгой, слушали своего бригадира Богдана Даниловича. Неторопливо он рассматривал свидетельства об окончании курсов. Сердца у парней трепетали: кому, какой стальной конь достанется.

— Григорий Родин! Отличные оценки у тебя в свидетельстве. Молодец! По праву ты заслужил самый большой и мощный трактор «С-80».

И радостно было, и страшновато двадцатилетнему пареньку. Справится ли, оправдает ли надежды бригадира? Остальные механизаторы получили трактора «ДТ-54», «Беларусь», и только у него — «С-80».

Закипела работа: готовили плуги, бороны, сеялки, культиваторы. Наконец встал он, пахарь, со своим трактором у непокоренной земли. Всмотривался, прикидывал, с какой стороны начать работу. Знал секрет, а, может быть, это и не секрет вовсе. Вбил первый кол у края поля, зашагал вперед, пристраивая колышки один за другим, чтобы стояли ровно, как солдаты в строю. «По ним и буду ориентироваться», — решил Григорий. Загудел мотор, ровно укладывалась в борозду за бороздой целинная земелька. Первый день работы, как первый экзамен. Остановил свой трактор, вышел из кабины, вытирая пот рукавом. Взглянул на вспаханную землю. Пар сизой волной поднимается. Горсть земли в ладони размял: мягкая, податливая, будто маслом сдобрена. Душа радостью наполнилась.

— Спасибо, сынок. Добрая вспашка, — похвалил подошедший бригадир.

Перебивали друг друга, урчали вдали моторы механизаторов. Друг перед другом хвалились парни своим трудом. «Да, с большим энтузи-

азмом работали», — прервал свои воспоминания Григорий Борисович, глядя, как уже стая грачей хозяйничала на грядках.

Вспомнились сурки и суслики. Они неожиданно выскакивали из своих вертикальных нор, разбегались по сторонам, услышав рокот мотора. «Ах, каналы! Затопчу ведь вас, — не выдержал Гриша и остановил трактор. У гусениц лежал суслик. — Бедолага, поранил я тебя, что ли? — взял зверька в руки, рассматривая его буровато-охристый окрас, рыжие пятна под глазами, рыжеватые щеки, приложил к суслику ухо. — Вроде жив, пойдем, отлежишься в кабине».

Только собрался сесть за руль, заметил пушистого сурка. Рыжекоричневый красавец стоял в двух метрах от кабины на задних лапах, сложив передние на груди. «Ты что, свою нору защищаешь? — изумился Григорий. — Ишь, какой упитанный, килограммов десять, небось, весишь, не меньше. А ну, дуй отсюда, не мешай мне работать», — и громко захлопал в ладоши.

Широко улыбнулся Григорий Борисович, на душе потеплело. Вспомнил, как с Машей, медицинской сестричкой, познакомился... Пока пахал, изредка на суслика поглядывал, а тот лежал, не шевелясь, у ног. Рабочий день заканчивался. Заметил: зверек вдруг зашевелился, пытается встать на лапки. Обрадовался: «Жив!». Схватил его — и за пазуху. Побежал в медицинский пункт. Там он и увидел голубоглазую красавицу. Оробел.

— Что болит? — строго спросила медсестра.

В ответ Гриша протянул ей пригревшегося на груди суслика. Смех девушки рассыпался звонким колокольчиком, но лапку она зверьку перевязала.

И опять грезится свежевспаханная, будто живая, земля, готовая принять в себя семя. Большая сцепка «С-18» к железному коню и целых пять сеялок, заправленных пшеницей.

— Поняй, Гриша. Поняй, сынок! — благословлял по-отечески бригадир-украинец.

«Не оплошать бы перед батькой Богданом. (Так почитали мы своего бригадира). — А в бригаде были парни разных национальностей. И все считали друг друга братьями. Не то, что нынче!» — будто с упреком в чей-то адрес с обидой обронил вслух Григорий Борисович.

«Земелька целинная благодарностью отзывалась на заботу человеческую, — снова потекли, словно ручеек, мысли. — Ждали, когда проклюнутся зернышки да появятся зеленые росточки. Прибежали однажды ранним утром с Машенькой к полю, а оно зеленым ковром покрыто. И небо голубое-голубое, будто обнимает его. Равовались первому колоску и молочному зернышку. Крепнет оно, силой наливаются, солнце да ветер помогают. Колышется поле золотой волною — дух захватывает от гордости: и я причастен к созданию этого богатства».

Вдруг сердце сжалось, тяжесть в груди почувствовал. Вспомнил ту

зловещую телеграмму, заверенную главврачом: отец умер. Толком не поговорил, не попрощался с девушкой любимой, домой помчался.

Не успел горе пережить, как повестка из военкомата пришла. В поселке Васково Архангельской области, где располагались части ПВО, принял присягу. «Торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, всемерно беречь военное и народное имущество», — вспомнив эти строки из воинской присяги, Григорий Борисович невольно спину выпрямил, плечи расправил, голову поднял. Служба была интересной и ответственной. Довелось обслуживать авиационную технику. Звание младшего сержанта присвоили, назначили командиром отделения за отличную службу. Гордился тем, что получил очередное звание старшего сержанта, а еще больше тем, что вступил в члены коммунистической партии, был назначен командиром взвода. «Значит, Родина меня ценила, и я ей служил верой и правдой!» — с гордостью подумал он.

Мечта вернуться на целинные земли Казахстана осуществилась раньше, чем думалось. Подходил к концу срок службы в армии. В начале осени из северных воинских частей был организован автомобильный эшелон на уборку урожая в Казахстане. «Счастье привалило мне, — засветились глаза от радостных воспоминаний, — назначили меня автоинспектором на маршруте, что вел в совхоз «Комсомольский», где я землю поднимал, где любимая меня ждала.

— Ты что так светишься? — заметил мое состояние капитан.

Рассказал ему подробно, как пахал, засеивал казахстанскую землю, как пшеницу в закрома свозил, да как любимую пришлось в совхозе оставить. И спасибо капитану: все понял, проникся сочувствием, машину свою предоставил для поездки.

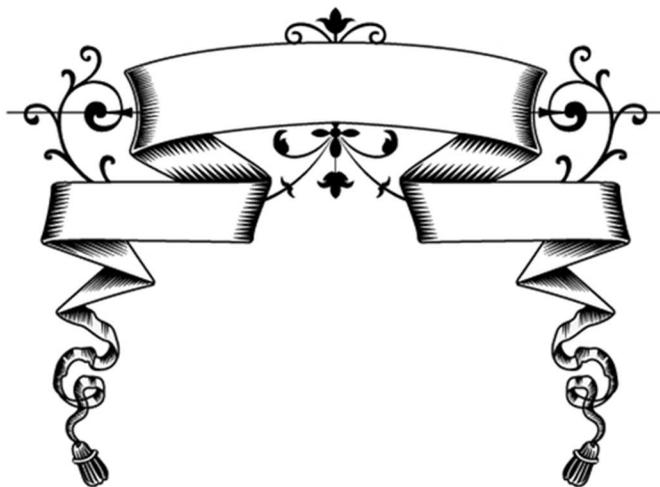
Сильно я волновался, когда постучал в дверь правления совхоза. Вошел, а за столом сидит мой бывший бригадир, Богдан Данилович. Сразу узнал. Обнялись. Принял, как дорого гостя. Еще больше волновался, когда поехали мы с ним в райком партии. Награда там ждала меня — медаль «За освоение целинных земель».

От воспоминаний о годах молодости да солнышка утреннего размлел Григорий Борисович, задремал. Полчаса прошло. Вдруг почувствовал женскую руку на плече. Взглянул — Маша улыбается, глаза лаской светятся.

— Гриша, делай бороздки на грядках, а то земля пересохнет. Буду сеять.

ПОЭЗИЯ

СВЕТЛАНА МАКАШОВА
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
НАТАЛЬЯ ШЕСТАКОВА
ИРИНА МАЦНЕВА
НАТАЛЬЯ АРТЕМОВА
ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ
ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО
АННА МИКАЕВА
АННА БАРСОВА
ЮЛИЯ КОЛОБКОВА
ОЛЬГА БОРИСОВА
ЛЮДМИЛА СЕНИНА
НИКОЛАЙ ЕРМОХИН
ВАЛЕРИЙ ВИНОГРАДОВ
ВИКТОР МЫЗНИКОВ
ВАЛЕРИЙ АКИМОВ
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
СЕРГЕЙ ШИЛКИН
ЮРИЙ МАРТИШИН
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕЛЕНКО
СЕРГЕЙ НИКУЛОВ
АНАТОЛИЙ КРАСНОСЛОБОДЦЕВ
ТАТЬЯНА АНАНЬИНА
ТАТЬЯНА ПАНОВА
ОЛЬГА АРТЕМОВА
ГАЛИНА ЛЯЛИНА
СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ
ОЛЕГ ПАНТЮХИН
ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА
НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ТАТЬЯНА ШЕЛЕПИНА
НИНА ГАВРИКОВА
ОЛЬГА ПРИСТУПЕНКО
ВАЛЕНТИНА ДИНЕСЮК
ИГОРЬ МАЛЬЦЕВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ЛАРИСА ЛЕБЕДЕВА
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА
СОФИЯ МАКСИМЫЧЕВА
ОЛЬГА ПОНОМАРЕВА-
ШАХОВСКАЯ

Светлана МАКАШОВА

г. Самара

Родилась в г. Самара. Специалист Центра по мониторингу загрязнения окружающей среды. Автор сборника стихотворений. Печатается в коллективных сборниках и альманахах, в т. ч. в «Ковчеге». Стихи и сказки для детей публикуются в журналах, размещаются на сайтах Самарской писательской организации «Литературная губерния» и Самарской областной детской библиотеки. Лауреат и призёр областных и международных конкурсов. Член Российского союза профессиональных литераторов.

КОРТИК

Две пары ног считали этажи:
Одна вприпрыжку, а другая — важно.
Входя в квартиру, внук просил
протяжно:

— Ну покажи, дедуля, покажи!

И старый дед, сдаваясь наконец,
Кряхтя и растопыривая локти,
Из шкафа доставал блестящий
кортик:

— Вот подрастешь, он будет твой,
малец!

Старик любовно протирал клинок

И говорил о нем, как неком чуде.

И верил внук, что так оно и будет.

И помнил дед, что он не одинок.

... Считало время желтую листву,
Что по дворам носил безликий ветер.

— Алло, внучок! — Не слышит.

Не ответил.

Уж позабыл, наверно, где живу...

Нахохлившись, как старый воробей,

Безбожно одинокий в этом мире

Бродил старик в своей пустой
квартире,

Ждал внука, становясь слабей...

слабей...

Случилось то, что и задумал Бог
Конечным пунктом страшного итога.
Дежурный врач внимательно и строго
Вводил лекарства, слушал каждый
вздых.

Стихал, стихал до мрачной тишины

Усталый звук биения в аорте...

... Стекал по стеклам на забытый
кортик

Печальный свет обугленной луны.

РУКА СОЛДАТА

Вновь над Россией грозен небосвод
И режет глаз слепящий сполох
молний...

... Враги хотели растоптать народ,
Страну низвергнув в бездну
преисподней,

Сломить его непокоренный дух,
Лишить всего, поставить на колени...

Но от России отвели беду

Герои прошлых войн и поколений.

И мрачный швед, и вычурный
француз,

Тяжелый немец, что творил
бесчинства,

Отведали, как водится, на вкус
Российского штыка гостеприимство.

И с давних пор гремит через века

Та слава, что несокрушимо свята,

И хрупкий мир хранит Его рука —
Рука простого Русского Солдата!

ЖИВИ, ЗЕМЛЯ

Покуда ясен день и небо звездно,

Не прервана покуда жизни нить,

Дыши, Земля, ведь нам еще не поздно

Тебя спасти, сберечь и сохранить.

Влачишь свой крест, как нищая

калека,

Тебя не пожалел бездушный вор:

Умело создавая человека,

Себе ты подписала приговор.

Смотрю сквозь слезы, что с тобою
стало.

Да, знатно постарался душегуб:

И язвы шахт, и рытвины каналов,

Ожого свалок и наросты труб...
Лежишь, испеленная, в руинах,
Но, страшного возмездья не хотя,
Прощаешь, словно мать прощает
сына,
Свое невразумленное дитя.
Эй, человек! Задумайся серьезно,
Даруй хотя бы капельку любви.
Живи, Земля, пока еще не поздно.
Живи, родная. Все-таки живи.

ТЕПЛА ОГНЕЙ СТОЛИЧНЫХ МНЕ НЕ НАДО

Тепла огней столичных мне не надо,
Пусть ярко светят в дальней стороне.
Покой провинциального уклада
Намного ближе и понятней мне.
Поэтами во все века воспета,
Земля родная, я — твоя раба.
Судьба провинциального поэта —
Во многом незавидная судьба,
Но нет иного счастья мне, поверьте,
И радости натруженным ногам,
Чем жизни путь с рождения
до смерти
Пройти по вольным волжским
берегам
И над земной усталостью и болью
Взмыть птицей в небо, распустив
крыло,
Дышать своей земли степным
раздольем
И петь ей песнь! И пить ее тепло!
И в благодарность за подарок царский
Молиться Богу, свет души храня...
Как я — твоя частица,
край Самарский,
Ты, сторона родная, часть меня.

Евгений ШЕПЕЛЕНКО

г. Самара

Родился 15 февраля 1958 г. в Белгородской области. Детство и юность прошли на Кольском полуострове в городе Мурманске. Окончил Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С. П. Королева. Работал в авиационной промышленности. Публиковался в литературном журнале «Русское эхо», международных альманахах «Рифмованный мир», «Параллели», «Ковчег» и коллективных сборниках поэзии. Лауреат третьего международного поэтического конкурса «Рифмованный мир» (2013г.) в номинации «Поэзия». Дипломант пятого международного творческого конкурса посвященного писателю С. Т. Аксакову «Мой аленький цветочек» в номинации «Рассказ для детей». Автор двух книг стихов и прозы — «Я пережил...» (2016 г.), «Варенье из мирабелы» (2018 г.). Член Российского союза профессиональных литераторов. Стипендиат министерства культуры Российской Федерации.

МАТЕРЬ

Не от нужды, а для забавы,
Велась охота на волков,
Летели пулей волкодавы
Вдоль красной линии флажков.
Чуть впереди собачьей своры,
Багровый оставляя след,
Бежал слабеющий матерый —
Красивый зверь в расцвете лет.
А где-то в логове волчица
И первый выводок щенков.
Бежит матерый, свора мчит
Вдоль красной линии флажков.
Все по сценарию, по полкам,
Собакам велено служить,
А тот, за деревом, с двустволкой,
Решает, жить или не жить.

КАРЕТА ИЗ ТЫКВЫ

В карете из тыквы дырявое днище,
И кучер на кóзлах на крысу похож,
В ней в полночь ухоженных золушек
нищих,
Куда-то везут на утеху вельмож.
Им горе не горе и радость
не в радость,
Привычное дело. Ну что с них
возьмешь?
Кому-то работа, кому-то услада.
Уж коли смирилась, то с этим
живешь.
Их мамы не ищут и папы не ищут,
Их муж не целует и больно не бьет,
Лишь ветер, пронзая дырявое днище,
Печальную песню свирелью поет.

СТАРЫЙ ГОД

Бой курантов, звон бокалов,
Мандарины на столе,
Миллионами кристаллов,
Снег искрится на земле.
К нам ни шатко и ни валко
Год пришел очередной.
Только мне ушедший жалко,
Целый год он был со мной.
В нем хорошая работа
И надежные друзья,
В нем судьбы водовороты,
Он — история моя.

НОВЫЙ ГОД

С горки катятся салазки,
Серебром искрится снег,
Лес волшебный, словно в сказке,
Торжествует человек!
Цепко сковано морозом
Русло маленькой реки.
Здесь в уже привычных позах
Затаились рыбаки.
Затаился лес, не дышит,
И в звенящей тишине
Я отчетливо услышал —
Новый Год идет ко мне!

Валерий ХОДУЛИН

г. Тула

Родился в 1937 г. С 15-ти лет на Оружейном заводе: столяр, гравер по украшению охотничьего оружия. Военскую службу проходил в 1956 — 1958 гг. на крейсере «Аврора». Тогда же появились ранние публикации. Первая книга стихов «Гравюра» вышла в 1965 г. на 5-м курсе Литинститута им А. М. Горького, который окончил с отличием. Много лет работал старшим редактором Приокского книжного изд-ва, председателем Тулоблотдела Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Автор многих поэтических и публицистических сборников. Член СПР, с 1972 г. член СП СССР, с 1995 г. «Заслуженный работник культуры России», а с 2005 г. — Почетный гражданин Города-героя Тулы. Лауреат литературных премий им. Тульского комсомола, им. Л. Н. Толстого и других, лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни. Член-корр. Петровской академии наук и искусств в Санкт-Петербурге. В 1995 — 2000 гг. трижды выезжал в «горячие точки» Кавказа. Имеет благодарность Верховного Главнокомандующего ВС РФ «за самоотверженность и отвагу, проявленные при защите Отечества», награжден медалью «За службу на Северном Кавказе», другими медалями. Член Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство».

Стихи посвящены А. С. Пушкину, 220-летие которого мы отмечаем в 2019 году

ПУШКИНСКИЙ СКВЕР

Нет, не с восторгом,
Не с любовью —
Со страстью скрытого огня
Поэт взирает исподлобья,
Упрямо голову склоня.

Какую мысль, какие чувства
Во взгляде Пушкина искал
Тот неизвестный автор бюста,
Взводя его на пьедестал?
Не смуглым мальчиком веселым
В далекий год он нам предстал,
А тем, кто жег сердца глаголом
И милость к падшим призывал.
Не тем, кто радостно братался
С гурзуфской теплою волной,
А тем, кто гневно задычался
Под царской цензорской пятой.
О, скромность Пушкинского сквера,
Теней и света торжество!
Но здесь незбылемая вера
Живет в бессмертье его.
В бессмертье пушкинского слова,
Вселенский гул его молвы,
Как там, в преддверии Тверского,
На шумной площади Москвы.
Над ним деревья наклоняют
Свои зубчатые листья,
И белый мрамор оттеняет
Поэта строгие черты.

ПО БЕЛЕВУ ЕДЕТ ПУШКИН

«Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел...»

А. С. Пушкин. «Путешествие
в Арзрум»

Златоглавые церквушки,
Колокольни, купола.
По Белеву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла.
Пастилою пахнет сладко,
Дружно тянут рысаки.
Треплет черную крылатку
Ветер, дующий с Оки.
Тают облачные тени
В зеркалах весенних луж.
Приготовились к цветенью
Ветки яблонь, ветки груш.
За коляской скачут дети.
Луг цветет. Гудит пчела:
— По Белеву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла.
На пути его движенья

Все заветные места:
Церкви Спас-Преображенья
И Воздвиженья Креста.
Здесь, в глуши провинциальной,
В отдаленье от Москвы,
Обрело приют печальный
Сердце царственной вдовы.
Крестят вслед его старушки,
И звонят колокола:
— По Белеву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла.
Сделав крюк многоверстовый,
Он по городу кружил,
Чтоб проехать по Ершовой,
Где Жуковский раньше жил.
Вот и дом. Крыльцо резное.
Под карниз вознесено
Необычное, большое,
Полукруглое окно.
Перед ним в мгновенья эти
Тень учителя прошла.
По Белеву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла.
Терема-дома. Светлицы.
Лица яркие девчат.
Озорницы-кружевницы
Там коклюшками стучат.
Смотрят барышни из окон,
Кличут барина на чай.
На челе его высоком
Вдохновения печать.
И не знают хохотушки,
С кем же их судьба свела.
По Белеву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла.
Он влюблен, свободен, молод —
Жизнь прекрасна на земле.
Встретит Пушкина Ермолов
В славном городе Орле.
Ждет поэт его рассказа
О походах, о войне,
О тревожных днях Кавказа,
Что опять горит в огне.
Он услышит о победе,
Что нелегкою была...
По Белеву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла...
И ничто не омрачало
В те минуты светлых дум.

Это было лишь начало
 Путешествия в Арзрум.
 Скоро он поскачет в бурке,
 Презирая камнепад,
 Где сквозь горы лезут турки,
 Где воюет младший брат.
 Скоро он обнимет Леву,
 Сядет рядом у стола,
 А пока что по Белеву
 Едет в сторону Орла.
 Тешит взгляд резьбой узорной
 Незнакомый городок.
 И спешит в крылатке черной
 Непоседливый ездук.
 Он скользит над окской кручей,
 Словно призрак невесом,
 И скрипит песок сыпучий
 У него под колесом.
 Из столетия в столетье,
 По земле свой путь верша,
 По Белеву Пушкин едет,
 По России Пушкин едет,
 К нам навстречу Пушкин едет,
 И светла его душа.

Сергей НИКУЛОВ

г. Тула

*Родился в с. Морозовы
 Борки Сапожковского р-
 на Рязанской обл. С 1979
 г., после службы в армии,
 проживает в г. Туле, ра-
 ботает токарем на заво-
 де. Член православных клубов писателей
 «Ковчег» и «Родник», ЛитО «Пегас».
 Печатается в журнале «Приокские зори»
 и альманахах Тулы, в т. ч. в «Ковчеге».
 Автор сборников стихов «Радуясь жизни»
 и «В просветленной тишине».*

ДОРОГА К ДОМУ

Юный луч рассветный
 чуть коснулся крыши.
 За мечтою светлой
 я из дома вышел.

Жизнь учила строго:
 было не до песен.
 Повидал я много
 городов и весей.
 На проспектах лживых
 повстречал немало
 Идолов фальшивых,
 ложных идеалов.
 Звали в даль причалы,
 ленты автострады,
 Но душа кричала,
 что туда не надо.
 Сыпал камни с кручи,
 семеня ноги,
 Как в лесу дремучем,
 я ходил кругами.
 Все — не то, не это!
 «Смилуйся, Спаситель!
 Ведь должна быть где-то
 светлая обитель!..»
 Скрипнула калитка
 радостно, знакомо.
 Месяц стежку выгнал
 до родного дома.
 Я мечтал о светлом,
 чистом, о высоком!
 И,— нашел! Все это —
 свет родимых окон!

Тусклый свет, деревья в инее,
 Все вокруг белым-бело.
 Вдоль тропинок тени бирки
 (С вечера всю ночь мело).
 Утром вьюга утомленная
 Улеглась в овраге спать.
 Долго-долго веки сонные
 День не может приподнять.
 Кто нарушить сон отважится?
 Ни прохожих, ни машин...
 Тишина такая — кажется —
 В целом мире ты — один...
 Чуть светлеет даль, и вижу я —
 Голубеет небосвод.
 Кутаясь в шубейку рыжую,
 Робко солнышко встает
 И молитвой в сердце просится.
 Разгоняя вязкий сон,
 Вдруг отчетливо доносится

Колокольный перезвон.
Окрыля каждой буквой,
Льется радость — Русь жива!
В вышине сияет луковка —
Купол храма Покрова.

ТРОИЦА

Пресвятая Троица!
На заре открывается
Даль — светлым-светла!
В праздник не работаю.
Блещут позолотою
В небе купола.
Слышно от околицы —
Пробудилась звонница:
Снова, как и встарь,
Верную, державную
Паству православную
В храм зовет звонарь.
Радость — службу выстоять:
Словно роща чистая
Поселковый храм!
Пресвятая Троица!
Все цветы, как водится,
Ныне — к образам!
Тихое, неложное
Счастье невозможное —
Слез не удержать!
В них душа омоется.
Пресвятая Троица!
То-то благодать!
Славим Бога истою:
Сколько же Он выстрадал
За Страстные дни!!!
В каждом храме молятся:
Пресвятая Троица!
Вечно Русь храни!

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин
Тульской области

Родилась 19 02. 1980 г. в г. Щекино Тульской обл. Учитель биологии и географии. Автор трех сборников стихотворений. Лауреат районных, областных и московских литературных конкурсов. Имеет публикации в альманахах Тулы (в т. ч. в «Ковчеге»), Москвы, Орла, Санкт-Петербурга, Кемерово, Польши. Член Союза Писателей России.

ВЕНОК СОНЕТОВ «РОЖДЕНЬЕ ДНЯ»

Магистрал

Упали росы в луговые травы,
Рассвет разлил по небу молоко.
Родился день, воспетый птиц
хоралом,
Даря надежду. Как воды глоток.

Тропой любви ведет в былое память,
Где жизни суть знакома наизусть.
Каргавит речка, огибающая плавни.
И бьется волн короткий, ровный
пульс.

Легко дышать. Я солнцу сопричастна.
Зовет дорога, жизнь внутри горит!
Возможность видеть чудо —
это счастье —
Как пьет река нектар из уст зари.

Недолгий век отпущен всем нам
свыше.
Как важно песнь родной земли
услышать.

I

Упали росы в луговые травы.
Рассыпал ветер нитку звездных бус...
Здесь каждый холм и куст
у переправы,
И плес, и камень помню наизусть.

В столь ранний час чисты и светлы
мысли.

Тропинка вьется рядом у реки,
И тонет взгляд в бездонно-синей
выси...
Как мир прекрасен, бедам вопреки!

Даль заповедна. И рукой не трону
Ее простой, неброской красоты.
Ночной туман, спустившийся
по склону,
Меж берегами выстроил мосты.

И где-то там, в пучине, высоко
Рассвет разлил по небу молоко.

II

Рассвет разлил по небу молоко.
Его испить, что прикоснуться к Богу.
Где взять благословенья на глоток?
Есть вера в чудо! Вера и дорога.

Идти вперед! Пусть труден долгий
путь.
Не ослабеть! Не сдатьсь от бессилья!
Того, кто верует, сложнее обмануть,
Ему Господь дарует свои крылья.

Восток зарделся, словно красный
шелк,
Широкий луч развеял синий сумрак.
Наверно, это ангел снизошел,
И теплый ветер мягко тронул струны.

Вдруг музыка живая заиграла —
Родился день, воспетый птиц
хоралом!

III

Родился день, воспетый птиц
хоралом,
Неся по свету благостную весть.

И все живое дружно повторяло:
Бог — есть Любовь! И Мир,
и Радость есть!

Смеялось солнце, приголубив склоны,
Целуя нежно маковки цветов,
И били травы до земли поклоны:
Бог — есть Любовь!
Бог — есть Любовь!

Качали волны, словно руки мамы,
Легко и плавно лодку-колыбель.
Нырнуть бы в омут темный самый —
В рассветную глубокою купель!

Родился день, ничуть не медля,
в срок,
Даря надежду, как воды глоток.

IV

Даря надежду, как воды глоток,
Ликует солнце. Счастье —
вещь простая.
Небесный ярко-огненный цветок
На землю лепестки-лучи роняет.

И греет, греет. Не боясь остыть!
Отдав себя всецело и до капли!
Неся по свету искры доброты,
Так будет впредь. Ведь силы
не иссякли!

Как радость заразительна всегда!
Ее дарить — сердца спасать от боли.
А с неба льется, льется благодать!
Иду вперед, себе мечтать позволив.

Гасить не стану грустью это пламя —
Тропой любви ведет в былое память.

V

Тропой любви ведет в былое память.
Прощенья свет мне чертит верный
путь.
Ветла прильнула к ясеню у камня,
Пытаясь на руках его уснуть.

Вот так и мне б к твоим плечам
склониться,

Прижаться к сердцу, просто,
без причин.
Душа хранит ушедшего страницы,
Листая их ночами у свечи.

И я иду, неспешно и тревожно,
Как по канату, не сорваться б вниз!
Запрян в невозвратно-давнем
прошлом
Всего грядущего глубокий смысл.

Вернусь туда, где к чуду прикоснусь,
Где жизни суть знакома наизусть.

VI
Где жизни суть знакома наизусть,
Не совершить, казалось бы, ошибок.
Вздывают волны спокойно грудь —
Путь дальних странствий
бесконечно зыбок.

Спешит, спешит река за поворот —
Велик соблазн — зовут чужие дали!
Чуть хмурится румяный небосвод,
Береза пожимает вслед плечами.

Куда бежать? А, главное, зачем?
Присяду в тень, еще закат нескоро.
Лес утонул в объятиях лучей,
Я слышу голос тихий, непокорный.

Ответ не ясен. Вдаль течет исправно,
Картавит речка, огибая плавни.

VII
Картавит речка, огибая плавни,
Стремится прочь отчаянный поток.
Бьлое — это пепел, а не пламя,
И жизнь — учитель, что бывает строг.

Он учит всех упорно, терпеливо.
Не прогулять занятий, не сбежать.
Колочим взглядом обожгла крапива,
И на мгновенье замерла душа.

Грядущий день несет свои уроки,
Но в нем не каждый лучший ученик.
Тому открыты все пути-дороги,
Кто тайный смысл учения постиг.

Тревожит мысли легким ветром
грусть,
И бьется волн короткий, ровный
пульс.

VIII
И бьется волн короткий, ровный
пульс.
Ему стучать еще безмерно долго!
Пронзает свет листвы ажурный тюль,
И травы стелют путь агласным
шелком.

Едва коснувшись, чтобы не измять,
Я по нему ступаю осторожно.
Зовет вперед, чуть-чуть листвой
дразня,
Попутчик мой — зеленый
подорожник.

Его труды не кажутся игрой.
Сейчас бы взять займы большие
крылья!
И воспарить над утренней зарей.
Пусть станет сказка настоящей
былью!

Познать готова неземное счастье —
Легко дышать, я солнцу сопричастна.

IX
Легко дышать, я солнцу сопричастна,
И этот свет мне хочется дарить.
Вздыхает ветер беспокойно-часто,
Он тоже рад рождению зари.

Нектар цветов струится легким
флером,
Неуловим тончайший аромат.
Слышны листвы веселой разговоры
О том, что где-то спрятан ценный
клад.

Его найду и разделю по крохам,
Отдав частицу любящей души.
Делиться счастьем, разве это плохо?
Журчит река негромко: «Поспеши!»

Так сердце бьется радостно внутри!
Зовет дорога, жизнь в груди горит!

X

Зовет дорога, жизнь в груди горит.
Бежит река, лазурной лентой вьется.
Рассыпало по волнам янтари
Родившееся в час рассветный солнце.

Они сверкают в трепетных лучах.
Под звуки в воздухе порхающих
мелодий.
Поет вода, волнуящее журча,
Листва ей аплодирует в ладони.

И все вокруг ликует в торжестве.
Такое утро, словно откровенье!
Разлит повсюду теплый, мягкий свет,
Душа иного просто не приемлет!

Она открыта для любви не часто,
Возможность видеть чудо —
это счастье!

XI

Возможность видеть чудо —
это счастье!
Ее не каждый может обрести.
Порой все бросить нужно
в одночасье,
Идти вперед по новому пути.

Оставить страхи и навстречу солнцу!
Горит рассвет все ярче, все сильней!
Струится голос звонких колокольцев —
Поющих пташек в синей вышине.

Не уставать! Дороги все открыты!
Лучи разлили солнечную медь...
Забыть печали, беды и обиды,
На мир с любовью и добром
смотреть!

Смотреть, как ветер с рощей говорит,
Как пьет река нектар из уст зари.

XII

Как пьет река нектар из уст зари,
Так я вдыхаю воздух полной грудью.

Жизнь обретает новый, четкий ритм,
В котором радость станет частью
будней.

Где по минутам выверен сюжет,
Где каждый вдох —
счастливое мгновенье!
И так спокойно и легко душе —
Она теперь всему живому внемлет.

Желать иного больше ни к чему.
Ступаю осторожно между кочек.
Журчит волна в сиреновом дыму,
Трава ступни нечаянно щекочет.

Тихонько ветер деревца колышет,
Недолгий век отпущен всем нам
свыше...

XIII

Недолгий век отпущен всем нам
свыше,
Бесценный дар за деньги не купить.
Жизнь, словно чудо, что любить
не лишне,
Из разносортных состоит крупниц.

Их разделю на скорби и отраду,
Считать не стану, может, повезет!
Ласкает плечи легкая прохлада,
Бессонный ветер ввысь вершит полет.

А я иду, храня очарованье,
Внимая музыке живой души.
И кто-то тихо рядом напевает
О том, как эти дали хороши.

Впервые сердце благодатью дышит —
Как важно песнь родной земли
услышать!

XIV

Как важно песнь родной земли
услышать,
Ее принять и раствориться в ней.
Восходит солнце с каждым часом
выше,
И прочь уходит утренняя тень.

Во славу дня поют на ветках птицы,
Коснулся луч доверчиво щеки.
Слеза сверкнула искрой на ресницах,
Вспорхнули в небо
Чувства-мотыльки.

Моя земля, твое прекрасно утро!
Тебе поклон, величие и честь!
Спасибо, солнце, принц мой
златокудрый,
За то, что ты на этом свете есть!

Рождение дня встречаю я по праву!
Упали росы в луговые травы...

Анатолий КРАСНОСЛО- БОДЦЕВ

г. Бийск
Алтайского края

*Родился 15.09.1941 г.
в с. Сычевка, Смоленско-
го района, Алтайского
края. Учился в музыкаль-
ном училище, окончил
Чимкентский универси-
тет. Публиковался в периодической печа-
ти, коллективных сборниках, в журналах
и антологиях. Выпустил несколько сбор-
ников стихов: «В стороне моей просту-
женной...», «Свет зари на снегу», «Вер-
нуться б снова к тополям...» и другие.
Награжден медалью «200 лет М. Ю. Лер-
монтову», Почетной грамотой Правления
СП России. Лауреат журнала «Огни над
Бией» — 2014 г. Член СПР.*

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Чуткие замерли звезды,
Месяца серпик погас,
Значит, невинные слезы
Где-то прольются сейчас.
Где-то холодное детство
В сумраке ночи не спит

Да материнское сердце
В долгой разлуке болит.
Сколь испытаниям длиться
На благодатной Руси?
Господи, внемли молитве.
Боже, спаси нас.
Спаси.

Память зрелого сердца —
Свет зари на снегу...
Я бегу вслед за детством,
А догнать не могу.
Звезды падают с неба,
Отражаясь в глазах...
Привкус черствого хлеба
До сих пор на губах...
Я бегу по ухабам
Полугол, полубос
В ту страну, где когда-то
Безотцовщиной рос,
Где у детской кроватки
У слепого огня
Молодая солдатка, —
Мать кормила меня.
Берегла, как умела,
Осеняя крестом...
Ее боль, ее веру
Я впитал с молоком...
И чем дальше от детства,
Как могу, берегу
Память зрелого сердца, —
Свет зари на снегу.

Вот и вновь я на родину еду
Сбросить цепи душевных оков
И послушать живую беседу
Безутешных моих стариков.
На крыльчке усядемся рядом,
Не заметив, как вспыхнут огни...
Ничего мне в ту пору не надо.
Ничего — только б жили они!

Наталья ШЕСТАКОВА

г. Брянск

Член Брянского областного ЛитО (Брянское отделение СПР). Автор стихотворных сборников «Время липового цвета» (2016), «Цветные светотени» (2018). Дипломант Международного литературного конкурса «Небесный город» (номинация «Поэзия НЕБЕСНОГО ГОРОДА», стихотворения) — Самара: Издательство АСГАРД, 2016). Дипломант Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2018).

БАБОЧКИ

В машинном гуле и весеннем гаме
На тротуаре, в центре городка,
Откуда ни возьмись, над головами —
Глаза в глаза — кружат два мотылька.
Небесных сфер серебряные струны
Звонят над суетою городской.
Трепещут крылья, оживают руны,
Светясь на них волшебною строкой,
И бьются в такт два крохотных
сердечка,
Вращается вселенская спираль,
Мгновенье вырастает
в бесконечность,
Безмерно множась в отблесках
зеркал.
И вместе с вешними лучами солнца,
Как предрекали древние волхвы,
Гимн жизни, светлый и всевластный,
льется
На землю из небесной синевы.
...Прохладною волною свежий ветер
По тротуару пробежал легко.
Спешат прохожие, смеются дети.
Все как обычно.
Но — без мотыльков.

ЗВУКИ ПАДЕНИЯ

Спелое яблоко, рухнув на землю,
Стуком глухим оглашает
окрестность —
Скромность молчания оно
не приемлет,
Хоть от рожденья само бессловесно.
Падают первые желтые листья.
Я узнаю в их негромком шуршанье
Слово, забытое в поисках истин, —
То ли «прощение», то ли «прощанье».
Капли дождя, оторвавшись от тучи,
Льют вертикали из вымокших
строчек
И на земную поверхность беззвучно
Падают, ставя везде многоточья.
Лето прислушалось к звукам падения,
Всхлипнуло и, поразмыслив серьезно,
Поняло: дело идет к завершенью —
Все прекращается рано иль поздно.
Надобно ставить последнюю точку.
...Жаркое лето ударилось оземь,
Чтоб завершилась падений цепочка,
И ... превратилось в холодную осень.

ОСЕНЬ

Желтый листок оторвался от ветки,
Вздрыгнул и бросился к ветру
в объятья,
Небо дождями слезится нередко
Во исполненные капризов ненастья.
Воздух пропитан холодным туманом,
Запахом сырости, запахом тлена,
Дымом костров, ощущением
странным:
Все изменяемо и неизменно.
Осени хрупкое очарованье —
Зыбкой реальности нерукотворность.
...Я, задержав ненадолго дыханье,
Снова вдыхаю ее иллюзорность.

Татьяна АНАНЬИНА

г. Москва

По профессии — лингвист. Работала преподавателем английского языка в военной академии, переводчиком. Член СПР и Союза журналистов России. Публикуется в журналах, литературно-художественных альманахах, в т. ч. в «Ковчеге» и в Антологии современной лирики. В 2012 г. была отмечена Благодарностью Министерства культуры РФ за успехи в творческой и профессиональной деятельности, а также несколькими медалями и Почетными знаками СПР. Обладатель Гран-При Московского фестиваля искусств «Вдохновение» и пятикратный дипломант конкурса МГО СПР «Галерея избранного стихотворения».

СЕКРЕТ ОСЕНИ

Кто мне скажет, чем прекрасна осень?
Чем она грустна и чем красна?
Золотом лесных нарядных просек
Иль бокалом крепкого вина?
Небом, что в предчувствии
дождливом
Голубеет, как в последний раз?
Теплым днем, печальным,
молчаливым,
Словно взгляд усталых, мудрых глаз?
Ну, а если этим днем лучистым
Ветром ворвалась ко мне она,
Яростно с души сметающая листья?
И в душе моей опять весна!
Та весна, что соловьями пела,
Радугой вставала над судьбой.
Пусть соединить и не успела,
Но благословила нас с тобой...
Как мне жить? Остывшей
и уставшей?
Нет! Не этот нужен мне ответ!
Ведь горит костром листвы опавшей
Чувств моих рассыпанный букет...
Да, я знаю, чем прекрасна осень!

Чем она грустна и чем красна ...
И пускай в косе сверкает просесть...
Но в душе-то празднует весна!

РОДИНА МОЯ

Не могу подобрать слова,
Чтобы выразить все, что чувствую,
Чтоб пошла бы гулять молва
Про любовь мою — землю русскую.
Где мне новые краски найти,
Песни как мне сложить такие,
Чтоб до самой души дойти,
О тебе, край родной,— Россия?!
Уже столько написано слов,
Столько красок на холст положено,
Спето песен, былин, стихов —
Повторяться совсем негоже бы.
А воспеть так хочу тебя,
Удивительная, многогранная,
Многоликая ты моя,
Многочасочная и желанная!
Не смогли за века разгадать
Душу русскую, мысль глубинную.
Много есть у тебя что сказать,
И не спела ты песнь лебединою!

ОСНОВНОЙ ЗАКОН

Что посеешь — то пожнешь!
Так уж в мире водится:
Все, что людям ты несешь,—
Все к тебе воротится!

ДЕВОЧКИ И МАЛЬЧИКИ ВОЙНЫ

Когда я думаю о тех двадцатилетних,
Которых унесла войны гроза,
Я представляю в парке вечер летний,
Выпускников счастливые глаза.
Они гуляют. Им вся жизнь открыта.
Шумит в аллеях буйная листва...
Звучит на танцплощадке
«Рио-Рита»...
А через час туда пришла война!
Она пришла внезапно, в одиночестве,
Разрушив сразу мирный быт, покой.
И солнечного утра многокрасье

Закрылось вдруг коричневою мглой!
 Да, враг пришел, чтоб все дотла
 разрушить,
 Чтоб сжечь сады и всю страну
 сломить,
 Чтобы законы жизни все нарушить,
 Не дать ребятам мирный хлеб
 расти.
 Мальчишки и девчонки молодые,
 Их призвала на смертный бой война.
 Они любили, может быть, впервые.
 Но Родина была у них одна.
 Они ушли в те огненные годы —
 Мальчишки и девчонки юных лет —
 И счастье сохранили для народа,
 Не услышав салютов и побед.
 Они так мало на земле прожили,
 Мечтая и любя, желая жить,
 Свой чистый звук в Победный марш
 вложили.
 Об этом нам никак нельзя забыть!
 И поклониться низко непришедшим.
 Их подвиг оценить и ... осознать:
 Жить надо так, чтобы за них,
 ушедших,
 Достойно место на земле занять.

Ирина МАЦНЕВА

с. Архангельское
 Каменского района
 Тульской области

Руководитель Творческого объединения «Каменка» с 1995 г. (краеведение, музыкально-песенное, литературное и художественное творчество).

Имеет награды за поддержку творчества земляков. Педагог дополнительного образования. Автор альманаха «Ковчег».

Уйти туда, где ничего не ждут,
 Из ниоткуда вовремя вернуться...

До невозможного возможным
 дотянуться,
 Узлы развязывая вековых пут.
 Поэзии высокое искусство
 Вновь посвятить родившейся
 звезде...
 И, волею смиряя мысли буйство,
 Остаться рябью на немой воде...

В ТУРГЕНЕВСКОМ КРАСИВОМЕЧЬЕ

В тургеневских местах
 красиво и спокойно:
 Ромашковая Русь
 плетет цветов венки.
 Здесь травы на лугах
 колышутся привольно,
 Здесь легкой дымки грусть
 в туманах... у реки...
 Многоголосый хор
 приветствует повсюду!
 Сверкает россыпь рос
 по берегам Мечи.
 Немыслимый восторг
 Божественному ЧУДУ!
 Красивомечья плес —
 изогнутость строки.
 Безмолвие снегов
 иль звонкость перекатов —
 Скользит узор витков
 Красавицы Мечи!
 Над высотой холмов —
 симфонии закатов,
 А млечность облаков —
 на зеркале реки.
 Все дышит! И живет
 своей, особой жизнью.
 Здесь испокон веков
 тоскуют ковыли...
 Малиновый восход
 окутан сонной синью,
 А звездных снов покров
 баюкает стихи.
 В ромашковых полях
 или в словых чашах —
 Повсюду благодать,
 покоя миражи...
 Мечте неведом страх

в былом и в настоящем.
И чувства — не унять!
Лети, душа, дыши!

На расстоянии невидимой руки
Твоя душа в молчании застыла.
И вновь надежда памятью заныла,
В смятенье сжав до боли кулаки.
На расстоянии невидимой руки
К тебе не дотянуться даже мыслью!
А небо ждет своей бездонной высью
Непредсказуемости ломаной строки.
И мы живем сомненьям вопреки,
Храня в сознание ожидание встречи!
Уставший мир укутал тихий вечер...
На расстоянии невидимой руки.
Порывы дум крылато высоки! —
Развеют фальшь надуманных
пародий.
Уводит мысль в гармонию мелодий...
На расстоянии невидимой руки.

Татьяна ПАНОВА

г. Красноярск

Автор пяти поэтических сборников, член Союза писателей России.

РОССИЯ

Она — во всем, во мне, в тебе,
в другом,
И схожем, и несхожем
по приметам,
В богатстве звезд, что светят
Серебром,
И в музыке закатов и рассветов,
В сентябрьском круженье золотом,
В задумчивости снега виноватой,
В беспамятстве воды под тонким
льдом,

Забывшей о бурленьи в перекатах.
В своем дому с особенным теплом,
В золе костра, где испеклась
картошка,
И в песнях, что поются за столом
На свадьбах и поминках
под гармошку.
Она — во всем. В голодном
воронье,
Которому неведомы молитвы,
И в ранней стариковской седине
От русской дешевизны на обиды.
И в истинных и ложных маяках,
В горбушке хлеба с солью
на ладони,
В рыдающих тоскою журавлях,
И в шепоте вослед: —
«Христос с тобою».

Давай немного помолчим
Под шорох падающих листьев.
Ты чувствуешь тепло свечи? —
То мне закат оставил искру.
Пожалуйста, не обмани
Мои глаза случайной ложью.
Поймешь однажды, что без них
Ни днем, ни ночью жить
не сможешь.
Пускай рябиною горчит
Твой поцелуй, уже не прежний.
Не загаси моей свечи,
Ты без ее тепла ослепнешь.
И в наступающей ночи,
Когда зажгутся в небе звезды,
Не загаси моей свечи,
Ты без ее тепла замерзнешь.

Где с покатых крыш с разбега,
Где с сосуллек, да насквозь
Пробивает толщу снега
Тяжесть вытопленных слез.
И в предчувствии свободы
После долгих зимних снов
Расковавшиеся воды
Рвут границы берегов.
Светят звезды колдовские,
Слышен шепот облаков

И пощечины тугие
Переменчивых ветров.
И о чем-то небывалом
Грезит пьяная луна...
Помню — так же наступала
В сердце первая весна.

Наталья АРТЕМОВА

п. Медвенка
Курской области

Член СПР. Стихи публиковались в центральных газетах и журналах, в «Ковчеге». Книги, выходили в Курске, Санкт-Петербурге и Москве. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова; победитель всероссийского конкурса «Парус одинокий», посвященного 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова; лауреат международного конкурса «Добрая лира», всероссийского конкурса «Герои Великой Победы»; дипломант международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман»; призер всероссийских конкурсов «Человек доброй воли» и «Vita. ТЮЗ».

И то, что раньше родиной звалось,
Вдруг потеряло облик свой, и ныне
Мы забываем цвет пшеничных кос
И яркость глаз той, васильковой,
сини.
Она сегодня по-другому зрит
И по-другому ест и спит, и дышит.
Ее душе ничто не говорит
Дым из трубы над деревенской
крышей.
Она глуха, мучительно глуха
К круженью верб у старого колодца
И на напев наивного стиха
Не обернется и не улыбнется.
Она теперь разумна. Не по ней
В мечту и подвиг безвозвратно

верить.
И потому она своих детей
Уже совсем другою мерой мерит.
И потому вся эта жизнь — разлад
С самим собой и с оголтелым миром,
И ищешь в ней почти что наугад
Утраченных дорог ориентиры.

А все-таки я верю в светлое.
Пускай абсурдно! Пусть смешно!
И потому храню заветно я
Тех старых снимков полотно.
Нет, вы не перейдете в брненное,
Как сгинуть мне в глуши веков,
Ни эта елка довоенная,
Ни белый храм среди снегов.
Ни женщина, всегда печальная,
Ни в парке грозных львов дозор,
Ни двух солдат за далью дальнею
О чем-то близком разговор.
Как верю я: сильнее времени
И равнодушья грубых глаз
Ваш добрый мир, где все проверено
Любовью было сотни раз.

А русского примет осталось мало.
Чужие лица и чужая речь.
На иностранный лад идет упрямо
Все то, что не сподобились сберечь.
То, что когда-то мы не пожалели,
Дурных детей взбесившаяся кровь,
Ни песен, в нас звучащих с колыбели,
Ни к простоте и щедрости любовь.
Той щедрости, с которою рубаху,
Последнюю, другому отдаешь,
Той щедрости, с которою на плаху
За русское ты голову кладешь.

Ольга АРТЕМОВА

п. Медвенка
Курской области

Член СПР. Стихи публиковались в центральных газетах и журналах, в «Ковчеге». Книги выходили в Курске, Санкт-Петербурге и Москве. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова; победитель всероссийского конкурса «Парус одинокий»; лауреат международного конкурса «Добрая лира»; дипломант международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман»; призер всероссийских конкурсов «Человек доброй воли», «Vita. ТЮЗ»; финалист международного конкурса «На всех одна земная ось».

Скупают землю городские воротилы —
Вчерашние колхозные поля.
Здесь ради светлой жизни рвали
жилы
Безвестные стахановцы села.
Под хлебными упорными корнями,
Под легким слоем пыли молодой
Таятся поля боевые раны
И память скорбная золы седой.
Стонало поле в горькой бабьей
власти.
В него надежда падала с зерном,
Что будет урожай, что скоро счастье
Рукой солдата постучится в дом.
О как прекрасны были эти дали
В глазах мальчишек, выросших
потом!
Они о космосе всерьез мечтали
И совесть жизни мерили трудом.
С глазами, как плат неба ярко-синий,
С пшеничным легким золотом волос
Здесь столько родилось крестьян
России
И столько в землю тихо улеглось.

Что будет дальше? Расскажи мне,
поле.
В слезинках повилики канитель.
Заката тяжесть над деревней голой.
Как дух ушедших, плачет
коростель...

Я завещаю вам любовь.
Мне больше нечего оставить.
Не ложный блеск почетных грамот,
Не крепкий, как берлога, кров,
Не звон сапфировых серег,
Не скроенные модно платья —
Небес раскрытые объятия
И шум резиновых сапог —
По снегу марта, по воде,
В которой жизнь опять родится.
Вам — лета алые страницы.
Вам — твердость на людском суде.
Сползающая в бездну снов
Дочь рода, канувшего в лету,
В мир отдаю могилы предков
И трепет неостывших слов.

Игорь МЕЛЬНИКОВ

г. Тула

Родился в Туле. Имеет два высших образования. Член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Соучредитель библиотечно-литературного объединения «Лад» при ТОУНБ и участник литературно-музыкальной студии «Вега». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова в номинации «Поэзия» (2014 г.). В 2015 г. награжден медалью, выданной к 60-летию МГО СПР. Дипломант городского литературного турнира «Венок Пушкину» (1999 г.). Автор четырех поэтических сборников. Стихи опубликованы в литературных журналах и альманахах Тулы (в т. ч. в «Ковчеге»), Москвы, Омска и Санкт-Петербурга.

Не спеши дочитатьесь до истин.
Не смехи предыдущих, сынок.
Незадачливым парашютистом
Полетишь, получивши пинок.
Пацифистом окажешься в поле.
Что прочтешь среди трав,
что пожнешь?
Жизнь почти не приемлет теорий,
Ибо опыт важней для нее.
Будь спокоен, удачлив и светел.
Ремесло полюби и освой.
Для чего тебе истины эти?
Почему ты упрямый такой?

Вдыхаю воздух, не тая,
Что до него zelo я жаден.
А у природы жизнь своя:
Прыжки по крышам крупных градин.
Живые песни соловьев.
Жужжанье мелких насекомых.
И тут не требуется слов
Знакомых или не знакомых.
Не нужно праздно болтовни,
Стихов, эссе, бесед за чаем.
Есть только смыслы, и они
Собой природу наполняют.

То на бочке пороховой.
То в берлоге, в подушку мордой.
То в раздраз с самим собой,
Слабосильным, но очень гордым...
Если вектор определен,
Можно обувь стирать азартно.
До прекрасных, простых времен —
Три локтя по знакомой карте.
Ты уверен? Тогда не стой
И водой из ручьев не брезгуй.
Мой совет до того простой,
Что всегда и повсюду к месту.
Ядовитых плодов не трожь.
Да не ставь под сомнение азбук.
А как только туда придешь,
Напиши эзэмску сразу.

Галина ЛЯЛИНА

г. Донской Тульской области

Родилась в г. Донской Тульской обл. Член Академии российской литературы (староста тульской группы), член СПР. Внештатный корреспондент «Донской газеты». Член ЛИТО Новомосковска и Тульского православного клуба «Ковчег». Печатается в коллективных сборниках и альманахах, в «Ковчеге». Автор 6 книг стихов. Дипломант и лауреат многих конкурсов. Лауреат Тульской литпремии им. Я. Смелякова (2013 г.).

В ПОЛНОЧЬ

Тихо... полночь... свет луны
Серебром на землю льется,
Чуть звенит на дне колодца,
Не нарушив тишины.
Тише, ветер, не шурши,
Не шепчись в ночи с листвою.
Ты и я — нас только двое,
Чуть замри... и не дыши.
Ветер, ветер! Ах ты, льстец.
Стал так ласков и послушен,
Стал услужлив, добродушен...
Вот и славно. Молодец.
Будем слушать тишину.
Вдруг — удача улыбнется...
Мы из старого колодца
Зачерпнем ведром луну.

МЫ НАЧНЕМ ВСЕ ЗАНОВО

Запах майского ветра пряного
Не порадовал почему-то.
Может быть, мы начнем все заново?
И распишем все по минутам.
И не будет в том расписании
Для взаимных обид ни строчки.
Будет только весны дыхание
С ароматом смолистых почек.
Осчастливят нас ночи звездные.

Загадаем прожить лет двести.
Все сначала начать не поздно ведь,
Чтоб невзгоды и радость — вместе.
Чтоб от шепота ветра майского
И от легкого дуновенья
Стал ты снова родным и ласковым,
Возвращая любви мгновенья.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРЦО

Озерцо лесное, словно блюдце.
Гладь воды зеркальная на нем.
Целый день потоки света льются
В заповедный этот окоем.
В нем увидишь неба отраженье,
Хоть до дна не слишком глубоко,
И неторопливое движенье
Проплывавших в небе облаков.
Мотыльки порхают и стрекозы.
Чуть касаясь глади озерца.
Средь ветвей красавицы-березы
Слышно трели чудного певца.
Эти звуки нежно льются, льются...
И невольно трогают до слез.
Озерцо лесное, словно блюдце,
На земных ладонях средь берез.

Любовь САМОЙЛЕНКО

г. Тула

Член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина и член РМСП. Член Московской писательской организации и Чеховского общества при СПР. Член Тульского лит. объединения «Пегас». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

У СНЕЖЕДЬ РЕКИ...

На Чернской земле,
возле Снежедь реки,
Мое растревожилось сердце.
Приходят с рассветом сюда

рыбаки
С утра на красу наглядеться.
Прощеный колодец прижался
к реке,
И, если ты бросишь монету,
Болезней не будет, не быть
и тоске —
Быгует поверье по свету.
Раскинулся рядом красивейший луг.
Горит переливами солнца.
Витает повсюду тургеневский дух,
В ночное зовет незнакомца.
Там в летней прохладе ночной
тишины —
Лишь конское ржанье чуть
слышно.
И таинством звезды, сверкая,
полны,
И мяты цветение пышной.
Там сельские дети сидят у костра,
Побаски свои вспоминая...
И так в разговорах почти до утра
Проходит их встреча ночная.
И я вместе с ними была у костра,
Ночную звездою люблюсь.
С рассветом другая начнется пора,
Рожденной строке повинуюсь.

НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ...

Цветет ковыль на Куликовом поле.
В реке Непрядве плещется плотва.
Здесь шалый ветер песнь поет
о воле,
Разносит всюду громкие слова.
О Русском духе, о Российской Славе,
О ратной битве с Золотой Ордой.
Тогда лишь ночь и звезды дату знали,
Благословляли на победный бой.
И был тот бой... Смешались кони,
люди.
Летали стрелы, падало копьё.
Не различить татар и русских в груди.
Кружило над телами воронье.
Седой ковыль стал
Розово-багровым.
И плакал ветер, волновался Дон.
Оброк орды для русских был
суровым.

Тяжелым грузом стал для люда он.
Князь Дмитрий знал противника
секреты.

Свой полк он спрятал в небольшом
лесу.

И, видя перевес врагов заметный,
Он бросил полк на вражью полосу.

И победил. Бежали супостаты.

А Дмитрия народ назвал —
Донским.

Россия чтит те огненные даты.

И тульская земля гордится им.

Цветет ковыль на Куликовом поле.

В реке Непрядве плещется плотва.

Здесь шальный ветер песнь поет
о воле.

И до сих пор — о битве той молва.

Сергей ФИЛИПОВ

г. Москва

*Член литературной
студии «Вешияки». Стихи
публиковались в журналах
«Дальний Восток», «Голос
эпохи», «Подъем», «Не-
ман», «Сибирские огни», «Северо-Муйские
огни», «Огни над Бией», «Ковчег» и других.*

Часы мои не мной заведены,

Стремительно бегут они куда-то.

Застигнуты врасплох бываем мы

Очередной не радушей датой.

Их мерный ход нельзя остановить,

Я знаю, что они не виноваты,

Но хочется неистово бранить

Холодную бесстрастность

циферблата.

Часы мои торопятся, спешат,

Их стрелки, как судьба, неумолимы.

Неповторимы каждый жест и взгляд,

И молодость, увы, неповторима.

Часы мои очерчивают круг,

Определяя четкие границы,

Под стрелок скрип и маятника стук

Мои мгновенья тают по крупницам.

Часы мои заведены не мной,

Стремительно бегут они куда-то,

И может оказаться роковой

Любая цифра и любая дата.

КОРОБЕЙНИКИ

Нет ни ситца, ни сатина,

Ни льняного полотна.

Потребителя корзина,

Как коробочка, полна

Сплошь каким-то суррогатом,

От одежды до вина,

И с таким сертификатом,

Что печать едва видна.

Не творец-производитель,

Не рабочий человек,

Всех важнее потребитель

В потребительский наш век.

Все идет в употребленья,

Вся, простить прошу, «фигня»,

Ради удовлетворенья

Спроса на потребу дня.

Все торгуют, не стесняясь

На бессовестный обман,

Потребителя стараясь

Каждый раз загнать в капкан.

Захлестнула всех стихия,

Где вы, честные купцы,

Коробейники лихие,

Удалые молодцы?

Брось родимая сторонка

Торговаться, перестань.

Значит, дрянь у них душонка,

И товар их тоже — дрянь.

Плачь, Россия, наблюдая,

Как мельчает человек,

Безоглядно потребляя

В потребительский наш век.

Всегда приятно слышать, когда мне

говорят:

«Я вижу вы, дружище, изрядный

ретроград».

От гамбургера с пищей глаза

не заблестят
Мои, как говорится, я старый
ретроград.
Не нахожу покоя, когда все врут
подряд.
Вот видите, какой я ужасный
ретроград.
Зато бываю счастлив и несказанно
рад,
Коль кто-то, хоть отчасти, такой же
ретроград.
Кто ждет и не дожидется, как каждый
ретроград,
Что прошлое вернется когда-нибудь
назад.

Анна МИКАЕВА

г. Отрадный
Самарской области

*Поэт, руководитель
Отраденской городской
организации Российского
Союза профессиональных
литераторов, руководи-
тель литгостиной, автор
двух поэтических книг. Дипломант между-
народных конкурсов-фестивалей: «Сла-
вянская лира» — 2015 г., «Славянские тра-
диции» — 2016, 2017 гг., «Созвездие духов-
ности» — 2017 г. За общественную и ли-
тературную деятельность награждена
Почетной грамотой РСНП (Москва).*

ПОДРУЖКА-ОСЕНЬ

Звоном листопада полнится округа,
Пестрою дорожкой устлан
Млечный Путь.
В ярком одеянье ты пришла, подруга,
Ладно, оставайся, гостьей в доме
будь.
У меня поминки. Поминаю Лето.
На столе наливка, по сезону снедь.
Друг мой — синий вечер заблудился
где-то,
А давай по малой, будем душу греть.

В прошлый раз, я помню, ты была
игривей,
С юным шалым ветром завалилась
в дверь.
А давай за дружбу и за вечер синий,
Где-то, бедолага, бродит он теперь?
Мы с тобой сдружились на седьмом
десятке.
Время крепкой спайкой породило
нас.
А давай напьемся, выпивки
в достатке.
Впустим хлесткий ветер, дальше
без прикрас...

ГРУСТНОЕ

Пока жива, осенних далей
Во мне не кончится печаль
И куполов седых сусали,
И божьей звонницы хрусталь.
Пока жива, мечтать я буду
О запахе лесных грибов,
В степях ковыльных и повсюду
Искать следы твоих шагов.
Еще вчера прошли до края
Холодный север, юг и Крым.
Еще вчера, но была седая
Все унесла, как легкий дым.
И снова Осень, дни томлений,
Тоска, вернувшаяся вновь.
И горький привкус сожалений,
Что жизнь прошла, а с ней — любовь.

Олег ПАНТЮХИН

г. Щекино
Тульской области

*Член СПР, член ред-
коллекции всероссийского
ордена Г. Р. Державина
литературно-художест-
венного и публицистиче-
ского журнала «Приок-
ские зори». Директор издательства Тул-*

ГУ. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, член Президиума Правления Тульского отделения Общества русской словесности.

ВМЕСТЕ ТЫ И Я

День прекрасный, день весенний,
В комнате цветы.
После зимних сновидений
Вновь проснулась ты.
Улыбнулась и очнулась
От холодных снов.
И с души как-будто снежный
Скинула покров.
Я всем сердцем ощущаю
Нежное тепло.
Растопило все печали
И меня спасло.
Это сердце чаще бьется.
Из под ног земля.
В небе снова светит солнце:
«Вместе ты и я...»
Тает снег и льда осколки.
Взгляд не отводи.

Я скитался по белому свету,
От печалей покоя не зная.
И попутные свежие ветры
Мне в дорогах идти помогали.
Брал с собою немножечко хлеба
И молитву твердил неустанно.
А в полях любовался на небо,
Где парят журавлиные стаи.
Ночью путь пролагая по звездам,
Был коротким привалом доволен.
И, года исчисляя по веснам,
Молодым был, свободным
и вольным.
И однажды, весной на рассвете,
Среди пения птиц и цветенья
Я любовь долгожданную встретил,
Обретя вместе с нею спасенье.

О, как прекрасно осени тепло,

Природы неожиданный подарок.
Октябрьский день палитрой красок
ярок.
И на душе от этого светло.
О, как прекрасна осени печаль,
Но все ж она легка и мимолетна.
И дышится так радостно, свободно,
И высока безоблачная даль.
О, как прекрасен осени закат.
И близится ненастное предзимье.
Но с каждым днем все ближе только
ты мне.
И все любимее твой нежный взгляд.

Анна БАРСОВА

г. Екатеринбург

Анна Барсова (Анна Барсегян) — поэт, прозаик, переводчик, литературовед. Член СПП, Академии Российской литературы. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», премии мэра г. Набережные Челны. За верное служение отечественной литературе награждена литературными орденами и медалями: А. Грибоедова, С. Есенина, В. Шекспира, М. Джалиля. Дипломант российских фестивалей и конкурсов.

Мне эти голоса и крики
Забить, конечно, не дано.
Я помню в небе ваши лики,
И вот он — дом, и вот — окно!
Дома вставали из тумана,
Из яркой утренней зари;
Дома, как волны океана,
А рядом крохи — фонари.
Дома росли, как травы, быстро,
За год, и выросал проспект.
И помню я слова, как выстрел:
«Ты песнь сложи о нас, поэт!
Наш труд воспой такой отважный,
На похвалу ты не скупись!
Нам выпал жребий самый важный:
Построить Новь, построить Жизнь!»

Трудный век нам достался,
Непростая судьба.
Город ввысь поднимался,
Колосились хлеба!
Город выстроен белый,
Ветер шальный сквозит,
Звезды как ожерелье,
Небо — черный гранит!

Осень, осень, золотая птица,
Почему ты улетаешь вдале?
На балконе прыгает синица
И кружит симфония — печаль!
Осень, осень, золотая птица,
Распахну тебе свое окно.
Задрожит слезинка на реснице,
День пахуч, как славное вино.
Осень, осень, золотая птица,
Погоди, поймаю я тебя!
Ты, моя красавица, зарница,
Будем жить с тобой и петь, любя!

Елизавета БАРАНОВА

г. Тула

Е. Баранова (Весина) родилась в Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает в Тульском государственном университете на кафедре Информационная безопасность. Сфера деятельности — автоматизация технологических процессов производств. Имеет многочисленные научные публикации, патенты на изобретения и на полезные модели. Стихотворения пишет с детства. Написано около четырехсот стихотворений пейзажной, любовной, философской, гражданской и духовной тематики. Также пишет в жанре крупной поэзии — написана «Поэма о дожде». Увлекается написанием венков сонетов. Пишет прозу. Является автором романа «Гармонические колебания». Автор книг: «Моменты истин» (Тула, 2011 г.); «Гар-

монические колебания» (Тула, 2011 г.); «Закон звезды» (Москва, 2013 г.); «Доброе слово» (Тула, 2018 г.). Имеет публикации в журналах и альманахах Тулы и области, Твери, Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Постоянный автор «Ковчег». Переведена на польский и другие языки. Победитель различных конкурсов стихотворений. Член Союза писателей России. Член независимого литературного агентства «Московский Парнас». Секретарь ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». В 2013 г. награждена медалью имени М. Ю. Лермонтова. В 2014 г. награждена медалью, выпущенной к 60-летию Московской городской организации Союза писателей России. В 2018 г. ЦК КПРФ награждена памятной медалью «100 лет Великой октябрьской социалистической революции» за помощь в создании и популяризации литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

Губы, как веточки тонких рябин,
Сжаты — плотнее и крепче не сжать.
Ты меня с белой сиренью роднил,
Скрашенной синим стеклом витража.
Ты меня слышал,
Дождь врачевал,
Небо любило,
Сны — берегли.
Будто все это было вчера —
В доме как будто те же огни.
Будто звезда раскололась, упав,
Будто потрескались крыши домов.
Будто лечу на попутных ветрах —
Как это все было очень давно!
Было случайно,
Было всерьез,
Было нарочно,
Было ли? — Нет...
В даль неземную ветер унес
Вот и тебя — за прошлым вослед.
Синей сирени теперь не найдешь.
С грустью природной разделен покой.
Берег, которым ты вечен — хорош,
Берег, которым я маюсь — плохой.
Берег — не берег —

Остов речной.
Беды — не беды —
Вечности зов.
Губы — полоской,
стрункой, чертой,
Нет за которой правильных слов.

К недоступным берегам
Ты уплыл в небесной лодке,
Я тебя не берегла,
Берегла твои находки —
Тишины летящей звук,
Теплоту и прозорливость.
За собой меня зовут
Те, чья лодка разломилась, —
На воде не вечен след,
Дно реки изрежут весла...
Архилин тобой задет
И задеты чьи-то блесна.
Запредельная тоска
Говорком речонки Сежи
Не способна обласкать,
Не намерена утешить.
Не добраться по бревну...
Все, что в сердце положила,
Сохраню, переберу,
Перепрячу бережливо
И останусь у реки
Быть незримой, как песчинка.
Если любишь — отвлеку,
Архилин опять качни-ка.

Юлия КОЛОБКОВА

с. Архангельское
Каменского района
Тульской области

*Родилась 24.08.1981 в
с. Архангельское Камен-
ского р-на Тульской обл.
Член Творческого объеди-
нения «Каменка». Окончи-
ла ТулПГУ им. Л. Н. Тол-
стого. Замужем. Мама троих детей.*

Стихи пишет с юношеского возраста и публикует с 2008 г. Печаталась в альманахах «День тульской поэзии», в сборнике «Каменское Красивомечье» в альманахе «Ковчег», автор поэтического сборника.

Господи! Помилуй матерей!
Тех, что молят за своих детей.
Тех, что молят на коленях день
и ночь,
Сохранил, чтоб сына Ты иль дочь.
Господи! Помилуй матерей!
Тех, что молят за своих детей.
Помоги им, Боже, дай им сил,
Чтоб просящий помощь получил.
Господи! Помилуй матерей!
Тех, что молят за своих детей.
Тех, кто, позабыв покой и сон,
Просит, молит, шлет Тебе поклон.
Господи! Помилуй матерей!
И пошли им помощи Своей.
Пожалей их, Боже! Пошледи!
Детям благодать Свою пошли.
Господи! Помилуй матерей!
Успокой их души поскорей.
Пусть уснут спокойно на всю ночь,
Без тревог за сына иль за дочь.

РАСПРЕКРАСНАЯ ДЕРЕВНЯ!

Распрекрасная деревня!
Сердцу милый край родной!
Здесь кругом — поля, деревья...
Я живу твоей судьбой!
И берез твоих сережки,
И с ромашками поля,
И речушка вдоль дорожки...
Это родина моя!
А зимой на ветках иней,
Словно серебром горит!
И лыжня дорожкой синей
За пригорочек бежит...
Места на планете древней
Нет красивей и родней!
Распрекрасная деревня,
Всех ты городов милей!

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск,
Казахстан

Поэт, писатель, журналист, постоянный автор альманаха «Ковчег».

ДЖОН КИТС

СОНЕТ 40

*Перед тем
как перечитать «Короля Лира»*

О, вечная легенда с лютней! Ты
Плюмаж Сирены — красоты
созданье,
Из прошлого далекого воззванье.
Свою дивной музыкой мечты

Захлопни том, пусть будет тишина.
Прощай! Переживать мне снова спор
Меж прахом и проклятьем —
полный вздор,
Шекспиром наслаждаюсь я сполна.

Поэт! Пусть Альбиона облака
Великой темой станут для тебя,
Чтоб не блуждал в пустынных снах
века,
Когда почувствуешь ты жар огня.

И крылья Феникса я в дар приму,
Чтоб полететь смог к счастью своему.

«ЧАТТЕРТОНУ» (С. 4)

О, Чаттертон, судьба твоя печальна!
Сын неудач ты, бед и нищеты!
Во власти смерти стал и темноты,
И жизнь твоя, о, друг,
многострадална.

Но голос твой в стихах оставил след

И он собою победил злой рок.
Хоть умер ты, как молодой цветок,
Ты — гений и сомнений в этом нет!

Теперь ты меж созвездий в Небесах,
Талант твой многогранен и глубок.
Ты гимны исполняешь, но в словах
Лежит печаль непройденных дорог.

И люди помнят о твоих делах,
Не все их только завершить ты смог.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Писатель, поэт, переводчик, член СП России. Автор пяти поэтических сборников, книги рассказов, сборника сказок и книги документально-исторических рассказов о Болгарии. Победитель и призер различных международных фестивалей и конкурсов в Чехии, Болгарии, Германии, Франции, Белоруссии, на Украине и в России. Лауреат международной премии «Славянские традиции». Стипендиат министерства культуры РФ. Сборник «На кончике пера» признан лучшей книгой в конкурсе «Созвездие духовности» — 2017 г. (Украина). Награждена медалью им. Е. Замятина «За успехи на литературной и культурной ниве». Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского, французского и сербского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах, в «Ковчеге». Ее работы вошли в серию «Классики и современники» (Национальное агентство по СМИ и печати). Стихи переведены на иностранные языки (французский, болгарский, македонский и сербский). Член Европейского Конгресса Литераторов, руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели», член редакционного совета журнала «Белая скала». Член ЛИТО «Точки» при Совете по прозе

СПР. Участник документальных фильмов, показанных телеканалами: «Культура», «Рен-ТВ», «Новости-24 Самара», «Спас», болгарского ТВ (Димитровград). Рассказ «Черные птицы», занявший 1-е место в конкурсе «Мой дом», прозвучал на радио Гомель-Плюс (Белоруссия).

СИНАЙ

К ПОЗНАНИЮ

Нас вел бедуин по пустыне
По зыбким горячим пескам.
К далекой священной вершине,
Где высится старенький храм.
Где вечность застыла на стенах,
А с фресок взирают века.
И где, преклоняя колена,
Молились на всех языках.
Мы шли... Появилось селенье
Пустое, как призрачный страж.
А может, то было виденье,
Обманчивый зыбкий мираж?
А может, то ветер над нами
Куражился, путь закрывал?!
Порой налетал, как цунами,
Скривив свой зловещий оскал.
Но шел проводник бессловесный,
Надвинув шемаг* на глаза.
Ему все тропинки известны,
Понятны ему небеса.
Не раз он по кромке пустыни
Ходил по незримым следам.
К великой синайской святыне,
Где вещано было: «Воздам!»
Он вел нас к святому познанию,
Туда, где немеркнущий свет.
Где чьей-то невидимой дланью
Начертан потомкам завет.

НА ГОРЕ

В вечность смотрят пики гор,
Облака плывут над ними,

За узором вновь узор
Ткут над скалами крутыми.
Им привычно созидать,
Гладью плыть неторопливо.
Облаков небесных рать
Уплывает вдаль лениво.
Наш удел — крутой подъем
К храму истины и света.
Серпантином вверх идем,
К месту Ветхого Завета.
Тропкой той, что Моисей
Шел за истинным познанием.
Он душой бессмертной всей
Верил в Вечное Сиянье.
Так же верим мы теперь,
Поднимаясь на вершину.
Но не дремлет рядом зверь,
Дышит злобно в наши спины.
А рассвет из тьмы встает!
Крест в лучах сияет ярко.
И поет хвалы народ
Под узорчатую арку.

ИДЕМ...

Трещали о чем-то сверчки
за час или два до рассвета.
В озерах небес — маячки
светились неоновым цветом.
А путь наш лежал на восток,
где небыль сплетается с былью,
где лунный на скалах цветок
мерцает под звездною пылью.
Незрим он для множества глаз,
нет тропок средь мертвой пустыни.
Но яркий небесный алмаз
нас вел, как волхвов, до святыни.
Здесь были иные миры
и шли друг за другом народы,
несли, как и прежде, дары
с молитвой, летящей под своды.
Молитву и ныне несем,
хоть стали теперь не крылаты.
Идем непростым мы путем —
как в битве шагают солдаты.

* Шемаг, куфия, арафатка — мужской головной платок, популярный в арабских странах.

Татьяна ШЕЛЕПИНА

г. Алексин
Тульской области

Родилась в Алексине 27.11.1945 г. Член ЛитО «АЛЛО» с 2010 г., руководит им с 2012 г. Является также членом ЛитО «Пегас» (Тула) и Московского совета ЛитО. Член Союза писателей России (с 2013 г.), творческого клуба «Московский Парнас» (с 2013 г.), член Академии Российской литературы (с 2014 г.). Ее стихи были опубликованы в газетах Алексина, Тулы, Щекино, в московских альманахах «Созвучие», «Спутник», «Современная литература России», «Московский Парнас», в тульских альманахах «Ковчег», «На крыльях Пегаса», «Пегасик», «День тульской поэзии», в сборниках стихотворений алексинских поэтов «Великая весна» (2010 г.), «И мысли, и слова» (2011 г.), «АЛЛО» (2012, 2013 гг.). Издала музыкальный альбом, стихи положены на музыку тульским композитором Пащутиным В. П. Издала пять сборников: «Понемногу обо всем», «Калейдоскоп», «Я желаю вам счастья», «Я вам пишу» и «Я люблю жизнь».

Приду на берег нашей речки
И вспомню летние деньки:
Как отражаясь, словно свечки,
В воде купались поплавки.
А на лугу цвели ромашки —
На них гадали о любви.
И в разноцветные рубашки
Одегты были все цветы.
А в тихой роще, где кукушки
Пророчили нам всем судьбу,
Святой источник, и подружки
Для чая брали воду ту.
Еще я вспомнил летний вечер,
Как я девчоночке одной
Отдал кулек конфет при встрече,
И стала мне она женой.

Стою и молча вспоминаю...
А предо мною та ж река,
И то же солнце обнимает
Уже седого старика...

К 9 МАЯ. СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОБЕДЫ

День весенний. День Победы,
Нынче юбилейный он.
На параде наши деды,
Слышат все медалей звон.
С каждым годом все труднее
Приходить им на парад.
Только хочется скорее
Праздничный надеть наряд.
И пройтись парадным строем,
Чтобы видела страна —
Много их, живых героев,
На груди их — ордена.
А в строю не только деды:
Посмотрите, целый ряд,
Все они несут букеты,
Это бабушек отряд.
На войне сражались вместе
И победою горды.
Очень рады, что невесты
Жизнь продолжают без беды.
Ветераны очень рады
В этот славный день весны:
Дети рядом — вот награда
Победителям войны.

Людмила СЕНИНА

г. Тула

Родилась 30.09.1961 г. в г. Алексине Тульской обл. Педагог, поэтесса. В 1980 г. окончила Тульское педагогическое училище № 1, в 1985 — исторический факультет Тульского госпединститута (ныне ТулПГУ). Преподает историю в ЦО № 42 г. Тулы. Стихи и песни на ее стихи опубликованы в нескольких поэтических (в

т. ч. в «Ковчеге») и песенных сборниках. Музыка песен написана ее супругом композитором Сергеем Сениным.

ДОЖДЬ

Холодный дождь стучит в окно.
То тихо плачет, то рыдает.
О том, как плохо мне одной,
Лишь только дождик знает.
И кажется, что по стеклу
Не струйки дождика, а слезы
Потоком нескончаемым текут,
В котором тонут мои грезы.
Ах, если б только дождик мог
Навски смыть мои страдания.
Но где ты, знает только Бог,
А я все жду и жду свиданья.
Всего одно, хотя б одно
С тобой свидание, мой милый.
Невыносимо быть одной.
Хочу тобою быть любимой.

ЗВЕЗДОЧКА

Засияла ярко-ярко звездочка
Где-то там, в небесной глубине.
У меня в окне открыта форточка,
«Звездочка! Лети скорей ко мне!»
Я ведь знаю, как одной невесело,
Хоть красива ты и горяча.
Над Землей лучи свои развесила
В поисках надежного плеча.
Мы с тобою скоротаем времечко,
Ночь бессонная быстрее пройдет.
Мысль назойливо сверлит мне
темечко:
«Где же он? Когда уже придет?»
Ты мне подскажи, подруга звездочка,
Ведь тебе все видно с высоты,
Может, и его открыта форточка?
Он не спит, и с ним его мечты...
Ты узнай, о чем он там мечтает,
Может, без меня во тьме грустит,
Может, так же, как и я, страдает,
Без меня его душа горит?
Помоги нам, маленькая звездочка,
И навстречу путь друг к другу
укажи...

Дунул ветер, и закрылась форточка,
И осталась я одна в тиши.

Мне грустно, милый, без тебя,
И грусть не выразить словами.
Лишь мысли, память теребя,
Сияют яркими цветами.
Вот встреча наша, вот он парк...
И блеск в глазах, и вдохновенье...
Я вспоминаю вновь и вновь
Счастливые для нас мгновенья.
Я представляю образ твой,
Твои глаза, твою улыбку.
И только кажется мне злой
Судьбы нелепая ошибка.
Как поздно нас она свела.
Ну как мы друг без друга жили?..
Сирень из года в год цвела...
Ах! Сколько мы не долюбили.
Нет! Жаловаться просто грех:
Любовь с годами горячее.
И ты, любимый, лучше всех.
Нить между нами все прочнее.

Нина ГАВРИКОВА

г. Сокол
Вологодской области

Родилась в г. Сокол. Работала художником-оформителем на предприятии, после перестройки — кладовщицом. Сейчас на пенсии по инвалидности, занимается кружевоплетением, пишет стихи и прозу. Член Академии российской литературы, ЛиТО «Сокол» и МСТС «Озарение» (в 2014 г. награждена медалью, за заслуги перед МСТС «Озарение»), руководитель МДЛК «Озаренок». Победитель районного и областного конкурса «Золотая Юнона» (Женщина года — 2015) в номинации: «Сердце отдано детям». Стихи и малая проза опубликованы в литературно-художественных журналах и альманахах: «Витражи», «Приок-

ские зори», «Ковчег», «Союз писателей», «Вологодский ЛАД», «Благовестник», «Три желания», «Содружество», «Московский Парнас», в коллективных сборниках. Имеет авторские сборники стихов и рассказы: «Шаг над пропастью», «Капельки росы небесной», «Эхо памяти».

МАМА

Барак деревянный под сенью березок,
Сутулясь, устало, геройски стоит.
Любви материнской затих отголосок,
Не слышно ни слов, ни шагов,
ни молитв.
Разъехались дети, а мать у окошка
Подолгу смотрела с тоской на зарю,
Бывало, подставив под щеку
ладошку,
Судьбу вспоминала неспешно свою:
Девчонкой-подростком в лихую
годину
Отправили жить на чужбину одну.
Гнал голод войны, чтоб в деревне
не сгинуть,
Зерном по Руси разбросало родню.
Сжав волю в кулак до последней
крупички,
Твердила, что русский народ победит!
И верила свято — мечты должны
сбыться,
В борьбе неуступны мы,
как монолит!..
Наследство войны — беспорядок,
разруха.
Россию пришлось возрождать
из руин.
Опомнилась вдруг: «Я ж еще
не старуха!»
В округе осталось так мало мужчин.
Безусый напарник —
красавец угрюмый.
Внезапно любви путеводная нить
В душе закрутила затейливо струны,
Чтоб пылкую страсть их навек
сохранить!
Семейное счастье — великая сила!
Но время сквозь пальцы песком
утекло.
Оставить живым его Бога просила.

Да поздно хватилась... простилась
без слов.

Вдовы безутешная горькая доля.
Без папы сиротами дети росли.
Ни днем и ни ночью не знала покоя,
Делила на всех трудовые рубли.
А как повзрослели — разъехались
дружно,
В больших городах легче
жить-поживать.
В душе — ощущение лишней,
ненужной.
Но чувства скрывала старательно
мать...
Не часто, увы, навещали родную.
Всех нас поглотила работа и быт...
Теперь возвратились в квартиру
пустую,
Ком в горле застрял — это совесть
и стыд!..

Николай ЕРМОХИН с. Екатериновка Приволжского района Самарской области

Родился 14.10.1955 г.
Образование среднее тех-
ническое. Поэт, член
РСПЛ. Призер междуна-
родного конкурса «Земля
— наш корабль». Лауреат
международного конкурса «Планета при-
знается в любви Самарской губернии».
Печатался в журналах «Русское эхо» и
«Параллели» и в книгах «Самарский Пар-
нас»: т. 3, т. 5. Изданы три книги: «От-
светы дня» (2005 г.), «С любовью и ве-
рой» (2009 г.) и «Из души заветного лар-
ца...» (2013 г.).

ГОВОРУНЯ

Белы твои, о, родина, сады!
Вот зацвели — и я расцвел волшебной!
Как хорошо, что у меня есть ты —

Дарительница радостей душевных.
 Тобой одной и крашу толщу лет,
 Вкушаю радость счастья земного...
 От всей души несем друг другу свет,
 Друг друга понимаем с полуслова.
 Накинешь снег — прильну к твоим
 снегам,
 Затеешь дождь — и я с тобой заплачу.
 Беду и радость делим пополам,
 Вдвоем несем и промах и удачу.
 Легко живем как целое одно,
 И Бог на нас единый крест повесил.
 Любой душе ты — золотое дно,
 Целительная Муза всех поэзий.
 В тебе — исток всех радужных начал.
 Ты — звуков лад, где все ликуют
 струны,
 В холодном мире теплая свеча
 И тихий голос доброй говоруньи.

ПЕВУЧИЙ ПЛАТОК

Никогда не избыть эту грусть:
 Вот леса назем сбросят лист медный
 — Опустеет, осунется Русь,
 Будет вновь одинокой и бедной.
 Тихой, мрачной окажется вмиг
 И замрет, безгололая, в думе,
 Будто вырвут, отнимут язык,
 Лишат говора, лепета, шума.
 А душа Руси — лиственный лес
 И листвою шумящие рощи —
 Ее голос живой, благовест,
 Звонкий колокол славы и мощи!
 Носит их, как певучий платок,
 Что чарует нас снова и снова
 Хоть короткий, но радостный срок —
 От зеленого до золотого.
 Он — краса ее стана и плеч,
 Всех одежд и дороже и краше,
 Ее длань расставаний и встреч,
 Что зовет и приветствует — машет!

Ольга ПРИСТУПЕНКО

г. Азов

Ростовской области

Родилась в г. Азове, Ростовской обл. Окончила Ростовский экономический госуниверситет, факультет юриспруденции. Писать стихи начала в школе, печаталась в городских газетах. Имеет публикации статей в областном газете «Молот», автор стихов в сборнике «Альманах Азовских Поэтов». Дипломант художественной выставки Михаила Шемякина в Северокавказском Государственном музее Востока. Лауреат премии Президента РФ поддержки талантливой молодежи. Дипломант культурной программы XXII Зимних Олимпийских игр, XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Сочи.

ЦВЕТЫ РОССИИ

На просторах страны, земли
 необъятной
 В горах и лесах расцветают цветы!
 В степях — колокольчики, в тундре
 — дриады,
 В лесах Подмосковных —
 калины кусты!
 Поутру: в росе лепестки на рассвете,
 Сияющий свет неземной красоты!
 Ромашки, тюльпаны, душица и маки,
 Кипрей, одуванчик, вьюрки,
 васильки!
 Цветы вырастают на севере, юге,
 Они прорастают на камнях в горах!
 В песчаных пустынях, на синих
 озерах,
 Весной из-под снега в лесах, на лугах!
 И север сияет арктической розой,
 Цветущий восток в разноцветных
 коврах!
 Вся магия трав, волшебство всего
 лета

В цветущих и нежных, прелестных
цветах!
В кавказский гранат и мимозу — на
юге,
В багульник — на севере мы
влюблены!
Весной пробуждаются в красочном
цвете
Просторы бескрайние нашей страны!

Валерий ВИНОГРАДОВ

г. Алексин
Тульской области

*Алексинский поэт. Автор
четырёх поэтических
сборников. Член СПР.
Постоянный автор «Ковчега».*

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Белый снег безгрешный
Падает с небес,
Он накрыл неспешно
И поля и лес.
Серебром искрятся
Склоны древних круч,
И лучи струятся
Из-за серых туч.
Вниз летят снежинки,
Всюду кутерьма,
Замела тропинки
Матушка-зима.
Восхищает взоры,
Взгляды веселит,
На окне узоры
До весны хранит.
Красит щеки холод,
Шум и звонкий смех,
Чувствуешь, что молод,
И шутить не грех...

Серое утро, скрытая даль,

Ветер попутный гонит печаль.
Все растворится с пришлым дождем,
Боль испарится пасмурным днем.
Вспыхнут неожиданно искорки глаз,
Сердцу отрадно в сумрачный час.
Сквозь непогоду и холода
Сброшу невзгоды раз навсегда.
Радость от взгляда сил придает,
Что еще надо? Сердце поет!

А. С. ПУШКИНУ

С времен тех давних и поныне
Не в силах радость удержать,
Спешу сюда к мирской святыне,
Несу заветную тетрадь.
Стихи и думы — посвяшенья
Легли на чистые листы,
В порыве чувств и вдохновенья,
Осуществив свои мечты.
Слова звучат и слух ласкают,
К кумиру мчатся сквозь века,
Талант бессмертный воспевают,
Что бесконечен, как река...
И, обращаясь к Александру,
Цветы поклонники несут,
Друг друга посвящая в тайну,
В поэзию вникает люд.
Его шедевры нас пленяют
И до сих пор он — эталон,
Сравнений с ним никто не знает,
Сердца людей он взял в полон.
Непрезойденный русский гений,
Отечества великий сын,
В пылу любви и откровений,
Ты душ и мыслей властелин!

Валентина ДИНЕСЮК

г. Алексин
Тульской области

*Родилась и выросла в
г. Алексине. Пишет стихи
с 2003 г.; печатается в
алексинских и тульских*

газетах, во многих сборниках и альманахах. Член Алексинского ЛитО «АЛЛО», член Московского совета ЛитО с 2012 г. Издала три сборника стихов.

ПЕРЕХОД РОССИИ В XXI ВЕК

Прошли года. Промчался век.
Ушла из жизни та эпоха,
Где строили социализм,
И людям там жилось неплохо:
Почет и слава пожилым.
Они для Родины старались.
За труд и подвиг орденом большим
Достоинно люди награждались.
Но жизнь простого человека,
Что так цвела в ХХ веке
И манной с неба сыпалась
Мечтою и рассыпалась.
Капитализм вошел в Россию
И все уверенней шагает:
Науки точные цветут
И сетью интернет петляют.
Все в одночасье узнаю,
по интернету изучая,
Сию я молча за столом,
И Землю всю обозреваю.

Виктор МЫЗНИКОВ

г. Тула

Родился в г. Москва, в семье военнослужащего в 1939 г. Вместе с семьей переехал в Тулу. В 1962 г. окончил Тульский Механический институт (ныне ТулГУ) по специальности «Системы автоматического управления летательными аппаратами» и в 1972 г. — Московский центральный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства в области патентной работы. Инженер, изобретатель, имеет более 170 патентов и авторских свидетельств в оборонной промышленности. Долгие годы работал на

оборонных предприятиях Тулы. Академик Международной Академии авторов научных открытий и изобретений, отмечен ведомственными наградами. Имеет почетное звание «Изобретатель СССР». Награжден одноименным наградным знаком, медалью имени А. С. Попова. В настоящее время работает в ЗАО «Спецприбор». Участвует в разработке специальной техники. Член творческого объединения православных писателей «Родник» при храме во имя Прп. Сергия Радонежского, член поэтического клуба «Лирик», участник Тульской общественной организации «Духовное соборное движение». Стихи пишет около 20 лет. Дипломант 1-го и 2-го епархиальных конкурсов художественного чтения «В начале было Слово» (2013, 2015), дипломант межрегионального поэтического конкурса «Стойкость. Мужество. Преодоление» (г. Калуга, 2014), дипломант конкурса самодеятельных авторов-исполнителей «Тульская душа» (2016).

БЛАГОЧЕСТИВАЯ ТАТЬЯНА

Давно, в лихие времена,
В лета правленья Ульпиана
У знатных римлян рождена
Благочестивая Татьяна.
В ней дух Христа от роду жил —
Основа Божьего Закона,
Он ей опорой служил
В голгофе храма Аполлона.
«Ты перед идолом склонись —
Татьяна слышишь глас надменный —
Смиренно лбом его коснись,
Счастливой будешь в мире тленном!»
«Христа вовеки не предаю, —
Татьяна гордо отвечала, —
Я лучше жизнь свою отдам!»
И вновь молитва зазвучала:
«Господь! Дай силы в трудный час!
Яви всю мощь благого трона!»
Разрушен идол был тот час
И вместе с ним храм Аполлона.
Правитель вмиг, рассвирипев,
Отдал приказ продолжить муку:
«Пусть съест ее голодный лев!»
Тот лишь лизнул Татьяне руку.
«Ну нет! Меня так не пронять!» —

Взревел правитель оголтело.—
 Велю до смерти истязать
 Железными крюками тело».
 Была Татьяна казнена.
 Не испугалась преисподней.
 Душа ее вознесена
 Крылами Ангелов Господних.
 Татьянин православный дух
 Доселе земли охраняет,
 И множество нестойких душ
 От маловерия спасает.

БЫТЬ С БОГОМ

Пробилось солнце сквозь армаду туч,
 И пелена с моих очей слетела —
 Господь проникновенен, вездесущ,
 Он и в душе, и в каждой клетке тела.
 И оттого, что Бог всегда со мной,
 Что мысли сокровенные Он знает,
 В душе царят блаженство и покой,
 На Господа во всем я уповаю.
 Как милосердный любящий отец,
 Не жертвы, счастья чадам Он желает,
 Для благодарных преданных сердец
 Преодолеть несовершенства
 помогает.
 Чем чище, совершенней становлюсь,
 Тем радостнее жить на этом свете,
 Как чадо ничего не убоюсь,
 Ведь с Богом я всегда в совете.
 Ребенком любознательным я был
 Имел порой лихие приключения:
 Тонул в трясине, в прорубь угодил,
 Но через Господа обрел спасенье.
 Другое Божье чадо в трудный час
 Всегда на помощь приходило,
 В нем сам Господь спешил ко мне
 тотчас,
 Чтоб проявить любовь свою
 и милость.
 Хоть много раз я попадал в беду,
 Не пасовал, был с Господом навеки.
 Теперь по жизни с радостью иду
 И вижу Бога в каждом человеке.

Игорь МАЛЬЦЕВ

г. Нижний Новгород

Нижегородский художник, поэт, дизайнер. Родился в п. Амзя 8.06.1964 г. Участник художественных выставок арт-группы «Декаданс». Вдохновитель и руководитель творческой группы «Студия Игоря Мальцева» 1990—1996 гг.: подготовка к публикации и издание книг, альманахов ряда нижегородских художников, поэтов, публицистов. Пропаганда авангардной культуры, работ молодых, неизвестных авторов Нижнего Новгорода. Автор двух сборников стихов, альбома графики. Создатель концепции фестиваля художественного авангарда «Другой барабаник», автор многочисленных сценариев художественных акций. Участник «Фестиваля верлибра» (Москва, 1994 г.). Вице-президент Нижегородской областной общественной организации «Новое средневековье» (с 1996 по 2004 г.). Один из авторов музыкально-орфографического проекта «Оловянный гербарий» (2017 г.). С 2017 г. — член Творческого союза «Центр культурных инициатив». Имеет публикации во многих журналах и газетах. Идеолог и один из создателей нижегородского культурного портала «НИС-Ревю» (2001 г.), далее — ведущий раздела литературы и поэзии.

Посмотри мне в глаза...
 Я не плачу... и это — не слезы.
 Это мокрой игрой
 Забавляется дождь-водолей...
 Я удачу принес
 И весенние первые розы...
 Я не думаю больше о том,
 Что когда-то ты станешь моей...
 Я тебя не ищу
 И не жду твоих глаз «ниоткуда»...
 Ты была и прошла,
 Как по лезвию порванных строк.
 Мне остался твой взгляд,

Что упорно преследует всюду,—
С этой памятью я...
Не совсем уж вот так... одинок.
Мне осталась печаль,
Как печать,
В каннелюрах морщинок...
Мне остался мой дом,
Где нет окон, а также дверей...
Мне остался мой разум,—
Блуждающий в черепе инок...
И я тщето хочу
Проводить его, с богом, скорей...
С той веселой поры
Я уже никого не встречаю.
Запорошен в снегу
Безысходности прожитых дней,
Заливаю завар
Кипяченого крепкого чая,
Но мне кажется, холод
От этого только сильнее...
Я тебя не вино
За свои роковые ошибки...
Ты была и прошла
Остриями стальных каблучков.
Я хотел бы с тобою...
Но я не умею так быстро...
То есть можно, конечно, быстрее...
Но, видимо, я — не таков.
Я тебя не хочу повстречать,
Чтоб прочесть эти строки,
Потому что, как прежде,
Ты в них ничего не поймешь...
Я — один, ты — другая...
И мы до того одиноки...
Посмотри мне в глаза,—
Это маленький, ласковый дождь...

Заметает ноябрь...
Похоронена суть
Под сугробами здравого смысла...
Воплощение всего,— белый лист
С неоконченной строчкой следов.
Год стремится к концу,—
Торопливые черные числа...
Замыкая собой вереницу таких же
других...

Валерий АКИМОВ

г. Нижневартовск
Ханты-Мансийского АО

Родился в 1949 г. в г. Новомосковске Тульской обл. Службу по призыву с 1969 г. по 1972 г. проходил в погранвойсках на Финской границе. После окончания МХТИ им. Д. И. Менделеева в 1978 г. приехал в Нижневартовск и работает здесь в нефтепереработке. «Почетный нефтяник». Стихи пишет с детства. Среди главных тем его творчества — возрождение традиций православия, сохранение исторической памяти и чувств патриотизма в человеке.

«АВТОИНТЕРВЬЮ»

На белый свет я с радостью пришел
Своею родословной дорожить.
Когда среди родных нехорошо,
Мне горько так, что не охота жить.
Я вырос не в дворце — среди труда,
С нуждой пришлось мне

с детства подружить.

Когда доходит правда о вождах,
Мне горько так, что не охота жить.
С рождения я много повидал,
Сполна пришлось по свету
покружить.

Когда внезапно меркнет идеал,
Мне горько так, что не охота жить.
И я мечтаю ночи напролет,
О прожитом не думая тужить,
С надеждою всегда гляжу вперед,
Забыв про горечь,
чтоб хотелось жить!

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ

Когда отбросил в мыслях лень я,
Где чувства держат, будто нить,

Мне захотелось в размышленьях
 Себя с ушедшими сравнить.
 Пускай в летах, для них я — детка,
 Умножив перечень имен,
 Согретый памятью о предках,
 В которых старший — дед Семен.
 Весь род я мысленно окинул
 И вид открыл со всех сторон:
 Дед Алексей на фронте сгинул.
 А так бы, сколько прожил он?
 Сижу себе и жизнь итожу,
 Хотя не старик пока что сам,
 Но мать моя была моложе,
 Когда ушла на небеса.
 Не заморачивался труся,
 С мечтою сызмальства дружил,
 Я пережил свою бабусю
 И бабу Машу пережил.
 Судьбою был мне путь предложен,
 И надо этим дорожить...
 А вот и папа стал моложе,
 Сдав эстафету дальше жить!

ДОМ

Картины сердцу дорогие
 В моей душе встают не вдруг:
 Такой похожий на другие
 Он — дом как дом, как все вокруг.
 Теперь мне будни — выходные,
 Легко и просто в прошлом быть.
 И вспоминаются родные,
 Их разве можно позабыть.
 Передо мною эти лики,
 Пусть юность в прошлое ушла...
 Не малый дом и не великий,
 А сколько было в нем тепла,
 Что и теперь еще осталось,
 Как жизнь ознобом ни мела!
 Тут забываешь про усталость
 И что судьба не так мила.
 И здесь найдешь себе такое,
 Что только тут смог заслужить:
 Согреет душу, успокоит,
 Чтоб ты готов был дальше жить.
 Как дорогих гостей встречает,
 Так в этом доме повелось,
 Добром и словом привлекает:
 Добро везде — земная ось!

Да что я все о доме этом:
 Дом без хозяина — пустой!
 И ты не сможешь стать поэтом,
 Не зная истины простой.
 Жильцы встречали-проводжали,
 Бывало что, и на войну
 Играли свадьбы и рожали...
 Не открываю новизну:
 У них все было по-другому,
 Совсем не как в других домах.
 Не зря душою рвусь к былому
 И жить хочу в тех временах.
 В себе ношу мечту большую
 И облекаю в явь с трудом:
 Так все на улицу спешу я,
 Где присоседился тот дом.

Вячеслав АЛТУНИН

г. Тула

ГЛАС МОЙ К БОГУ

Отрывки из сборника
стихов «Книга про-
щаний»

«Ко Господу воззвал я в скорби моей!»
(Пс. 119; 1).

В ДЕРЕВНЕ

Круг замкнулся. Дома я, в деревне.
 И уже не в отпуск — навсегда.
 Все хожу, дышу простором древним.
 Вдалеке остались города.
 С громом, суетой и суматохой,
 За которой неба не видать.
 Там душе так было тошно, плохо,
 Что и ныне страшно вспоминать.
 Не стяжал я славы и богатства.
 Ну так что же? Ведь, в конце концов,
 Счастлив я, покуда не погаснут
 Небеса и звезды над крыльцом.
 Счастлив я, что все вокруг знакомо
 И не надо тыкаться во мгле.
 У себя на родине я, дома,

А не где-то на чужой земле.
Пусть все бедновато, скудновато,
Да зато покойно и светло.
Облака плывут небесной ватой.
Воздух — как промьтое стекло.
И хоть я, как прежде, окаянен,
Господи, все ж верую, что Ты
Дашь дожить в трудах и в покаянье
Без мертвящей душу суеты.
Ведь теперь уже подать рукою —
И об этом помню я всегда! —
Телу — до погоста над Окою,
А душе — до Божьего Суда.

ПЕТУХИ

Петухи кричат, петухи...
Накликают ясные дни.
И поют святые стихи
На своем языке они.
Тех, кто близок и кто далек,—
Всех сейчас от души прости...
Петухи кричат на восток.
Скоро день на Святой Руси.
Потуши огонь, потуши.
Отойди душой от забот.
Петухи кричат, петухи...
Это значит: время идет.
Петухи кричат, петухи,
Отгоняют нечисть от нас.
Отряхни весь прах, отряхни.
Наступает истины час.
И не зря ведь промолвил Тот,
Ярче солнца, яснее дня,
Что еще петух не споет —
Отречешься ты от Меня!
Петухи кричат, петухи...
Как тогда, кричат поутру.
Вспоминай же свои грехи
И рыдай подобно Петру.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

г. Кординск
Красноярского края

Родилась в 1947 г. в г. Бресте (Беларусь) в офицерской семье. С 1960 г. живет в Сибири, ныне в г. Кординске. Окончила Энергетический факультет Иркутского политехнического института в 1971 г. по специальности «Инженер-электрик». Работала проектировщиком на строительстве Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. С 1997 г. занимается писательским трудом. Автор романов «Убийца неподсуден» — бронзовый лауреат Берлинского конкурса «Лучшая книга 2017», «Звездочет» — серебряный лауреат Берлинского конкурса «Лучшая книга 2014» в номинации «Фантастика»; «Заурияна. Айя. Сказание первое», а также нескольких сборников стихов и детских книг. Книга «Сказки семи озер и Чучулюкины сны» — золотой лауреат Берлинского конкурса «Лучшая книга 2016». Стихи и проза печатались в России, на Украине, в Германии, Чехии, Канаде, США и Бурятии. Член СПР (МГО) и Петровской академии наук и искусств. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ОСЕННЯЯ ХАНДРА

1
Сотру из памяти мечту,
надежду, веру и любовь.
И дней осенних суету
к себе я приглашаю вновь.
Костер рябины за окном
уже не радует мой взгляд,
а две — три мысли о былом
мне не вернут мой мир назад.
Слезу печальную утру,
она пришлась не ко двору.
Себя из памяти сотру
и разум с сердцем помирю.

2

С листьев деревьев ночной туман
каплями слез орошает землю.
Может быть, это осенний обман
и по утрам я слезливости внемлю.
Может быть, я, как моя душа,
вдруг заблудилась в ночном тумане
и, проходя мимо гаража,
ключ от машины нашла в кармане.
Ехать в туман на машине нельзя,
непредсказуемой будет дорога.
Вот и уходят пешком друзья
в мир, где обманутого стало много.

3

Очень скоро закончится осень.
За окном день морозит зима,
и в соседнем лесу между сосен
паутиной из инея тьма.
Скоро кончится наша разлука,
у камина мы сядем вдвоем.
За спиной многолетняя скука,
словно тень бродит ночью и днем.
Но огонь выжигает всю скверну,
а в тепле не живет злой мороз.
Я при встрече поплачу наверно,
подарив тебе капельки слез.

4

Листопад с дождем на пару
вальс танцуют под гитару,
что принес залетный ветер
поутру, чтоб день был светел.

5

Нетканым ковром
из листвы разноцветной
укроет октябрь поседевшие травы.
Лысеют деревья, и скоро приметной
их лысина станет ветрам. Но не нравы
причиной являются времени года.
Гораздо все проще: в объятьях
Вселенной
меняет наряды земная природа,
лишь вечность одна остается
нетленной.

Лариса ЛЕБЕДЕВА

д. Яблонево
Каменского района
Тульской области

Родилась 27.03.1975 г. в д. Яблонево Каменского р-на Тульской обл. По образованию — техник химической промышленности. С 2007 г. — член Творческого объединения «Каменка». Печатается с 2007 г., автор поэтического сборника. В 2011—2014 гг. ее стихи вошли в альманах Тульского отделения Союза писателей России «День Тульской поэзии», в 2012 г. — в приложение к всероссийскому журналу «Приокские зори» — «Поэтическая Тула», в 2016 г. — в сборник «Каменское Красивомечье», в 2018 г. — в сборник «Тургенев и Тульский край», посвященный 200-летию со д. р. И. С. Тургенева (1818—2018 гг.), в региональный музыкально-литературный альманах «На лирической волне», продолжает печататься в региональном музыкально-литературном альманахе «Тульская сторонка» — выпуски № 1—4, 2018 г.

МАЛИНОВЫЙ ВЕЧЕР

Малиновый вечер обнял
всю деревню,
И кажется речка
притихла пред сном.
На милых просторах
мелодией древней —
Руси будто слышу я
песнь за окном.
Закат вновь на небе
картины рисует,
И сердце тревоги
покинули прочь.
Соловушка нежно
с Любовью воркует,
Раскроет их тайну
проказница Ночь.

И с щедростью русской
 мне Родина дарит
 Умиротворенье
 мятежной душе,
 Из трав духовитых
 мать чаю заварит,
 А Полночь к нам в гости
 стучится уже.
 И дышится вольно
 в тиши деревенской,
 Малиновый вечер
 принес благодать.
 И я восторгаюсь
 любовью вселенской,
 Которая счастье
 умеет рождать!

ВЕТРА ЗАБВЕНЬЯ

Как много деревень, свой век
 отживших...
 Ведь была жизнь когда-то в них
 ключом.
 Безмолвна скорбь печей, давно
 остывших, —
 Здесь Время послужило
 палачом...
 Зимой метель тоскливо
 завывает...
 Ветра забвенья свищут
 среди руин,
 Незримый колокол былое
 отпевает.
 Бурьян косматый всюду
 Властелин.
 Как старики, забытые детьми,
 Они покорно ждут своей
 кончины...
 О, человек! Ты в сердце
 помани
 Истоки жизни — вымершей
 долины.

Сергей ШИЛКИН

г. Салават,
 Башкортостан

Родился 29.03.1954 г. в г. Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Публиковался во многих российских и зарубежных журналах и альманахах. Дипломант II международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна»; обладатель специальной награды — «Диплома министерства культуры Казахстана» за перевод казахских поэтов; финалист VI, VII и IX республиканского конкурса поэтического перевода за 2014—15 и 2017 гг. (Уфа); лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» за 2013 г.; вошел в шорт-лист литературного конкурса перевода одного стихотворения «С Севера на Восток» за 2017 г. («Иные берега», Хельсинки). Автор 2-х сборников: «Дороги и перекрестки» (2017) и «150 стихотворений. Близки любви» (2017).

ТИХИЙ АВГУСТ

Устремленный наверх я натянута
 струной в ожидании вызова.
 Призывает собраться пульсар — для
 решения — звездному кворуму.
 Но в бездонном тумане меж звезд, от
 мерцания сизого,
 Нет мне места — заблудшей душой,
 неприкаянной — хворому.
 Я хочу поклониться — но как?
 Своего отыскать где мне пастыря? —
 Словно римлянин древней волчице,
 вскормившей заблудшего Ромула.
 Среди слов — для леченья — ишу я
 обрывок сакрального пластыря,
 Но, увы, позабыта душою моей
 покаяния формула.
 Перебрав в голове воспаленной все

то, что никак не слагается,
И с глубинным желаньем постичь,
что не может быть в принципе
познано —
Те слова, что к спасенью души
отыскались — пытаюсь покаяться,
Про себя потихоньку шепчу я упорно,
да, видимо, поздно...

Но...

Тихий август — на крыше сижу.
Небо брызжет кровавыми струями:
То ночной небосвод изрубили
намедни дамасскими саблями
Три наездника в черном — их кони
сверкали сплясшими сбруями.
Или грешников слезы с кругов,
раскалившись, горящими каплями
Прорываются — вспыхами мир
освеща — спасая от пагубы?
Потухающий свет не вернешь,
не излечишь алтайскими БАДами...
Говорят, что на Землю так Твердь
просыпается звездами, якобы.
Я готов — на краю — в Небеса
недоступные взмыть водопадами...

Елена ГАДЕНОВА

г. Тула

Член Союза российских писателей, заместитель председателя Тульского отделения СРП.

КЕМЕРОВО. 26 МАРТА 2018 г.

Я в ужасе
Пишу эти строки,
Я рыдаю и
Громко кричу.
Заживо сгорели
Ангелочки
В ловушке смерти,
В аду...
Их плач и крики

Долго слышал город,
И шансов не было
Спасть.
«Мы горим», —
И в телефонный провод
Последние
Секунды жизни
Разнеслись.
«Я вас люблю.
Всех.
Прощайте...»
В этих детских
Сердечных
Мудрых словах
Звучит набат.
Когда-же будут
Отвечать стяжатели
За разгильдяйство
И нынешний разбойничий
Конгломерат.
Когда же закроют
Двери в преисподню,
Чтобы Ангелочки рождались,
Жили спокойно,
Мирно и счастливо,
Прилетая с небес...
Я сегодня скорблю,
Захлебываясь слезами,
Горем и болью,
С народом Сибири
Под покровом
Траурных завес.

Юрий МАРТИШИН

г. Электросталь
Московской области

Родился в 1963 г. в г. Электросталь Московской обл. Окончил Московское медицинское училище №7. Член СРП, награжден литературной медалью «Ивана Бунина» (СРП). Удостоен звания «Почетный писатель Московии» (решением Высшего творческого совета МОО

СПР №12 от 18.07.2017 г.). Призер литературного конкурса «Край ты мой родной» («Мосприрода» 2015 г.). Второе место в международном литературном «Гайдаровском конкурсе — 2017» и др. Автор пяти книг стихотворений: «Начало» (2004 г.), «Откровение» (2006 г.), «Прости, или Последний лист любви» (2010 г.), «В полете безумий» (2013 г.) и «По накатанной» (2017 г.). Имеет публикации во многих журналах и альманахах, а также многочисленные сетевые публикации.

ПЕЧАЛЬНОЕ

Притащилась зима, неуклюжая,
старая.
Потемнел посеревший измученный
день.
Ты стоишь на снегу
Молчаливо-усталая.
Загрустивший фонарь написал
твою тень.
Организм истощен постоянным
усилием
Над собой, над судьбой, чередой
перемен.
Воля, ярость и злость отравились
бессилием,
Потому что недуг взял мечту твою
в плен.
Жизнь летит над землей, ускоряясь
надеждами,
Забирая людей в небывалый полет.
Боль грызет и орет на костях
под одеждами,
Потому что в душе ангел смерти
поет.
До свидания мир, все такое
печальное.
Разум в мысли стучит, нагоняя
тоску.
Палец памятью жжет, где кольцо
обручальное.
«Он останется здесь»,—
ветер шепчет виску.

София МАКСИМЫЧЕВА

г. Ярославль

Родилась в Ярославле в 1964 г. Училась в техническом вузе. Работала в государственных учреждениях, освоила бухгалтерское дело, была звукооператором на радио, вела свой бизнес. Публикации на интернет-порталах и во многих альманахах. Печатные издания: «День и ночь», «Луч», «Нижний Новгород», «Эмигрантская лира». Финалист конкурса «Рыбье царство». Вошла в шорт-лист конкурса журнала «Москва» «60 плюс». Дипломант литературного конкурса им. М. М. Пришвина «Хранители Природы»; всероссийского литературного конкурса им. Г. Каменева «Хижицы 2018»; 6-го поэтического турнира им. Игоря Царева «ПТИЦА —2018»; всероссийского литературного конкурса к 200-летию И. С. Тургенева «Родине поклониться». Финалист международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира 2018 г.» (2-е место); VI международного поэтического конкурса «45 калибр» 2018 г.

К 220-летию А. С. Пушкина

С неба сыплет снежной стружкой,
начинается зима.
Мне сегодня снился Пушкин,
Петербург, Нева, дома.
Шел вприпрыжку с непокрытой
гениальной головой,
вслед гурьбой неслись мальчишки
и кричали:
— Пушкин, стой!
Он не слышал, торопился
в дымку, призрачную даль,
и еще кому-то снился,
а за ним спешил февраль.
Чтобы там, на Черной речке,
все расставить по местам:
дуэлянты, Пушкин, вечность...
Грам-парам, парам, парам.

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

Автор 2-х поэтических книг. Публикуется в сборниках Регионального Общественного Фонда содействия и развития современной поэзии «Светоч» (Москва) и в альманахе «Ковчег». Член Российского Союза писателей.

ДОЖДЬ КАДРИЛЬ ПРОТАНЦЕВАЛ

Дождь кадрили протанцевал
На ветвях калины.
Дождь устал, ты не устал —
Не пришел с повинной.
Ветер листья закрутил
В шлейф нарядный длинный.
Ветер смог, а ты без сил —
Не пришел с повинной.
Лед на солнце заглянул
С мартом воедино.
Лед растаял! Ты шагнул
В сад любви с повинной!
Бьет весна в колокола,
Звон любви летящий...
Я простила, поняла,
Ты все ж настоящий.

Ольга ПОНОМАРЕВА- ШАХОВСКАЯ

г. Москва

Москвичка, окончила Московский Электротехнический институт связи, инженер-электромеханик. Работала в проектных институтах. Стихи и

прозу пишет с 1998 г. Публиковалась во многих альманахах и журналах. Постоянный автор «Ковчег». Член Международного сообщества писательских союзов и СПР. Имеет награды.

В СОЛНЦЕГРАД (поэма)

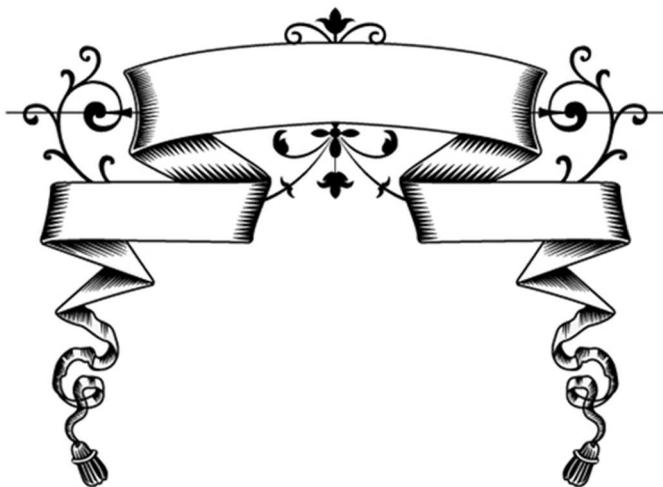
В шаге от края
мечта золотая
о теплых лучах
всемогущего Солнца.
Но отраженье
Чем-то пугает,
в гулком колодце —
вторжением звонким,
горестным «ля»...
«Радостна доля» —
Петь колокольцам!
Руки раскину —
Огненны кольца.
Пленница тени,
соли пуды
сверкают на донце...
Тщетны труды...
Где утешенье?!
Паду на колени.
Нету решенья
простой теоремы:
за прегрешенья —
болезни и беды,
виновны-то все мы,
...свободою бредим,
от катаклизмов
не защищенные.
Сушат умы
бредни ученые.
Жизнь неизменна на шарике этом,
и в нелюбви мы, как в запертых
клетках.
Мир да любовь
людям лишь снятся,
грешные души пороком томятся,
кровь бесконечно тела проливают,
Злобу и горечь спиртным запивают.
В сказочки верят, ищут, надеясь,
Им никогда не сыскать чародея.
Земли и воды, и дети страдают...

Рецепт-то простой,
но, будто не знают!
Давят события,
тихою сапой
в уши крадутся,
душу царапают...
Горечью капаая
ночью болезной,
«плачут» порезы.
Им антитезы
разум рождает.
Струйкой стекая
с дрожащей ладони,
стонет бродяга-душа,
ох, как стонет!
Пленкой засвеченной —
мир лицедейства,
детке доверчивой —
в море злодейства...
Что же творится?!
К душам словами
мне не пробиться...
Птица свободы —
певчая птица,
крылья поникли,
истлели до боли,
в клетке проблем

сердце о воле
грезит, но тщетно...
Песен тоски
на планете бессечно.
Мыслью трофеей —
рвется в куски,
и безотчетно,
и — в бесконечность,
теряя реал,
стегает беспечность.
Разум ... устал,
тело упало, остыло.
Постыло...
Пеленки становятся
белыми крыла...
И через весны, года,
сквозь бессилье —
душа в наслаждении
фантомом застыла,
как в наваждении,
в полете высоком,
Будто напившись
целебного сока —
курсом назад,
в Отеческий Дом,
в КОЛЫБЕЛЬ —
СОЛНЦЕград.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

ЯКОВ ШАФРАН
АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА

СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ
КИРИЛЛ КАРЛОВ

Яков ШАФРАН

г. Тула

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула) и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторона».

НЕПОВТОРИМАЯ ИСТОРИЯ ТУЛЫ, ВЕЛИЧАВОЙ И НУЖНОЙ ДЛЯ РОССИИ

О книге В. Я. Маслова «История Тулы»

Когда я познакомился с новой книгой «История Тулы» Валерия Маслова, известного в России и за рубежом писателя, служителя русской литературы, искреннего и глубокого по смыслам своих произведений, то сразу же был приятно поражен ее объемом — не страничным, этим сейчас никого не удивить,— и широтой охваченных ею тем и сторон жизни столицы нашего края. «... Такой знаковый, знаменитый и значимый город, как древняя Тула», на территории которого, по мнению всякого вдумчивого человека, «люди жили уже восемь тысяч лет назад!», «заслуживает такого исследования»,— говорит автор. Эта книга, включающая в себя шестнадцать полновесных глав, как он пишет: «об истории создания и развития Города-героя Тулы, его значении в истории нашей страны, его многосторонней жизни, культурном и ином пространстве...», открывает читателям новые стороны нестандартного таланта писателя.

О Валерии Яковлевиче Маслове коротко не скажешь. Он окончил с отличием Мичуринский плодоовощной техникум и Московскую сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева. Затем получил еще два высших образования: в Высшей партийной школе при ЦК КПСС и на Высших офицерских курсах «Выстрел». Служил в ракетных войсках Советской Армии, майор запаса. Работал в Тульской области: управляющим совхоза «Красный богатырь», спецкором газеты «Коммунар», в облисполкоме и администрации области. Первый руководи-

тель пресс-службы администрации области и пресс-секретарь губернатора, создатель и бессменный руководитель Дома творчества и Фонда поддержки творческой интеллигенции. Член Союза писателей СССР с мая 1991 года. Членский билет подписал и вручил ему легендарный поэт Сергей Михалков. Член Союза журналистов СССР с 1976 года. Заместитель председателя правления Тульского регионального отделения Союза писателей России. Председатель Межрегионального Союза писателей, член Международного Литфонда, избирался членом Исполкома Международного сообщества писательских Союзов. Заслуженный работник культуры РФ, награжден медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством», медалями «XX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Ветеран труда», «Двести лет МВД России» и другими. Отмечен и многими литературными медалями и премиями. Имя В. Маслова занесено в Тульский биографический словарь. Является автором более 30 книг, которые вышли тиражом свыше миллиона экземпляров в России, на Украине, в Грузии, Сербии, Черногории, переведены на иностранные языки.

В предисловии к труду «История Тулы» Владимир Васильевич Куликов¹ говорит, что важно *«знать историю и умело опираться на опыт ныне живущих и ушедших поколений, извлекать преподнесенные прошлой жизнью уроки»*. И еще: *«Память — прочная нить, связывающая многие поколения ушедших и ныне живущих людей, наполняющая нашу жизнь особым смыслом, особыми чувствами. Вот почему так важно знать свое прошлое, воспринимать свое родство к земле и месту, где живешь...»* И когда так, то как бы давно ни происходило событие, оно воспринимается как настоящее. Именно об этом и рассказывает автор книги.

Предваряя изложение истории Тулы, Валерий Маслов с гордостью пишет о присвоении ей *«за мужество и стойкость, проявленные защитниками Тулы при героической обороне города, сыгравшей важную роль в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой в период Великой Отечественной войны»*² звания «Город-герой» с вручением медали «Золотая Звезда». С не меньшими чувствами автор описывает и символику Тулы: герб и флаг, изображение которых говорит нам, что высокая награда, как и то, за что она была дана, не случайны, а закономерны, ибо вся история города подтверждение тому. *«Прямоугольное полотнище червленого цвета с изображением в центре горизон-*

¹ В. В. Куликов, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, член-корреспондент Академии архитектурного наследия, профессор Тульского государственного университета.

² Из текста Указа Президиум Верховного Совета СССР от 7 декабря 1976 г. №4847-IX «О присвоении городу Туле почетного звания “Город-герой”».

тально положенного на двух серебряных шпажных клинках, лежащих наподобие Андреевского креста, концами вниз, серебряного ружейного ствола; вверху же и внизу по одному молоту золотому; в верхнем углу полотнища у древка <...> расположена медаль «Золотая Звезда»...»³ Согласитесь, звучит, подобно поэме. Это же хорошо выражено и в гимне, вслушайтесь:

*Тула веками оружие ковала,
Стала похожа сама на ружье.
Слышится звон боевого металла,
В древних названиях улиц ее:
Улица Курковая, улица Штыковая.
И Пороховая, и Патронная.
Дульная, Ствольная, Арсенальная,
Улица любая — оборонная!*

В. Н. Фоминых одним из первых обратил внимание на «*понимание публицистики как особого, обладающего своими закономерностями рода творчества — живой отклик на конкретные факты и события, явления и процессы социальной жизни*»⁴. И книга Валерия Яковлевича относится к жанру публицистики высокого мастерства, когда повествование, в котором читателю ясно видна суть описываемого времени, эмоционально, наполнено чувствами автора, его многочисленными наблюдениями и размышлениями, внимательной добротой к своим героям и их судьбам, как к родным, пишет ли он о людях, событиях или о городе.

Да и может ли быть иначе у патриота своей страны, каковым, несомненно, судя по всему его творчеству и общественным делам, является Валерий Маслов, если основой патриотизма является любовь к своей малой родине. Истории наших городов различны, но объединяет их принадлежность России, ее древней и высокой цивилизации.

С интересом читая многочисленные страницы книги, посвященные Туле оружейной, будучи, как и сам автор, патриотами города, радуемся: «*Еще будем делать наши ракеты!*», ибо внешнее противостояние России и Запада не оставляет других вариантов, как активизация военной промышленности и востребованность квалифицированных обо-

³ Решение Тульской городской Думы от 21.03.2001 № 50/889 «О флаге и гимне Города-героя Тулы». Решение Тульской городской Думы от 20.06.2001 № 53/965 «О положении "О флаге Города-героя Тулы"». Решение Тульской городской Думы от 28.11.2012 № 53/1179 «О Положении "О флаге Города-героя Тулы"».

⁴ Фоминых В. Н. Публицистический факт: Путь к оптимизации журналистского текста / В. Н. Фоминых.— Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987.— 124 с., с. 69.

ронных инженеров и рабочих. Автор также ясно показывает, что оружейное мастерство туляков есть продолжение векового начала, идущего от матерей и отцов, от самой земли родного края. Писатель гордится и седым кремлем, и засеками, и караульными полками, которые «*копны, людны и оружны*» становились в степи у городов, и героическим Тульским Рабочим полком, и нынешними многочисленными предприятиями оборонно-промышленного комплекса, и выдающимися тульскими оружейниками, начиная с давних времен и поныне живущими, одно перечисление имен которых убористым текстом займет целую страницу. Об их отношении к своему труду и Родине говорят слова одного лучшего из лучших — Василия Алексеевича Дегтярева: «*Сейчас, когда американские и английские империалисты угрожают атомными бомбами, наши конструкторы продолжают спокойно работать. Мы работаем не ради наживы или страха, как изобретатели за рубежом. Нами движет святое чувство служения Отчизне, служения своему народу <...> Ни в одной стране мира не созданы такие условия для расцвета изобретательства и конструирования, как у нас, в Советской стране. И нигде не ценится так высоко труд конструкторов, как у нас. Только Советская власть вывела меня, как и многих других изобретателей из рабочих, на широкую дорогу творчества*»⁵.

Воспевая какой-то город или край, человек величает всю страну. Все взаимосвязано, как в живом теле. Александр Блок сказал: «*Чем больше чувствуешь связь с родиной, тем реальнее и охотнее представляешь ее себе как живой организм*»⁶. Это же чувство свойственно и автору книги, и он мастерски передает его своим читателям.

Потому В. Я. Маслова со всем основанием можно считать певцом нашей земли: Тулы и всего края, ее достопримечательностей и красот, где корни и его самого. Писатель родился 6 ноября 1943 года в городе Донском Тульской области. С 1971 года живет и работает в Туле. Таким образом, все его корни в родном Тульском крае. И это чувствуется, когда читаешь книгу, ибо все, о чем пишет автор, ему близко и дорого, будь то: история города, его символика и улицы, оружейное его прошлое и настоящее, его героизм в годы Великой Отечественной войны, культурные учреждения и парки, образование, здравоохранение и спортивные достижения, музеи и усадьбы, архитектура и памятники, храмы и музеи, литературные легенды края.

Мы читаем с любовью и где-то документально, а где-то и почти художественно написанные строки о родных местах и всем, что с ними

⁵ Маслов В. Я. История Тулы. Краеведческий сборник. — Тула: 2018. — с. 63

⁶ Мейлах Б. С. Русские писатели о литературном труде, 18—20 вв., Том 4. М.: Советский писатель, 1956. — с. 247

связано. Валерий Маслов хорошо знает язык древней Тулы: «Слобода» означала «освободить», то есть освободить этих кузнецов-оружейников от податей и налогов...» А как хорошо он написал о тульских женщинах: «В Туле всегда были очень красивые и воспитанные невесты. За ними съезжались женихи из других городов. В Москве и Питере о красоте и хорошем характере тульских невест ходили легенды. Не случайно, что идея создания Института благородных девиц возникла у императрицы Екатерины Второй при посещении Тулы. И когда в Санкт-Петербурге появился Смольный институт для благородных девиц, большинство воспитанниц были из нашего города...»

Воинская доблесть всегда в Туле была в чести. Воспитанию ее отлично служит суворовское училище, прекрасные корпуса которого были построены недавно, и Тульский музей оружия, и наша память. «Следует назвать также героев Тульской оборонительной операции...», — пишет Валерий Яковлевич. Отметим, это — командир Тульского рабочего полка Анатолий Петрович Горшков, его первый комиссар Григорий Антонович Агеев, командующий 50-й армией генерал Иван Васильевич Болдин, командир кавалерийского корпуса Павел Алексеевич Белов, командир взвода зенитных орудий Григорий Матвеевич Волнянский, первым принявший бой с танками Гудериана, начальник Южного боевого участка Тулы майор И. Я. Кравченко, помощник начштаба стрелкового полка старший лейтенант В. А. Бенцель и все, кто внес свой неизмеримый вклад в героическую оборону Тулы. «Вечная им память!» «Надо отдать должное и тем тулякам, которые обороняли в это время нашу Родину на других фронтах Великой Отечественной войны», — отзывается В. Маслов о славном летчике Борисе Феокистовиче Сафонове, ставшем первым дважды Героем Советского Союза, о Герое Советского Союза старшине Иване Андреевиче Дементьеве и многих других, о ком никогда не забывает чуткое сердце писателя-патриота.

Автор, которому, как офицеру, это близко приводит в книге слова фельдмаршала А. В. Суворова: «Потомство мое, прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божьим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; избегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы чрез истину и добродетель, которые суть моим символом»⁷.

В прошлой нашей истории не все было гладко и хорошо. Однако «... правду сказать, люди в целом лучше были, не те, что нынче, потому и в войне победили, из пепла в считанные годы отстроились, в космос первыми полетели <...> По мне — так лучше тот застой, чем нынешние убийства в подъездах да взрывы в метро...», — пишет Ната-

⁷ Маслов В. Я. История Тулы. Краеведческий сборник. — Тула: 2018. — с. 92.

ля Квасникова⁸.

Валерий Яковлевич Маслов современному же в новейшем времени жизни страны достаточное внимание уделил в своих художественных произведениях, хорошо знакомых россиянам и не только. В «Истории Тулы» писатель говорит о преемственности истории города, независимо от политического устройства страны, о знаменитых и героических жителях, не только оружейного и военного, но промышленного и торгового, культурного и образовательного направлений деятельности, созидающих его развитие, его красоту, его жизнестойкость, наперекор всем трудностям. К тому же, лицо любого города — это не только его дома, но и улицы, и площади, их названия. В. Маслов подробно, опираясь на свои глубочайшие знания истории города, и с любовью рассказывает о них. И во всем этом также достоинства книги.

«Городская культура — это система культурных ценностей, формирующаяся и развивающаяся в условиях мегаполиса <...> Город — это специфическое поселение людей, отгороженное от хаоса и глубоко структурированное. В городе присутствуют все культурные формы (храмы, театры, музеи, библиотеки, школы и т. д.). Здесь создаются свои “центры вращения” информации, деятельности, человеческого общения, регулирующие жизнь. В нем каждый человек находит свою “нишу”, в зависимости от образованности, профессии, уровня личной культуры, исторического прошлого. Каждый город имеет свое “лицо”, свои нравственные измерения, свою духовность, свой менталитет. Все это определяется его культурой, ею формируется...» — считает В. С. Безруков⁹.

Поэтому В. Я. Маслов столько страниц своей книги о тульской истории уделяет ее культуре и важным культурным центрам: оригинальным музеям оружия, самоваров, пряников, гармонии; Тульскому кремлю, Дому-музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» и Дому-музею В. В. Вересаева, Дому дворянского собрания, театральной жизни Тулы, в которой в 1777 году, был основан один из первых в России провинциальных театров и др. Но возможна ли культурная среда без музыкальной сферы? Потому писатель с увлечением рассказывает и об областной филармонии им. И. А. Михайловского, Тульском филармоническом симфоническом оркестре, Тульском государственном хоре, оркестре «Русских народных инструментов “Тула”», Губернаторском духовом оркестре, Ансамбле скрипачей и фольклорном ансамбле «Услада», а также о замечательном музыкальном училище, носящем

⁸ Наталья Квасникова. «Горизонт за карнизом»: повесть. «Приокские зори», №4, 2012 г., с. 86.

⁹ Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога).— Екатеринбург. В. С. Безрукова. 2000 г.

имя туляка, русского композитора Александра Сергеевича Даргомыжского, и музыкальных школах города.

«"Величайшее сокровище — хорошая библиотека", — писал Виссарион Белинский, русский критик. А Лев Николаевич Толстой, чье имя носит Центральная городская библиотека в Туле, сказал: "Что может быть драгоценнее, чем ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира"» — приводит Валерий Маслов мысли великих. Близки автору, как и всякому культурному и образованному человеку, а также всем стремящимся к этому, тульские библиотеки, и он нашел много добрых слов в адрес Тульской библиотечной системы и ее основы — Центральной городской библиотеки им. Л. Н. Толстого, в адрес Тульской областной универсальной научной библиотеки и Тульской областной детской библиотеки.

Важное место в книге писателя занимают парки, ибо *«парковые зоны и места отдыха являются сердцем города и играют значительную роль в жизни не только крупных мегаполисов, но и в жизни небольших провинциальных городков»*.¹⁰

Не менее значимы для жителей Тулы образование, здравоохранение и спорт. В «Истории Тулы» автор проделал большую работу, чтобы каждый горожанин нашел для себя много полезного и интересного и в этих сферах жизнедеятельности.

«Тула и Тульский край богаты культурно-историческими объектами. Особое место в них занимают такие уникальные историко-культурные объекты, как русские усадьбы, связанные с именами наших великих предков» и «город Тула славен не только мастерами-оружейниками, замечательными пряниками и растисными самоварами, но и прекрасными храмовыми сооружениями», — пишет Валерий Яковлевич, и он прав, так как по насыщенности усадьбами, архитектурными памятниками и храмами на душу населения, как говорится, наш город не уступает многим культурным центрам России.

О великой любви автора к городу говорит и следующий отрывок: *«Уникальным по своему назначению, расположению и прихожанам является Николо-Зарецкий, или Христорождественский храм. Еще он носит название Николы Казенного. Он находится за рекой Упой, на въезде в Заречье. Сейчас это — знаковое место для туристов и экскурсий. Здесь, практически на одной площадке, расположены храм, Тульский музей оружия и интересный по своему исполнению памятник Никите Демидову. На противоположной стороне, за мостом, — Тульский оружейный завод, памятник Петру Первому, напротив — па-*

¹⁰ Нагибина И. Ю., Журова Е. Ю. Значение парковых зон для жителей городской среды // Молодой ученый. — 2014. — №20. — С. 84—85.

мятник тульскому Левше и красивая ротонда, в которой проводятся различные культурные мероприятия».

Увлекательно повествует писатель о памятниках и скульптурных композициях города, о сказаниях, былинах и летописях, в которых была прославлена наша древняя Тула.

О былых писателях, связанных с Тульским краем, читаем в книге. *«Но и наши современники — тульские писатели, с которыми мы встречаемся, общаемся, разговариваем и подчас не придаем этому совершенно никакого значения, также пишут произведения, которые знают не только в нашем городе»,*— отмечает автор.

Одним словом, книга «История Тулы» является не только значимым историческим трудом, но поистине, энциклопедией современной Тулы. Мы с удовольствием читаем книгу жизни города, работу, как написал в предисловии В. В. Куликов, которая *«претендует на справочное пособие энциклопедического характера, с чем можно поздравить автора».* Да, эта книга В. Я Маслова не для пролистывания людьми, «обремененными» клиповым сознанием, а для чтения и гордости (не путать с гордыней, как и честь с тщеславием) неповторимой историей Тулы, ее величием и нужностью для России.

Сергей ОДИНОКОВ

г. Тула

Окончил с отличием театральные отделения МОУ лицея № 3 г. Тулы и Тульского областного колледжа культуры и искусства; артист Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского. Выпускник факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, кандидат филологических наук.

Лауреат всероссийских и международных конкурсов. Публиковался в журналах «Рюкзачок знаний», «Приокские зори» и др.; в сборниках «Вечный огонь памяти» и «В поисках жанра»; в альманахах «День тульской поэзии», «НЛО» и «Ковчег».

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЗМА В ПЬЕСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ»*

Считается, что комедийность, комизм, а также легкость и «веселость» в целом не типичны для творческой манеры Л. Н. Толстого. Строгий прежде всего к самому себе, беспощадный к собственным

* О жанровых и лингвостилистических особенностях комедии см. статью автора в предыдущем выпуске альманаха «Ковчег».

ошибкам и заблуждениям, ищущий истину, обретающий твердые основы и убеждения и вдруг отвергающий все и ищущий вновь, Толстой уверенно зарекомендовал себя как автор серьезный, тонкий и глубокомысленный, способный, по словам Н. Г. Чернышевского, отразить не только результат внутренней жизни героя, но и показать «самый процесс и едва уловимые движения этой внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с необычайной быстротой и неистощимым многообразием» [4].

Л. Н. Толстой многообразен в своем творчестве. Подлинный великий художник не ограничивает себя узкими рамками и не становится похожим на портрет, написанный одной краской. Оставаясь самим собой, в соответствии со своим мироощущением, он постоянно осваивает новые творческие формы, приемы, методы и подчас устремляется в противоположное — то, что, на первый взгляд, не свойственно его натуре и нетипично для его художественной манеры. В результате подобных поисков и устремлений рождаются те удивительные произведения, которых никто не ждал от автора и которые переворачивают уже сложившееся и устойчивое мнение о нем. К числу таких произведений относится пьеса «Плоды просвещения» — одна из вершин драматургического творчества Л. Н. Толстого (наряду с драмами «Власть тьмы» и «Живой труп»), единственная крупная оконченная комедия, над текстом которой автор работал более трех с половиной лет (начало осени 1886 — июнь 1890 гг.).

Основным признаком комедии как жанра является наличие комизма. В своей пьесе Л. Н. Толстой реализует комизм с помощью следующих приемов:

1. Языковая игра. В «Плодах просвещения» особую любовь к языковой игре проявляет Петрищев — молодой человек 28 лет, кандидат филологических наук. Его речь изобилует каламбурами, благодаря чему данный персонаж по своим речевым характеристикам является одним из самых ярких в комедии. Рассмотрим каламбуры, обнаруживающиеся в его речи.

По происхождению каламбуры делятся на внутриязыковые и межъязыковые [1, с. 52]. Случаи использования межъязыковых каламбуров в речи Петрищева единичны: например, во время диалога с Бетси (действие I, явление 35), когда фамилия *Мергасов* заменяется созвучным во французском языке словосочетанием *mère Gassof* (папаша Гасов):

«Бетси. <...> вы вчера были у Мергасовых?

Петрищев. Не столько у *mère Gassof*, сколько у *père Gassof*, и даже не *père Gassof*, а у *filis Gassof*. (*Игра слов*: Не столько у мамы Гасовой, сколько у папаша Гасова, и даже не папаша Гасова, а у сына Гасова») [3, с. 121].

Остальные случаи использования каламбуров в речи Петрищева относятся к внутриязыковым, среди которых много примеров языковой игры, основанной на фонетическом сходстве слов и/или словосочетаний.

Вернемся к началу разговора героя с Бетси (действие I, явление 34):
«Бетси. <...> Какие это у вас дела с Вово?

Петрищев. Дела? Дела *фи**-нансовые, то есть они, дела наши — *фи!* и вместе с тем *нансовые*, и кроме еще финансовые.

Бетси. Что же значит нансовые?

Петрищев. Вот вопрос! В том-то и штука, что ничего не значит!

Бетси. Ну, это не вышло, совсем не вышло! (*Хохочет.*)» [Там же].

Здесь мы видим яркий пример языковой игры, построенной на расчленении слова на отдельные элементы не по морфемному строению: в слове *финансовые* от корня отрывается первая часть *фи-*, которая превращается в междометие, выражающее презрение, отвращение. Таким способом герой дает понять Бетси, своей собеседнице, что их финансовые дела идут неважно: Петрищеву и Вово как членам «общества поощрения разведения старинных русских густопсовых собак» нужно платить взносы, а денег нет. Оба героя, согласно характеристике Л. Н. Толстого, «без определенных занятий» и «ищущие деятельности» [Там же, с. 101], поэтому единственный способ раздобыть деньги — это просить их у родителей. Каламбур не является удачным: в результате расчленения слова *финансовые* только первая его часть (*фи-*) обретает самостоятельное значение. Когда же Бетси спрашивает о значении элемента *нансовые*, Петрищев не находит, что ответить, чем вызывает смех героини.

На фонетическом сходстве слов, но уже во французском языке, основан и следующий каламбур (действие I, явление 35):

«Бетси. *Cessez, vous devenez impossible!* (Перестаньте, вы становитесь невыносимы!)

Петрищев. *J'ai cessé, j'ai bébé, j'ai dédé...* (*J'ai cessé* — я перестал. Далее игра созвучий. *J'ai bébé* — букв.: я имею малютку)» [Там же, с. 122].

В представленном ниже фрагменте (действие III, явление 19) герой, имитируя страх, меняет местами части слов (*ножки дрожат* — *дрожки ножат*):

«Петрищев (*дрожит*). Ой, боюсь, боюсь. Марья Константиновна, боюсь!.. *дрожки ножат*» [Там же, с. 167].

В следующем примере (действие IV, явление 5) Петрищев фонетически обыгрывает прозвище своего друга, барона Коко Клингена:

«Петрищев. <...> А, *Кокоша-Картоша!* Откуда?» [Там же, с. 181].

* Здесь и далее в примерах курсив наш (С. О.).

Продолжая беседу с бароном, герой изобретает новые слова путем соединения частей разных слов: репетиция + названия овощей (редька, морковь):

«Петрищев. А куда тебе еще?

Коко Клинген. Как куда? К Ивиным, спевка, надо быть. Потом к Шубиным, потом на репетицию. Ведь и ты должен быть?

Петрищев. Как же, непременно. И на репетиции и на *морковетиции*. <...> Так заходи к Вово, вместе поедем на *редькоттицию*» [Там же, с. 182].

Следующий тип языковой игры, встречающийся в речи Петрищева, — это «игра слов, основанная на многозначности, или омонимии» [1, с. 55]. В комедии молодые люди дворянского сословия с иронией относятся к спиритическим увлечениям старших. Это нашло отражение в сцене спиритического сеанса, когда Петрищев и Вово позволяют себе шутить, а также в сцене на кухне (действие II, явление 17), когда Грошман с завязанными глазами ищет ложку. Петрищев, разрушая мистическую атмосферу эксперимента, обыгрывает значение слова *зараза*, которое произносит барыня при виде мужиков (зараза как источник инфекции — зараза как некий злой дух, витающий над всеми в воздухе):

«Барыня. <...> Не дотрогивайтесь до них: они все в дифтеритной *заразе!* <...>

Петрищев (*сопит громко носом*). Дифтеритная — не знаю, а некоторая другая *зараза* в воздухе есть. Вы слышите?

Бетси. Полноте врать!...» [3, с. 152].

Реплика Бетси свидетельствует, что героиня не воспринимает слова Петрищева всерьез.

Еще одним вариантом языковой игры является использование прецедентного текста. В «Плодах просвещения» для достижения комического эффекта Петрищев цитирует стихи, а также строки из песен или романсов в новом для них контексте. Продолжая разговор с бароном Клингеном, Петрищев отвечает на реплику своего друга цитатами из стихотворений М. Ю. Лермонтова «Родина» и А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» в контексте, никак не связанном со смыслом данных произведений, что придает особый комизм сказанному:

«Коко Клинген. Не понимаю, как ты можешь водиться с таким дураком. Уж так глуп, вот уж истинно шалопай!

Петрищев. А я его люблю. Люблю Вово, но “*странною любовью*”, “*к нему не зарастет народная тропа*”...» [Там же, с. 182].

Перед началом спиритического сеанса (действие III, явление 19) Петрищев отвечает на реплику Марьи Константиновны строкой из романа «Сомнение» М. И. Глинки на стихи Н. В. Кукольника:

«Бетси (*Петрищеву*). Я вам говорю, оставайтесь. Я вам обещаю необыкновенные вещи. Хотите пари?

Марья Константиновна. Да разве вы верите?

Бетси. Нынче верю.

Марья Константиновна (*Петрищеву*). А вы верите?

Петрищев. «*Не верю, не верю обетам коварным*». Ну, да если Елизавета Леонидовна велит...» [Там же, с. 167].

Придумывание шарад также является ярким примером языковой игры. В тексте комедии встречаются две песенки-шарады, сочиненные Петрищевым и спетые бароном Клингеном для Бетси и провожаемой ею дамы (действие IV, явление 6), и собственно шарада, которую Петрищев загадывает барону во время их беседы (действие IV, явление 5):

« П е т р и щ е в . Нет, ты слушай, шарада: мое первое то же, что «кин», мое второе то же, что «ка», а мое все далеко гоняет телят.

К о к о К л и н г е н . Не знаю, не знаю. И некогда» [Там же, с. 182].

Сказанное свидетельствует о большой изобретательности Петрищева, о его склонности к различным языковым выдумкам. Однако эту черту характера своего героя автор обращает против него: знания, полученные в научной деятельности, пригодились Петрищеву лишь для развлечения.

2. Комизм, созданный особенностями речи персонажей. Сам Л. Н. Толстой считал язык главным, если не единственным средством выражения характера. По его словам, драматург должен сделать так, «чтобы каждое лицо говорило своим, свойственным его характеру, языком» [2, с. 239]. И в своей пьесе писатель характеризует персонажей через особенности их речи.

Диалоги народных персонажей наполнены разговорной, просторечной и диалектной лексикой. Данные особенности речи нередко являются средствами создания комизма: важно не только то, *что* герои говорят, но и *как* они это делают. Например, горничная Таня, беседуя с Федором Ивановичем (действие I, явление 8), неверно произносит существительное *спиритизм* и после замечания камердинера меняет только предлог (*о — об*):

«Федор Иванович. <...> (*К Тане.*) Кто это прошел?

Таня. Сахатов, Сергей Иванович, и еще доктор. Они тут постояли, поговорили. Все о *спиритичестве*.

Федор Иванович (*поправляя*). Об *спиритизме*.

Таня. Да я и говорю об *спиритичестве*» [3, с. 106].

Просторечие обнаруживается в речи как крестьян, так и слуг. Например, в диалоге лакея Григория с мужиками из Курской губернии (действие I, явление 36):

«1-й мужик. Это чьи же?

Григорий. Одна — барышня, а другая — *мамзель*, музыки учит.

1-й мужик. В науку производит, значит. А как аккуратна. Настоящий *патрет*. <...> А мужчинка-то тот, примерно, из *музыканщиков*?

Григорий (*передразнивая*). Из *музыканщиков*!.. Ничего-то вы не понимаете!» [Там же, с. 122].

Показателен в этом отношении диалог кухарки и мужиков (действие II, явление б), когда героиня по-своему описывает увиденный ею бал хозяев:

«Кухарка. Вот ты бы, дядя *Митрий*, посмотрел балы у них. <...>

3-й мужик. А что ж, едят все?

Кухарка. *Куды* тебе? <...> Посмотрела я: барыни — страсть! <...> Разряжены, разряжены, что куда тебе! А *по сих мест* голые, и руки голые.

3-й мужик. О господи!

2-й мужик. Тьфу, *скверность*!

1-й мужик. Значит, *клеймат* так позволяет. <...>

Кухарка. Так ведь что: как *вдарит* музыка, как *взыграли*, — сейчас это господа подходят каждый к своей, обхватит и пошел кружить. <...>

Старый повар (*высовываясь, хрипло*). Польшка-мазурка это. Э, дура, не знает! — танцуют так...

Кухарка. Ну, ты, *танцорщик*, помалкивай знай. Во, идет кто-то» [Там же, с. 140—141].

Через диалоги слуг мы узнаем об их отношении к своим господам. В приведенном далее примере (действие II, явление 5) кухарка с сарказмом описывает «дела» дворян, выражает свою нелюбовь к хозяйке:

«Кухарка. Какие у них дела? В карты да в *фортепяны* — только и *делов*. Барышня, так та, бывало, как *глаза продерет*, так сейчас к *фортепянам*, и *валяй*! А эта, что живет, *учительша*, стоит, ждет, бывало, скоро ли *опростоятся* фортепяны; как отделалась одна, давай эта *закатывать*. А то двое фортепян поставят, да по двое, вчетвером *запузыривают*. Так-то *запузыривают*, аж здесь слышно» [Там же, с. 139].

Средствами создания комизма могут выступать и сравнения. Например, в диалоге с крестьянами кухарка говорит, что хозяйева едят без перерыва, на что 2-й мужик замечает: «Как свиньи, в корыто с ногами» [Там же]. В данном случае сравнение *как свиньи* выражает условно негативное отношение крестьян к дворянам. Реплика 2-го мужика вызывает смех героев.

Помимо речи слуг, свои особенности имеет и речь господ. Например, толстая барыня, постоянно влезая в чужие разговоры (действие II, явление 18), проявляет свою несдержанность и невоспитанность:

«Толстая барыня (*вмешиваясь*). Нет, позвольте! <...> Когда я после своей болезни лежала без чувств, то на меня нашла потребность

говорить. Я вообще молчалива, но тут явилась потребность говорить, говорить, и мне говорили, что я так говорила, что все удивлялись. (*К Сахатову*.) Впрочем, я вас перебила, кажется?

Сахатов (*достойно*). Нисколько. Сделайте одолжение. <...>

Профессор. Позвольте, господа, не в этом дело.

Толстая барыня (*вмешиваясь*). Я в двух словах вам объясню. Когда мой муж был болен, то все доктора отказались...

Леонид Федорович. Пойдемте, однако, в дом. Баронесса, пожалуйста!

Все уходят, говоря вместе и перебивая друг друга
[Там же, с. 154—155].

Наблюдается явное противоречие между словами и поступками героини: толстая барыня говорит, что она «вообще молчалива», однако во всех сценах, где она появляется, разговаривает много и не по делу. Таким образом, Л. Н. Толстой высмеивает пустословие, невоспитанность и неумение выслушать других собеседников.

3. Комизм, проявляющийся в сценической ситуации. Таких примеров достаточно много. Все они, как правило, связаны с обличительной стороной пьесы.

В своей комедии Л. Н. Толстой высмеивает увлечение дворян спиритизмом. Следующий пример (действие I, явление 22) наглядно иллюстрирует, как в простом бытовом факте господа замечают сверхъестественное явление и объясняют его проявлением «медиумических» способностей мужика, не пытаясь разобраться в истинной причине происходящего:

«Леонид Федорович. <...> у нас в доме один мужик, и тот оказался медиумом. На днях мы позвали его во время сеанса. Нужно было передвинуть диван — и забыли про него. Он, вероятно, и заснул. И, представьте себе, наш сеанс уж кончился, <...> и вдруг мы замечаем, что в другом углу комнаты около мужика начинаются медиумические явления: стол двинулся и пошел.

Таня (*в сторону*). Это когда я из-под стола лезла» [Там же, с. 113].

Благодаря реплике горничной мы узнаем настоящую причину движения стола.

В следующем примере (действие I, явление 29) Л. Н. Толстой с иронией описывает поведение одного из своих героев: Василий Леонидыч, будучи молодым, сильным и энергичным человеком, кандидатом юридических наук, ничем не занимается и распляется на членство в различных обществах, тратя на них все свое время и родительские деньги. На примере деятельности этого молодого человека автор показывает, как порой бессмысленно молодые люди дворянского сословия тратят силы и средства:

«Василий Леонидыч. Нет, я тебе сейчас скажу: это новое общество. Очень, я тебе скажу, серьезное общество. <...>

Федор Иванович. В чем же это новое общество?

Василий Леонидыч. Общество поощрения разведения старинных русских густопсовых собак. А что? И я тебе скажу: нынче первое заседание и завтрак. А вот денег-то нет! Пойду к нему, попытаюсь. (*Уходит в дверь.*)» [Там же, с. 118—119].

Название общества — пародия на типичное название популярных в Российской империи обществ: в различные годы существовали императорское общество поощрения художников (с 1820-х гг.), общество поощрения духовно-нравственного чтения, организованное В. А. Пашковым (1876—1884 гг.), общество поощрения трудолюбия (1865—1873 гг.) и т. п.

Далее мы видим результат этой попытки: Леонид Федорович отказывает сыну в выдаче денег. В. Л. Звездинцев возмущен (действие I, явление 31):

«Василий Леонидыч. Вот это всегда так. Право, удивительно. То говорят мне, отчего я ничем не занят, а вот когда я нашел деятельность и занят, основалось общество серьезное, с благородными целями, тогда жалко каких-нибудь триста рублей!..» [Там же, с. 119].

В приведенном фрагменте Л. Н. Толстой иронизирует по поводу легковесного отношения молодого человека к отцовским деньгам: триста рублей в XIX веке — довольно крупная и значительная сумма. Получив отказ от отца, Василий Леонидыч идет просить деньги у матери и добивается желаемого. Встретив Петрищева, герой хвастается другу, что у него «мертвая хватка» [Там же, с. 129], в чем также отражается авторская ирония: «хватка» героя проявляется в умении выпрашивать деньги у родителей, а не зарабатывать их самостоятельно.

В третьем действии комедии важное место в сатирическом плане занимает спиритический сеанс. После того как Таня «проконсультировалась» Семена, какие «чудеса» он должен сотворить во время сеанса, чтобы барин подписал бумагу о продаже земли крестьянам (явление 15), горничная прячется под диваном, а в комнату входят участники спиритических опытов во главе с хозяином дома. Непосредственно перед сеансом (явление 19) Леонид Федорович просит профессора Кругосветлова «объяснить вкратце» суть спиритизма. И далее следует долгая и нудная речь профессора о сущности спиритизма, занимающая почти две страницы текста комедии. Даже сам Леонид Федорович пожалел о том, что дал профессору слово:

«Леонид Федорович. Да; но нельзя ли, Алексей Владимирович, несколько... сократить?» [Там же, с. 170].

Участниками сеанса предпринимается попытка усыпить «медиума» Семена. Гросман демонстрирует свой способ «усыпления субъекта», который не отличается особой оригинальностью: автором в ремарке отмечается, что гипнотизер «машет руками над Семеном, Семен закрывает глаза и потягивается» [Там же, с. 172]. Очевидно, что дей-

ственность и эффективность данного способа усыпления сомнительна: Семен не засыпает по-настоящему, а лишь умело притворяется, что уснул. Он делает это настолько хорошо, что даже вызывает восторг у гипнотизера:

«Гросман (*приглядывается*). Засыпает, заснул. Замечательно быстрое наступление гипноза. Очевидно, субъект уже вступил в анестетическое состояние. Замечательно, необыкновенно восприимчивый субъект и мог бы быть подвергнут интересным опытам!..» [Там же, с. 172].

После долгой речи профессора перед началом спиритического сеанса со словом выступает и сам Леонид Федорович. Он сообщает о том, что духи на сеансах обычно сами рассказывают о себе («кто он и зачем пришел, и где он, и хорошо ли ему?») [Там же, с. 171]) и упоминает о якобы явившемся на последнем сеансе духе испанца дона Кастильоса, который «должен был вновь родиться на землю и потому не мог закончить начатого с нами разговора» [Там же]. Из этой речи толстая барыня делает совершенно наивный вывод, и Леонид Федорович поддерживает ее:

«Толстая барыня (*перебивая*). Ах, как интересно! Может быть, испанец у нас в доме родился и маленький теперь.

Леонид Федорович. Очень может быть» [Там же].

Такой же наивный вывод толстая барыня делает и во время сеанса: она принимает изображенный Василием Леонидычем плач ребенка за сверхъестественное явление и решает, что монах, дух которого «удалось вызвать» на сеансе, родился, подобно испанцу, «появившемуся» во время прошлого спиритического опыта:

«Толстая барыня. Я хочу спросить о своем желудке. Можно? Я хочу спросить, что мне принимать, аконит или белладонну?

Молчание, шепот в стороне молодых людей, и вдруг Василий Леонидыч кричит, как грудной ребенок: “Уа! уа!” Хохот. Захватывая носы и рты и фыркая, девицы с Петрищевым убегают.

Ах, это верно, и этот монах опять родился!» [Там же, с. 175].

Сеанс кончился. Профессор спешит узнать состояние «медиума» Семена (явление 20):

«Профессор (*поспешно*). Доктор, доктор, пожалуйста, температура и пульс. Вы увидите, что сейчас обнаружится повышение. <...>

Доктор (*к профессору*). Пульс тот же, но температура понизилась» [Там же, с. 177—178].

Услышав, что состояние «медиума» оказалось прямо противоположным его прогнозам, профессор тут же находит своей ошибке научное оправдание:

«Профессор. Понизилась? (*Задумывается и вдруг догадывается.*) Так и должно было быть,— должно было быть понижение! Двой-

ная энергия, пересекаясь, должна была произвести нечто вроде интерференции. Да, да» [Там же, с. 178].

Четвертое действие меньше насыщено комическими событиями. Тем не менее, в нем имеются очень показательные в речевом и событийном отношении эпизоды. Например, в 11-м явлении, во время разговора Петрищева и В. Л. Звездинцева:

«Василий Леонидыч. Ну, хорошо, я пойду собак посмотрю, в кучерскую. Кобель один, так зол, что кучер говорит, чуть не съел его. А что?»

Петрищев. Кто кого съел? Неужели кучер съел кобеля?»

Василий Леонидыч. Ну, ты вечно... (*Одевается и уходит.*)» [Там же, с. 186].

Василий Леонидыч так строит свое высказывание, что действительно становится непонятно: то ли пес чуть не съел кучера, то ли кучер — пса. Данный пример также является своеобразным каламбуром в речи господ.

В 17-м явлении происходит драка между Семеном и лакеем Григорием:

«Григорий. Я хоть в должности лакея, но я имею свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать. <...> Семен ваш набрался храбрости, что он с господами сидел. Дратья лезет.

Барыня. Да что у вас было?»

Семен (*улыбаясь*). Да так, он Таню, горничную, все хватает, а она не хочет. Вот я его отстранил рукой... так, маленьчко.

Григорий. Хорошо отстранил, чуть ребра не сломал. И фрак разорвал. <...>» [Там же, с. 189].

По реплике Григория мы можем в действительности оценить, насколько «маленьчко отстранил» его от Тани Семен.

И наконец, важное место занимает развязка конфликта. Барыня узнает о проделках горничной Тани и рассказывает об этом мужу и профессору (явление 22). Но ярые любители спиритизма не желают смотреть правде в глаза, поэтому все решается в пользу Тани и крестьян:

«Барыня. <...> Вчера никаких ваших медиумических явлений не было, а это она (*указывая на Таню*) <...> в темноте и на гитаре играла, и мужа по голове била, и все глупости ваши делала, и сейчас призналась.

Профессор (*улыбаясь*). Так что же это доказывает?»

Барыня. Доказывает, что ваш медиумизм — вздор! Вот что доказывает.

Профессор. Оттого, что эта девушка хотела обманывать, от этого медиумизм — вздор, как вы изволите выражаться? (*Улыбаясь.*) Странное заключение! Очень может быть, что девушка эта хотела обманывать: это часто бывает; может быть, она что-нибудь и делала, но

то, что она делала, — делала она то, что было проявлением медиумической энергии, — было проявлением медиумической энергии. Даже весьма вероятно, что то, что делала эта девушка, вызывало, солици-тировало, так сказать, проявление медиумической энергии, давало ей определенную форму.

Барыня. Опять лекция!..

Профессор (*строго*). Вы говорите, Анна Павловна, что эта де-вушка, может быть, и эта милая барышня что-то делали; но свет, кото-рый мы все видели, а в первом случае понижение, а во втором — по-вышение температуры, а волнение и вибрирование Гросмана, — что же, это тоже делала эта девушка? А это факты, факты, Анна Павловна! Нет, Анна Павловна, есть вещи, которые надо исследовать и вполне понимать, чтобы говорить о них, — вещи слишком серьезные, слишком серьезные...

Леонид Федорович. А дитя, которое ясно видела Марья Васи-льевна! Да и я видел... Это не могла же сделать эта девушка» [Там же, с. 192].

Реплика Леонида Федоровича создает дополнительный сатириче-ский и разоблачительный эффект: после спиритического сеанса тол-стая барыня, впечатленная произошедшим, стала оживленно рассказы-вать о якобы увиденном ей «младенце с крылышками» и «монахе в черном одеянье» [Там же, с. 177]. Никто из участников сеанса тогда не воспринял ее слова всерьез. Однако в споре с супругой, когда возникла необходимость привести как можно больше аргументов в пользу спи-ритизма, Л. Ф. Звездинцев вспомнил и об этих видениях и привел одно из них как «неоспоримое доказательство» в дополнение к аргументам профессора. Сказанное свидетельствует о том, что фанатичные сто-ронники спиритических опытов для подтверждения своей точки зре-ния готовы опираться на любые факты, в том числе и на игру вообра-жения.

Таким образом, комизм в пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвеще-ния» реализуется с помощью следующих приемов:

1) языковая игра (наиболее широко представлена в речи Петрище-ва: в его репликах встречаются как межъязыковые каламбуры, ко-гда, например, фамилия *Мергасов* заменяется созвучным во француз-ском языке словосочетанием *mère Gassof* (папаша Гасов), а также внутриязыковые, среди которых обнаруживаются каламбуры, осно-ванные на фонетическом сходстве слов и/или словосочетаний (*нож-ки дрожат — дрожки ножат, Кокоса-Картоша* и др.); каламбуры, возникающие благодаря многозначности слов (обыгрывание разных значений слов *зараза* и др.); создание новых слов путем сложения начала и конца других слов (*редькотиция, морковетиция*), придумы-вание шарад и использование прецедентного текста (цитаты из стихо-творений М. Ю. Лермонтова «Родина» и А. С. Пушкина «Я памятник

себе воздвиг нерукотворный...», приведенные в комическом ключе, и др.);

2) лексический состав речи персонажей (разговорные и просторечные лексемы в репликах народных персонажей: *спиритичесство, танцорщик, музыканщик, учительша, патрет, фортепяна* и др.);

3) ситуативные характеристики: диалоги господ и слуг, поведение персонажей, события пьесы и т. д.

Комизм в пьесе проявляется в большей степени в сатирическом виде, чем в юмористическом, поскольку главная задача автора — указать на недостатки дворянского общества. Л. Н. Толстой в своей комедии выделяет очень важную и актуальную для его времени проблему: повальное увлечение спиритизмом, безделье дворян и использование своих знаний, образованности и эрудиции не во благо Отечеству, а для развлечения. Будучи просвещенными людьми и своеобразно понимая это просвещение, дворяне пожидают соответствующие плоды, становясь объектом осмеяния. Именно поэтому безграмотные крестьяне и слуги оказываются намного мудрее представителей высшего сословия. Критикуя дворян, Л. Н. Толстой, тем не менее, не идеализирует образы крестьян и слуг, на стороне которых он выступает. Подобная характеристика объясняется стремлением автора показать жизнь во всей ее правде, создать не абстрактную пьесу, а реалистическую комедию, в которой достоверно отразятся известные автору проблемы и реалии.

Список литературы:

1. Вороничев, О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / О. Е. Вороничев.— Москва, 2014.— 723 с.

2. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. / подг. текста и коммент. А. П. Сергеевко, В. С. Мишина.— Т. 35. Произведения 1902—1904 гг.— М.: Худож. лит., 1950.— 709 с.

3. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко.— Т. 11. Драматические произведения. 1864—1910 гг.— М.: Худож. лит., 1982.— 503 с.

4. Чернышевский, Н. Г. Детство и Отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы Графа Л. Н. Толстого (СПб., 1856 г.) [Электронный ресурс] / Н. Г. Чернышевский.— Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0240.shtml (дата обращения 23.11.2018).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

г. Орел

Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, историк литературы.

ДОБРАЯ СЛАВА (В год 200-летия И. С. Тургенева)

Необходимо всем писателям сплотиться вместе и встать на защиту святой веры от врагов ея.

И. С. Тургенев

На протяжении всего своего писательского пути и даже на закате дней Лесков продолжал отстаивать литературное наследие своего великого земляка. Имя Тургенева не сходит со страниц беллетристики и публицистики, эпистолярного наследия и воспоминаний Лескова от истоков его творчества до того периода, который сын писателя Андрей Николаевич Лесков назвал «путем к маститости», «в зените чтимости и на закате дней»*.

Нередко в художественную ткань лесковского текста органично вплетаются тургеневские цитаты, созвучные умонастроениям Лескова и идейно-художественному пафосу его произведений. Например, лирическая медитация эпилога романа Тургенева «**Дворянское гнездо**»: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»** — звучит в поздних лесковских письмах, в рассказе «**Колыванский муж**» (1888).

В журнале «Церковно-общественный вестник» Лесков опубликовал цикл статей «**Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки**» (1878)***. Характеристику событий, описанных в Деяниях, — «чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу»; «много чудес и знамений совершилось через Апостолов»; «Ты простираешь руку Твою на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса» (Деян. 2: 19, 43; 4: 30) — писатель наполнил актуальным смыслом, аналитически выявляя «болевы́е точки» нынешней России.

* Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 2. — С. 169, 359.

** Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956—1958. — Т. 11. — С. 421. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

*** Церковно-общественный вестник. — 1878. — № № 19, 24, 25, 28, 33, 34.

Одну из статей данного публицистического цикла Лесков посвятил Тургеневу в его юбилейный год — именно в тот переломный период, когда 60-летний писатель объявил о своем намерении прекратить литературную деятельность.

Вовсе не случайно для отклика на взбудоражившее общественность намерение Тургенева «положить перо» Лесков избирает страницы «Церковно-общественного вестника», в котором он много и плодотворно сотрудничал в 1870-е—1880-е годы. Это издание привлекало писателя, горячо убежденного в том, что в Евангелии сокрыт «глубочайший *смысл жизни*» (XI, 233), стремлением к христианскому деланию, умением быть «беспристрастным», сохранить «в своем скромном положении всю свободу отношений к вопросам жизни нашего общества»*.

Редакция журнала в бесподписной «Литературно-общественной заметке (По поводу прекращения литературной деятельности И. С. Тургенева)» (1878) высказывалась в защиту «ветерана нашей художественной литературы Ивана Сергеевича Тургенева»** незадолго до появления статьи Лескова, который продолжил поднятую тему «об этом же высокопочтенном лице, о его положении, о его обидах и о его грустных намерениях “положить перо и более за него не братья”» (2).

С лесковской точки зрения, заявленное Тургеневым намерение столь общечеловечески значимо, что произнесенный им «*обет молчания*» никак «нельзя пройти молчанием» (2). Роль писателя в жизни и развитии России столь велика, что деятельность власть предержащих, сильных мира сего не идет ни в какое сравнение: «его <Тургенева.— А. Н.-С.> решимость “положить перо” — это не то что решимость какого-нибудь министра выйти в отставку» (2).

О напусковой значительности высоких чиновных персон — важных с виду, а по сути никчемных, непригодных к живому делу, к самоотверженному служению Отечеству (уместно вспомнить поэтические строки «*Колыбельной песни*» (1845) Некрасова: «*Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой*»), — Тургенев высказался в романе «*Новь*» (1876): «У нас на Руси важные штатские хрипят, важные военные гнут в нос; и только самые высокие сановники и хрипяти гну-

* Лесков Н. С. Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 34. — 19 марта. — С. 2. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

** См.: Б. п. Литературно-общественная заметка (По поводу прекращения литературной деятельности И. С. Тургенева) // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 27. — 3 марта. — С. 3—4.

*** Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978—1982. — Сочинения: В 12 т. — Т. 9. — С. 252—253. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

сят в одно и то же время»*.

Лесков подхватил и развил эту выразительную характеристику «крупносановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: «в его <Тургенева.— А.Н.-С.> последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства на военной службе, “хрипят”, а по штатской — “гундосят”. Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или “хрипеть”, или “гундосить”. В этом скука и несчастье России» (3). Поистине — универсальный портрет «крапивного семени» неистребимой бюрократии. Лесков обнажает ее низменные «зоологические» черты: «надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона» (3).

Так писатель отводит своему старшему земляку первостепенное место не только в отечественной словесности, но и в общественной жизни России: «Иван Сергеевич — лицо слишком крупное среди всех наших величин. <...> На художественных образах Ивана Сергеевича совершался подъем нашего вкуса и чувства; он силою своего вдохновения раздул в наших сердцах божественную искру сострадания и участия к “крепостному человеку” — искру, обратившуюся в пламя» (2). «Божественная искра», зажженная Тургеневым, для Лескова-христианина не просто словесно-поэтический образ.

В тургеневских типах, по верному лесковскому суждению, выражена квинтэссенция социально-психологического состояния современной эпохи: «О Тургеневе говорили, что, прежде чем что-либо задумать и писать, он приглядывался и прислушивался к тому, что говорят и чем сильнее занимаются в обществе. Оттого будто бы, когда появлялось его произведение, где описывался известный тип и характер, в обществе чувствовали, что это что-то *знакомое*, что об этом именно думали, говорили и художник в своем произведении только осветил и разъяснил то, что мелькало в умах, но представлялось смутно и неясно» (XI, 146).

Вывод Лескова о громадной роли Тургенева в духовно-нравственной жизни страны: «Он представитель и выразитель умственного и нравственного роста России»,— заострен против недостойных выходов тех, кем «многokrатно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» (2).

Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно» (2). Тех и других Лесков уподобляет,

* Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1978—1982.— Сочинения: В 12 т.— Т. 9.— С. 252—253. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост» (2). «Осмеять можно все,— замечает автор статьи,— как все можно до известной степени опошлить. С легкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения» (3).

Лесков горячо выступил в защиту «генерала от литературы» Тургенева — «слишком крупного среди всех наших величин» — от всякого рода «литературных <и не только литературных.— А.Н.-С.> хамов» (2). Травлю великого русского писателя устраивала не одна литературная критика. Подключились дворянство и бюрократия — в гнуснейших проявлениях чиновничьего чванства. Лесков изложил подлинные факты неуважительного отношения к Тургеневу даже со стороны его земляков — орловского дворянства и чиновной братии: «Какие хамы у нас в двор<янский> собраниях и в думах: отчего ни Орел, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недавно вслух читали статью “Новостей”, где литературный хам “отделал Фета”. Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья! <...> Пусть бы люди знали, что литераторы достойны внимания не менее столоначальников департамента» (XI, 375).

В тургеневском творчестве видел Лесков «торжество нации» на всемирном уровне: «это “мирное завоевание” в образованной среде дали России <...> мягкосердечный Тургенев и Лев Толстой <...> А что им за это дома? Шиш и презрение глупцов, презрения достойных»*. Невыдуманный лесковский «рассказ кстати» на эту тему, практически не известный широкому кругу читателей, заслуживает того, чтобы детально с ним познакомиться.

Лесков пишет: «И у меня есть пример, как относится к Тургеневу среда очень ему близкая, которая могла бы по преимуществу показать свое уважение к нашему писателю,— это его земляки в самом тесном смысле слова,— орловское просвещенное дворянство.

Несколько лет назад (когда уже Тургенева сильно порицали в литературе) я гостил летом у моего двоюродного брата, орловского предводителя дворянства, и в одном разговоре о Тургеневе заметил:

— Чтобы хоть вам выразить свое сочувствие Ивану Сергеевичу, которым может гордиться ваша среда: хоть бы одну стипендию его имени учредили в своей гимназии да хороший портрет его повесили в читальной комнате дворянского собрания!

Брат улыбнулся и отвечал:

— К сожалению, это невозможно.

* Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч.— Т. 2.— С. 435.

— А почему?

— А потому, что он у нас не пользуется большими симпатиями.

— За что же?

— Да так... Эти его “освободительные идеи”, и прочее... Куда тут о нем заговаривать?

Так о нем и там, на стогнах града, который может гордиться честью его рождения, “неудобно заговаривать”. Это уже совсем доля пророка, которому нет чести в отечестве своем.

<...> И вот после одной из самых недавних побывок Тургенева, один личард особых поручений <в значении — верный слуга, лакей, раблепный чиновник.— А.Н.-С.>, обращающийся при докладе у одного сановника, рассказал, как “они дали Тургеневу *асаже*”, то есть пустили его, по его обер-офицерскому чину <низший офицерский чин от 14-го (последнего) до 9-го класса в «Табели о рангах».— А.Н.-С.>, самым последним. И этот господин, пожалуй, не лгал: теперь это вполне статочно. По крайней мере, явные и тайные советники <тайный советник — гражданский чин 3-го класса в «Табели о рангах» — соответствовал высшим государственным должностям.— А.Н.-С.>, при коих мне довелось слышать рассказ об этом крупном событии, находили, что это так и следовало. “Прежде всего-де *порядок*”.

Таким-то способом эти знаменитые люди и сподобились дать почувствовать европейски известному соотечественнику свое департаментское величие! И они рады, они хвастались, что нашлись, как отомстить Тургеневу» (4—5).

По обыкновенному бюрократическому заведению канцелярское ничтожество устраивает свою гаденькую «мечь» великому писателю за его талант и свою бездарность. «Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность все будет ползти и всюду проползет»*,— говорится в другой лесковской статье — «**Заповедь Писемского**» (1885).

Впрочем, уже весело замечает Лесков о Тургеневе, «Иван Сергеевич был отомщен каким-то отставным “корнетом Отлетаевым”, который, не любя дожидаться, назвал себя самым большим советником и вошел в рай первым» (5).

Независимый в своей христианской позиции — вне партий и так называемых направлений — Лесков и в данном случае также выступил против «направленской лжи» (X, 243) и «узости». Он высоко ценит Тургенева за то, что писатель, верный правде художественного факта — «едва ли не самой важной правде»,— не потакал «вкусам и наклонностям того или другого направления» — «направленской фантазмагории»: «изображенные им лица по преимуществу не отвечают требованиям направленной прямолинейности, которая желала бы видеть в

* Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч.— Т. 1.— С. 279.

Базарове или рыцаря без пятна и упрёка, или негодяя, тогда как он только то, что есть <...> Но художник был ни на той, ни на другой стороне. Он был просто на стороне *правды*» (3—4). Точно так же сам Тургенев в статье «По поводу “Отцов и детей”» (1869) формулировал свое писательское credo: «я, прежде всего, хотел быть искренним и правдивым» (11, 90). Писатель в полной мере сознает себя духовно и нравственно ответственным за каждое слово; в художественном изображении жизни стремится быть предельно объективным, безупречно честным, слушаться голоса совести: «совесть не упрекала меня: я хорошо знал, что я честно, и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному мною типу; я слишком уважал призвание художника, литератора, чтобы покривить душою в таком деле. Слово “уважать” даже тут не совсем у места; я просто иначе не мог и не умел работать» (11, 87).

Из-за чего же Тургенев решился «положить перо»? Лесков размышляет: «Из-за того, что с ним грубо обошлись? Это едва ли достойно его благородного характера и крупного дарования <...> у нас грубо обходятся со всеми, кроме тех, с кем не смеют так обходиться. Но что же с этим делать? Неужто сейчас и бежать, надув губу, как барышня среднего круга, которая всем обижается? Это не лучшая черта в характере общественного человека» (4).

Со всей прямотой, свойственной его кипучей натуре, Лесков укоряет Тургенева за «едва ли зрело обдуманное и, во всяком случае, недостойное его решение не брать пера в руки». В то же время этот вынужденный «*почтительный укор*» высоко ценимому писателю продиктован «любовью и почтением» к нему. Однако по праву тех, «кто любят и ценят» Тургенева (Лесков, без сомнения, наделен всей полнотой этого права), он указывает на «недостаток *мужества* при некотором излишнем *самолюбии*, скрывающем от его <Тургенева.— А.Н.-С.> нынешней наблюдательности всегдашнюю, неизменную любовь к нему истинно образованных людей» (4).

С законной гордостью говорит Лесков и о своем родном городе, подарившем мировой культуре знаменитого писателя-земляка: «в Орле увидел свет Тургенев, пробуждавший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славою во всем образованном мире». В то же время с болью признает Лесков горькую библейскую истину о судьбе пророка в своем отечестве: в России писатель с мировым именем должен разделить «долю пророка, которому нет чести в отечестве своем» (5).

Автор «**Чудес и знамений**» для полноты картины приводит факты о том, как готовились поляки к общенациональному празднованию юбилея их романиста Крашевского, который, по мнению Лескова, «стоит чего-нибудь только за неимением лучшего на их полнейшем литературном безлюдье» и не достиг, «чтобы понести портфель за

нашим европейски известным Тургеневым» (4). С горечью и болью это сопоставление продолжено в бесподписной статье «Успех Крашевского» (1878): «Поздравляем господ поляков с умением уважать и ценить своих писателей и не без любопытства ждем: чем они еще искусятся пристыдить нас за наше жестокое обращение со своими замечательными людьми»*.

Писатель считает, что из-за «подобных противных пустяков» нельзя отворачиваться от русской жизни «лучшим людям, чтобы не передать в ней все целиком людям худшим» (5). Лесков убежден, что в принятии ответственных решений выдающимся писателем должно руководить не «обидчивость», не излишнее «самолюбие» и не упадок мужества в окружении стана «злоехидных» врагов-злопыхателей (к слову, собственную литературную судьбу Лесков не раз обозначал поэтическими строками: «Здесь человека берегут, / Как на турецкой перестрелке»), а только любовь — к Родине и ее людям, кому необходим честный и чистый голос великого русского художника слова.

Лесков напоминает о заветах евангельской любви и прямо Тургеневу адресует апостольские слова, выделенные в статье цикла «Чудеса и знамения» курсивом: «любовь <...> никогда не перестает», — стремясь побудить писателя отказаться от решения перестать творить: «“Любовь долго терпит, милосердствует, не гордится, не раздражается — все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит и *никогда не перестает*, хотя и языки умолкнут и знание упразднится” (1 Кор. 13: 4—8)» (5).

Проводя сопоставление писательских воззрений своих крупнейших современников — Достоевского, Тургенева, Л. Толстого, — которых русская общественность одинаково нарекла «великими учителями» (XI, 155), Лесков в статье «О кувельном мужике и проч.» (1886) определил тургеневскую литературную позицию как гуманистическую: «Достоевский был православист, Тургенев — гуманист, Л. Толстой — моралист и христианин-практик. Которому же из этих направлений наших трех учителей мы более научаемся и которому последуем?» (XI, 156).

Собственные мировоззренческие установки и идейно-художественные искания Лескова — самобытнейшего писателя русского — в этот контекст не укладываются. Так, они не исчерпываются понятием

* Б.п. Успех Крашевского // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 40. — 2 апреля. — С. 5. Подшивка «Церковно-общественного вестника» за 1878 год с многочисленными пометами сына Н. С. Лескова хранится в личной библиотеке Андрея Николаевича Лескова в Орловском государственном литературном музее И. С. Тургенева. А. Н. Лесков называет указанную бесподписную заметку «лесковской». По тематике публикация непосредственно связана с фрагментом статьи Н. С. Лескова «Чудеса и знамения» о Тургеневе (см.: Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 34. — 19 марта. — С. 2—5).

«гуманизм», поскольку оно, по верному замечанию Д. С. Лихачева, не передает «всей гаммы сочувствия и любви»*, которая свойственна творчеству Лескова. Его художественный мир одухотворяется идеей христианского подвижничества, праведничества.

Замечательные образы праведников оживали и в тургеневском творчестве (например, Лукерья — героиня рассказа «**Живые мощи**» (1874) — напоминает сострадательно-одухотворенные женские лики русских икон).

Полузабытая лесковская статья «**Пустозвон Питча о Тургеневе**» (1884)** важна тем, что была направлена на защиту Тургенева от неосновательных нападков газеты А. С. Суворина «Новое время». Писатель обратился с письмом к своему «коварному, но милому благоприятелю»*** (как он называл Суворина) по поводу своей полемики с редакцией «Нового времени» о Тургеневе. Лесков указал, что не может оставлять без внимания и не замечать невежественных попыток превратного толкования дорогого для него тургеневского творчества: «есть вопросы, мне очень дорогие и близкие. Когда о них пишут неверно, я не утерплю и замечу <...> Тем, кого это досадует,— лучше бы не сердиться, а стараться быть сведущее»****.

В статье «**Писательская кабала**» (1894) Лесков уже на закате дней с характерных для него литературно-общественных позиций продолжает отстаивать тургеневское художественное наследие.

Эта поздняя статья перекликается с дебютной публикацией Лескова, обозначенной постановкой духовной христианской темы. Первым печатным лесковским произведением явилась статья о распространении Евангелия на русском языке <<**О продаже в Киеве Евангелия**>> (1860). Вступивший на литературное поприще молодой автор, ратуя за распространение в русском обществе духа христианства, высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не всем. С самого начала творческого пути писатель определился в своих созидательных установках. Первая его корреспонденция явилась «*духовным компасом*», указавшим автору магистральное направление всего его творчества: «случайно или умышленно,— отмечал биограф П. В. Быков,— но Лесков словно наметил в ней <заметке — А.Н.-С.> программу <...> всей будущей своей деятельности, которая была посвящена на борьбу с неправдою, с невежеством, со всеми темными сторонами жизни, на горя-

* Лихачев Д. С. Слово о Лескове // Литературное наследство.— Т. 101: В 2 кн.— Неизданный Лесков.— М.: Наследие, 1997.— Кн. 1.— С. 16.

** См.: Новости и Биржевая газета.— 1884.— 23 августа.— № 232.

*** См.: Лесков А. Н. Указ. соч.— Т. 2.— С. 444.

**** Из литературного наследия Н. С. Лескова. Публикация J.-C. Marcadé // Revue des études slaves. Tome cinquante-huitième.— Fascicule 3.— Nikolaj Semenovič Leskov. 1831 — 1895.— Paris, 1986.— P. 438.

чую проповедь добра, любви к ближнему, всего светлого, честного, прекрасного»*.

Поднятая в крохотной заметке проблема оказалась столь животрепещущей, что получила большой общественный резонанс**. Написанное «на злобу дня» пережило «сиюминутность» газетного существования. Важность той давней публикации отмечалась даже и тридцать лет спустя. В 1890 году «Новое время» указало на первую лесковскую «корреспонденцию из Киева, в которой автор скорбел о том, что в местных книжных магазинах Евангелие, тогда только изданное на русском языке, продается по ценам возвышенным, вследствие чего много людей небогатых лишены возможности приобрести книгу слова Божия»***.

Лесков отметил как «новую» и «радостную» возможность «удовлетворения насущной потребности читать и понимать эту книгу», переведенную «на понятный нам язык»****. В то же время автор заметки с возмущением пишет о книготорговцах, усмотревших в давно ожидаемом «русском» Евангелии всего лишь ходовой товар и сделавших его предметом бессовестной наживы.

В дописательские годы сам Лесков занимался делами коммерческой фирмы и хорошо знал экономические законы. Однако в данном случае автор «Корреспонденции (Письма г. Лескова)» (1860) справедливо требует отличать в книжной торговле «дело Божеское» от спекулятивно-коммерческого: «как же книгу, назначенную собственно для общего употребления всех и каждого, сделать такую недобросовестною спекуляциею?» (с. 150). Автор заметки особенно огорчен тем, что переведенное на русский язык Евангелие, ставшее доступным для понимания простых людей, не попадет в руки паломников со всей Руси, которые «всегда покупают в Киеве книги духовного содержания»: неимущий киевский «пешеход-богомolec» «принужден отказать себе в приобретении Евангелия, *недоступного для него по цене*» (1, 147).

Как и в дебютной своей публикации, в которой начинающий автор выступил против беззастенчивых спекуляций с Евангелием, Лесков в

* Быков П. В. Н. С. Лесков. Воспоминания // Всемирная иллюстрация.— 1890.— № 20 (112).— С. 333.

** Заметка была опубликована без подписи в газете «Указатель экономический» (1860.— № 181.— Вып. 25.— С. 437); в очередном номере «Указателя экономического» (1860.— № 186.— Вып. 30.— С. 508) появилась новая анонимная заметка на ту же тему; с подписью: Николай Лесков — напечатана «Корреспонденция (Письмо г. Лескова)» // Санкт-Петербургские ведомости.— 1860.— № 135.— 21 июня.— С. 699—700. Эта же работа была перепечатана под заглавием «Нечто о продаже Евангелия, киевском книгопродавце Литове и других» // Книжный вестник.— 1860.— №№ 11 — 12.— С. 105—106.

*** Б.п. // Новое время.— 1890.— № 5139.— 21 июня.— С. 3.

**** Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т.— М.: ТЕРРА, 1996 — издание продолжается.— Т. 1.— С. 149. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

статье «**Писательская кабала**», написанной за год до смерти, снова возвышает свой голос в защиту духовности, поднимая важную социально-нравственную проблему, которая имеет также правовой, юридический аспект.

Речь идет об авторском праве, а также о проблеме книгоиздательства, о распространении и доступности для самой широкой читательской аудитории доброкачественной духовной пищи из сокровищницы русской литературы — имя Тургенева и его произведения поставлены здесь на первое место.

Поводом для написания статьи послужило второе издание в серии «Доступная библиотека» И. И. Глазунова тургеневских рассказов «**Живые мощи**» и «**Муму**». «Г-н И. Глазунов начал издавать “Доступную библиотеку”. <...> В чем же именно заключается, по его мнению, эта “доступность”? — задается вопросом Лесков.— Как обладатель прав на издание сочинений И. С. Тургенева, г. Глазунов в 1884 году надоумился выпускать дешевыми брошюрками (по 4, 5, 6 коп.) его рассказы из “Записок охотника”. Изданные, хотя и неопрятно, плохо отпечатанные, непрочно сброшюрованные, с плохим портретом Тургенева на каждой обложке, брошюрки эти, однако, бойко пошли по школам и в среде неимущих читателей благодаря, конечно, высоким достоинствам своего содержания и невысокой цене. Но г. Глазунову захотелось сделать их “доступными”: он печатает их так же неопрятно, как и раньше, снимает с обложки портрет автора и заменяет его скверным, глупым до смешного рисунком микроскопического размера, на титул ставит аляповатую рамку, перед титулом — рисунок, не подходящий к тексту и намазанный каким-то малярных дел мастером, и для большей “доступности” назначает за всю эту безвкусицу цену гораздо выше прежней...»*.

Лескова возмущает аляповатость издания тургеневских рассказов, в котором форма не отвечает внутреннему эстетическому содержанию гармоничного творчества Тургенева,— а также спекулятивная цена, назначаемая за вульгарно изданную книгу великого писателя и делающая таким образом чтение его произведений недоступным для народа.

Поднимая юридические вопросы об авторском праве, создатель статьи «**Писательская кабала**» горячо протестует против закона о сохранении прав литературной собственности за издателем в течение 50 лет после кончины писателя. Столь долговременное монопольное владение крупных книгоиздателей — «торгашей», «людей наживы и спекуляции» — литературными правами умерших и живущих писателей не может не препятствовать, по справедливому мнению Лескова,

* Лесков Н.С. Писательская кабала // Литературное наследство.— Т. 101: В 2 кн.— Неизданный Лесков.— М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.— Кн. 2.— С. 259.

распространению творческого наследия великих художников слова для самых широких слоев читателей: «желая набрать по несколько лишних грошей с каждой брошюрки, г. Глазунов тормозит распространение сочинений одного из наших крупнейших писателей. И может тормозить его еще 39 лет, пока, по существующему закону о литературной собственности, не истечет 50 лет со времени кончины писателя»*.

Статья Лескова, хорошо знавшего книжное дело в России, подводит невеселые итоги: «В том-то вся беда и заключается, что почти все издательское дело находится в руках людей наживы и спекуляции.<...> все это <...> спекулянты, аферисты, ни о каком духовном росте не помышляющие, не имеющие ничего общего с литературой, ворвавшиеся в нее с улицы. И те и другие губят писателя. А умрет он — начинают жать соки из его сочинений, кабалить и тормозить их и уверяют, будто создают “доступные библиотеки”»**.

Речь идет об особом духовно-аналитическом подходе к оцениваемым событиям общественной и литературной жизни, что позволяет писателю совместить долнее и горнее, тленное и нетленное, мимолетное и непреходящее, вечное.

Лесков горячо защищал дорогое для него имя Тургенева от бессовестных спекуляций, ратовал за подлинную, а не показную доступность его произведений для самого широкого круга читателей, **за необходимость истинного постижения тургеневского творчества, исполненного любви и света**, который «*и во тьме светит, и тьма не объяла его*» (Ин. 1: 5).

Евгений ТРЕЩЕВ

г. Щекино Тульской области

«А ПОБЕДИТ ЛЮБОВЬ И ДОБРОТА»

Член Союза писателей России. Действительный член Петровской Академии наук и искусств. Почетный работник общего образования РФ. Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Автор 28 книг, в том числе первых в Тульской области муниципальных учебников «История родного края» для 7 и 8 классов. Лауреат областных литературных премий имени Л. Н. Толстого и имени А. Г. Лаврика. Лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов и фестивалей. Награжден «Знаком ордена Доброты», семью медалями.

* Там же.— С. 260.

** Там же.— С. 261.

В издательстве «Полиграфинвест» из печати вышел очередной (уже восьмой) номер литературно-художественного альманаха «Ковчег» Всероссийского ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори». Составитель и главный редактор альманаха Яков Наумович Шафран — член Союза писателей и переводчиков МГО СПР, член Академии российской литературы и лауреат многочисленных литературных премий и конкурсов, а также заместитель главного редактора — ответственный секретарь журнала «Приокские зори».

Современная литература — это литература о нашей жизни: о честных и лживых, о богатых и бедных, о добрых и жестоких людях. В ее произведениях отражены психологические портреты наших современников, их взаимоотношения с обществом. Их мужество и трусость, бескорыстие и жадность, любовь и ненависть, патриотичность и предательство.

История человечества — это история развития, эволюции человеческого духа. Жизнь сложна, жестока и многогранна. Она очень скоро избавляет человека от иллюзий. Но люди все равно мечтают о невозможном. Их мечтами пронизан сам воздух бытия и это находит отражение в литературе.

«Человек в духовной своей глубине соприкасается с Божественным и из Божественного источника получает поддержку», — писал Николай Бердяев. Духовность, как тончайшая энергия, связывает человека с Высшим Миром. Приобретение ее есть главная задача человеческой жизни. Без нее нельзя нести жертвы и совершать подвиг.

В России духовность выражается в древней традиции Православия, благочестия и ориентирована на высокие жизненные ценности: доброту, любовь, истину и красоту.

Альманах «Ковчег» необычный и привлекательный для читателей. Это можно заметить и по его внешнему оформлению. На обложке изображен православный храм на берегу реки, заросшем деревьями и кустарником. Раннее утро. Светает. Окружающая природа навевает думы о бренности земной жизни, вере. «Смотрю на небо в бесконечность, / Простор бескраен и велик, / В просторе растворилась вечность, / В ней жизнь моя — лишь краткий миг» (Виктор Мызников. «Время»). И это подтверждает девиз альманаха: «Православие в наших душах».

«Ковчег» с самого начала задумывался как духовно цельное собрание произведений, где каждое дополняет и углубляет другие.

В нем семь разделов: «Духовная страница», «Проза», «Поэзия», «Литературоведение, литературная публицистика и критика, рецензии», «Публицистика», «Российское родословие», «О детях и для детей». В этих разделах размещены творческие работы восьмидесяти пяти авторов. Что, естественно, впечатляет.

Читатель погружается в мир, наполненный душевностью и любовью. Альманах пробуждает положительные чувства, дарит свет и теплоту. А живая энергия поэзии искренна и притягательна для человеческой души. Евгений Шепеленко в стихотворении «Северные сны» утверждает: «Душа мечтает и поет / И снова хочет кем-то стать. / Вы не увидите ее — / Душе положено летать». По мнению Татьяны Ананьиной: «И нельзя удержать / Силой счастья часы. / Беспощадна судьба. / Хоть кричи, хоть проси!» («Часы счастья»). А поэт Сергей Никулов в стихотворении «Слово о слове» сказал: «И принесет спасенье нам. / Подобием дождя живого / На язвы грешных душ бальзам / Прольет Раскаяния Слово».

Литература является одним из видов искусства — искусства слова. Она участвует в создании культурной и социальной среды, передает и создает духовные ценности, воздействуя на человеческое сознание. Мы видим, что в людях живет потребность познания — себя, мира, смысла и назначения своей жизни и ответ они иногда могут найти на страницах нашего альманаха.

«Ковчег» качественно отличается от многих похожих изданий по составу авторов и содержанию. Здесь представлены работы прозаиков и поэтов из разных уголков Российской Федерации (Крым, Красноярский и Краснодарский край, Башкортостан, Москва и Московская область, области: Вологодская, Орловская, Курская, Тульская, Самарская, Кемеровская, Волгоградская; Ханты-Мансийский АО, город Екатеринбург) и зарубежья (Израиль, Азербайджан, Казахстан, Украина).

Поэты и писатели воспитывают в людях добрые чувства, помогают глубже познать и понять жизнь. Ведь прекрасное обладает притягательной силой.

Обращает на себя внимание прочное скрепление соседних текстов, за счет чего естественно сглаживается общая пестрота материала.

Юрий Бондарев в статье «Поиск истины» пишет: «Мы живем ожиданием и утверждением жизни. Ожидание — это возможность счастья, вера в облегчение, это первая любовь, которая будет, это вечерняя прохлада после нестерпимого острого зноя, это белое после черного, смех после слез, это тишина после грохота. Ожидание всегда связано с переходом от одного душевного состояния к другому; оно рождает надежду. И мы продолжаем жить, бороться и искать истину, ибо мы живем будущим...» Читаю и поражаюсь: сколько мудрости и понимания бытия вложил писатель в эти строчки.

Читатель, несомненно, обратит внимание на прозаические произведения Алексея Яшина, Якова Шафрана, Геннадия Маркина, Людмилы Алтуниной, Сергея Крестьянкина, Николая Макарова, Галины Мамыко и Галины Гладышевой.

Суть очерка Алексея Яшина «С лукошком по ягоды и нечто о рыбе жире» раскрывается эпитафией из стихотворения Ф. Тютчева:

«Какое лето, что за лето! / Да это просто колдовство — / И как, прошу, далось нам это / Так ни с того и ни с сего?». В этом произведении автор описывает чудесную природу островов Кольского залива и впечатления местного мальчишки Николки. Читается как хорошая и крепкая проза с интересом и эстетическим наслаждением. Алексей Афанасьевич Яшин — человек неординарный: доктор технических и биологических наук, профессор, член Союза писателей России, член Правления Академии российской литературы, лауреат многочисленных литературных премий, главный редактор художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори». За какую бы тему он ни взялся, под его рукой все оживает, наполняется новыми красками.

Яков Шафран в рассказе «Ополченец» пишет о силе чувств и убеждений, об обороне Тулы от немецких захватчиков в 1941 году, действиях рабочего полка и о главном герое — ополченце Александре, потерявшем в бою ноги, но не отступившем перед неприятелем. Казалось бы, что и о патриотизме, и о войне уже сказано много. Но автор нашел такие слова, которые трогают человека и вызывают интерес. Писатель умеет увлечь читателя напряженным сюжетом, заставляя его думать, чувствовать и сопереживать. Духовность и искренность — отличительные черты его творчества. Война выявляет главнейшие человеческие качества. Ведь в бою, на грани жизни и смерти, человек раскрывается в полной мере. В рассказе есть элемент равнодушного авторского присутствия, дыхание пульсирующей жизни.

Геннадий Маркин предложил читателям главу «Авария» из повести «Звезда над копром», в которой рассказывает о переживаниях и нехороших предчувствиях пожилого горняка — мастера участка и о произошедшей на шахте аварии. В его произведении звучит простая русская задушевность, не растворившаяся в изысканном плетении строк. Геннадий Маркин — творец яркий, оригинальный, любовно и бережно относящийся к слову.

В рубрике «Проза» размещены также замечательные по своей силе воздействия на читателя рассказы Людмилы Алтуниной «Роковой 37-й», «Жить надо всегда честно, дочка...», «В семье папы старого» и Галины Мамыко «Чудо святого Николая». Писательницы умеют изображать характеры людей и явления реальной жизни в их основных, ведущих чертах, умеют зацепить читателя за живое. Очень хорошо сказал об этом И. С. Тургенев: «Кто все детали передает — пропал. Надо уметь схватывать одни характеристические детали. В этом одном и состоит талант».

Интересно написан рассказ-быль «Марийкина любовь» Галиной Гладышевой. Главное здесь — социальная чуткость, ясность, духовность и искренность.

Нельзя оставить без внимания и произведения Евгении Кургановой («Танго осени»), Ольги и Натальи Артемовых («Серебряный карандашик»), Ларисы Семенищенковой («Праздник в Залепеевке»), Галины Солоновой («Дело всей жизни»), Галины Зеленкиной («Рождественский подарок»), Ляман Багировой («Попутчик»), Милены Сухоруковой («За что женщины любят летчиков?») и Евгения Скоблова («Охота крепкое 8%»).

Привлекают к себе работы «Крутой характер» и «В Афган — за бутылку водки», написанные Николаем Макаровым. То, что он рассказывает — интересно. И, естественно, хорошо написано, экономно и емко.

Поэзия строится на вечных категориях: любви, противостояния добра и зла, рассказывает нам о переживаниях и страданиях, а также о порыве ветерка, пении соловья, шелесте листвы над головой. Она необходима людям, освещая и согревая нашу жизнь. Все уходит, пропадает, рушится, а настоящая Книга остается.

В сообщении ЮНЕСКО по поводу учреждения в 1999 году Всемирного дня поэзии говорится, что «поэзия может стать ответом на самые острые и глубокие духовные вопросы современного человека».

В разделе «Поэзия» альманаха «Ковчег» обращают на себя внимание стихотворения, написанные как любителями, так и известными поэтами-профессионалами. Валерием Ходулиным, Валерием Савостьяновым, Дмитрием Филипенко, Вячеславом Алтуниным, Олегом Пантохиным, Валерием Виноградовым, Евгением Браверманом, Ольгой Бугримовой, Юрием Мартишиным, Викторией Ткач, Ириной Мацневой, Еленой Гаденовой, Анастасией Сизовой, Людмилой Сениной, Виктором Мызниковым, Татьяной Ананьиной, Олесей Маматкуловой, Елизаветой Барановой, Сергеем Никуловым, Ольгой Ноздриной, Игорем Мельниковым, Владимиром Резцовым, Галиной Лялиной, Светланой Макашовой, Валерием Акимовым.

Вчитываясь в стихи большинства названных поэтов, при внешней легкости и простоте поражаешься глубине чувств. Окружающий мир в них предстает перед нами в зримых поэтических образах. Стиль стихотворений воскрешает запахи, навеивает грусть и пробуждает радость. В них есть подлинное поэтическое дыхание, тишина и покой, которых нам порой не хватает, шум водопадов и ощущение грозы дают понять, что жизнь — это борьба. Но все же мир больше склонен к добру, надежде, любви и вере.

И только небесная сеть стихов способна уловить ускользающую, мятущуюся человеческую душу.

В этой рубрике Валерий Акимов в стихотворении «Искусство жить» предлагает: «Пусть жизнь закружит вальсом / И забурлит ключом, / Судьбе не поддавайся / И не пасуй ни в чем. / И никому не выдай / Кипения в крови... / Живи и не завидуй, / Живи себе, живи!» А

Светлана Макашова в стихотворении «Коктейль» констатирует: «Судьба — не самый лучший бармен, / Что намешала, то и пей». Ольга Ноздрина: «Буду просто молчать, / Тишину не нарушив, / Буду верить и ждать. / И откроется дверца, / И войдет благодать / В истомленное сердце» («Что-то рвется душа»). Людмила Сенина: «И проклонется снова подснежник, / И распустятся снова сады, / И останется с нами надежда: / Будет радость, не будет беды!» («Плохо всем нам...»). Итог этому поэтическому разговору подводит Вячеслав Алтунин: «И над святой землей, / И над угожьями зла, / И над погибшей душой — / Колокола... / Колокола» («Колокола»).

Поэты делятся мыслями не только с собой, а хотят, чтобы их услышали, почувствовали другие. Ведь струны нашей души — это разговор с судьбой. Невесомое ощущение уходящих дней, чувства, эмоции, звучащие в стихах, передаются через образы читателям.

В этой связи приведу слова итальянского поэта Эудженио Монтале: «Поэзия — форма познания мира, находящегося в тени, который мы ощущаем и вокруг себя и в действительности, но его корни есть и в нас самих».

Рубрика «Литературоведение» представлена работами: Валерия Маслова, Сергея Одинокова, Евгения Трещева, Аллы Новиковой-Строгановой, Рудольфа Артамонова, Ольги Пономаревой-Шаховской.

Очень интересные исследования провели: Валерий Маслов о творчестве Глеба Успенского («Глеб Успенский и Тула») и Алла Новикова-Строганова о творчестве Афанасия Фета («У любви есть слова»). Все выполнено на высоком профессиональном уровне. Их творчество основано на скрупулезных архивных поисках, изучении источников. Богатство сведений, рассыпанных щедрой рукой, действительно велико.

В разделе «Публицистика» напечатаны произведения: Сергея Овчинникова («Игорь Тальков и наш маленький город»), Галины Клиниковой («Немеркнувший свет любви»), Кирилла Карлова («Мир троецарствования»), Евгении Кургановой («Саперы чернорабочие войны»), Татьяны Рогожиной («Из шкатулки путешествий»), Ирины Никольской («Православная семья»). Написано плотно, густо. И притом — читается легко.

Сергей Лебедев опубликовал на страницах альманаха очерк «Мои предки — ветлугаи, крестьянский род», рассказывающий о нескольких поколениях его предков. Коренная нравственность в России в те годы держалась, прежде всего, крестьянством. Трудолюбие, достоинство и честь составляли ее стержень. Такие люди являются носителями национальных традиций и подлинного патриотизма.

Последний раздел альманаха называется «О детях и для детей». В нем разместили свои работы: Сергей Никулов, Нина Гаврикова, Ольга Борисова, Галина Зеленкина, Людмила Алтунина, Галина Солонова,

Юлия Воеводина, Ольга Андреева, Лидия Савельева, Людмила Пенкова, Ольга Карагодина.

Общая тональность этой части альманаха — радостная, светлая и жизнеутверждающая.

Мы все верим в детстве в сказки. А некоторые живут в них всю свою жизнь. И как утверждали братья Вайнеры: «У всех людей свои сказки...». Когда же сказка становится былью, люди придумывают новую еще более загадочную сказку.

Эти сказочные не столько бойкие и веселые истории, сколько трогательные и лиричные, светлые и простодушные.

В сказках и рассказах уделяется большое внимание описанию природы, животных и птиц, приключению сказочных героев.

«Сказка великая духовная культура народа, которую мы собираем по крохам, и через сказку раскрывается перед нами тысячелетняя история народа», — писал Л. Н. Толстой.

Жизнь основана на борьбе светлого и темного, добра и зла. И эта борьба происходит с детских лет в душе человека, который пытается познать истину. А это и есть самое главное в нашей жизни.

К сожалению, нет возможности пересказать содержание всех частей альманаха в одной статье, сколь ни велико было такое желание.

Мы видим, что на сегодняшний день альманах «Ковчег» удачно выпускается в современном медиапространстве, как в печатном виде, так и в сети. Его читали, читают и будут читать, потому что он рассказывает о подлинных чувствах и мыслях, о людях, настоящих и понятных.

Верю, что статус альманаха с годами будет только возрастать.

Хочется пожелать здоровья, творческого вдохновения и терпения главному редактору и составителю альманаха Якову Наумовичу Шафрану, членам редакционного совета и авторам.

На этом и закончу, пожелав читателям радости соприкосновения с качественной русской прозой и поэзией. Остается сказать, что альманах получился и, несомненно, найдет благодарного читателя. Жизнь продолжается!

Людмила АЛТУНИНА

г. Тула

Журналист, прозаик, поэт, родилась и выросла в Горном Алтае (ныне Республика Алтай). Окончила факультет журналистики Казанского госуниверситета. Около 40 лет — в СМИ: на радио и в печатных, долгие годы — редактор газеты ТулГУ. Написано более 3-х тысяч статей. Автор и соавтор более десятка книг, в т.ч. для детей и о детях. Печатается в журналах

и альманахах Тулы, Москвы, Алтая и зарубежья. Неоднократный победитель ряда литконкурсов. Дважды финалист Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России» («Проза» — 2007, 2013). Награждена грамотами Минобрнауки РФ, Министерства печати и массовых коммуникаций РФ, Министерства культуры РФ, Тульской областной и городской администраций и Дум и другими, а также Почетным знаком «За заслуги перед университетом». Ее имя внесено в «Энциклопедию Тульского государственного университета: 1930—2010 годы». Член Союза журналистов России, член Академии российской литературы. Ветеран труда.

МОЙ ТУРГЕНЕВ

(Почему я читаю И. С. Тургенева)

К 200-летию писателя

(9 ноября 1818 — 3 сентября 1883 гг.)

Эссе

В минувшем году в России широко праздновалось 200-летие нашего великого писателя И. С. Тургенева, которого туляки считают чуть ли не земляком. Малая родина его — в соседней Орловской области; до села Тургенева, до прославленного им Бежина Луга — рукой подать. Тургенев всегда был и будет актуален, и его всегда будут читать независимо от юбилейных дат, потому что в его творчестве живет и дышит Россия в разных ее человеческих и природных проявлениях, бьется живой пульс чудного русского языка. От творчества его становится светлее на душе.

Среди русских писателей-классиков, которых читаю-перечитываю, — И. С. Тургенев, как и А. С. Пушкин, занимает особое место. Я подружилась с ними еще в школьные годы, прошедшие в Сибири, в Горном Алтае.

У Марины Цветаевой есть поэтическая проза — «Мой Пушкин». У меня тоже есть «мой» Пушкин. Есть и «мой» Тургенев. Сначала пришел ко мне Александр Сергеевич, потом — Иван Сергеевич. Я полюбила их всем сердцем. Они стали мне как бы родными людьми. Настольными для меня были тогда, наряду с пушкинскими и тургеневскими произведениями: «Записки охотника», «Накануне», «Ася», «Вешние воды», «Рудин», «Му-Му», «Стихотворения в прозе», — книги французского Антуана де Сент-Экзюпери и американца Эрнеста Хемингуэя, прежде всего, — «Старик и море», — но И. С. Тургенев по жизни — всегда рядом со мной и до сего времени.

Еще в восьмом классе записалась я на факультатив по литературе, который вела моя любимая учительница Галина Александровна Голова. И мой первый доклад, полностью подготовленный самостоятельно, был по роману «Рудин», — сама выбрала эту тему. Доклад удался.

Помнится, даже с телевидения из города Бийска приезжали снимать наши занятия на факультативе и мое выступление с этим докладом.

После прочтения романа «Накануне», благодаря яркому образу главного героя, болгарского эмигранта-патриота Инсарова, деятельного, волевого, мне очень полюбились болгары. И когда, спустя годы, была в Болгарии, очень тепло воспринимала их именно через его личность.

Но особенно близки мне стали «Записки охотника», прежде всего, рассказы «Бежин луг» и «Хорь и Калиныч», потому что в них я нашла как бы знакомых мне людей — сибиряков. Вот он, Калиныч, — один наш сосед; Хорь — другой: очень похожи на тургеневских. А мальчишки из «Бежина Луга» — это мой старший брат Володя и его друзья. Они так же жгли вечерами костры на берегу реки Маймы, что в Горном Алтае, где мы всегда купались, или у подножия горы Камушек, рассказывали разные истории, порой такие жуткие, что потом поодиночке боялись идти домой темными переулками.

Да и сцены охоты, описание утренней «тяги», — все это мне было так знакомо: мой отец тоже был заядлым охотником. Охотился не только на крупного зверя в тайге и в горах, но и на дичь: уток-чирков, гусей, вальдшнепов, тетеревов. Иногда зимой даже нас с братом брал на катунские острова пострелять и «почитать» на снегу следы зверюшек и птиц. Так что герои тургеневских рассказов для меня — не только реальны, «списанные» с простых людей, но и вполне узнаваемы.

Мой самый первый студенческий друг появился тоже благодаря Тургеневу. Я сидела в библиотеке, расположенной недалеко от студенческого общежития Казанского госуниверситета, где жила, будучи абитуриенткой, и готовилась к вступительным экзаменам по устной литературе. Рядом подсел симпатичный парень. Познакомились. Оказалось, он после службы в армии и учебы на подготовительном отделении университета, уже окончил первый курс факультета журналистики, куда я только готовилась поступать. После летней сессии уехал пораньше на стройку в составе ССО (студенческого строительного отряда), — реконструировали вокзал на крупной железнодорожной станции Агрыз, что в Татарии. Приехал пересдавать русскую литературу и в данный момент штудировал произведения Тургенева. Мой новый знакомый обратился ко мне с просьбой помочь ему разобраться в вопросе о типичности, личностной индивидуальности и своеобразии Хоря и Калиныча из «Записок охотника», как представителей русского крестьянства (дословно формулировки вопроса не помню, но суть его именно такая). С тургеневскими героями, — не только с этими, но и с другими, прихватив и романы «Отцы и дети» и «Накануне», — мы долго разбирались вместе. Потом вместе пошли в студенческую столовую, там он познакомил меня со своими друзьями с жур-

фака, к которым мы подсели за стол, и наша дружба завязалась на все студенческие годы.

В Казанском госуниверситете на устных вступительных экзаменах по литературе дополнительный вопрос мне был задан как раз по «Запискам охотника»: народность в них — на примере, в частности, рассказа «Хорь и Калиныч». Вот такое совпадение. В итоге литературу сдала на «отлично».

...Недавно так захотелось почитать что-то для души, наше, русское, родное; подошла к книжному шкафу, пробежала глазами корешки книг. И рука тут же потянулась к тургеневским «Избранным произведениям» (с его юбилеем это никак не связано — просто мне захотелось почитать именно его) — зачитанная книжица 1972 года выпуска, местного, «Приокского книжного издательства», в мягком переплете. Перелистывая пожелтевшие страницы, и сердце мое откликается тихим ликованием: «Ага! Вот оно — заветное! Вернусь-ка я — в который-то раз! — к «Бежину Лугу». Читаю с затаенной радостью: как все описываемое правдиво и близко сердцу моему! И как художественно, лирично, образно показано автором, будто я сама прошла по тому росистому, сумеречному лугу, посидела с крестьянскими ребятишками у костра, послушала их разговоры со страхами — суевериями.

Взять хотя бы вот эти строки: *«...Казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с высоты лилась темнота... Все кругом быстро чернело и утихало, одни перепела изредка кричали... поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе... Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нем...*

...Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной. Я быстро отдернул занесенную ногу и сквозь едва прозрачный сумрак ночи увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали ее течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя полови-

на маленькой кудрявой головы... Я узнал, наконец, куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина Луга...»

Какая поэтическая лиричность в прозе! Какая гармония слога! Как точно и сокровенно передано состояние и природы, и человека! Какая простота и вместе с тем изысканность слога и стиля! И какая рускость в этом языке! Это же — словесная музыка. Переставь хотя бы пару слов, и лад, гармония, целостность картины нарушатся. Простые русские слова, филигранной вязью сплетенные в предложения, звучат как лиричная, трепетная, трогательная и изысканная музыка высших сфер, рождающая в душе способного уловить ее ответные трепетные и высокие чувства, ложатся балзамом на душу. Для меня тургеневское слово поистине целительно.

...Минувшим летом стояла я на смотровой площадке, что в родовой усадьбе великого поэта В. А. Жуковского, близ села Мишенское Белевского района Тульской области, недалеко от его бюста, с сердечным замиранием глядя на громадную впадину, развернувшуюся прямо передо мной, а за нею — на необъятную ширь, раскинувшуюся в буйстве сочной изумрудной августовской зелени на все стороны до самого синего горизонта, невольно вспоминала Тургенева, ассоциируя увиденное с его описанием Бежина Луга.

И опять же думала о том, что вот это и есть первозданная Русь, какой видели и запечатлели ее в своем творчестве гениальные русские поэты и писатели,— великая, мощная, необозримая и необъяснимая,— один вид просторов которой рождает в душе и трепет, и нежность, и патриотические чувства — точно так же, как творчество И. С. Тургенева — истинно русского нашего писателя, сумевшего словом столь искусно и зримо распахнуть эту русскую ширь и человеческую душу перед взором читающего его.

... Недавно, после очередного обращения к Тургеневу, я, желая тут же поделиться переполняющими меня сокровенными чувствами, вызванными его творчеством, написала мужу, находящемуся в отъезде: *«Вот только что перечитала Тургенева — «Записки охотника», в т. ч. рассказ «Бежин Луг» и др. Это, конечно, не просто талантливо: «...там Русь, там Русью пахнет...», как сказал Пушкин. Удивительно: как им, дворянам, удавалось так глубоко проникать в крестьянскую душу и жизнь?! Без любви к ближнему, к тому же крепостному крестьянину, дворовому, так не напишешь. А тургеневская природа! Она осязаема, объемна: ты словно сам бредешь теми росными лугами, смотришь на тот восход или закат. Кто-то ныне говорит, что Тургенев слащав, уныл, не динамичен в наш динамичный век; в общем, устарел и ничего уже не может дать современному читателю. Нет, это вовсе не так! Даже если бы он написал только «Записки охотника», все равно он был бы классиком. Классик — это тот, в моем понимании, кто глубоко и правдиво погружает читателя в свою эпоху,*

передает ее образно, зримо, осязаемо в деталях, характерах, поступках, душевно-психологических и духовных проявлениях и многом-многом другом, что включает сама жизнь, что составляет духовную, нравственную сущность человека и целого народа, нации, но что, к сожалению, как-то ускользает от обывателя.

Тургеневскими «Записками охотника» можно лечиться, как психотерапией, тем же описанием природы в «Бежином Луге», его рускостью; каким-то глубинным гуманизмом, в смысле милосердия, единения и соучастия с ближним, даже вовсе не знакомым, что так характерно именно для русского человека и составляет его суть и чего так не хватает ныне. Великие наши писатели как раз и поднимали вопросы человеческого духа, выстроенные на христианской основе, прославляя фундаментальные, нетленные морально-нравственные ценности, во все времена помогающие русскому человеку преодолевать все трудности, выстоять и победить.

Даже не проповедуя открыто христианское мировоззрение, в своем отношении к ближнему, к природе, животным и всему вокруг, он — истинный православный писатель.

Все-таки как хороши наши русские классики! Во всем мире мало им равных. И как они велики! Какие социально-общественные, нравственные, духовно-психологические глыбы поднимают своим творчеством! Вот истинный пример нам, пишущим, для подражания, хотя бы приближения к ним...»

В ответ я получила от мужа следующие строки: «Поражает меня вот что: как ты при такой глубокой погруженности в суету, в эту сумятицу буден, все еще сохранила в своей душе такое глубокое понимание и тонкое восприятие классики, того же Тургенева, его великих «Записок охотника»! Наша революционно-демократическая критика язвительно назвала их «Записками барина». Им нужны были великие потрясения, революции и войны, а Тургенев — ну да, барин, и что же в этом плохого! — Он воспевал жизнь, Россию и радость жизни в ней... Он воспевал красоту, в том числе красоту и одухотворенность русских женщин. Посмотри, какие они у него красивые, внутренне и внешне! А сейчас в моде, в ходу мат, вульгарность, грубость, жестокость, злой и жесткий расчет; любви нет, есть только секс, дружбы нет, есть деловой расчет и партнерство, о сострадании и прощении и не спрашивай! Ну, зачем же такому поколению нужен Тургенев?! Или даже Пушкин... Пушкина тоже не любят, считают — Пушкинато! — примитивным. Почему? Потому что сами примитивные, с куцыми компьютерными мыслями, бараньими мозгами...»

Жестко?! Но, думаю, во многом справедливо. Да, действительно, Тургенев воспевает жизнь в разных ее проявлениях, ее красоту, гармонию и одухотворенность; любовь в широкой трактовке этого понятия — к родине, ближнему, между мужчиной и женщиной — жертвен-

ность во имя нее, а это никогда не устареет, потому-то в нашей семье любят его и читают.

Вообще, если говорить обобщенно и коротко, меня у Тургенева больше всего привлекают не только лиричность, язык и стиль его произведений, но, главное,— и это даже удивляет! — насколько глубоко и искренне он, барин по происхождению, воспитанию, образу жизни, смог проникнуть во внутренний мир, психологию, быт, традиции и даже поверья и суеверия, в сам дух крестьянина,— во все то, что именуется народностью — и передать это в своем творчестве. Без искреннего интереса, любви, сочувственного отношения к так называемому простому человеку это просто было бы невозможно. Да, он глубоко и всесторонне показал нам не только представителей своего класса и среди них вышедшего на общественно-политическую сцену «нового человека», но и крестьянина — наиболее значительную составляющую народонаселения той, прежней, России — девяносто процентов.

И еще: тургеневское чувство родины, глубинного подлинного ее духа. Несмотря на то, что многие годы он прожил вдали от нее, за границей, где и умер, но малую, как и большую Родину, он всегда нес в сердце и был предан ей. И сегодня читающему его он как бы заново многое открывает в этом нашем патриотическом мироощущении.

Кирилл КАРЛОВ

г. Москва

По образованию — востоковед, синолог. Выпускник Дипломатической академии МИД РФ. Проходил стажировку в Институте международных отношений (Пекин, Китай). В настоящее время работает специалистом-экспертом по международным связям. Срочную службу проходил в одном из подразделений ВКС России. Младший сержант запаса.

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИЯ МАРКЕС. ГЕНЕРАЛ В СВОЕМ ЛАБИРИНТЕ

Пусть прозвучит это «ванильно», но осень — самое лучшее время для чтения Маркеса. После такого рискованного утверждения можно ожидать что-нибудь про «магический реализм» в творчестве колумбийского писателя. Но оставим этот стереотип на совести постмодернистов!

Маркеса любят в нашей стране. Вернее сказать, любили, когда было популярно любить Маркеса. Его книги выходили большими тиражами, за публикацию брались разные издательства. Выбор произведений даже в книжных магазинах крохотных городков предлагался со-

лидный. А потом Маркес умер. Это был последний всплеск популярности к автору и, как я подозреваю, те редкие его книги, которые мы можем найти в продаже сегодня, это остатки той последней волны колумбийской культурной экспансии. Что ж, в домашней библиотеке практически каждого из нас наверняка что-нибудь да отыщется. Например, для меня первым знакомством с Маркесом стала именно книга, которую я одолжил у подруги, а та в свою очередь у других людей. Конечно, практика передачи чужих книг в третьи руки порочна, но в данном случае это была небольшая потеря — признайтесь, разве есть кто-то, кому хотелось перечитать хотя бы что-нибудь из Маркеса? Во-первых, чего ради? Можно взять новое для себя произведение Маркеса и обнаружить с тем же успехом и условность сюжетных линий, и тяжелый сезон дождей, вялость в действиях героев, и светлую писательскую грусть, переданную мастерски, свежо, талантливо. Ну и, во-вторых, все поэтому же.

Значит ли это, что стоит отнести Маркеса к «сезонным писателям»? Или он прошел испытание? Когда-то невероятно популярен стал «Властелин колец» (да, в тот момент, когда появилась та единственная форма, в которой многие были готовы воспринять это произведение). Впрочем, мода прошла, а книги остались. Примеров обратному масса в современной литературе. Попадает ли в эту массу Маркес? Есть автор Х, который видел в жизни некоторое дерьмо, утратил душевный покой, решил написать книгу. Получилось крепко и хорошо, не более того. Что происходит дальше? Просто запредельное восхищение солидных изданий, после которых обозревателя возвращает из восторженного обморока группа опытных медиков, а автор просыпается общепризнанным Человеком-Д’артаньяном, полу-Прометеем, полу-Данте. Параллельно запускается экранизация, главную роль играет самая желанная женщина Европы, использует страдание, чтобы страдать. Профит. И, как можно догадаться, это не путь Маркеса. Даже обнаружив глубоко трагичную и трогательную историю, он, написав роман, не остановится, продолжит творить, а не искать, кому бы продать сценарий. Он знает, что таких искалеченных судеб — сколько глаз хватит — до самого горизонта. И будет упорно писать про всех, ткать полное полотно. Место найдется и для стоящих у стены в ожидании расстрела, и для съеденных муравьями. Маркес продолжает работать (от слова «работать»!) с тем материалом, которого на его родине с избытком. Именно поэтому, открыв, скажем, книгу про полковника, который не создает особых проблем почтальонам, мы читаем про мириады других судеб, мы видим народ, который ищет себя, умывает кровью, ошибается, движется дальше. Перед нами произведение благородного и достойного человека. В своем благословенном труде Маркес обрел такие несказанно чудесные мгновения, как, например, резкий разворот автомобиля, мчащего семью на долгожданный отдых,

поскольку главе этой семьи (а он же водитель и классный писатель) наконец-то пришла в голову бесподобная строчка, с которой будет начинаться один из величайших романов двадцатого века. Потом романов, повестей и рассказов будет еще множество. Когда-то мне понравилась мысль, что слово «графомания» может употребляться если не в положительном, то хотя бы нейтральном ключе (как, кстати, и слово «чиновник»). Маркес писал так много, потому что чувствовал необходимость, не мог без этого. Все ли из написанного одинаково хорошо? Нет, не все, но мы будем большими свиньями, если не отдадим должное гению колумбийского мастера.

«Генерал в своем лабиринте» хоть и не входит в число «осенних» названий (как, например, «Палая листва» или «Осень патриарха»), но такое ощущение, что где-то в расфокусированном виде осень все же присутствует в заглавной строчке. Некоторые исследователи выделяют особый поджанр латиноамериканской литературы: Dictator novel*, и произведение сегодня нами вспоминаемое является прекрасным образцом этого направления. Читателям по эту сторону Атлантического океана далеко не так очевидна историческая значимость фигуры Боливара, да и в целом есть склонность объяснять волну освободительных революций в Южной Америке вторжением Наполеона в Испанию и последовавшим крушением империи, а не пассионарностью местных героев. Кстати говоря, параллели с корсиканцем будут неоднократно и неизбежно приходиться на ум. Этот нюанс оправдан как в историческом контексте, так и в рамках того самого жанра Dictator novel (диктаторов вечно сравнивают друг с другом), правда, Маркес, конечно, делает это очень деликатно, очень тонко, больше полагаясь на чувственное восприятие, чем знание какой-то конкретики. Окончательно мешает разобраться в исторической фигуре тот факт, что в романе Боливар стоит на пороге ухода в вечность. То есть это тот рубеж, когда уже нет смысла рассуждать на сколько процентов политика правильная, а на сколько преступная, есть смысл ставить клизму и только. К чему споры о том, удалась или не удалась жизнь? Если вы не являетесь сотрудником консульства в Карловых Варах, можете смело записывать себя во вторую категорию. Еще какое-то время можно держаться на иронии, чувственности, сумасшедшинке, но однажды и это рухнет. Тяжелые, тревожные сны, короткий световой день, безлюдные предзимние пейзажи — вот во что превращается наше существование.

Мы видим гаснущую жизнь великого лидера. И он близок нам в этом угасании, а не в аккуратно прописанной человечности. Взгляните

* Переведено с английского языка. — Роман о диктаторе — это жанр латиноамериканской литературы, который бросает вызов роли диктатора в латиноамериканском обществе. Тема каудильизма — режима харизматичного каудильо, политического деятеля, — рассматривается путем изучения отношений между властью, диктатурой и литературным трудом. [Википедия \(Английский язык\)](#)

на себя, вернувшегося домой каким-нибудь ноябрьским вечером, когда вместе с осенью входит в дома разруха, кажется, что дождь пролился прямо на кухне, стучал тяжелыми каплями по стоячей грязной ледяной жиже, скопившейся в брошенной посуде. Ты глядел отрешенно и брезгливо, словно это не твое жилище, и ты не хозяин ничему здесь. Полное страданий (суть само страдание) возвращение домой, наконец, завершилось: прервалась бесконечная череда пересадок, и теперь ты в нирване постели, раскинув члены, лежишь, подобен танке. Это и есть нирвана — вроде ты здесь, а вроде бы и нет, ничего не хочешь, голова пуста. Тебя совершенно не волнуют доносящиеся из-за стены звуки передвигаемой мебели и взаимные обвинения в духе:

— Ты мне всю жизнь отравил! Ненавижу тебя!

— А ты отравила мне еду!

«Генерал...» будет важной книгой для всех, кто понял, что жизнь прервется не на дуэли, а с приходом воспаленного рассвета, после утомительного плутания по никуда не ведущим путям, в окружении погружающегося в нищету населения, случайных женщин, непонятных и сомнительных спутников, болезней. Или кто не понял, но, во всяком случае, готов и к такому раскладу. Стены лабиринта, строившиеся на протяжении всей жизни из неразрешенных вопросов, сторонних связей, невыполненных обещаний, скрепленные раствором пережитого и перепробованного встают, к сожалению, не только перед великими историческими деятелями. Впрочем, до этого тоже еще надо дожить. А пока мы читаем книгу и постоянно обнаруживаем себя опоздавшими, сцена уже завершилась, мы опять вынуждены догонять генерала.

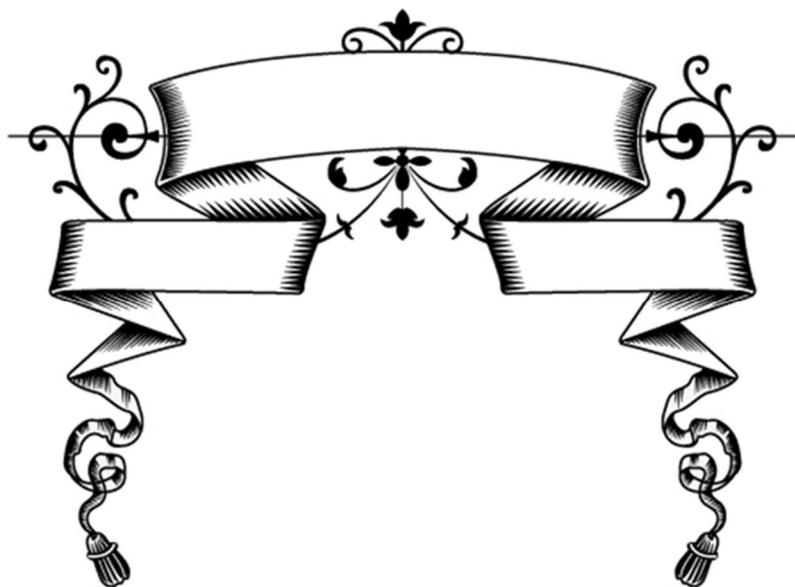
Особенное наслаждение читать описание таких второстепенных персонажей, как ирландский полковник (нет, это не тот самый, этому пишут). Заброшенному в латиноамериканскую глухомань, ему ничего больше не осталось, кроме как проверять ночные караулы. Каждый из этих с любовью прописанных образов — новые повороты лабиринта. В то же время нельзя избавиться от ощущения, что Маркес пишет роман словно бы одной рукой. Но тут необходимо сделать оговорку: есть несколько даже не страниц — абзацев, где нам открывается мощнейший творец, чей талант повергает в некоторую оторопь и какой-то сладостный ужас. Маркес — великий мастер, пусть и несколько ослаблен на страницах этого произведения. Это отвечает замыслу романа — речь идет не про блестящие победы, а про разбитого многими скорбями старика, слоняющегося по феерической дыре. Нам как обывателям, как историкам, как читателям интереснее то величие, которое не пожелало себя проявить.

Тут мы найдем и размышление над ролью личности в истории. Можно ли повлиять на историю? Вот великий Боливар попытался и умер. И что это за наука? Как ее проверить? Чем измерять? Мы пони-

маем, когда яблоко падает, а тут что должно падать? Не буду лукавить — ответа «Генерал...» не даст, но не задавать глупых вопросов научит.

И раз уж заговорили. Не секрет, что во многих странах жанр Dictator novel будет очень долгое время сохранять свою актуальность. Школа литературы аналогичного направления, конечно, существует и в нашей стране, правда, корни имеет совершенно отличные от прозы Маркеса. Человечество, видимо, всегда будет в восторге от идеи Большого брата. И это объяснимо: интеллектуальная свобода лишь на миг делает тебя счастливым. Жить, когда уже знаешь, что все идеи, выдававшиеся за великие, по сути ничтожны, бывает невыносимо. Некоторым лучше сжечь пару книг и помаршировать с факелами, чтобы затем оказаться в отеческих объятиях лидера, который с тебя снимет груз вопросов, на которые не найти однозначного ответа. Чем может быть полезна эта маленькая книжка в такой масштабной теме? Бродский писал про соотношение свободы и способности вспомнить отчество у тирана. В «Генерале...» отчество будет практически на каждой странице, забыть его не дадут. Впрочем, никто и не пытается: в книге окружение Боливера защищает диктатора от нападок персонажей-врагов, не появляющихся в повествовании во плоти, в жизни образ Боливера будет вспоминать и отстаивать заведующий хозяйством, когда его просят заменить вещь, на которой стоит отметка «потрачено», автомобилист, которого раздражают темпы строительства развязки, главный редактор газеты (кстати, не ясно почему, во всяком случае, чтобы другие тоже вспоминали), наконец, простые ирландские патриоты — и не важно, что Боливар не ирландец — ведь ирландский-то полковник служил ему. Это не только тоска по режиму человека, который знает ответы на все вопросы. Это важнее и глубже — это мифология! Маркес, конечно, нарушает табу (и мифологическое, и каноническое, так сказать «парадно-портретное»), изображая диктатора разбитым болезнью, умирающим, обнаженным, но это детали. Самое главное, что диктатор вошел в вечность, хоть из лабиринта своего так и не выбрался. Может быть, он хотел в рай, но попал в мифологию. В этом ключе «Генерал...» важнее даже классического «Сто лет одиночества», хотя это яркий пример новой мифологии, нового эпоса — и захватывает, и читать можно, начиная с любой страницы, и миллион персонажей, и все страдают — все как мы любим. Но именно с выходом «Генерала...» Боливар стал частью мифологии, а оттуда уже нет возврата. Но есть «естественные причины» — и они ограничивают жизнь даже мифического персонажа. Так в чем была цель? Кто победил? Упало ли яблоко? Счастье — это не творить историю, а смотреть на бюст Боливера во внутреннем дворике Библиотеки иностранной литературы, на безопасном расстоянии.

ПУБЛИЦИСТИКА

ЯКОВ ШАФРАН
СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ
ЕВГЕНИЯ КУРГАНОВА

ВАЛЕНТИН ОГНЕВ
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА
ИРИНА НИКОЛЬСКАЯ

ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА

Яков ШАФРАН

г. Тула

ЗОЛОТАЯ «ОСЕНЬ ПАТРИАРХА»

Осень — как правило, время затихания кипучей природной жизни: все уже выросло, отцвело, дало семя... То же можно отнести и к человеческой активности: время сеять, время взращивать и время собирать урожай своей деятельности. Однако есть люди, не перестающие делать все это одновременно на протяжении всего жизненного пути, не устающие вновь давать начало новым росткам мудрому, рождать истинное, холить и лелеять посеянную во времени любовь к народному, к отеческому, собирать вокруг себя соответствующих людей, и самые плоды своей неустанной деятельности направлять не для возвеличивания себя, а сугубо для развития дела. Каковым, в условиях «общества торжествующего Хама» и всевозможного расчеловечивания, может быть только забота о сохранении и продвижении культуры, народной мудрости и веры в торжество Истины и Добра.

К числу таких людей со всей уверенностью относим и Алексея Афанасьевича Яшина, нашего земляка, отметившего в этом году 70-летие, именитого советского и российского писателя-прозаика, известного далеко за рубежом, самоотверженного рыцаря русской литературы, искренне, по-настоящему любящего народ, ученого-биофизика и главного редактора выходящего в Туле под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

А. Яшин родился 6 мая 1948 г., в мурманском Заполярье — в пос. Белокаменка Североморского (тогда Полярного) района Мурманской области СССР, в семье Яшина Афанасия Андрияновича — моряка-североморца, участника Финской кампании и Великой Отечественной войны. Вот почему Алексей Афанасьевич с гордостью говорит о своем северноморском воспитании. Да и как иначе может быть, если учесть место рождения, проживание до 18-ти лет в семье на различных маяках Главсевморпути и гидроотдела Краснознаменного Северного флота, профессию отца, мать-поморку и учебу в Полярной средней школе №1 им. М. А. Погодина.

Тула испокон века собирала у себя самых талантливых мастеров-оружейников, самоварщиков и других искусных специалистов знаменитых тульских промыслов и по традиции, уже в советское время, не менее, в том числе и будущих, талантливых людей — ученых, инженеров, врачей, писателей и представителей иных специальностей. Вот

и Алексей Яшин с 1966 года живет в Туле. В 1971 году он окончил Тульский политехнический институт (ныне ТулГУ), а в 1981 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького — семинар Б. М. Зубавина — 1-го гл. ред. «Нашего современника», учился на математико-механическом факультете Ленинградского госуниверситета. Как известно, землю солнце красит, а человека — труд. В 1971—1991 годах А. А. Яшин работал в Туле инженером-конструктором, руководителем группы и начальником сектора на тульских предприятиях военно-промышленного комплекса: Центральное КБ аппаратостроения и КБ приборостроения, принимал непосредственное участие в разработке боевой техники, в том числе — зенитного ракетно-пушечного комплекса «Панцирь — С1». Вспомнилось одно из крылатых высказываний выдающегося тульского конструктора Аркадия Шипунова: «...Ни в коем случае не останавливаться! А самая дорогая система — это та, которая самая сложная и лучше других отвечает сегодняшним требованиям. Это «Панцирь», естественно, но новый, который придет на замену тому, что поступает сегодня в войска. Тот, который еще в голове». Вот также и герой нашего очерка, Алексей Яшин, никогда не стоял на месте в мысли и в работе, всегда стремился и делал самое лучшее и необходимое для сегодняшней жизни и в инженерной деятельности, и в науке, и в литературе.

В 1991—2007 годах А. А. Яшин — первый заместитель — зам. по науке директора Государственного НИИ новых медицинских технологий (Тула). В настоящее время профессор Мединститута Тульского госуниверситета.

Хотел дать короткую справку об Алексее Афанасьевиче в предисловии к интервью с ним, однако разве расскажешь в двух словах о таком талантливом человеке. Благодаря широчайшему спектру способностей, достижения его находятся в разных сферах деятельности, это — математика, радиофизика, информатика, экспериментальная биология и биофизика, литература. Профессор Яшин является создателем двух общепризнанных научных школ: «Биофизика полей и излучений и биоинформатика» и «Живая материя и феноменология нососферы». Его научными коллегами в данных областях являются: академики В. П. Казначеев и А. И. Субетто. Опубликовано около 1000 научных трудов, в том числе 60 монографий (Россия, Украина, Германия), сделано 40 изобретений и 2 научных открытия. Закономерны и награды за весомый вклад в науку. Он Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий, Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж), удостоен ряда почетных наград, в том числе многих медалей,

имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования», Почетный изобретатель Европы и Почетный деятель науки Европы (Ганновер).

Читатель, несомненно, заинтересуется: а как же Литературный институт? И будет прав, ибо окончание этого вуза не эпизод в жизни героя данного очерка, а закономерность. Литературное творчество, причем в разных жанрах, это вторая, «правополушарная», как любит говорить Алексей Яшин, сторона его даровитой природы. Он занимается литературной работой с 1975 года. С тех пор издано 30 книг и сделано 500 публикаций. Будучи членом Правления Академии российской литературы, Алексей Афанасьевич отвечает за разработку концепции нового русского критического реализма. Является членом редколлегий ряда московских и тульских литературных изданий.

Литературная деятельность писателя также получила достойную оценку, ибо это творчество высокого мастерства, когда произведения, показывающие широкую панораму современной жизни и глубоко вскрывающие суть нашего времени, наполнены чувствами творца, его точными и яркими наблюдениями и раздумьями, вниманием к людям и их жизни, когда каждый герой близок, как член семьи. Ведь другому и быть не может, если писатель — патриот как своей малой родины, так и великой Отчизны. А у Алексея Яшина две дорогие его сердцу земли — Североморский и Тульский края. В первом он родился, воспитывался и рос до совершеннолетия, а во втором всю жизнь трудился оружейником, биофизиком и писателем. И все силы своей большой души отдавал служению им.

Потому-то он, кроме научных званий и наград, лауреат Тульской областной литературной премии им. Л. Н. Толстого (дважды), премий им. А. С. Грибоедова, всероссийской им. Н. А. Некрасова, им. А. П. Чехова, всероссийской литературной им. В. В. Маяковского, международной им. В. С. Пикуля, им. Александра Фадеева, тульской литературной премии им. Ярослава Смелякова, им. Вениамина Каверина, всероссийской премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, международной литературной премии имени Симеона Полоцкого, премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного, лауреат «Московского Парнаса». Награжден памятными медалями: «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля», «К 75-летию Литературного института им. А. М. Горького», Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министерства культуры РФ, золотой медалью им. В. М. Шукшина. Является кавалером орденов «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский».

Вот какое получилось «короткое» вступление к беседе с А. А. Яшиным. Но все же несколько вопросов хотелось бы ему задать.

Я. Ш. Алексей Афанасьевич, многие, кто так или иначе имеет отношение к литературе, знают, что всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», которыми Вы уже много лет руководите, является Вашим детищем. Расскажите немного, с чего все начиналось?

А. Я. Да, тогда, в 2005 году я руководил созданием литературного журнала «Приокские зори», инициатором которого был Николай Николаевич Минаков, и с тех пор являюсь бессменным главным его редактором. Вначале наше издание было межрегиональным и публиковало в основном авторов из Тулы, Тульской и соседних областей. Но далее, с каждым номером, все более и более в редакцию стали приходить материалы из регионов ближнего и дальнего зарубежья. Так что теперь журнал по праву стал не только всероссийским, но и международным.

Я. Ш. Благодаря Вашим научным достижениям и вкладу в развитие Тульского государственного университета тираж журнала в 2006—2014 гг. печатался в издательстве ТулГУ, и библиотеки города и области, а также крупнейшие библиографические и литературные центры страны и некоторые в зарубежье, постоянно получали в свои фонды «бумажные», как принято выражаться в наш «оцифрованный» век, экземпляры «Приокских зорь». Но теперь этого не происходит. Что случилось?

А. Я. Ничего особого не произошло, просто в бюджете ТулГУ не стало для этого средств, а в бюджете Тульской области, в отличие от других городов и областей нашей страны, таких как Коломна, Краснодар, Самара и др., расходы на напечатание экземпляров для местных библиотек вот уже много лет не запланированы. Поэтому ныне мы используем следующую схему: электронная версия издания размещается на нескольких русскоязычных сайтах Интернета, включая собственный, и печать бумажных экземпляров происходит по заказам авторов и читателей в издательстве ТулГУ, которое делает это самостоятельно, без участия редакции. Авторы и читатели могут печатать и независимо, получив по своей просьбе оригинал-макет журнала по электронной почте.

Я. Ш. Проще говоря, Вы нашли достойный выход из создавшегося положения, а издание не изменило своей сути, так?

А. Я. Да, девизы журнала, естественно, остались прежними: а) журнал для читателя; б) главный критерий для публикации: не звания, не степени и прочее авторов, а только качество материалов, в том числе русская грамотность; в) принципиальное не взимание платы за публикации. Думается, это постоянство, наряду с четкой, на протяжении всей истории издания, позицией отстаивания традиций великой русской и советской литературы, с активным участием во всероссийском

литературном процессе, значимостью и глубиной поднимаемых тем в «Колонках главного редактора», высоким мастерством публикуемых материалов и именами авторов, и послужило тому, что с 2018-го года журнал получил новый статус. 3 апреля сего года на расширенном секретариате Союза писателей России было решено, что «Приокские зори» сопричастны СПР и выходят под его эгидой.

Я. Ш. Согласен, это явное признание заслуг журнала. Перефразируя слова Оноре де Бальзака: «Писатель существует только тогда, когда тверды его убеждения»*, можно сказать то же и о литературном издании. Но и до этого наши «Зори» отмечались литературными наградами.

А. Я. Что и отражено на 4-й странице обложки. За верное служение отечественной литературе и дальнейшее развитие ее традиций журнал был удостоен следующих наград: ордена Гаврилы Романовича Державина — знака литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)**, медали «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии, и медали к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знака лауреата Некрасовской литературной премии.

Я. Ш. Алексей Афанасьевич, многие знают, что Вы сторонник коллективного руководства. Расскажите немного о членах редколлегии, о Ваших сотрудниках в редакции.

А. Я. Да, как и многие из нашего поколения, я рос и воспитывался в Советском Союзе, поэтому коллективизм, что называется, впитал «с молоком матери». Сейчас многие или не знают, или забыли мудрые слова Сенеки: «Мы рождены, чтобы жить совместно; наше общество — свод из камней, который обрушился бы, если бы один не поддерживал другого»***. В состав редколлегии «Приокских зорь» входят такие выдающиеся деятели русской и советской литературы, как Анатолий Аврутин (Минск, Белоруссия), Виктор Буланичев (Бийск, Алтай), Вячеслав Лютый (Воронеж), Сергей Прохоров (Красноярский край), Валентин Сорокин (Москва) и Леонид Ханбеков (Москва). В работе над журналом большую роль играют: Яков Шафран — зам. главного редактора и ответственный секретарь, талантливый прозаик, поэт и пуб-

* Оноре де Бальзак. Собрание сочинений в 24 томах.— М.: Правда, 1960 («Библиотека “Огонек”»)

** Державин, Г. Р. Стихотворения. В 2-х кн. Кн 1 / Г. Р. Державин.— М.: Директ-Медиа, 2016.— 365 с. С. 221.

*** Хоромин Н. Я. «Энциклопедия мудрости».— М.: Директ-Медиа, 2016.— 1027 стр. (Раздел «Общество — Огонек», с. 553.)

лицист, Геннадий Маркин — зам. главного редактора и зав. отделом прозы, признанный, замечательный писатель, Марина Баланюк — зав. редакцией и даровитый помощник главного редактора, Владимир Резцов — зав. отделом поэзии* и Валерий Демидов — редактор, оба отличные поэты, а также Елизавета Баранова — секретарь и самоотверженный труженик по оформлению заказов, прекрасная поэтесса, Игорь Карлов — зав. отделом международных связей, тонкий прозаик и публицист, часто радующий нас, кроме рассказов, повестей и статей, еще и удивительными репортажами-зарисовками, Виктор Хромушин — web-мастер от Бога и Олеся Янгол — великолепная художница.

Я. Ш. Да, как в народе говорят: «В одиночку не одолеешь и кочку», и в «Приокских зорях» подобрался на редкость хороший коллектив. Алексей Афанасьевич, немного ранее Вы сказали, что и авторы журнала, и качество их произведений также повлияли на присуждение изданию нового статуса. Не могли бы Вы назвать имена хотя бы некоторых авторов «Приокских зорь»?

А. Я. Это сделать несложно (А. Яшин подошел к книжным полкам, где рядом стоят номера журнала за несколько последних лет и, вынимая их один за другим, стал зачитывать имена). Они, как Вы это сейчас поймете, и «простые» и «непростые». Среди них: Игорь Лукьянов, Валерий Ганичев, Александр Субетто, Леонид Ханбеков, Вячеслав Лютыг, Тимур Зульфикаров, Анатолий Аврутин, Владимир Федоров, Владимир Сапожников, Сергей Галкин, Виктор Пахомов, Владимир Корнилов, Игорь Карлов, Ефим Гаммер, Михаил Серебро, Федор Ошевнев, Владимир Жириновский, Лев Дуров, Геннадий Зюганов, Игорь Нехамес, Сергей Овчинников, Валерий Маслов, Наталья Квасникова, Игорь Герасимов, Владимир Бояринов, Ирина Кедрова, Сергей Норильский, Виктор Буланичев, Тамара Булевич, Евгений Скоблов, Вячеслав Алтунин, Сергей Лебедев, Ольга Борисова, Валерий Ксенофонтов, Николай Макаров, Елена Семенова, Сергей Крестьянкин, Валерий Савостьянов, Михаил Майоров, Людмила Авдеева, Галина Лялина, Любовь Самойленко, Олег Каширин, Константин Струков, Рагим Мусаев, Валерий Акимов, Евгений Трещев, Вячеслав Михайлов, Виктория Ткач, Олег Пантюхин, Ольга и Наталья Артемовы, Сергей Одинокоев, Владимир Трусов, Виталий Кузнецов, Людмила Козлова, Александр Сахаров, Леонид Иванов, Валерий Кулешов, Людмила Сенина, Быхытжан Канапьянов, Олеся Янгол, Валерий Виноградов, Галина Зеленкина, Марк Польшковский, Анна Барсова, Кирилл Карлов, Геннадий Маркин, Владимир Резцов, Яков Шафран и многие-многие другие — всех перечислять займет очень много времени. Молодым авторам, помятуя о старом добром принципе «Молодым везде у нас

* В настоящее время зав. отделом поэзии является Николай Тимохин (г. Семипалатинск, Казахстан) — не менее отличный поэт и прозаик.

дорога)*, также открыты все возможности для публикации, единственное условие, как уже отмечалось, — качество произведений.

Я. Ш. Алексей Афанасьевич, многие авторы уже знают о широкой, многоплановой инфраструктуре журнала. Расскажите о ней нашим читателям.

А. Я. Да, инфраструктура «Приокских зорь» солидна, она включает в себя альманахи, продолжающиеся серии книг и всероссийскую литературную премию «Левша» им. Н. С. Лескова. Каждый из альманахов журнала играет свою роль в литературном процессе и по-своему интересен для читателей. «Ковчег»** (редактор — Шафран Яков Наумович) — литературно-художественное и публицистическое издание, «Тулльская сторона» — чисто музыкально-поэтическое, «Тулльская сторона» (Библиотека журнала «Приокские зори») — музыкально-поэтическое и публицистическое (редактором обоих является Сенин Сергей Владимирович)***. Серии книг занимают уже несколько полок в редакционном книжном шкафу: «Библиотека журнала “Приокские зори”» насчитывает около 60 наименований, «Приложение к журналу “Приокские зори”» — около 40. Премии «Левша» уже 8 лет. Ежегодно 4—5 лучших авторов журнала становятся лауреатами премии и получают ее диплом, медаль и удостоверение к ней.

Я. Ш. Нашим читателям, безусловно, будет интересно узнать, чем Алексей Яшин сейчас занимается как писатель и ученый. Не могли бы Вы немного рассказать об этом?

А. Я. Только что я издал новый роман «Женщины в человеинике» и работаю над 16-м томом своей научной серии книг «Живая материя и феноменология ноосферы». Этот том называется «Апология человека». Также приступил к серии рассказов.

Я. Ш. Коротко и ясно, однако сколько труда и сил души стоит за этим, особенно в наше сложное время. Скажите, раз у нас уже зашел разговор на эту тему, каковы Ваши взгляды на современность?

* «Молодым — везде у нас дорога, / Старикам — везде у нас почет» — строка из «Песни о Родине», написанной композитором Исааком Дунаевским (1900—1955) на слова поэта Василия Лебедева-Кумача (1898—1949) для кинофильма «Цирк» (1936, режиссер Григорий Александров).

** Литературно-художественный и публицистический альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» издается в «бумажном» варианте и в электронном размещается на сайте журнала: <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>

*** Музыкально-поэтический альманах «На лирической волне» журнала «Приокские зори» и музыкально-поэтический и публицистический альманах «Тулльская сторона» в серии «Библиотека журнала “Приокские зори”» (редактором альманахов является композитор и издатель Сенин Сергей Владимирович) издаются в «бумажном» варианте и в электронном размещаются на сайте журнала: <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>

А. Я. Взгляд на современность — достаточно пессимистический, ибо живем мы сейчас «на взлете» глобализации, которая всем качествам человека предпочитает инстинкт частнособственничества. А ведь жадность — всякому горю начало,— учит народная мудрость. Все же остальные качества, в первую очередь традиционную христианскую мораль, глобализация нивелирует до категории «мораль по вызову», что есть уравнивание в правах добра и зла. Поэтому главной задачей современного русского литературного процесса является отстаивание традиционной морали и нравственности.

Я. Ш. Исходя из сказанного Вами, поясните, пожалуйста, нашим читателям, какова на Ваш взгляд конкретная роль литературы в данное время?

А. Я. Литература всегда должна выражать интересы твоего народа, будучи, в то же время, и общепонятной и нужной любому человеку Земли. Еще В. Г. Белинский учил: «Только та литература есть истинно народная, которая, в то же время, есть общечеловеческая; и только та литература есть истинно человеческая, которая, в то же время, есть и народная. Одно без другого существовать не должно и не может»*. К тому же современная литература не должна позволить, в силу своих возможностей, совсем увести себя из культурного обихода. Этой цели и служит журнал «Приокские зори» и его альманахи.

Я. Ш. Алексей Афанасьевич, мы говорили, что «Приокские зори» стал международным журналом. В чем это проявляется?

А. Я. У нашего журнала обширные международные связи с авторами из Украины, Белоруссии, Казахстана, Израиля и других стран ближнего и дальнего зарубежья. В частности, крепкое сотрудничество с Белорусским литературным союзом «Полоцкая ветвь», выходят «белорусские номера» «Приокских зорь». Мы проводим всероссийские и международные дискуссии по актуальным вопросам современной литературы. Так, например, это дискуссия «По проекту “Манифеста нового русского критического реализма”», «”Бумажная” и “компьютерная” литература в свете психолингвистики (аналоговое и цифровое мышление)», «Не хватит ли “сбрасывать Пушкина с корабля истории”?» (Что нам следует взять из русской литературы советского периода)», «”Герой нашего времени” в оцифрованном человечнике» и многие другие**. Мы единственный журнал в России и мире, который проводит такие дискуссии.

* В. Ф. Пустарнаков. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа.— М., 2002 г. С. 216.

** См. №№ журнала «Приокские зори» на сайте <http://www.pz.tula.ru>

Я. Ш. В №3, 2018 «Приокских зорь» мы читали два некролога. Жизнь и смерть, как всегда, идут рядом. Много ли было потерь соратников и постоянных авторов за последние годы?

А. Я. Да, Вы правы: как и смерти нет там, где отсутствует жизнь, так и жизни нет без смерти. За последние годы у нас было много горестных и невосполнимых утрат: Владимир Мирнев (был первым президентом Академии российской литературы), члены редколлегии: Наталья Квасникова и Ирина Кедрова; Виктор Пахомов (долгое время был зам. главного редактора), Лев Дуров, Наталья Парыгина (долгое время была постоянным членом редколлегии), Игорь Нехамес (до скоропостижной кончины в августе этого года — президент Академии российской литературы и член редколлегии) и Валерий Ганичев (до февраля 2018 года — председатель Правления Союза писателей России, член редколлегии журнала) ушли в мир иной. Все они были и активными авторами «Приокских зорь».

Я. Ш. Возвращаясь к озвученному Вами, Алексей Афанасьевич, принципу коллективизма, журнал ведь не является «одним в поле воинном», в одиночку всегда было тяжело, тем более в наше сложное время, наверняка ему предоставляется помощь другими участниками литературного процесса и не только?

А. Я. Это так. Большую организационную помощь журналу оказывает Союз писателей России, в частности его новый Председатель правления Николай Федорович Иванов. То же можно сказать и об Академии российской литературы в лице ее Президентов, а также информационной службы, работающей в Интернете, это неустанные труженики, пропагандисты АРЛ и нашего журнала — Евгений Маркович Скоблов и Ольга Геннадьевна Карагодина*. Тульский государственный университет тоже помогает — печатает «бумажные» экземпляры по заказам авторов.

Я. Ш. А родное, Тульское отделение Союза писателей России?

А. Я. Наши взаимоотношения с Тульской писательской организацией СПР похожи на отношения хороших сами по себе, но не дружащих друг с другом соседей. Причем, с нашей стороны неоднократно делались шаги по изменению этого статус кво. Однако по причинам, о которых можно только гадать, «воз и ныне там». Жаль, конечно... Но, как сказал Фридрих Ницше, «То, что не убивает нас, делает нас сильнее!»

Я. Ш. Алексей Афанасьевич, не будем заканчивать на грустной ноте. Думается, и это поправимо. У такого пассионарного и талантливоего человека, как Вы, и у такого замечательного журнала, как «Приокские зори», все главное еще впереди. Благодарю Вас, Алексей Афанасьевич,

* Страница Академии российской литературы в Фэйсбуке:
<https://www.facebook.com/groups/1669434796653420>

за интересную и познавательную беседу, из которой читатели и будущие авторы извлекут много для себя важного. От своего имени и от имени членов редколлегии и сотрудников редакции желаю Вам и нашему журналу закономерных дальнейших достижений!

Валентин ОГНЕВ

г. Щекино Тульской области

Родился в 1956 г. в д. Вишневая Становлянского р-на Липецкой обл. По образованию юрист. Полковник милиции в запасе. Награжден правительственными и ведомственными медалями. Занимается изучением истории населенных пунктов Становлянского р-на Липецкой обл. и Ефремовского р-на Тульской обл. Проводит генеалогические исследования по своему роду. Исследования Огнева Валентина Михайловича призваны помочь расширить знания о родном крае, увидеть его в общем ходе истории, ощутить свою связь с прошлым и настоящим страны. Им подготовлены и в районных СМИ Тульской и Липецкой обл. напечатаны 12 работ по краеведческой тематике. Был участником IV Областной генеалогической выставки «Тульские родословия. История и современность» по теме «Родословная Огневых». Является автором книг: «Храм Казанской Божией Матери села Ламское», изданной в 2010 г., «Край родной дикого поля», изданной в 2011 г. Принимал участие в проекте «Синодики Тульской губернии. Ефремовский уезд». В сборниках № 2 — 2014 г., №№ 3,4 — 2015 г. «Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской Духовной семинарии» напечатаны работы на православную тематику. Участник международного конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», посвященного 70-летию Великой Победы и 50-летию учреждения почетного звания «Город-герой». В книге воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним!..», вышедшей в 2015 г. напечатана работа Валентина Михайловича «Увековечим память»; и в этом же году издана книга «Край родной. Великая Отечественная война». В 2016 г. вышла из печати книга «Край родной. От Смутного времени...», а в 2017 — «Край родной. с. Ламское. Голицыны».

ТУЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ И ОПТИНА ПУСТЫНЬ. СХИАРХИМАНДРИТ КСЕНОФОНТ

Различные жизненные и исторические обстоятельства связали Тульскую землю и Оптину Пустынь. Одним из таких обстоятельств является то, что жители различных сословий Тульской губернии шли в Оптину Пустынь, чтобы нести в монастыре монашеское служение.

При посещении монастыря Введенская Оптина Пустынь в храме в честь Казанской иконы Божией Матери обращает внимание захоронение в левом приделе настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Ксенофонта. На надгробной плите имеется надпись: «На сем месте погре-

бено тело настоятеля обители Архимандрита Ксенофонта в мире купеческого сына Василия Ивановича Клюкина из г. Ефремова Тульской губернии. Скончался 30 августа 1914 года 67 лет от рождения. Настоятелем сей обители был 15 лет. В монастыре провел 45 лет. Поступил в сию обитель 1 ноября 1866 года. Вечная ему память».

И что же известно о архимандрите Ксенофонте — уроженце Тульской земли города Ефремова?

О его жизненном пути в монастыре кратко описывается в различных источниках. Архимандрит Ксенофонт, — в миру Василий Иванович Клюкин, купеческий сын. Родился Василий Иванович в г. Ефремо-ве Тульской губернии.

После поступления в обитель 1 ноября 1866 года, определен в число братства Оптиной Пустыни только 13 октября 1869 года.

В первые годы нахождения в монастыре Василий Иванович нес послушание на кухне, в погребях, в просфорной, при рухлядной, заведовал братским бельем. Пострижен в рясофор 21 декабря 1869 года, а в монашество пострижен 19 июня 1876 года. По происшествии чуть более четырех лет, 30 сентября 1884 года его рукоположили в иеродиакона. С 18 октября 1890 года отца Ксенофонта утвердили указом Калужской духовной консистории казначеем, а 21 ноября 1890 года он был посвящен в священный чин иеромонаха.

9 июля 1899 года проводились выборы нового настоятеля монастыря. Одной из кандидатур был иеромонах Ксенофонт. Большинство голосов старшей братии он был избран, а в августе 1899 года утвержден в должности настоятеля Оптиной Пустыни с возведением в сан игумена. 2 мая 1900 года назначен благочинным монастырем Калужской епархии и 14 апреля 1904 года возведен в сан архимандрита.

В начале 1900-х годов в монастыре находилось около трехсот человек. Было большое хозяйство. В обители было два странноприимных дома, в которых братия принимали и кормили в течение года несколько десятков тысяч богомольцев и странников. На дорогу многие из них снабжались обувью, одеждой, деньгами. При монастыре находилась больница для бесплатного лечения братии и окрестных жителей.

20 декабря 1907 года неустановленными преступниками были убиты два рясофорных монаха. В июне 1909 года произошел сильный разлив реки Жиздры. Это обернулось большими убытками для монастыря. Во время разлива были разрушены мельничные плотины, затоплены луга, уничтожены посевы и огороды. Имея слабое сердце и испытывая большие нагрузки, отец Ксенофонт тяжело заболел. В 1910 году он перенес операцию. Очень сильно на него повлияла «оптинская смута». Группа тщеславных монахов, при поддержке некоторых светских лиц, начиная с 1910 года, постоянно писали жалобы епархиальному начальству и в Св. Синод. Целью доносок было получение начальствующих должностей и смена руководства монастыря. Архимандрит

Ксенофонт, на основании прошения по болезни, 1 января 1912 года был уволен от должности благочинного мужских монастырей. В сентябре выезжал в отпуск по состоянию здоровья, в котором находился до апреля 1913 года. Умер архимандрит Ксенофонт 30 августа 1914 года. Отпевание прошло 2 сентября. Отпевание возглавлял епископ Михай (Алексеев). По желанию братии архимандрит Ксенофонт был захоронен в Казанском храме. На могиле была установлена белая деревянная гробница. В начале 2000-х годов установили мраморную гробницу.

Отец Ксенофонт имел много наград. Удостоен набедренника 15 октября 1891 года, получил благословение Св. Синода от 14 мая 1896 года. 4 июня 1896 года награжден наперстным крестом, а 6 мая 1902 года — орденом св. Анны 3-й степени. Преподано благословение Св. Синода в 1906 году, и в этом же году 14 мая удостоен медали Красного Креста. Награждался архимандрит Ксенофонт орденами св. Анны 2-й степени 6 мая 1907 года и 6 мая 1910 года св. Владимира 4-й степени.

В отрывочных сведениях об оптинских подвижниках говорится, что он был строгим подвижником, монахом святой жизни, известен как нестяжатель, щедро жертвовавший нуждающимся. Из воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова), посещавшего Оптину Пустынь в бытность свою архимандритом, ректором Тверской духовной семинарии: «Вместе с этими монахами мне вспомнился и отец игумен монастыря. Я теперь забыл его святое имя — может быть, его звали Ксенофонт. Это был уже седовласый старец с тонкими худыми чертами бледного лица. Лет около семидесяти. Мое внимание обратила особая строгость его лица, даже почти суровость. А когда он выходил из храма боковыми южными дверями, то к нему с разных сторон потянулись богомольцы, особенно — женщины. Но он шел поспешно вперед, в свой настоятельский дом, почти не оглядываясь на подходивших и быстро их благословляя. Я не посмел осудить его: слишком серьезно было лицо его. Наоборот, я наполнился неким благоговейным почтением к нему. Этот опытный инок знал как с кем обращаться. И вспоминается мне изречение святого Макария Великого, что у Господа есть разные святые: один приходит к Нему с радостью, другой — в суровости, и обоих Бог приемлет с любовью».

В книге И. М. Концевича «Оптина пустынь и ее время» архимандрит Ксенофонт при личной порядочности характеризуется как настоятель несколько слабый. Но в биографическом справочнике «Насельники Оптиной пустыни XVII — XX веков» иеромонах Платон (Рожков) указывает, что это можно только связать с кадровыми назначениями в обители, но в целом отец Ксенофонт был хорошим и авторитетным настоятелем. И он приводит слова преподобного Варнософия, находившегося в Манчжурии и узнавшего о болезни настоятеля: «Да сохранит Господь возлюбленного отца игумена Ксенофонта.

Страшно подумать, что будет Оптина при другом игумене, без традиций...».

А что известно о его жизни, о его семье в городе Ефремове Тульской губернии, т. е. по месту его рождения?

Повторюсь, архимандрит Ксенофонт — в миру Василий Иванович Клюкин. Родился Василий в г. Ефремове Тульской губернии, в семье купцов. Купец по словарю Ефремовой означает: лицо, ведущее частную торговлю, владеющее торговым предприятием. Человек, желающий стать купцом, шел в земскую управу и сообщал, что он хочет быть оным — по-современному предпринимателем без образования юридического лица. Объявлял капитал — количество денег в обороте. Само собой, платил налог с оборота. Он мог быть крестьянином, мещанином. Казаки только не были купцами. Они были «торговыми казакми». Купцы третьей гильдии (этот разряд купеческого сословия встречался до конца XIX века) могли вести лишь мелкую торговлю, содержать трактиры и постоялые дворы, заниматься ремеслом. Статус купца не передавался по наследству и не был даже постоянным при жизни.

Тема купеческой жизни в старинном городе Ефремове Тульской губернии изучена не в полной мере, а о купцах Клюкиных имеются только единичные упоминания. По документам Тульского государственного архива восстановим отдельные моменты из жизни семьи Клюкиных.

Определенные сведения о купцах Клюкиных получены из ревизских сказок, исповедных ведомостей церквей и других источников. Эти сведения, конечно, не в полном объеме могут охарактеризовать Клюкиных, но уже можно понять, какие складывались обстоятельства в семье и какое положение их было в обществе.

17 октября 1795 года в казенную палату городской голова города Ефремова ефремовский купец Никита Елисеевич Болотов подавал ревизскую сказку на ефремовских купцов 3-й гильдии. Среди списков купцов значилась и семья Клюкиных во главе с Кондратием Михайловичем 1725 года рождения, прапрадедом схиархимандрита Ксенофонта. В документе в отношении Кондратия Михайловича сделана пометка, что он записан в сказке мещан. В переписи мещан 1795 года города Ефремова также внесена запись: «Кондратей Михайлов сын Клюкин, 57 лет. Умре в 792 году». Переход в сословие мещан Кондратия Михайловича был связан с условиями членства в купеческой гильдии. Но купеческое дело отца, продолжает его сын Абрам, который объявляет за 1794 год капиталы в сумме 1010 рублей. А за 1795 год капитал был объявлен уже в сумме две тысячи рублей. С этих и последующих сумм Абрам Кондратьевич, объявляя капитал, уплачивал гильдейский сбор и числился в гильдии купцов. Значит, купеческое дело на данный период у него развивалось, т. е. он успешно вел торговлю. И в 1798 году

Абрам Кондратьевич Клюкин уже являлся городским головой города Ефремова.

Православные таинства семья купцов Клюкиных совершала в Никольской церкви города Ефремова. Об этом говорит духовная роспись за 1798 год. В росписи указана семья Клюкиных в количестве 13 человек, во главе которой стоял Абрам Кондратьевич.

Абрам Кондратьевич Клюкин 1748 года рождения был женат на жительнице города Ефремова Анне Яковлевне. Можно предположить, что она была из купеческой семьи, так как купцы в основном женились на женщинах своего сословия. В семье у них было четыре сына: Захар, Сергей, Петр, Семен и две дочери: Мария и Мавра. Абрам Кондратьевич Клюкин являлся прадедом, а его сын Петр 1779 года рождения дедом отца Ксенофонта.

Дочь Абрама Кондратьевича Мария была выдана замуж за ефремовского купеческого сына Якова Титова. Женатыми были и сыновья Захар и Сергей. Захар женился на Аграфене Васильевне Володиной, купеческой дочери. У них был сын Максим и дочь Александра. В этой же переписи семьи Клюкиных у Сергея указана жена Дарья Андреевна, «взятая города Ефремова Соборной Троицкой церкви Протопопова дочь».

В переписи купцов города Ефремова, отдельной семьей, записан и Вукол Кондратьевич Клюкин с женой Марьей Евдокимовой. В 4-й ревизии Вукол был записан ошибочно как Николай. В отношении него имеется запись, что Вукол Клюкин в 1795 году числился в купечестве с объявленным у него капиталом 1005 рублей на будущий 1796 год. Но указом от 23 июня 1794 года капитал у него не объявлен. На основании этого, резолюцией городского магистрата от 9 июля 1795 года Вукол Кондратьевич со своим семейством записан в мещане и занесен в перепись мещан г. Ефремова. Значатся они в списках мещан и в ревизской сказке города Ефремова 1816 года.

В 1816 году во главе купеческого семейства Клюкиных стал Сергей Абрамович Клюкин. Его отец Абрам Кондратьевич, старший брат Захар Абрамович и жена Дарья Андреевна умерли. Совместно с Сергеем Абрамовичем проживала его мать Анна Яковлевна, семья младшего брата Петра Абрамовича. Петр был уже женат на второй жене Марфе Васильевне и у них от совместного брака было двое детей: дочь Вера и сын Абрам. Проживал с ними и сын от первого брака Алексей. В состав семьи Сергея Абрамовича входили также члены семьи умершего старшего брата Захара жена Аграфена Васильева, их сыновья: Максим с женой Авдотьей Гавриловной, Николай, Матвей и Алексей. Таким образом, можем сказать, что купеческая семья Клюкиных, где проживал прямой предок будущего настоятеля Оптиной Пустыни, в середине второго десятилетия 19-го века была немалая и состояла из 13 человек. Период жизни купцов Клюкиных с 1816 по 1834 годы обозначился

следующими известными событиями. Умерла Анна Яковлевна, мать Сергея Абрамовича и Петра Абрамовича. В 1826 году умер в семье Петра Абрамовича сын Абрам. Но за указанный период в его семье родилось трое детей. Это сын Иван и две дочери: Надежда и Любовь. Сын Петра Алексей женился на женщине по имени Екатерина (1813—†?) (другие данные в документах не встречаются). У них родились две дочери: Александра и Юлия.

В сентябре 1817 года Петр Абрамович берет в оброчное содержание мукомольную мельницу, принадлежащую городскому обществу г. Ефремова. Мельница, с прилегающим к ней огородом, выше плотины лугом, строениями и лазинником по контуру, была расположена на речке Уродовка, на землях г. Ефремова. Разрешение на содержание мельницы купцу П. А. Клюкину было выдано городской думой сроком на 10 лет. Оброк в думу составлял двадцать пять рублей в год. 15 сентября 1827 года срок использования мельницы купцом Клюкиным истек и мельница была выставлена на торги. Торги в июле 1827 года выиграл Петр Абрамович. Мельницу он мог использовать еще 4 года с уплатой налога 215 рублей в год.

Старший брат купца Петра Абрамовича Клюкина, Сергей Абрамович «по учиненному разделу выбыл особым семейством в 1817 году в купечество одного ж города». Отдельно занимались купеческим делом и племянники Сергея Абрамовича: Максим, Николай, Матвей и Алексей, дети умершего Захара. Это было связано с Указом Правительствующего Сената от 28 февраля 1809 года. Таким образом, Сергей Абрамович, Петр Абрамович и дети умершего Захара Абрамовича числились в отдельных капиталах и отдельно платили гильдейские сборы, занимаясь предпринимательством. Так купец Сергей и купеческий сын Алексей Клюкины в 1825 году выиграли торги на содержание двух трактиров в г. Ефремове. От содержания этих трактиров оказались бывший купец Василий Толстухин и купеческий сын Николай Краснобаев. Результаты этих торгов были утверждены городской думой 3 февраля 1826 года со взносом акциза за 1-й трактир 350 рублей и за 2-й — 345 рублей в год.

В одном из источников за 1826 год встречаются документы о якобы неблагоприятных поступках Петра Абрамовича и его жены. Суть дела в следующем. В семье Клюкиных проживала крепостная девка Любовь Архипова купца Ильина для обучения рукоделью. Она обратилась в полицию о том, что якобы ее подвергают избиению и издеваются над ней Петр Абрамович и его жена, и просила защиты от них. В связи с этим крепостную Любовь Архипову направили проживать к купцу Ильину, ее хозяину. А в отношении купца Клюкина городничий направлял письмо Тульскому гражданскому губернатору. В письме он сообщал об обращении крепостной Любви Архиповой об якобы избиении ее купцом Клюкиным и его женой. Какие меры были приняты

в отношении Клюкиных, в документах источника не указано. Но ни в одном из документов не указывается конкретно факт избиения крепостной девки Ильина. Поэтому мы не можем сказать о подтвержденных избиениях и издевательствах семьей Клюкиных крепостных.

В документах переписи 1850 года указывается, что в 1845 году умер Петр Абрамович, а его сын Алексей в 1842 году из купцов был переведен в мещанство. Ефремовским 3-й гильдии купцом в переписи значится Иван Петрович, сын умершего Петра Абрамовича, отец архимандрита Ксенофонта. Иван был женат на Марии Федотовне. У них было два сына: Александр семи лет и Василий пяти лет. Из этого документа мы видим, что в семье Ивана Петровича Клюкина в 1845 году родился сын Василий, будущий настоятель Оптиной Пустыни и благочинный монастырей Калужской епархии.

Наступает 1857 год. Вновь проводится перепись населения. Иван Петрович Клюкин подает ревизскую сказку. В данном документе значится он с женой и двумя подросшими сыновьями Александром и Василием. Но значится семья по мещанскому сословию. Из этого следует, что Иваном Петровичем не были уплачены гильдейские сборы и он был переведен из купцов в мещане. На момент проведения переписи Василию было 12 лет.

Из ревизских сказок усматривается, что Василий родился в 1845 году. Указана данная дата в Википедии и некоторых других источниках. В книге «Жизнеописания почивших скитян. (Скитское кладбище в Оптиной Пустыни) записано: «... поступил 1 ноября 1866 г., 20 лет». Согласно этому источнику год рождения Василия — 1846. Для уточнения даты рождения Василия был изучен ряд метрических книг Николаевской церкви г. Ефремова.

При просмотре метрической книги о родившихся Николаевской церкви г. Ефремова за 1845 год, запись о его рождении отсутствует. Нет записи о рождении в метрической книге и за 1844 год. Но за 1846 год имеется запись № 7 мужского пола в метрической книге о родившихся Николаевской церкви города Ефремова Тульской губернии. Василий родился 26 января 1846 года. Родители ефремовский 3-й гильдии купеческий сын Иван Петрович Клюкин и законная жена его Мария Федотовна, оба православные. Крещен 26 января 1846 года причтом Николаевской церкви: протоирей Андрей Флиоров, с диаконом Василием Ляпидевским, дьячком Прокопием Погожевым и пономарем Иваном Каменским. Восприемники: Ефремовский 3-й гильдии купеческий сын Захарий Спиридонович Юрцев и жена Ефремовского 3-й гильдии купца Надежда Петровна Шарова. Исходя из данного документа, дата рождения Клюкина Василия Ивановича, будущего схимандрита Ксенофонта, 26 января 1846 года.

Совершать православные таинства семья Ивана Петровича Клюкина продолжала в Никольской церкви города Ефремова. Церковь распо-

лагалась на ул. Площадной (в настоящее время ул. Комсомольская). В исповедальной ведомости церкви 1862 года записана семья мещанина Ивана Петровича Клюкина с женой и двумя сыновьями. Но в исповедальной ведомости 1864 года семья Клюкиных числится уже как купеческая. Значит, Иван Петрович занимается предпринимательством, уплачивает гильдейские сборы, и семья переведена в купеческое сословие.

Семью Клюкина Ивана Петровича покидает младший сын Василий. Он не продолжает дело отца, а уходит в монастырь Оптиной Пустыни. В монастырь Василий поступил 1 ноября 1866 года. Причина, побудившая его уйти в Оптину Пустынь, настоящим исследованием не выявлена. Но одной из главных причин ухода в монастыри, являлась неудовлетворенность мирской жизнью. Василий Иванович Клюкин был определен в число братства Оптиной Пустыни 13 октября 1869 года. Придя в монастырь, Василий Иванович Клюкин — отец Ксенофонт, посвящает свою жизнь служению Богу.

Использованы источники Тульского государственного архива:

1. ф. 3 оп. 1 дд. 241, 243; 2. ф. 3 оп. 15 дд. 697, 703, 709; 3. ф. 90 оп. 1Т4 д. 3264; 4. ф. 90 оп. 1Т4 д. 4118; 5. ф. 90 оп. 1Т7 д. 6278; 6. ф. 368 оп. 1 д. 47; 7. ф. 369 оп. 1 д. 29; 8. ф. 370 оп. 1 д. 25; 9. ф. 371 оп. 1 д. 32; 10. ф. 373 оп. 1 д. 13; 11. ф. 1770 оп. 1 д. 481

Литература:

1. Насельники Оптиной пустыни XVII — XX веков: биографический справочник /сост., вступ. статья иером. Платона (Рожкова).— Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2017.—808 с.

2. Схиархимандрит Ксенофонт (Клюкин), гл. III «Подвижники благочестия Оптиной Пустыни», Иулиания (Самсонова), мон., сост., Оптинский патерик, Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2006.

3. Жизнеописания почивших скитян. (Скитское кладбище в Оптиной Пустыни).— Введенский ставропигиальный монастырь Оптина Пустынь, 2010.— 272 с.

4. Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской Духовной семинарии: Сборник статей: Вып. 3 / Ред.-сост. М. А. Михалева.— Тула: Аквариус, 2015.— 80 стр.

Сергей ОВЧИННИКОВ

г. Щекино Тульской области

Родился возле Ясной Поляны в Тульской обл. в 1963 г. Окончил медицинский институт, жил в Калининградской области, Рязани, под Владимиром, в Тольятти, с 1991 г. — на родине. Публикуется в журналах, альманахах, «Литературной газете», во всероссийской антологии современной прозы и поэзии «Наше время». Автор нескольких книг прозы и афоризмов. Лауреат областной премии им. Л. Н. Толстого в категории проза (2011) и премии «Золотое перо Тулы» (2011). С 2001 г. издает и редактирует литературный альманах «Тула».

ПО ДОРОГЕ В ЕФРЕМОВ

Тем летом выпала нам дорога в ефремовские Черкассы к домику оптинского схимника Павла Драчева. Я долго сговаривался с разными людьми, выбирая для путешествия день и компанию, но решил ехать вдвоем с монахом Даниилом, священником сельской церкви в Жемчужниково, преподавателем литургики в Тульской семинарии. Выезжали рано, Даниил не успел позавтракать и зарядить телефон. Он был в походной синей рясе, из-под которой выглядывали спортивные брюки, старенькие сандалии. В пути монах, не теряя времени, сразу заговорил о деле. Положив рядом с ним диктофон, сам глядя на дорогу, я думал о той части тульской истории, которая долго ускользала от моего внимания.

— В то время гонений священники вообще были высокой морали! А старцами были те, кто и среди них выделялись нравственностью, — как всегда энергично, чуть торопясь, говорил Даниил. — И появилась разом плеяда знаменитых старцев, которые, как благоухающие маргаритки, зацвели в Господнем саду: оптинцы схиигумен Павел Драчев и Севастиан Карагандинский, игумен Кукша Одесский, Самсон Сиверс в Москве, схиигумен Савва из Псково-Печерского монастыря, духовник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кирилл Павлов, Иосиф Почаевский... Благодаря этим старцам православие на русской земле выстояло, а затем обрело ту мощь, которую имеет сегодня. На тульской земле старцы чаще селились возле Ефремова, во многом благодаря ефремовскому благочинному отцу Герману...

Август в том году выдался знатным — после июля дожди почти совсем прекратились, отменно вызрели ячмень и пшеница, картофель и кукуруза, яблони же в садах буквально ломились от щедрого урожая. Земля наша, перестав пустовать, кормила свой народ, как в стародавние времена. Русское крестьянство, почти исчезнув при Ельцине, точку окрепло. Явилось много успешных фермеров, задышали полной

грудью сохранившие землю колхозы, совхозы — в наших краях «Новая жизнь» и «Лазаревское». В поселке Лазаревском Даниил и его духовные дети построили церковь, теперь мы ехали мимо ухоженных полей этого хозяйства — на душе у меня было спокойно и радостно. Машина для путешествий, с фотографиями Самсона Сиверса и Амвросия Оптинского под лобовым стеклом, летела на юг от Тулы по трассе Москва — Крым, перекрытой на границе украинскими самостийщиками. Дорожные указатели «Симферополь» и «Харьков» четыре года назад заменили на табличку «Белгород», мы уже стали привыкать к нашей раздельности, хотя еще пять лет назад мысль об этом показалась бы сумасшествием.

— Одним из самых ярких православных старцев страны в хрущевское время был Павел Драчев,— продолжал Даниил, не обращая внимания на скорость, я отмечал про себя это, потому что мой друг Тимур Зульфикаров обычно требовал ехать не быстрее восьмидесяти.— После ссылок и гонений отец Павел Драчев оказался в Ефремовском районе, в селе Туртень, где у него сложились хорошие отношения с директором тамошнего совхоза. Этот человек тайно помогал батюшке. Народ быстро раскусил, какой Павел духовный, благодатный батюшка, и люди к нему ездили толпами — тайно и явно. Хрущевской власти это не понравилось, однажды они подогнали к храму в Туртени пожарную машину и брансбоями стали выгонять людей из церкви. Батюшка тогда закрылся в алтаре, испугался, у него было сильное потрясение. Вскоре совхозный директор сказал Павлу, что на днях за ним придут, арестуют. Господь вразумил старца скрыться. На несколько лет он вместе с келыйниками уехал в Караганду — к Севастиану Карагандинскому, который вместе с Павлом был в Оптиной монахом...

Наша машина свернула с трассы Москва — Белгород на Ефремов. Вдоль этой второстепенной дороги на обочинах мало полицейских радаров и можно было еще разогнаться. Стрелка спидометра колебалась около 140, воздух ревел за приспущенным стеклом упруго приседающей в понижениях дороги машины, мимо летели указатели знаковых деревень — Царево, Липово... Я прислушивался к скрытой мелодии жизни, стараясь уловить ее энергетику, предчувствовать будущее. По всему выходило, что в ближайшие месяцы в Центральной России будет спокойно, хотя окружающий нас мир грохотал от ненависти — в Сирии, на Украине, Донбассе. Сильные армии защищали Россию и Китай от бомбежек, ведь Москва и Пекин сбрасывали долговые бумаги США, закупали золото, нанося этим удары по доллару. Именно за это повесили Садама Хусейна и растерзали Муаммара Каддафи, вбомбив их страны в средневековье. Но Россия, слава Богу, не Сирия и не Ирак, бомбить Москву наши «партнеры» пока опасались, ограничиваясь санкциями, тихой войной. Десять — пятнадцать тысяч жителей России, по моим подсчетам, сгнуло в последнюю зиму от молниенос-

ной пневмонии, вызванной странным, синтетическим вирусом, которым от человека заражались даже куры и кошки. Удивляться не приходилось, Россия была окружена бактериологическими базами «партизнеров», как бродячая собака блохами. В Шереметьево и Домодедово чуть ли не каждый день изымали у прилетающих подозрительных пассажиров вирусы и бактерии в спреях и ампулах.

Но все же эти потери были для российских народов малозаметны после чудовищных жертв русских войн и революций XX века. В Первую мировую и Гражданскую, при раскулачивании, расказачивании, в голод 1933—1934 годов, во Второй мировой, в результате распада СССР и правления Ельцина люди русского мира погибали миллионами. В августе 2018-го горожан больше волновали мирные проблемы — куда поехать отдохнуть, где подлечиться, как найти хорошую работу. Богатые думали как сохранить накопления, а бедные — как дожить до все отодвигающейся пенсии. Города России полнились дорогими машинами, в пригородах строились огромные дома, похожие на бывшие помещичьи усадьбы, в полях работали новые комбайны, дороги оказались подновлены и вдоль них на табуретах привычно стояли банки с медом и молоком, ведра с яблоками и картошкой. Мотор страны, несмотря на тихую войну, работал мощно и ровно, я пытался осознать прошлое, чтобы не ошибиться в настоящем и будущем. Тем летом много думал о революции, Гражданской войне, социализме ленинского, сталинского и хрущевского толка, о причинах распада СССР, потому я спросил монаха, отклоняясь от волнующей его темы:

— Так почему распался Союз, как думаете?

— Потому что страна ушла от Бога! — Даниил ни секунды не сомневался.— Даже язычники не удумывали разрушать алтари своих идолов, а русский человек покусился на храмы истинного Бога, Святой Троицы, наивно уверовав, что Бога нет! А ведь атеизма в природе не существует, отвержение Бога — это вера в свой маленький ум! В свой маленький горделивый ум, который в сравнении с огромным разумом Господа похож на песчинку! А помрачил русских людей лукашка, тангалашка, который и впихивает людям идею, что Его нет. Когда люди в это верят, можно им внушить, что горделивые богоборческие мысли — это их собственные размышления. Но это не совсем так. Ведь первым возгордился ангел Денница! И первая революция где была? На Небе! А затем он сделал ее в умах людей в раю. Но революция всегда пожирала своих детей. Так было и с французской, и с русской. Как безвременно погибли Робеспьер и Марат, так же погибли Свердлов, Ленин, Троцкий, Дзержинский, Фрунзе. Говорят про евреев в революции, но Троцкий преследовал не только русских людей, он участвовал в гонениях и на евреев, сам принадлежа к этой нации! Это же безумие! А еще русский человек взял на себя страшный грех царубийства! Мы все в стране братья и сестры, значит, убивали царя наши дальние род-

ственники — на нас тоже кровь царя и его детей! Надо покаяться, вытащить Ульянова из мавзолея, чтобы он не сквернил Красную площадь, у нас там святые лежат в Кремле!

Стремительно плыли назад придорожные деревни, поля желтого цвета с еще не перепаханной стерней, машина обгоняла продуктовые фуры, трактора, комбайны — спустя полчаса мы уже мчались по Ефремовской земле.

Сельцо Офремов основали еще в 1637-м — именно тогда земли южнее Тулы начали активно осваиваться русскими. В этом году царь Михаил Федорович приказал в очередной раз реконструировать и обновить древнюю тульскую засечную черту — русский «Пояс Пресвятой Богородицы». К подновленным тульским засекам начали прибавлять деревянные остроги и земляные бастионы укрепленных сел, стрелецких выселок, пушкарских слобод — с земляными, дубовыми укреплениями, пушками... Тогда и построили, в числе прочих, Офремовское городище, по имени некоего Офрема, который на «диком поле» тут первым закрепился. Стояло городище на окраине Офремова леса, от которого сейчас ничего не осталось, на берегу реки Красивая Меча. Ныне она мелкая, в ней много бродов и перекатов, зато есть, действительно, красивые скальные участки на берегах. Но тогда река была гораздо полноводнее, по ней на лодках возили хлеб. До середины 17-го века земля эта была ничейной — территория «дикого поля», по которому сновали шайки грабителей, в основном крымских татар. Древняя Тула веками прикрывала от них подступы к Москве с юга, находясь на большой «посольской» дороге, которую иногда называли «Муравский шлях». По этому «травяному» шляху двигались навстречу врагам русские отряды, ездили телеги крестьян, обозы торговцев, шагали паломники, в каретах плыли цари, дипломаты...

Деревянная Тула не один раз сжигалась врагами дотла и потому к 1520-му году на берегу Упы построили тульский каменный кремль, внутри него находились храмы и «осадные дворы» — особые избы с оборонными запасами. Хотя бы часть мужчин могла укрыться здесь в случае опасности, а старики, женщины и дети при набегах уходили на север, прятались среди болот и дремучего леса. В мирное время вокруг кремля заново отстраивались ремесленники — оружейники, самоварщики, замковых дел мастера...

Тульский кремль враги испытывали на прочность почти сразу же — в 1552-м он выдержал многодневную осаду крымского хана с армией в 30 000 человек. В 1596-м году случился новый большой татарский набег: «Воеваху те места и разоряху и многих людей побиша и села и деревни многие пожогша, дворян и детей боярских с женами и детьми и многих православных крестьян в полон поимша и сведоша» — так написано в летописях. Но и кроме татар было кому потревожить Тулу.

В 1605-м город открыл ворота кремля Лжедмитрию. В 1607-м — повстанцам под управлением Болотникова. Четыре месяца они здесь в кремле оборонялись. Чтобы их выкурить из тульского кремля, московские войска Василия Шуйского построили плотину на Упе чуть ниже по течению, река разлилась, и тонушие бунтовщики сдались. Приходили в Тулу отряды Болотникова и Лжедмитрия не просто так — всем требовалось тульское оружие. Да и в самой Туле были сильны, как сейчас говорят, «протестные настроения», ведь город был близок к «бунташному» Дону. Когда в 1707-м году на Дону поднялось очередное восстание — под руководством Кондратия Булавина,— туляки поддержали бунтующих, вокруг Тулы запальвали помещичьи усадьбы. В 1762-м началось восстание крестьян в Епифани, затем туляки ждали Пугачева... Несправедливое жизнеустройство в стране мучило русских веками, не нужно с затуманенными глазами рассуждать на тему «Россия, которую мы потеряли» — Октябрьская революция возникла не на пустом месте.

Но это другая тема. Что же касается татар и «дикого поля» — оружейная Тула внесла большой вклад в русские победы. Во многом благодаря тульским пушкам и пищалям русские войска стали побеждать татар: степным всадникам, вооруженным устаревшими луками, саблями, трудно было взять крепость, из которой по их конному строю били пушечной картечью. Судьбоносная битва при Молодях в августе 1572-го завершилась победой русских войск благодаря тому, что татар заставили штурмовать передвижную крепость русских, вооруженную пушками и пищалами, тогда еще импортными.

В этой не слишком известной битве, по значению почти равной Куликовской, в 50-ти верстах южнее Москвы сошлись отряды Михаила Воротынского и Дмитрия Хворостинина с татарскими войсками Девлет Гирея, усиленными турками и ногайцами. Русских было гораздо меньше, потому что главная армия Ивана Грозного находилась на Ливонской войне — Грозный еще до Петра Великого пытался «прорубить» морское окно в Европу и Азию. В нашей армии было много татар, чувашей, мордвы, перешедших на службу к русскому царю, перед этим войска Ивана Грозного взяли Астрахань, вышли к Каспию, на севере захватили Полоцк и города Прибалтики, но затем увязли в Ливонии. Мусульмане, во главе с турецким султаном и крымским ханом, хотели вернуть контроль над Казанью и Астраханью, да и всем «диким полем». В 1571-м году Девлет Гирей уже подходил к Москве, полностью сжег деревянную столицу Руси, ослабленную чумной эпидемией и голодом. Теперь, воюя на два фронта, Иван Грозный, в случае поражения от мусульманского войска, предполагал вернуть им Казань и Астрахань, даже заранее велел срыть русские форпосты на Северном Кавказе. То есть турки и крымские татары в 1572-м могли нанести

удар по России такой силы, что русские рисковали превратиться в мусульманских данников. Девлет Гирей собрал огромную армию в 80 000 воинов, мобилизовал всех дееспособных крымских татар мужского пола, получил в усиление 6 000 турецких янычар, несколько тысяч ногайцев! Он объявил уже, что «едет в Москву на царство» и земли Московской Руси заочно поделили между собой татарские мурзы.

А у Михаила Воротынского, главы русской пограничной стражи, на южных рубежах в наличии было всего 20 000 стрельцов, 7 000 немецких наемников и несколько тысяч донских казаков. Иван Грозный, зная о неравности сил, уже не надеясь на успех обороны, выехал из столицы в сторону Великого Новгорода. Говоря сегодняшним языком, из Москвы была произведена «эвакуация правительственных учреждений». Стрельцы готовились стоять насмерть, уповая на пушки, пищали, купленные на западе. Для защиты импортной артиллерии придумали соорудить «Гуляй-город»: сотни телег с бревенчатыми щитами, в которых прорубались амбразуры для пушек, ставили кругом, создавая внутри защищенное пространство.

Татаро-турецкое войско уже приближалось к Москве, форсировав Оку с помощью предателей и разбив передовые отряды Воротынского, но тут в хвост татарскому войску ударили наши «шахиды», смертники — отряд лучших стрельцов под руководством молодого опричного воеводы Дмитрия Хворостинина. Опасаясь за свой тыл, Девлет Гирей развернул войско и стал преследовать отряд Хворостинина, который, отступая, заманил татар под пушки «Гуляй-города», развернутого вблизи Молодей. Получив от небольшого отряда болезненный щелчок по носу, Девлет Гирей разъярился и под влиянием гнева ошибся — приказал штурмовать крепость, в которой укрылись русские войска. В ходе нескольких штурмов татарские отряды были сильно прорежены пушечной картечью, хотя и с русской стороны было много убитых и раненых. Но у татар потери оказались буквально катастрофическими: погибли крупные военачальники, во время вылазки стрельцы взяли в плен «правую руку» хана — Дивей-мурзу... Девлет Гирей, вместо того, чтобы идти на незащищенную Москву, все глубже увязал в западне. Осатанев от неудач, он приказал войскам спешиться и любой ценой взять русскую крепость. Подступы к деревянной крепости русских оказались буквально завалены трупами татар и турок, многим штурмующим казаки отрубили руки саблями, когда те пытались схватиться за верх бревенчатых щитов, чтобы перелезть через стену... Но и стрельцам приходилось в крепости было уже невозможно: закончилась вода и еда, приходилось есть боевых лошадей. Темным вечером Воротынский вывел свой полк из укрепления, прошел укромной ложиной и ударил татарам в тыл, проявив незаурядный полководческий талант. Из крепости в это же время открыли бешеную пушечную стрельбу, а затем оттуда вышел отряд Хворостинина. Татары и турки не выдержали

ли удара с двух сторон, побежали, бросая оружие — подумали, что к русским пришла подмога. Бегущих мусульман безжалостно уничтожали — турок в плен решили вообще не брать, небольшие шансы уцелеть были у татарских военачальников, но поди отличи в лютой сечи военачальника... При отступлении погибли сын, внук и зять Девлет Гирея, несколько тысяч татар утонуло в Оке, множество их увязло в болотах, тысячи были перебиты поодиночке. В Крым вернулось не более 15 000 мужчин, полуостров был обескровлен, на 20 лет прекратились все татарские набеги на Русь, Османская империя полностью отказалась от планов вернуть Поволжье. На Дону и Десне русские пограничники отодвинули свои крепости к югу сразу на 300 километров, заложив Елец, Воронеж, Ливны и Орел, осваивая земли «дикого поля». К 1680-м году крепость в Ефремове потеряла военное значение и ее снесли за ненадобностью.

Одним словом — татары проиграли, если не учитывать русский героизм, потому что отстали в тактике и вооружении. Водить с собой много пушек они не могли, это лишало их войско маневренности, главного военного преимущества татар — русские пушки стали решать исход сражений.

Много пушек на Западе было купить невозможно, а тут возле Тулы как раз нашли уголь и железную руду, поэтому с конца 16 века здесь начало развиваться оружейное дело. В 1599-м московское правительство поселило в Туле первые тридцать семей оружейников, производящих пищали. Дело оказалось прибыльным, хотя и сложным, но местные ремесленники быстро переняли новые для них технологии — возникли династии, артели, цеха тульских оружейников. А уж после Смуты, при царе Михаиле Федоровиче Романове, оружейное дело приобрело тут государственный размах. В 1632-м голландский купец Андреас Винниус и еще несколько иностранцев получили от царя разрешительные грамоты на производство пушек. Винниус организовал в селе Ченцово — сейчас это Заокский район Тульской области, — металлургическое и оружейное производство. Голландцы привезли сюда шестьсот спецов из Европы, в помощники им нанимали местных ремесленников — согласно договору с царем иностранцы обучали местных всем тонкостям оружейного дела. Часть пушек и ядер из Ченцова подводами вывозили в Амстердам, но много и со скидкой продавали русскому царю. Когда залежи металлической руды в Ченцово закончились, производство окончательно переместилось в Тулу.

После того, как границы России откатились далеко к югу, ефремовская земля, недавно отвоеванная у «дикого поля», зажила жизнью крестьянской, помещичьей, купеческой. За пограничную службу царь даровал служилым людям из бояр, мелким военачальникам тут землю и звания, а крестьяне и казаки притекали сюда сами, ведь новые земли

на первых порах освобождались от налогов. До сих пор возле Ефремова живут новосильские казаки, сохранившие элементы языковой самобытности. Основной жизни для здешних крестьян и торговцев стало выращивание зерна, с 1765-го года понемногу начали внедрять картофель. Зерновые долго были монокультурой, это делало сельское хозяйство Нечерноземья очень уязвимым — майские морозы, дождливая погода или засуха вызывали неуродицу, а следом за этим голод, с вымиранием части крестьян. Неурожаи в нашей полосе случаются часто, крестьяне привыкли к этому и переносили голод смиренно, как Божью кару. Помнится, Тургенев писал где-то в своих письмах, как его поразило смирение ефремовских крестьян при голоде. Да-да, в 17-м веке, судя по документам, владельцем Офремова леса был Иван Тургенев, потомок татарского мурзы, перешедшего на службу к Ивану Грозному после взятия Казани. Кроме Тургеневых тут имели собственность многие видные фамилии — князя Д. Д. Оболенский, П. И. Шаховской, А. Н. Лобанов-Ростовский... Сообща помещики строили храмы «на кошельковые суммы» (так сказано в синодике), но храмами могли пользоваться и крестьяне. Зерно и картофель наши предки умудрялись возить по Красивой Мече, и некоторое время Ефремов процветал. Но к 1869-му году, после неудачной Крымской войны, которая подтолкнула власти к реформам и нововведениям, построили железную дорогу Москва — Курск с ответвлениями — зерно стало удобнее возить по ней. Ефремов, Крапивна, Белев, Мценск и Алексин, живущие речной торговлей, начали приходить в упадок. Некоторое облегчение случилось, когда в 1874-м через Ефремов провели железную дорогу, идущую из Тулы в Елец, но прежнего благополучия все же не наступило. Ефремову несколько веков, до советского времени, предстояло быть нищим. В 1888-м году от бедности клиентов обанкротился местный банк, в 1891—1892 годах и в 1898-м здешних крестьян терзал жестокий голод. При этом голодных бунтов именно в Ефремове не наблюдалось — люди здесь отличались мирным нравом и спокойствием. Эта смиренность и привлекла сюда семью Буниных. После революции 1905-го года в Ефремове оказалось гораздо спокойнее, нежели в бунинской Огневке (это село сейчас в Липецкой области), где невозможно было выйти на улицу без пистолета в кармане.

Поэтому Евгений Бунин, брат будущего Нобелевского лауреата, переехал из Огневки в Ефремов, сначала жил на подворье Моргунова (раньше улица Дворянская, теперь Карла Маркса, дом 16), затем снял дом на Покровской (сейчас Комсомольская), а потом ему так понравилось в Ефремове, что Евгений продал усадьбу в Огневке и купил дом здесь на улице Тургенева. По словам Ивана Бунина: «...дом купил он у помещика старый, с деревянными колоннами, с садом... Весь дом дрожал и гудел, звеня люстрой, когда вскачь неслись с вокзала и на вокзал извозчики. Они тучей поднимали рыжую пыль, которая покры-

вала все крыши, все стены и окна на Песчаной улице» («Чаша жизни» И. Бунин). Теперь Иван Алексеевич приезжал сюда к родственникам, познакомился же он с Ефремовым гораздо раньше. По этой дороге удобно ездить из Липецка и Ельца в Орел, Мценск, Тулу и Калугу. Семнадцатилетним юношей Ваня Бунин, под влиянием прочитанных книг, поехал на лошади к Льву Толстому, но, по его же словам, «до-скакав до Ефремова, испугался, решил обдумать дело серьезнее, переночевать в Ефремове... скитался ночью по городу и так устал, что, зайдя на рассвете в городской сад, мертвым сном заснул на первой попавшейся скамейке...»

Теперь же в доме на Тургеневской иногда собиралась вся большая семья Буниных — мать семейства Людмила Александровна, старший сын Юлий, Иван Алексеевич с женой Верой Николаевной, сестра Маша с детьми и младший сын Евгений с женой. Тут Людмила Александровна Бунина провела последние годы жизни и умерла в 1910-м году. В последний раз Иван Алексеевич приезжал в Ефремов в октябре 1917-го — переночевал в доме у брата, сделал какие-то покупки, но на могилу матери в рощу на старое городское кладбище так и не пошел. Иван Алексеевич, как и Набоков, не любил кладбищ — боялся смерти и всего, что с ней связано. В октябре 1917-го он записал в дневнике: «...там, в роще лежит мама, которая так просила не забывать ее могилы и у которой на могиле я никогда не был». Вскоре на этом же старом ефремовском кладбище появится могила его брата Евгения. Так что Ефремов тесно связан с Буниными, много раз описан Иваном Алексеевичем в знаменитых рассказах «Деревня», «Антоновские яблоки» и «Чаша жизни».

Но ехали мы в городок не из-за Бунина. Хотелось найти людей, еще помнящих оптинского монаха Петра, в миру Павла Драчева, с которым оказалась тесно связана судьба моего друга, иеромонаха Даниила, да и моя собственная — через него, близкую мне Оптину Пустынь, Венев монастырь и тульский храм Двенадцати Святых Апостолов.

Елена ГАДЕНОВА

г. Тула

МУЗЫКА ЗИМНИХ ЧУДЕС

Ожидание Нового года делает мысли человека счастливыми...

Впереди — радость праздничных и выходных дней, вера в исполнение грядущих планов, когда мечты окрыляют душу с надеждой в будущем на лучшие перемены.

Но, главное,— внутренним миром всецело правит Зима! Как тут не вспомнить детство? Ведь именно из детства сохраняется в человеческом сознании восторженное отношение к природе, к многообразию и таинству природных явлений, временам года, но особенно — устремление к зимним чудесам...

Рожденная в декабре, я всегда с нетерпением ожидаю приход бело-снежной красавицы, понимая всю ее необъятную ослепительную красоту: волшебный блеск снега под солнцем и ярко сияющей луной, изумительные танцы и хороводы снежинок, медленно или быстро ниспадающих с небес, космические вихри и ликующий морозец, что трещит и щиплет своим прикосновением щеки. Зима — это необычная сказка, которую невозможно дочитать до конца — она бесконечна...

По этой причине, я с большим интересом приняла приглашение 25-го декабря 2017-го года быть гостьей на Отчетном концерте Тульского городского хора «Искорки». Хор «Искорки» МБУДО «Городской центр развития и научно-технического творчества детей и юношества» уже второй год базируется на профессионально-ориентированной творческой площадке Центра образования — школы № 36. Срок совсем небольшой, но выступления коллектива всегда поражают яркостью исполнения, разнообразием репертуара, живой ребячьей заинтересованностью.

Создатель хора «Искорки», его художественный руководитель и дирижер — Василий Петрович Янковский — уроженец прекрасного древнего города Епифани, окончил фортепианное отделение музыкального училища Новомосковска Тульской области, затем — музыкально-педагогический факультет Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова и аспирантуру по психологии. Лауреат Всероссийских и Международных конкурсов не только он сам, но и его ученики — солисты-вокалисты, благодаря ему посвятившие свою жизнь музыке.

Концертмейстер хора «Искорки» — Филатова Ольга Ивановна — по окончании фортепианного факультета Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных живет и работает в Туле, лауреат Всероссийских и Международных конкурсов и фестивалей, член Союза краеведов России.

Очень доброй и воистину прекрасной оказалась встреча со школьниками, что порадовали своими выступлениями не только меня, но и всех присутствующих в огромном актовом зале школы № 36 детей, учителей и родителей. Дети чувствуют и видят мир чистыми глазами, им открыто пространство Музыки и Света, Слова и Справедливости, они познают все новые открытия мира и делятся своими открытиями с окружающей сферой их бытия, со старшими и с одноклассниками.

Младшей группой хора «Искорки» открытие концерта было озаглавлено «Гимном Солнцу», на слова и музыку Михаила Лазарева.

Далее были исполнены замечательные песни: «Веселый старичок» на слова Даниила Хармса и музыку Георгия Портнова, «До, ре, ми» и «Калоши» Аркадия Островского на стихи Зои Петровой и другие. Дети дружно и послушно выходили на сцену, а их сердечное пение замечательных и известных музыкальных произведений талантливых поэтов и композиторов наполняло всех присутствующих в зале слушателей невероятным теплом солнечных флюидов. И, словно мощный и единый организм, все волнительно наблюдали за движением рук дирижера.

Во втором отделении концерта средняя и старшая группы хора «Искорки» представила песни: «Для чего мы на свете живем» Дениса Майданова, «Мир вам, люди!» (музыка Бориса Савельева на слова Михаила Пляцковского), «Озера доброты» (из репертуара вокальной детской группы «Непоседы»). От радостного праздничного ощущения ауры переполненного зала охватывала гордость за таланты детей и мастерство педагогов, за Русь, за мою великую русскую Родину. Мои чувства еще более усилились после исполнения всем залом легендарной «Катюши» Матвея Блантера и Михаила Исаковского.

В завершение концерта зазвучали новогодние песни: «Художник Дед Мороз» (музыка Евгения Птичкина на слова Владимира Степанова, солисты — Михаил Воротников и Андрей Лапин), «Новый Год» (из репертуара группы «Барбарики», солисты — Алина Аветисян, Кристина Васильева и Карина Козлова), чьи выступления под громкие аплодисменты запомнятся надолго.

Весь концерт сопровождали яркие радужные огоньки, что весело перемигивались на украшенной новогодними игрушками елке, которая стояла у окна и притягивала своим торжественным видом всех, кто был очарован музыкой, пением и стихами, фейерверком самых положительных эмоций. С улицы в большие окна школьного зала заглядывали первые в этом году снежинки. На пианино лежали и благоухали розовые розы, подаренные мною. Нотные звуки, как невидимые ангелочки, преподносили и дарили всем хрупкие талисманы счастья — подарки декабря, чтобы неделя до Нового Года окрасилась в серебристые праздничные краски мелодий зимних чудес, открывая всем в грядущий 2018-й год новый путь!

Благодарю тебя, Декабрь! Благодарю за чудесный и важный подарок, открыв который я вновь, как в детстве, удивилась: смеху детей и их непревзойденной искренности, сокровенному смыслу дружбы, таланту личностей, что старше и мудрее, Госпоже Музыке, вдохновляющей человечество и исцеляющей от многих болезней. Мы благодарны Музыке, окруженной посланниками небес, осыпающими все живое нашего мира снегом, серпантином комет и бесчисленностью фантастических звезд, что будут продолжать притягивать глаза народов Земли на веки вечные — пока звучит великая Песнь Жизни!

Евгения КУРГАНОВА

г. Москва

ОБРЕЧЕННЫЕ НА БЕССМЕРТИЕ

По плану «Барбаросса» на подавление сопротивления пограничных застав немецким частям отводилось от тридцати минут до часа, но наши пограничники задерживали наступление врага на дни и даже недели. Боролись до последнего патрона, переходили в рукопашный бой, стояли насмерть, принимая на себя первый удар вражеской армии. Они стали первыми героями и первыми жертвами войны. Ими еще летом 1941-го года был заложен фундамент нашей победы. В своих воспоминаниях немецкие офицеры отмечали, что в плен попадали только раненые пограничники, ни один из них не поднял рук, не сложил оружие. Даже при самых сложных обстоятельствах пограничники не сдавались. Это нам рассказывал наш любимый учитель истории Александр Николаевич Захаров. Родился он в простой, но очень дружной семье. Родители работали на заводе, отец — токарем, мать — в бухгалтерии. Вся забота о младшем брате легла на его детские плечи: покормить, отвести и привести из школы, проверить, как Петр сделал домашнее задание, сходить в магазин. Разница в возрасте была у братьев около пяти лет. И уже тогда он решил, что хочет стать учителем. Но перед войной его призвали на срочную службу, в пограничные войска, где он встретил ее начало. Из его заставы в живых осталось только двое. Александра Николаевича немцы взяли в плен тяжелораненым. Трижды он пытался бежать из концентрационного лагеря. Его ловили, жестоко избивали и возвращали обратно. После последнего побега его отправили на работы в Германию. Освободили Александра Николаевича американские войска и сразу стали предлагать остаться у них. Пугали освобожденных ими людей уже нашими лагерями, куда попадали на родине те солдаты и офицеры, которые были у немцев в плену. Оказывались и такие, которые соглашались на это, но их было мало. Большинство стремилось скорее вернуться домой. Да, ему пришлось отсидеть полгода в фильтрационном лагере, после освобождения молодого человека долго не брали на работу, но это его не сломало. С трудом Александр устроился работать грузчиком на Казанский вокзал. Сначала другие грузчики встретили юношу в штыки. Хотели даже избить, как конкурента, но он предупредил, что этим они его не запугают. После всего, что ему пришлось пережить, Александр перестал бояться. А скоро грузчики потянулись к нему, зауважали молодого человека, который помог организовать им бригады. Теперь они уже не выхватывали друг у друга багаж, а рабо-

тали строго по графику. Начальник вокзала, увидев у юноши организаторские способности, захотел сделать его своим заместителем, советовал поступать в технический вуз, но бывший солдат мечтал работать только в школе, с детьми. Сразу поступить в институт у Александра не получилось, мешала одна строка в анкете, где надо было обязательно указать его пребывание в плену. Только на четвертый год, когда он решился не писать об этом, его приняли в ВУЗ. Александр Николаевич добился своего. Хотя на последнем курсе юношу чуть не отчислили: завистливо-бдительный студент, бывший друг, написал анонимку в первый отдел ВУЗа о его плене. Но главный «особист» института оказался порядочным человеком, видя успехи юноши в учебе, он просто порвал ее. Закончил ВУЗ Александр с «красным» дипломом. По распределению направили его на работу в самую отдаленную, на окраине Москвы, школу. Прошло много лет, он стал заслуженным учителем, закончил аспирантуру, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Но самой главной своей заслугой он считал открытие в своей школе музея, посвященного солдатам и офицерам, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной войны. Чаще всего музей пополнялся экспонатами, которые ученики приносили из дома. Ведь не было у нас в России семьи, которую война не задела бы своим черным, а иногда и траурным крылом, прошла бы стороной. Особенно он интересовался судьбами пограничников. Тогда я и услышала от него историю о сводном батальоне погранвойск отдельной Колымайской комендатуры под командованием майора Родиона Филиппова и приданной ему ротой Львовской школы пограничного собаководства. Гитлеровские войска планировали взять Киев 3 августа, а 8 августа провести в центре города парад, который должен был принимать сам Гитлер. Но взять город сразу немцам не удалось, и было принято решение обойти Киев с юга. Наши 6-я и 12-я армии попали в окружение. И тогда фашистам преградил путь отдельный сводный пограничный батальон. 30 июля 500 пограничников и 150 служебных собак приняли свой последний, неравный бой. Тяжелого вооружения у солдат не было. Они только своими силами, в руках были винтовки и гранаты, пытались остановить наступление частей вермахта, патроны заканчивались, а когда солдаты перешли в рукопашный бой, тогда командир батальона дал приказ пустить в бой служебных собак. Обученные овчарки впились в горло, тела противников. Это было страшное зрелище. Немцы в ужасе бежали, отступая, ожидая подхода своих танков. В бою погибли все пограничники, а уцелевшие раненые псы не отходили от тел своих хозяев, никого не подпуская к ним. Немцы расстреливали, добивали псов, позднее фашисты даже отыгрывались на местных сельских дворняжках. В живых остался один пес, которого после боя спасли местные жители. 500 бесстрашных и измученных, плохо вооруженных солдат и 150 служебных собак смогли хоть на какое-то время остано-

вить крупное немецкое соединение. Сейчас за селом, на кургане поставлен памятник бойцам и собакам, погибшим в том бою.

Наш любимый учитель своим примером учил нас не сдаваться, не опускать руки перед трудностями, а бороться с ними, помнить свою историю, а самое главное — гордиться и любить нашу Родину.

Ирина НИКОЛЬСКАЯ

г. Алексин Тульской области

Родилась в 1962 г. в г. Алексине Тульской области. Работает 25 лет в отделе социальной защиты населения по Алексинскому району ГУ ТО «Управление социальной защиты населения Тульской области». Публикуется в газете «Православный Алексин», в литературно-художественном альманахе «Ковчег» (г. Тула). Православные статьи пишет по благословению протоиерея

Андрея Чекмазова — Благочинного Алексинского округа.

СНЫ

Без Бога — не до порога...

... Все в моей жизни в определенный период времени шло наперекосяк. Все рушилось. Развалилась моя семья, что было для меня сильным ударом судьбы. Я болела, практически сваливалась с ног. К Богу, к вере я тянулась, но твердого упования на Промысел Божий у меня тогда не было. Но я отчаянно просила всей душой помощи у Всевышнего, ибо помочь себе тогда ничем не могла, так как сил в сложившейся ситуации у меня не было, в ка-

ком направлении двигаться я не знала. Душа была практически парализована от свалившихся на меня бед.

И снится мне сон... Простая проселочная дорога... Возле нее лежит покрытый мхом большой камень-валун. Такую иллюстрацию можно встретить в русских народных сказках. На камне выгравированы слова, которые я запомню на всю жизнь: «Смысл жизни — Воля Божья. Созиждель — Иисус Христос». Слова эти явно из православного текста. Но таких слов я тогда не знала. *Кто такой Созиждель? Что такое Воля Божья?* Я стала вникать в смысл этих слов. Мне надо было тогда выжить. Дух мой был сломлен. Я читала много православной

литературы, ходила на службы в храм, ездила в православные поездки по святым местам. Душа трудилась...

Понемногу смысл моего сна стал мне приоткрываться. Я думаю, что Господь, видя мое отчаянное положение, показал мне по Своему Человеколюбию вечные ориентиры спасения христианской души. И показал очень точно. Так я вступила на путь познания Бога и самой себя. И поняла, как слаба человеческая душа без Благодати Божьей. Как гибнет она, если двигается в ложном направлении, страстно привязываясь к земным ценностям. Как трудно человеку приобрести целостность души, успокоиться, довериться Промыслу Божьему. Как много человеку надо молиться, чтобы почувствовать сердцем прикосновение Благодати Божьей, которая преобразует сердце человека, делает жизнь его осмысленной и благодатной. Но надо трудиться самому. Таков духовный закон. Трудиться сердцем, трудиться нравственно. Цель — спасение души во Христе для Вечной жизни.

«Как много пройдено дорог — как много сделано ошибок». Страшно осознать, что твоя душа может погибнуть, если отвернется от Бога, от Его спасительных заповедей, от Его силы. Полагаясь на саму себя, в своем движении душа становится мертвой, ибо отрывается от Источника жизни — Своего Создателя. Но Господь близ. Человеколюбивый Господь долго терпит, ждет, когда человеческая душа смирится, осознает свою немощь, и, наконец, поймет, что «без Бога — не до порога».

...А мы спешим. Бежим за ложными ценностями.. Забывая, что цель земной жизни — спасение души. Без Бога человек мертвый. Остановиться надо человеку. Осознать свое падение, прилепиться к «Единому на потребу». И тогда будет прорыв. Господь явит свою Силу и Милость. Оживет человек. Сердцем почувствует радость и покой во Христе. **Трудись, человек!.. Бог поругаем не бывает! Только прилепись сердцем к Нему! И почувствуешь свое Спасение и радость во Христе!**

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

ДОБРОЕ СЛОВО

Слово. Могучая сила заложена в нем! Человек, желающий себе жизненного успеха, всегда подумает о том, чем откликнется его слово для других — помощью, поддержкой и радостью или разрушением, болью и унижением. Слово, напитанное недоброжелательностью, произнесенное с раздражением, со злостью, с намерением отомстить, посеять сомнения и неуверен-

ность посылает энергии разрушения и тьмы. Все как в знакомых нам с детства сказках: добрые волшебники — светлые, позитивные слова и предложения; колючие, грубые, низкосортные слова — злые колдуны.

Лучезарность доброго слова наполняет человека благодатью. Доброе слово рождается во благо всего сущего в колыбели мудрости нашего сердца под божественную мелодию любви и летит птицей счастья осветить погасшие от невзгод уголки души, согреть заботой, дружеским участием и мудрым знанием. Оно несет в себе энергию солнца, жизни, радости, созидания, света и тепла.

Прикасаясь блаженством безусловной материнской любви, нежностью заботливых родных маминых рук, доброе слово способно воскресить, восстановить жизненные силы, вдохновить, подарить гармонию и умиротворение.

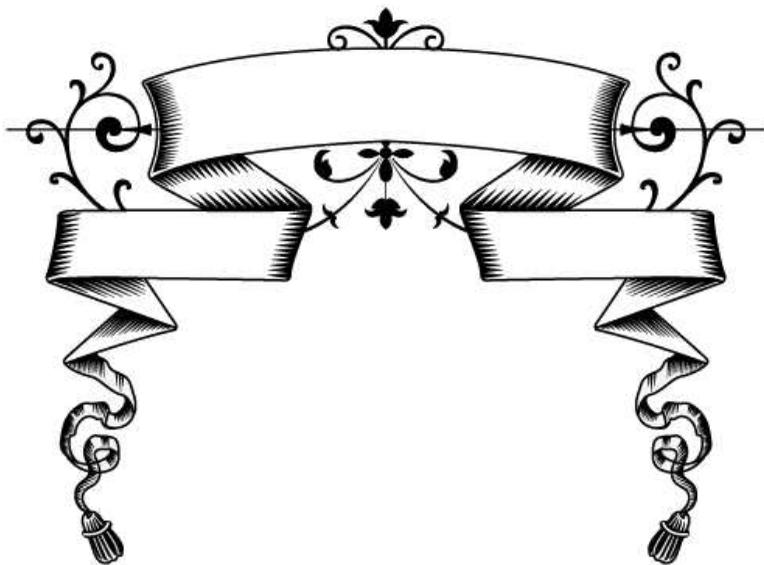
Доброе слово — благоухающий цветок, который радует всех, кто хочет видеть его желание сделать мир краше, светлее и добрее. Подобно цветку, зажигая своим неповторимым ароматом улыбки на лицах тех, кто чувствует этот аромат, доброе слово помогает неуверенным в себе обрести уверенность, пробуждает человека к собственному цветению — раскрытию лучших человеческих качеств, природных талантов и способностей.

Доброе слово благодарности — поэзия признательности звучит молитвой. Волшебный свет радости, свидетельствующий о проявлении божественности в человеке, озаряет его душу.

Доброе слово сравнимо с ангелом, окружающим нас своей небесной защитой, созерцающим с наслаждением наши жизненные успехи, умение превращать земную жизнь в праздник, танец любви, добра и света! С ангельской преданностью доброе слово ведет каждого из нас по самым безопасным дорогам жизни к совершенству!

О детях и для детей

ТАТЬЯНА АНАНЬИНА
ЛЕВ ГРИГОРЯН
ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА
ИРИНА ГОНЧАРОВА
ОЛЬГА БОРИСОВА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА

КИРА КРЕСТЬЯНКИНА
ГАЛИНА СОЛОНОВА
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ТАТЬЯНА ШЕЛЕПИНА

Татьяна АНАНЬИНА

г. Москва

ВНУЧЕНЬКЕ

У моей у внученьки
Крохотные рученьки,
Голубые глазоньки.

Розовый роток.

Носик — чуть курносенький,

Кольцами волосики,

Щечки — будто яблочки,

Звонкий голосок.

Всем нам улыбается

Виконька-красавица.

А гулить-беседовать

Может и часок!

Так расти счастливою,

Самою красивою,

Умницей здоровенькой,

Яркий наш цветок!

Кира КРЕСТЬЯНКИНА

г. Тула

Родилась в г. Тула. Пишет сказки. Неоднократно занимала призовые места в районных и областных конкурсах. Является победителем 2010 и 2011 гг. городского конкурса «Ступени» в номинации проза. Публиковалась в альманахах «На крыльях Пегаса» и «Пегасик», в журналах «Приокские зори» и «Детский городок», в «Ковчеге», сборниках «Иван-озеро» и «Сказки прятничного города».

ПРИШЛО ВРЕМЯ

Сказка

Он хотел, чтобы поскорее пришло его время. Он томился ожиданием, продолжая уже который день лежать в пластиковой бутылке со срезанным верхом. Таких, как он, здесь было еще несколько десятков. И все ждали своей очереди. Все помнили, как их привезли сюда прямо с завода, где они появились на свет. С тех пор, они и лежали тут, ожидая, когда придут именно за ними.

Некоторых из них уже разобрали, ожидающих своей очереди подложили на их место. Все они были разными: разного цвета, разного размера, разной формы, кто-то был с надписями, кто-то с рисунком, кто-то просто одного цвета. Все индивидуальны, и каждый хотел, чтобы следующий, кто придет сюда, выбрал именно его...

И он хотел, он ждал, он верил. Вот уже совсем скоро кто-то придет именно за ним. Тогда наконец-то в него вдохнут жизнь. И он сможет продолжить свой недолгий, но все-таки путь...

Он был шариком... Да, обычным воздушным шариком. Источником радости всех детей (да и не только детей). Хотел прожить свою короткую жизнь не зря. Он мечтал успеть доставить радость или сделать что-то полезное. Это удавалось далеко не всем воздушным шарикам. Многим вовсе не хватало времени. Они едва успевали почувствовать в себе душу, как она рвалась наружу, и на этом существование их и прекращалось... Жалко, конечно... Вот наш воздушный шар и надеялся на то, что все же успеет принести пользу за столь недолгое время, отмеренное всем воздушным шарам.

И вот одним совершенно обычным днем открылась дверь магазина, зазвенел колокольчик, возвещающая о прибытии нового покупателя. И, о чудо! ему был нужен именно воздушный шарик. Выбор пал на него!

«Да, да. Вот этот, пожалуйста, со звездочками»,— сказал покупатель. «Не может быть,— подумал наш воздушный шар,— это он про меня!» Наш шарик был белого цвета, весь усеянный серебристыми звездочками. Красивый, ведь так? А какой он будет, когда наконец-то заполнится воздухом!

Да, свершилось! Его купили, принесли домой. «Хм, сегодня, похоже, меня оживлять не будут,— думал шарик, лежа на письменном столе.— Ну что ж, подождем. Главное, что сменил обстановку, все лучше, чем в бутылке лежать». Стал осматриваться: комната, в которой ему приходилось находиться, была обставлена обычной мебелью, на стене висела внушительных размеров полка с книгами, кое-какие статуэтки были расставлены по всему помещению, очевидно для красоты. Также шарик заметил большое количество мягких игрушек на кровати, на столе и полке. А еще карандаши цветные, ручки и фломастеры на столе, тетрадки, альбомы и опять же книжки. Из чего шарик сделал вывод, что здесь живет ребенок.

После того как шарик перестал заниматься созерцанием комнаты, он принялся размышлять о возможной его собственной дальнейшей судьбе.

А варианты ее развития были многочисленны.

Шарики могли использовать на разных праздниках. Он слышал, что многих берут на дни рождения, свадьбы, дни чего-нибудь там... «Эти люди вечно придумывают себе праздники. А мы частенько в них участвуем. Украшаем собою их веселье,— думал шарик.— Куда же еще меня могут пристроить? Здесь я вроде бы один, а одним мной мало что украсить можно. Тогда, может, этот мужчина купил меня, чтобы порадовать самого себя? Да, взрослые тоже иногда радуются нашему появлению. Но не похоже на то, что он приобрел меня, только чтобы порадоваться. Иначе бы уже давно наполнил меня воздухом и ходил радовался... Нет, тут что-то другое. Что же меня ждет, какая судьба?» Так он лежал на столе и все думал и думал. А в него все не спешили вдыхать жизнь. Тем временем мужчина, совершивший сего-

дня эту покупку, позвонил кому-то по телефону. И шарик, прислушавшись, смог уловить некоторые обрывочные фразы, сказанные мужчиной кому-то на том конце провода: «Я все купил... Завтра придите, ждите... Как вы там?... Ну ничего, ничего... Передай Машунычке привет от меня... Скажи, что я ее очень люблю... Да... Да, конечно... Я ей завтра шарик принесу воздушный, она же так их любит, пусть порадует... Да, да... До завтра, целую вас... пока». Хозяин квартиры положил трубку. Выражение лица у него было совсем уж грустное. Да он и до этого не отличался особой веселостью. Как заметил шарик, человек, что его купил, наверняка переживает о чем-то серьезном...

Мужчина, все с тем же унылым выражением лица, продолжил заниматься своими делами, а шарик, предоставленный сам себе, как он понял уж точно до завтра, вернулся в свои размышления: «Значит, меня понесут в подарок. Это хорошо. Значит, радость кому-то я точно доставлю. Подаркам же радуются... А если он сказал, что она, эта Машунычка, нас любит, ну так точно завтра доставлю ей целое море радости. Отлично! Интересно, а кто эта Машунычка ему? Ну да ладно, завтра узнаю. Эх, завтра в меня наконец-то вдохнут жизнь! Ура-а-а-а!» Полный сладостных предчувствий, наш шарик продолжал лежать на столе, не переставая думать о завтрашнем дне — его дне, его триумфе...

Тем не менее луна за окном возвестила о наступлении ночи...

«Какие неповторимые ощущения! — шарик был восхищен, его наконец-то наполнили воздухом, ему подарили жизнь. — Я готов полететь! Выше и выше, к небу! Я счастлив, счастлив. Кажется — это блаженство будет вечным! Улечу, улечу! Ах, нет, что это такое? Веребочка? Зачем?... Ну да, ну да. Ко мне привязывают веревочку. Мне не дадут улететь. Так нужно. Сегодня меня подарят. Я же собирался принести целое море радости этой самой Машунычке... Согласен, привязывай... И давай уже скорее на улицу! Хочу почувствовать ветер! Хочу летать. Хотя бы и на веревочке, но летать!»

Конечно же, у нашего шарика появилась возможность ощутить тот самый полет, которого все шарики ждут с нетерпением. Он мог насладиться им вдоволь, пока они не прибыли на место. «Так, а что это? Больница?... Странно». Но они, действительно, добрались до областной больницы. Сомнений у шарика не было — они направлялись именно туда.

Мужчина вошел в главный вход. Там, внизу, его уже ждали. Теми, кто ждал, оказались женщина (шарику показалось, что она тоже очень грустная, а еще какая-то уставшая и даже измученная) и маленькая девочка. Эта самая девочка подбежала к мужчине с криком: «Папочка! Папа!» После чего повисла у него на шее, мужчина подхватил ее на руки: «Машунычка! Привет!» — и поцеловал ее в щеку. И шарик увидел

на лице его улыбку, первый раз за все время. «Так вот оно что... Папа, значит»,— подумал он.

После теплого приветствия мужчина отпустил девочку и, протянув ей шарик, сказал: «Это тебе. Держи» — «Шарик!» — радости девочки не было предела.

В то время как она в состоянии полного восторга ходила по холлу вместе с шариком, к мужчине подошла жена (у шарика не осталось сомнений по поводу семейного родства этих людей). Мужчина поцеловал ее в щеку и ободряюще приобнял за плечи. Она вымученно улыbnулась.

«Вот я принес все, что нужно»,— сказал он ей, показывая пакет, который держал в руке. «Спасибо большое,— сказала она.— давай отнесем это в палату, а потом все вместе прогуляемся на воздухе. Маше полезно...» Муж кивнул. «Что врачи говорят? Как она?» — осторожно поинтересовался он. Выражение лица жены еще больше помрачнело, хотя казалось, что дальше уже некуда. Она, не ответив, обернулась к девочке: «Машенька, будь умницей, побудь пока здесь, поиграй с шариком, а мы с папой сейчас вернемся, и все вместе пойдем гулять». Маша радостно кивнула и продолжила свои забавы с воздушным шариком. Муж с женой пошли к лестнице, женщина начала что-то ему рассказывать, очевидно, отвечала на его вопросы.

Но всего этого шарик уже слышать не мог. И как-то он тоже грустнел. Вроде бы все, чего он хотел, случилось, но он не чувствовал себя счастливым. Как он смог понять из разговора, эта девочка чем-то больна и лежит в больнице вместе с мамой. И, судя по лицам ее обеспокоенных родителей, все очень серьезно...

Да, какая уж тут радость... Но девочка, казалось, не разделяла обшего состояния, к которому подключился даже шарик, она продолжала с ним играть. Стала кружиться, танцевать... Шарик смотрел на нее сверху и думал: «Такая маленькая девочка, миленькое личико, темные волосы завязаны красными бантиками, бежевый сарафанчик. Какая она хорошая. У нее впереди целая жизнь. Как она улыбается! Как искренне радуется такой мелочи, как я — воздушный шарик. Как бы я хотел, чтобы она скорее поправилась. Такое милое создание просто не должно быть подвластно никаким болезням...»

Размышления нашего шарика были прерваны возвращением родителей. После чего они все пошли на улицу.

Гуляли наверно больше часа. Но Маша все время убежала вперед, поэтому шарик больше не мог слышать, о чем говорят ее родители. А когда они (Маша и шарик) прибежали назад, мама и папа старались изо всех сил казаться веселыми. Говорили Маше что-нибудь приятное, смешили ее. В общем, пытались создать атмосферу обычной семейной прогулки, не обращая внимания на то, что они сейчас гуляют по территории больницы...

«Как бы я хотел что-нибудь для них сделать,— думал шарик.— Но что я могу? Доставить немного радости этой маленькой девочке? Только и всего...»

«Ой, мамочка, а помнишь, нам недавно дяденька доктор рассказывал про желания?» «Да, Машенька, помню»,— улыбнулась мама. «Папа,— поспешила девочка рассказать все ему,— оказывается, есть много способов загадывать свои желания. Один из них — это рассказать его воздушному шару, а потом отпустить его в небо, чтобы он смог донести желание, и оно обязательно исполнится, нужно только в это верить». Папа улыбнулся и погладил дочку по голове. А она просто сияла. Видимо эта история с загадыванием желания ей очень понравилась.

«А может быть, стоит попробовать?» — не унималась девочка. «А не жалко тебе шарик отпускать?» — поинтересовался папа. «Он же мое желание понесет,— с уверенностью ответила Маша.— Это же здорово! Да, мам?» «Конечно,— поспешила заверить мама,— давай, запускай свое желание». «Загадывай, Машунька»,— поддержал папа. Воодушевленная девочка взяла шарик двумя руками, нашептала ему что-то, потом снова взялась за веревочку, зажмурилась и разжала пальцы, выпустив шарик, а вместе с ним и свое желание...

«Вот оно как вышло,— думал шарик.— Мне досталось то, о чем я и не думал мечтать. Теперь мне смешны все мои предположения о том, чем наполнится моя жизнь. Мне досталось право донести желание маленькой девочки... И я доставлю его, как бы высоко мне не пришлось подняться, как бы долго не пришлось лететь...» Шарик посмотрел на быстро удаляющийся от него тротуар и на семью, оставшуюся там, внизу. Папа ободряюще приобнял маму, а девочка стояла, прислонившись к ним спиной и чувствуя тепло родительских рук, лежавших на ее плечах. Все они смотрели вверх. Да, на него, на белый шар с серебристыми звездами... «Маша, я не подведу! — мысленно крикнул шарик.— Не переживай за свое желание, оно обязательно исполнится!» Шарик поднимался все выше и выше, наконец-то он ощутил это сладостное чувство полета, хотя это уже не было для него сейчас так важно, главное — это желание девочки... «Что за желание? Нет, я вам не скажу. А то не сбудется. А я обязан сделать так, чтобы сбылось. На меня надеются и Маша и ее родители, хотя их уже и не видно вовсе, но я знаю, что они там, они верят мне, и я им помогу»,— шарик был уверен в своих силах и поднимался еще выше, к цели. Теперь он точно знал, что его коротенькая жизнь была не напрасна. Желание маленькой девочки обязательно сбудется, в него ведь все верят...

Белый шарик с серебристыми звездами навсегда скрылся за облаками...

Лев ГРИГОРЯН

г. Москва

Родился в Москве в 1980 г. Работал переводчиком с итальянского языка. В настоящее время — сотрудник Института научной информации (ВИНИТИ РАН). Кандидат наук. Рассказы, сказки и стихи публиковались в журналах «Дарьял», «Веси», «Литературная Армения», «Огни Кузбасса», «Доля», «Истоки», «Русское эхо» и в других. Работы автора входили в шорт-лист премии «Молоко волчицы» (2017) и в лонг-лист конкурса «Короткое детское произведение» издательства «Настя и Никита» (2016).

ВЕСЕННИЙ ВАЛЬС СОЛНЕЧНЫХ ЗАЙЧИКОВ

Посвящается моему папе

За окном моросил дождик, и мне было грустно.

«Осень... — подумал я.— Осень похожа на пиликанье скрипки в руках неумелого музыканта: тягучее, тоскливое, а все же красивое. Только зябко на душе от этой красоты».

У нас за стенкой соседский мальчик, Миша Зайкин, как раз на скрипке учится. Так весь подъезд его Терзайкиным прозвал. Как начнет тренировку — сразу жильцы из дома бегут: кто в гости, кто в магазин, а кто собаку выгуливать. Сил нет Мишину игру слушать. Вот и осень — она такая же.

А тут еще мама уехала. Отправилась в деревню, навестить деда с бабушкой. Уже три дня навещает. А вернется лишь завтра утром. Ведь завтра особенный день — мамин день рождения.

Я уже и подарок сделал: слепил из пластилина роскошную башню с оконцами, ставнями и острым куполом. А на самую маковку прикрепил три кленовых листка — желтый, зеленый и красный. Вот только башня какая-то одинокая получилась. Словно чего-то в ней не хватает.

Думал я, думал, как башню улучшить, — ничего не придумал.

Тут папа мне говорит:

— Шурка, ты чего нос повесил?

Я объяснил: не выходит подарок для мамы.

Папа сразу все понял. Он вообще у меня понятливый. Он подумал немножко и спросил:

— Слушай, Шурик, а что если поселить в твоей башне солнечных зайчиков? Пусть живут там, внутри, а я их научу танцевать. Приедет мама, зайчики выпрыгнут из башни и станцуют для нее весенний вальс. Вот мама обрадуется!

Я говорю:

— Ты, папа, хорошо придумал. Пусть это будет наш общий подарок. Только где мы возьмем солнечных зайчиков? Ведь за окном тучи.

Ни единого луча солнышка. И станцуют ли зайчики весенний вальс, когда на дворе осень?

— А мы таких зайчиков наловим, что станцуют,— успокоил меня папа.

— Где? — удивился я.

— На Майском лугу,— объяснил папа.

Я наострил уши: семь лет живу на свете, а никогда про Майский луг не слышал.

— Где же он,— спрашиваю,— луг этот?

— Там, где всегда весна,— сказал папа, посмотрел в окно и улыбнулся так, словно сквозь дождь и слякоть видел что-то далекое и хорошее.

Я понял: папа что-то задумал. Мне стало интересно. Ведь мой папа немножко волшебник. Совсем чуть-чуть, но и это уже немало.

А папа принял поэтический вид и сказал мне стихами:

— *Собирайся скорее в дорогу, дружок,
Мы из осени съездим в весну на часок.*

И я пошел одеваться. Папа тоже надел пальто, взял зонтик, а мне дал сачок:

— Будешь зайчиков ловить.

Еще мы взяли большую морскую ракушку. Когда-то в ней шумело море, но потом выдохлось и умолкло. С тех пор ракушка лежала на столике под зеркалом просто для красоты.

Ракушку папа положил в сумку, заодно собрал кое-какие припасы и весеннюю одежду мне на смену — ведь на Майском лугу будет жарко.

В последний момент, уже перед самым выходом, папа вдруг спохватился и сунул в карман старый флакончик из-под маминых духов. На флакончике была нарисована ветка сирени. А сверху на нем была кнопка, чтобы брызгать сиреневым запахом.

Когда-то я с этим флакончиком охотился на дворового кота. Кончилось дело плохо, правда, не для кота, а для меня. Кот взобрался на дерево и смотрел на меня свысока, а флакончик быстро опустел, и мне за это влетело от мамы. Но было это страшно давно, еще в прошлом году. Я в ту пору был еще маленький, а теперь поумнел. Я теперь на котов не охочусь, ни с флакончиками, ни без них.

Пока я вспоминал детство, подъехал лифт, и вскоре мы с папой вышли на улицу. Был уже вечер, дождь лил не переставая. Папа раскрыл зонтик, взял меня за руку, и мы зашагали к метро.

— А ты бывал на Майском лугу? — спросил я папу, пока мы шли.
— Ты знаешь дорогу?

— Мы там познакомились с твоей мамой,— сказал папа шепотом и весело посмотрел на меня, а я крепче сжал его руку.

Мимо пробежали редкие прохожие, кутаясь в плащи. С кленов порой слетали пожелтевшие листья. Папа наклонился, подхватил пару листочков и спрятал в карман пальто.

Дождь усилился, поднялся ветер. Зонттик чуть не вырвался у папы из рук. Погода становилась все хуже. Но папу это ничуть не расстроило. А когда мы были уже у входа в метро, загредел гром и в небе блеснула молния.

Я немножко боюсь грозы, но с папой мне ничего не страшно. И все-таки мне хотелось поскорей спуститься в метро, где будет тепло и сухо. Однако папа почему-то замешкался, передал мне зонтик, а сам достал из кармана сиреневый флакончик.

— Он же пустой,— напомнил я на всякий случай.

— Сейчас, сейчас,— сказал папа.

Тут снова сверкнула молния, а папа как-то по-особенному повернул флакончик, нажал на кнопку, и я увидел яркую вспышку. Это молния, превратившись в тонкую изогнутую искру, скользнула прямо внутрь флакончика. Дождь сразу приутих и забарабанил редкими каплями.

— Вот так,— довольно сказал папа, сунул флакончик в карман, и мы спустились в метро.

Там было много народу. Все люди куда-то спешили, а от их одежды шел пар.

— Ну, Шурка, теперь гляди в оба,— сказал мне папа.— Как увидишь синюю дверцу с золотым нарисованным солнышком, дай мне знать.

— А разве нам не на поезд? — удивился я.

— Обычные поезда до Майского луга не ходят,— объяснил папа.

Я принялся озираться по сторонам. Мы шли по длинному подземному переходу. Впереди были кассы, где продавались билеты. Перед кассами стояли очереди. В стене перехода я увидел железную дверь, но она была совсем не синяя, а какая-то серая и унылая. К тому же на ней висел замок.

— Это служебный вход,— сказал мне папа.— Туда нам не надо.

И мы прошли мимо.

Очень скоро мы оказались в кассовом зале. Здесь не было совсем никаких дверей, только окошки, за которыми сидели две тетеньки-билетерши. А еще в этом зале стояли большие билетные автоматы.

Тут папа подмигнул мне и кивком показал на один такой автомат.

Я ничего не понял. Автомат — высокий железный ящик серебристого цвета — стоял у стены и совсем не похож был на синюю дверь.

Но папа коснулся его зонтиком, и автомат тихонько отъехал в сторону, да так незаметно, что люди в очереди даже не обернулись. А в стене, которую раньше загораживал ящик, обнаружилась маленькая

небесно-синяя дверца — чуть выше моего роста. И в самой середине этой дверцы было нарисовано золотое веселое солнышко.

Папа приложил к рисунку ладонь, и солнышко вдруг повернулось, словно сказочный колобок, а лучи его затрепетали.

В тот же миг дверца со скрипом отворилась. Папа сделал мне знак следовать за ним, пригнулся и протиснулся в узкий проем. Я юркнул следом. И дверца за нами захлопнулась.

Мы оказались на маленькой узкой платформе, полутемной, со сводчатым потолком. С потолка свешивались красивые хрустальные люстры, и лампочки в них давали неяркий зеленоватый свет. Кроме нас с папой, здесь больше никого не было, и мне стало немного не по себе.

— Не бойся, Шурик,— подбодрил меня папа.— Сейчас придет паровоз.

В самом деле, послышалось негромкое пыхтение, и к платформе подъехал белый паровозик, тоже маленький, с двумя вагончиками.

Паровозик замедлил ход, остановился, двери вагонов раскрылись, и мы с папой шагнули внутрь.

Там было тепло и уютно. У окошек стояли мягкие скамейки: три ряда слева и три справа. Но пассажиров не было и здесь.

— Мало кто верит в чудеса,— вздохнул папа.— Поэтому и на Майский луг почти никто не ездит.

Мы с папой заняли места. Я устроился у окошка. А сачок положил под лавку.

— Смотри, не забудь,— предостерег меня папа.— А то нечем будет зайчиков ловить.

— Не забуду,— я махнул рукой.— Это ж дедушка мне подарил. Мы с дедом все лето в деревне бабочек ловили.

Тут послышался громкий голос:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Весна.

Двери закрылись, и паровоз тронулся в путь.

Сначала за окнами ничего было не разглядеть, потому что мы въехали в туннель. Изредка только мигали сигнальные фонари. Поэтому мы с папой решили перекусить.

Папа достал из сумки два больших бутерброда, обернутых блестящей фольгой. Фольгу папа ловко свернул в трубку — получилась себристия дудочка. А бутерброды мы съели.

Затем папа осмотрелся и недовольно покачал головой.

— Наследили мы с тобой, Шурик.

И вправду, на чистом, словно домашнем полу вагона отпечатались мокрые следы наших сапог.

Папа взял зонтик, встряхнул его хорошенько, шелкнул пальцами, и зонтик превратился в настоящую швабру. Этой шваброй папа вытер следы и, довольный, уселся на место.

Я вдруг всполошился:

— Пап, а билеты у нас есть? Что если кондуктор войдет?

— Держи,— улыбнулся папа и протянул мне желтый кленовый листок, один из тех, что он подобрал по пути к метро.— В этом поезде принимаются только такие билеты.

Другой лист, большой и красный, папа оставил себе.

Между тем паровоз выехал из туннеля, и я ахнул. Ведь уже был совсем поздний час, но за окнами оказалось светло как днем.

Я прильнул носом к стеклу. Паровоз бежал через поле. Дождя не было. Тучи почти разошлись, и сквозь них пробивалось жаркое солнце. Я привстал, открыл верхнюю створку окна и высунул нос наружу.

— Не высовывайся,— сказал папа.

— Ну, па-ап,— протянул я.— Здесь так здорово! Ветер дует прямо в лицо. Можно я немножко так постою?

— Только недолго,— сдался папа.— И смотри не простудись.

Скоро мы въехали в лес. Сразу стало темнее. Паровоз мчался мимо высоких сосен, елей и всяких других деревьев, которых я даже не знал названий.

Сделалось жарко. Папа прошел по вагону и открыл все окна.

— Скоро уже приедем,— сказал он.

Затем он достал из сумки мою футболку, шорты и сверток с сандалиями. Я переоделся. Папа тоже снял пальто.

Вдруг за окном что-то ухнуло, затем еще раз, и я увидел, как в форточку соседнего окна просунулась пернатая голова с клювом. Круглые желтые глаза сердито уставились на меня. Я обер от страха.

Но папа не растерялся. Он схватил швабру, которой недавно протирал пол, и ткнул ею жуткую птичью голову. С обиженным уханьем незваная гостья скрылась за окном.

— К-кто это б-был? — испуганно спросил я.

— Сыч,— пожал плечами папа.— Или сова. Зря я окна открыл. Тут в лесу опасная живность водится.

И будто в подтверждение его слов послышалось грозное рычание: я заметил, как из лесной чащи выскочил большой темно-серый зверь и пустился вскачь, догоняя наш паровозик. Это был волк.

— Эге,— сказал папа.— Такого приятеля шваброй не одолеешь.

Я сжался на сиденье, но не мог оторвать взгляд от окна. Волк быстро нагнал поезд и, сделав огромный прыжок, вскочил прямо на подножку нашего вагона. И замер там, тяжело дыша и облизываясь. В окно он пролезть, конечно, не мог, но хотел, наверно, доехать с нами до Майского луга, чтобы там съест нас обоих.

У меня зуб на зуб не попадал от ужаса. Зато папа ничуть не испугался. Он вытащил сиреневый флакончик, высунулся из окна перед самым носом у волка и нажал на флакончике кнопку.

В тот же миг из флакончика вылетела сверкающая молния, грянул гром, и волк кубарем покатился в лесную чащу, подвывая от пережитого страха. А в небо над паровозиком поднялась небольшая тучка и окатила лес теплым дождиком. Капли дождя источали легкий сиреневый аромат.

— Больше волк к нам не сунется,— довольно заявил папа.— И всем друзьям своим в лесу расскажет, что от нас лучше держаться по-дальше.

Вот такой у меня папа — самый храбрый папа на свете!

А еще через несколько минут поезд выехал из леса и вскоре остановился. Машинист объявил:

— Станция Весна. Выход на платформу «Майский луг». Будьте внимательны, стоянка продлится ровно час. Не опаздывайте, пожалуйста.

Папа взял с собой ракушку, я достал из-под лавки сачок, и мы вышли на платформу.

Только никакой платформы не оказалось. Паровоз стоял прямо на зеленой лужайке. А кругом во все стороны простирался бескрайний цветочный луг. Здесь росли незабудки, ромашки, клевер... Особенно много было одуванчиков.

Небо совсем расчистилось, и сияло ясное солнышко. А воздух был сладкий-сладкий, как бывает только весной.

Я почувствовал, как меня переполняет радость. Хотелось бегать, смеяться, кувыркаться.

Папа тоже осматривался вокруг с жизнерадостным видом. А затем обвел широким жестом цветущее поле:

— Вот такой он и есть, Майский луг.

— Да-а! — как зачарованный, выдохнул я.

— Ну что, Шурик, пробегись немножко, и займемся охотой на солнечных зайцев?

Я не заставил себя упрашивать и помчался прямо по лугу, а сердце мое то замирало от восторга, то принималось стучать быстро-быстро.

В воздухе стоял несмолкаемый гул — щебетали птицы, жужжали жуки и пчелы. Бесшумно порхали бабочки.

Где-то в отдалении журчал ручей и на берегу его играли дети. Но я к ним не побежал: успею еще. Сначала — подарок для мамы.

Запыхавшись от быстрого бега, я вернулся к папе, подхватил сачок, и мы вместе стали высматривать шустрых солнечных зайчиков.

Вот один сияющий заяц спрыгнул с солнечного луча на верхушку одуванчика. Хоп! Я накрыл его сачком.

Заяц весело залопотал, захихикал. Ему нравилось со мной играть.

Папа достал ракушку, хранившую память о море. Я приподнял сачок, поманил зайца, тот перебрался в ракушку, выставив уши наружу.

Вскоре мы наловили с дюжину солнечных зайчиков. Не всем им хотелось сидеть в ракушке: двое особенно непоседливых все время норовили выпрыгнуть, и мы их отпустили.

Папа сказал:

— Пойду поищу-ка я жаворонка.

— Зачем тебе жаворонок? — спросил я.

— А кто споет песню для заячьих танцев?

Он достал свою дудочку из фольги, заиграл, и на звук слетелись разные птицы — малиновки, стрижи, щеглы, синицы...

Папа прислушался к их голосам, а потом извлек из своей дудочки особо хитрую трель, и все птицы разом умолкли. Только одна птичка с хохолком на макушке продолжала петь. Это и был жаворонок. Папа повернул к нему морскую ракушку, а сидевшие внутри зайцы приподняли уши: уж больно красиво пел жаворонок.

Когда песня утихла, папа подмигнул жаворонку, тот расправил крылья и взвился в небо, а вслед за ним улетела и вся разноперая стая. Папа же поднес ракушку к уху, послушал с минутку и удовлетворенно покачал головой:

— Хорошая мелодия, маме понравится.

Мне на ладошку опустился большой майский жук.

— Возьмем его домой? — спросил я у папы.

— Не стоит. Жук ведь не заяц. Он погибнет в холодных краях. У нас сейчас сентябрь, а ему нужен май.

И я выпустил жука на волю.

— Пойду поиграю с ребятами,— сказал я. И взял на всякий случай сачок и ракушку: вдруг поймаю еще симпатичного зайца?

— Только не опоздай,— кивнул папа.— Паровоз даст три гудка и дальше ждать не будет.

— Я быстро! — крикнул я и побежал к ручейку.

Но ребят там уже не было. Только их голоса доносились откуда-то издали. Я осмотрелся. У самого берега, за холмом, росло небольшое, но крепкое деревце. Должно быть, дикая яблоня.

«Заберусь наверх,— решил я.— Авось разгляжу, куда все подевались».

Сачок я положил на траву, а ракушку не решился оставить и сунул за пазуху, чтобы зайцы не разбежались.

Вскарабкавшись на упругий сучок, я увидел, что ручей в отдалении разливается в настоящую речку. И там пришвартован к берегу белый пароходик. На него по дощатым мосткам как раз поднимались дети. Было и несколько взрослых.

— Э-ге-гей! — крикнул я и помахал пароходику рукой.

Одна девочка, еще остававшаяся на берегу, помахала мне тоже и позвала:

— Давай к нам!

Я хотел ей ответить, но впопыхах оступился и чуть не сорвался вниз. Лишь чудом ухватившись за ветки, я удержался на дереве. Но ракушка с зайцами выскользнула у меня из-за пазухи и шлепнулась в траву. Раздался глухой удар. Солнечные зайчики прыснули во все стороны!

— Что я наделал! — воскликнул я.

Разжав руки, я мешком плюхнулся наземь. Ушибся я не сильно. Куда больше я волновался за ракушку: неужто она разбилась? Что же будет с маминым подарком?

Но ракушка была цела. Вот только зайцев в ней не осталось. Лишь песенка жаворонка переливчато зазвучала, когда я поднес ракушку к уху.

В этот миг послышался топот и ко мне подбежала та самая девочка, из-за которой я чуть не упал. Она была в простом зеленом платье и босиком. А сама — сероглазая, светловолосая, голова вся в маленьких кудряшках.

— Все из-за тебя! — сердито воскликнул я.

— Ты чего? — удивилась девочка, совсем не обидевшись. И мне стало стыдно. Не она ж виновата, что я такой неуклюжий.

— Видишь, зайцы разбежались, — объяснил я. — Мы с папой их собирали, маме на день рождения. А теперь... эх...

— Не унывай, — сказала мне девочка. — Сейчас обратно наловим. Бери сачок! Тебя как зовут? Я — Таня.

— А я Шурик, — сказал я.

И в этот миг прозвучал гудок — громкий и долгий, как сказочный горн.

— Не успеем! — в отчаянии воскликнул я. — Паровоз вот-вот отправится.

— Мы быстро! — возразила Таня. — Еще два гудка будет.

С этими словами она метнулась в траву, сомкнула ладошки и через секунду уже протягивала мне веселого сверкающего зайца. Я мигом упрятал его в ракушку. Схватил сачок, повернулся, накрыл второго зайчика в лепестках ромашки, а Таня тем временем ловила третьего.

— Зайчики далеко не ускачут, — объяснила мне Таня. — Они всегда стайкой держатся, друг от дружки далеко не отходят. Каждый зайчик всегда знает, где его братья и сестры.

— Шурка! — послышался взволнованный папин голос. — Где ты? Давай скорее!

Я лихорадочно заметался. Таня тоже заторопилась, но казалась совсем спокойной.

— Ты на Майском лугу в первый раз? — спросила она, вручая мне пятого зайца.

— Угу, — сказал я. Под листом лопуха притаился шестой заяц, и я старался его не спугнуть.

— Шурик, ну где же ты?! — звал меня папа. Он был за холмом и не мог меня видеть.

Заяц из-под лопуха убежал. Но я ухватил другого, сидевшего на стельке маргаритки.

— Вы с папой откуда приехали? — спросила Таня.

— Из города... — начал было я, но тут раздался второй гудок, и сердце замерло у меня в груди.

— А мы с сестренкой из июля приплыли, — как ни в чем не бывало сказала Таня. — Наш пароход тоже скоро отправится. Но ты не переживай. Еще минутка у тебя есть.

— Из июля... — повторил я, засовывая в ракушку девятого зайца. — А мы из сентября.

— Шурик, чертенок! — воскликнул папа. — Мчись сюда, живо! Опоздаем же!

Тогда я решил, что девяти зайцев вполне достаточно. Надо бежать.

Но Таня протягивала мне десятого — прямо на вытянутой ладошке.

— Оставь себе на память! — крикнул я на бегу и, не оборачиваясь, понесся туда, откуда звал меня папа.

— Ты приедешь еще? — вслед мне прокричала Таня. Но я не ответил. Некогда было.

Папа наконец заметил меня, махнул рукой в сторону паровозика, и мы помчались как угорелые. Ракушку я прижимал к груди обеими руками. Хоть бы только не уронить!

Третий гудок прозвучал, когда нам осталось добежать лишь несколько шагов. Поезд тронулся. И тогда папа подхватил меня на руки и совершил грандиозный прыжок — ничуть не хуже давешнего волка. Мы очутились на подножке последнего вагона. Папа осторожно поставил меня на ступеньку рядом с собой, открыл дверцу, и мы ввалились в тамбур, еле переводя дух.

— Уфф, — сказал папа, когда мы заняли свои места. — Ну, ты, Шурка, даешь. Я тебя зову-зову... Еще чуть-чуть, опоздали бы.

Я тоже отдышался и только тогда рассказал папе, что случилось. Про белый пароходик, про разбежавшихся зайцев и про девочку Таню, которая помогла мне их собрать.

— Ничего, — сказал папа и похлопал меня по плечу. — Все хорошо, что хорошо кончается.

И тут я спохватился: а где сачок?!

Конечно! Я ж забыл его там, у дерева. Вот беда! Я готов уже был разреветься. Дедушкин ведь подарок... Но папа посоветовал мне не отчаиваться.

— Когда-нибудь мы снова поедem на Майский луг, — сказал он. — Быть может, сачок и найдется. Ведь там всегда май, всегда весна, время идет по кругу. Приедem, а сачок там так и лежит.

Я вздохнул:

— Может быть...

А потом я вдруг понял, что ужасно устал. Так, что глаза закрываются. Все-таки это был самый удивительный день в моей жизни.

— Папа,— спросил я,— ты не против, если я немного посплю?

— Что ты, Шурик, конечно, спи,— улыбнулся папа и погладил меня по голове.

Я свернулся калачиком на сиденье, положил голову папе на колени, и сон навалился на меня, как пушистое теплое одеяло...

...Я не помнил, как мы добрались домой. Наверное, папа принес меня на руках, а может, применил какое-нибудь волшебство. Только проснулся я в своей кровати. А дома уже была мама. И за окнами брезжил хмурый сентябрьский день. Но дома у нас было светло и весело: по комнатам носились неугомонные солнечные зайчики, кувыряясь и играя друг с дружкой и с нами.

Мама, смеясь, обняла меня:

— Ах ты мой отважный путешественник! Привет тебе от бабушки с бабушкой!

— С днем рождения, мама! — сказал я.

А вечером был праздник. Мама испекла малиновый пирог. Мы с папой «вручили» ей наш подарок: я подвел маму к башне из пластилина, папа принес ракушку, постучал по ней пальцем, и раздалась песня жаворонка. Под эту песню прямо из башни, изо всех ее окон и дверок, выпорхнули девять солнечных зайцев и закружились в веселом танце.

Они вспрыгнули на стол и на зеркало, пробежались по стенам, по дверцам комода, один заяц даже забрался мне на нос — мне стало щекотно, и я чихнул. Под конец зайцы станцевали вокруг праздничного пирога, помахали едва заметными хвостиками и дружно юркнули в башню. Таков был весенний вальс солнечных зайчиков!

Мама захлопала в ладоши, расцеловала нас с папой, и мы пошли есть пирог.

Это был замечательный вечер. И я сделался такой счастливый, словно сам превратился в солнечного зайца. Вот только чуть-чуть было грустно, что потерялся дедушкин сачок. И что с Таней я так и не попрощался...

Но на следующее утро меня ждал сюрприз.

— Шурик! К тебе гости! — позвала меня мама из коридора.

Я очень удивился: кто бы это мог быть? Если Димка, мой лучший друг, мама так и сказала бы: «К тебе Дима пришел».

— Сейчас чайник поставлю,— приветливо говорила кому-то мама.— Приходите с Шуркой на кухню.

Я выбежал в коридор. На пороге стояла Таня. Одетая она была по-осеннему: в пальто, шапке и резиновых сапогах. Но я ее сразу узнал. К тому же на плече у нее сидел солнечный заяц и грыз солнечную мор-

ковку. А в руке Таня держала сачок — мой сачок, тот самый, который я забыл на Майском лугу.

Сердце мое радостно забилося.

— Привет, Шурка,— сказала Таня.— Вот, держи,— и протянула мне сачок.

— Таня! — от изумления я захлопал глазами.— Как ты меня нашла?

— Меня твой заяц привел,— улыбнулась Таня.— Я ж тебе говорила: зайчик всегда дорогу найдет к своим сестрицам и братцам.

Заяц соскочил с ее плеча и запрыгал по стенам.

— Он два месяца по своим тосковал,— добавила Таня.— Да и я все лето гадала: увидимся ли еще? Ты так быстро тогда убежал.

— Два месяца? — я ничего не понимал.

— Так ведь наш пароход пришел из июля, а твой поезд из сентября,— напомнила Таня и лукаво посмотрела на меня.

— И правда! — сообразил я.

— А теперь на Майский луг уж не попасть,— Таня вздохнула.— Корабли туда больше не плавают, поезда не идут. Твой паровоз был последним.

Я погрузился на минутку, а потом сказал:

— Нет, Таня. Мне папа обещал, что мы еще съездим на Майский луг. А мой папа все-все знает! Даже высоту горы Джомолунгмы.

Еще я хотел прибавить, что уж папе-то верю, ведь он лучший папа на свете. Но не стал. Вдруг Таня обидится? Все-таки у каждого ребенка папа с мамой свои.

Таня молча покачала головой.

— Чай готов! — послышалось из кухни, и к нам вышли мама и папа. Они держались за руки и с улыбкой смотрели на нас.

— Заходи, Таня,— сказал тогда я.— Будем, как зайцы, дружить. Хочешь?

И Таня, покраснев от смущения, кивнула:

— Конечно!

Галина СОЛОНОВА

г. Брянск

МУРАВЬИНАЯ ИСТОРИЯ

Лесная тропинка вела к даче сосновым бором. Под огромной сосной Анечка заметила большой рыхлый конус.

— Бабушка, давай подойдем поближе,— попросила девочка.

— Это муравьиный терем,— сказала бабушка.— Понаблюдаем тихонько, не двигайся: муравьиный народ не любит, когда ему мешают, могут и закусать.

Анечка внимательно присмотрелась. Рыжие лесные жители впереди снуют по муравейнику, и все они заняты каким-то делом: одни ташат малосенские палочки, другие — сухие хвоинки.

— Сколько их много,— удивилась Анечка.

— Да, в этом тереме может быть несколько сот жителей. И все они живут одной дружной семьей... Смотри, смотри, внучка,— зашептала бабушка,— муравей тянет сухие блестящие крылышки какого-то жука.

— А вот этот,— заметила девочка,— маленький блестящий осколок.

— Это кусочек раковины сухопутного моллюска. Муравьи любят украшать свое жилище красивыми вещами.

Анечка и бабушка так увлеклись изучением муравейника, что не заметили, как рядом появились двое мальчишек лет девяти. Мальчишки деловито очистили небольшие палочки лозы и положили на муравьиный домик. Муравьишки тотчас облепили их.

— Мы сюда каждый день прибегаем, когда с дедушкой на дачу идем,— пояснил светловолосый мальчик.

— Смотри-ка, муравей-носильщик еле тащит большую самку,— заметил его спутник.

— А этот несет личинку,— указал пальцем первый мальчик.

Муравьи деловито проползли с ношами мимо палочек и скрылись в глубине муравейника.

— Почему ты сказал носильщик? — поинтересовалась Анечка.

— Потому что у каждого муравьишки свои обязанности,— похвастался познаниями второй мальчик.— Среди них есть солдаты, разведчики, строители, охотники и даже няньки. Нам дедушка рассказывал.

Мальчишки взяли палочки, стряхнули с них муравьев и сунули в рот. Анечка удивленно смотрела, как мальчишки обсасывали свои палочки.

— Вкусно? — спросила девочка с опаской.

— Ага. Кисленько!

— Коля, Толя! Возвращайтесь! — послышался дедушкин голос.

Мальчишки встrepенулись и убежали.

— Бабушка! Почему палочки стали кислыми? — спросила Анечка.

— Муравьи выделяют кислоту. Муравьиная кислота используется в лечебных целях в медицине... Пойдем, внучка. Нам тоже пора...

Через два дня, когда бабушка с Анечкой снова шли на дачу, решили проведать муравейник. Вместо высокого муравьиного терема в форме конуса они увидели растоптанную, разбросанную по сторонам кучу в виде блина.

— Терем разорен,— заплакала девочка.

— Да, кто-то поступил по-варварски.

— Кто же такой жестокий, бабушка?

— У муравьев много врагов: кроты, жабы, ящерицы, некоторые птицы. Так мог поступить косолапый мишка: он любит лакомиться муравьями. А если это был глупый и злой человек, то он не знал народной пословицы: «Разоряя муравейник, ты разоряешь дом друзей». Маленькие муравьишки приносят лесу пользу. Они уничтожают вредных насекомых, тем самым спасают деревья от гибели. Эти рыжие труженики и землю делают плодородней.

— Поэтому трава, кустарники и даже дерево, что рядом, ярко зеленеют? — спросила внучка, вытирая слезы.

— Ты молодец, Анечка: очень наблюдательна. Все, что попадает в зону плодородия, пышно разрастается.

— Жалко: муравьи все погибли,— тяжело вздохнув, сказала внучка.

— Не думаю я, что все погибли... Пойдем-ка и мы с тобой, Анечка. Дорогой я тебе сказку расскажу.

Кто-то так надавал рыжего муравья Сеньку ногой в тяжелом сапоге, что он оказался метра за три от своего жилища у подножия молодой елочки. Долго лежал, наконец очнулся. Привык Сенька трудиться по восемь — десять часов в сутки, а тут лежит. Вскочил он на свои шесть ножек, размял суставчики по три на каждой. Почувствовав силу, побежал к своему терему. «Беда случилась! — вздрогнул муравейчик, — глядя на разоренный дом.— Даже солдаты не смогли защитить. Значит, силен был враг»...

«Заново нужно строить муравейник!» — волновался Сенька. Горюливо начал искать новое место. Увидел пенек к югу от близлежащего дерева, обрадовался: пень будет служить опорой конусу. Вернулся на место бывшего жилища. Лежат Сенькины собратья: многие погибли, другие совсем обессилели. «Спасать надо живых», — решил рыжий муравейчик и побежал добывать питание. Ему повезло: нашел свернувшуюся в клубок тлю, набил ее выделениями свой зобик и бегом обратно к разоренному дому. Не съел Сенька свою добычу сам, а

передал ее изо рта в рот своим обессиленным собратьям. Очнулись они и тоже стали своей порцией еды делиться с другими. Такой вот закон у муравьиного братства. Одной порцией еды можно сто муравьев подкрепить.

Вот уж и веселее стало. Задвигались муравьи, цепочкой вытянулись перед Сенькой. Строителей он разделил на две бригады: одни должны проточить в пне ходы, чтобы спрятать там самку и детей, другие — собирать строительный материал и строить вокруг пня муравейник. Чистильщики, которых осталось всего несколько, хорошо знали свои обязанности. Их задача — наводить чистоту и порядок в строящихся помещениях. Муравьи больших размеров с непропорциональными головами поспешили вслед. Это солдаты, они будут охранять новое жилище. Разведчиков Сенька направил добывать еду. За ними последовали муравьи, что хранят запасы жидкой пищи — медовыми бочками их называют.

Семья после разорения муравейника пока небольшая, поэтому нужно было скорее отыскать маму-самку, которая является и Королевой. «Только бы она была жива!» — беспокоился Сенька. Он избегал вдоль и поперек разоренное жилище — не нашел Королеву. Сильно расстроился, устал. Остановился, отдышался и опять устремился на поиски. Наконец под большой сломанной веткой он увидел ее большое грузное тело. Обежал вокруг Королевы, обрадовался: жива! Хоть она в двадцать раз и тяжелее Сеньки, но он был рабочим муравьем-носильщиком. Изловчился, взвалил маму-самку на спину и потащил к месту строительства.

К этому времени уже приготовили для Королевы комнату, но прохладно было в ней. Тогда строители, чистильщики, няньки, носильщики — все муравьи, что были рядом, сплелись в тесный клубок и разогрели помещение. Мама-самка согрелась и вскоре отложила много яиц. Из них вылупились личинки, которых кормила мама своим специальным молочком.

Вскоре личинки превратились в куколок. За всеми ними добросовестно ухаживали няньки. Они следили, чтобы личинки и куколки находились в условиях с нужным температурным режимом, поэтому часто приходилось перемешать их из одной камеры в другую. Хорошо, что строители успели построить для будущих малышей несколько комнат. Пришло время, и няньки помогли выйти из куколок новому поколению муравьев. Их было много, и каждый знал свои обязанности. Все муравьиная семья опять стала большой, дружной и работающей. Все муравьишки прилагали усилия, чтобы обеспечить благополучие дома.

— Вот такая история о хлопотливых существах, у которых нам, людям, есть чему поучиться,— такими словами закончила бабушка свою сказку.

- А как же Сенька, бабушка?
- А Сенька, как и все рабочие муравьи, продолжает трудиться на благо семьи.
- А мы пойдем когда-нибудь проведать новый муравьиный терем?
- спросила Анечка.
- Непременно проведем.

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА

г. Брянск

Родилась 8 ноября 1949 года в поселке Дубровка Брянской области. Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки, стихи для детей. Автор книг: «Мой театр» (2012), «Анюта-Узорница» (2014), «Волшебный лес» (2015), «Анюта-Узорница в Красном Роге» (2017), «Вдохновение. Статьи о брянской литературе» (2018). Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (Тула, 2014). Член Союза писателей России, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств», член Союза писателей Союзного государства.

БРЯНСКИЙ ВОЛК

(Из брянских сказов для детей)

1

- Дедушка, а какой брянский волк?
- Ну... как тебе сказать? Волк — он и есть волк.
- А почему — брянский?
- Так потому, что в наших лесах водится.
- А ты сам его видел?
- Конечно. Я по молодости хороший охотник был.
- И волка застрелил?
- Что ты, внучек! Разве его застрелишь! Он охотникам не дается. Есть у него особенная сила.
- Какая сила?
- Ну что с тобой делать? Видимо, придется рассказать.
- Расскажи, дедушка, расскажи! Пожалуйста!
- Так это длинная история.
- А я буду слушать. Я ни за что не засну.
- Нет, внучек, так не пойдет. Ты глаза закрывай, а я буду рассказывать.

— Ладно. Только до конца расскажи.

— А как же. Тут все одно к одному, пропускать нельзя. Ну, слушай.

Было это еще в войну, когда напали на нашу страну фашисты. Помнишь, я тебе про это рассказывал?

— Конечно, помню, дедушка. Хотели они землю нашу захватить, чтоб командовать везде... А советские люди их победили.

— Хорошо, знаешь. Так вот. Были они и в нашей деревне. Эти самые фашисты. А вокруг деревни лес стоял такой, что ни пройти его, ни обойти... Богатый лес! Грибов, ягод полно, а зверья всякого, птиц! Бывало, зайдешь подальше — обязательно лося встретишь, а то куропатка из-под куста с выводком вылетит... Зайцы, белки, лисицы! Кабаны водились... Еще красота какая! Особенно по осени. Осинки стоят красные, березки чистым золотом убраны... А между ними, глядишь — пень старый, да весь в опенках! Набирай в корзинку! Были места и болотистые, глухие, непроходимые... Да наши деревенские все тропки знали, а вот враги этого леса боялись не зря. Прятались там в войну партизаны. Помнишь, кто такие партизаны?

— А как же. Они помогали нашей армии врагов побеждать. Ты про это тоже мне рассказывал.

— Вот-вот... Но к тому времени, про которое у нас с тобой разговор идет, партизаны из леса все ушли. Присоединились они к армии, к частям, которые уже приближались к соседней деревне, чтоб, значит, вместе гнать захватчиков из нашего края. И уже слышно было за лесом «Катюшу», а это означало, что идет там бой не на жизнь, а на смерть, до самой победы. Знаешь, внучек, что такое — «Катюша»?

— У наших солдат оружие такое было, которого враги боялись.

— Точно... Ну, слушай дальше.

Поняли фашисты, что конец им приходит. Не стали дожидаться, пока наши нагрянут, засуетились, собирают свои пожитки. И думают, какое напоследок людям зло сделать. Надумали-таки варвары. Когда уже все свое приготовили, чтоб убежать, решили они лес поджечь, чтоб, значит, огненная стена нашим бойцам путь преградила. Это им привычное дело — все доброе уничтожать. Когда бежали они из сел, деревень, то поджигали дома, уводили скот, а то и вовсе людей всех расстреливали... Много горя оставляли после себя супостаты. И так осмелели на нашей земле, что свой коварный умысел насчет леса даже скрывать не стали. Кого им было бояться в нашей деревне? Одни женщины да дети малые, мужчины-то все на фронте воевали. Переговариваются между собой люди, не знают, что делать: леса жалко и страшно, что огонь-то на деревню перекинется, сгорит все дотла. Что делать? Как быть?

В крайней избе жил тогда мальчонка с матерью, Васяткой звали. Лет шести, вот как и тебе. Отец его и старший брат в армии с врагами

бились. Хотел было и он с ними идти на войну, да кто ж малолетку возьмет, он и ружье не подымет. Но Васятка, хоть и маленький, да смысленый был, смелый, как говорится, весь в отца. При этом в лесу нашем все тропинки знал, все укромные места: где медвежья берлога, где лисья нора, а где сорока вывела птенцов... И что важно: никогда никого в лесу не обидит. Выпадет птенчик из гнезда — он его обратно положит. Увидит, что жук перевернуться не может, — поставит его на ножки. Даже лягушек на болоте уважит: постоит, послушает их звонкий хор. Его так и прозвали на деревне — Мужичок-Лесовичок. Посмеивались над ним, спрашивали: «Эй, Васятка! Вот как кончится война, ты каким делом будешь заниматься?» Он и отвечал: «Учиться пойду, чтоб лесовиком стать». Это значит — лесником. Чтоб лес охранять. Кто ж поспорит? — Дело важное. Лесное богатство без присмотра оставлять нельзя.

Как узнал Васятка про фашистский план, долго не думал. Решил скорей бежать к нашим бойцам через лес, чтоб рассказать про вражескую затею да поторопить их с победой. И то: кратким путем в один бы миг добежал. Он и через болото знал ход.

Да не тут-то было. Враги следили за людьми строго. Всем приказали в домах сидеть, никуда не выходить. Патрульные обход делали по деревне. Знали, что у нас и дети смысленее их бывают.

А ждать никак нельзя. Решил Васятка огородами проскочить наудачу. И уже до леса, до первой березки добежал. Да заметил-таки патрульный мальчонку и закричал: «Стой! Застрелю! Партизан!» Других призвал. Прибежали, лопочут по-своему, ружья нацелили. Понял Васятка, что не убежать ему. И не то страшно, что убьют, а то, что никто тогда нашим воинам про беду не скажет. Остановился он, думает, как бы перехитрить врагов, да ничего придумать не может. А они окружили мальчонку и свое решают: сразу его застрелить или лучше сначала про партизан выведать — не иначе как он к ним пробирался.

Так и решили. Поставили Васятку к березе и стали требовать: рассказывай, мол, куда бежал, где партизаны, сколько их, что замышляют для защиты своей земли. И тут мальчонка придумал, как ответить. Вспомнил он, как однажды привели злодеи в деревню нашего солдата, мучили его, допытывались своего. А он все время им отвечал: «Знаю, а ничего вам не скажу». И пока придумывали они, как его испугать, ночью пробрались в деревню партизаны, освободили бойца и увели с собой в лес. Набрался смелости Васятка и говорит фашистам: «Знаю, а не скажу». Сообразил, что не станут его теперь убивать, пока не допытываются, значит, еще есть у него немножко времени. Может, как раз и подоспеют наши воины, а с ними его отец и брат. И так хочется Васятке, чтоб они успели, что как будто слышит он близко-близко звуки победного боя... Вспоминает он, что отец обещал побить врагов и защитить Васятку и других людей. Разве может он нарушить свое слово?

А фашисты пугают. Подняли ружья, и старший говорит: «Сейчас считать буду до десяти. Если не скажешь — стреляем без промаха, нашу меткость с трех шагов ты знаешь». И начал считать: «Айн, цвай, драй...» По-немецки это. Вот тут и вышел из-за куста волк... Внучек, спишь, что ли?

— Нет, дедушка, не сплю. Ты рассказывай.

— Слушай, слушай. Тут самое интересное начинается.

Стоит волк обыкновенный, не особенно большой, хвост опустил, уши поджал, но — странное дело! — глядит как будто без страха, а только сильно сердито. И стоит совсем близко, шагах в десяти всего от воителей. В глазах его — зеленые огни: вспыхнут — погаснут, вспыхнут — погаснут... Будто предупреждает он злодеев. Один фашист не выдержал да и пальнул из ружья. Что за чудо? Рассеялся дым, а волк-то стоит по-прежнему. Цел и невредим. Но стал как будто больше ростом; шерсть его ошетичилась, сделалась чисто стального цвета. Не сговариваясь, вскинули враги свои ружья и пальнули все разом. Чудеса! Летят пули прямо в зверя, от щетины его отскакивают, как шарики, и летят во все стороны. А волк осторожно шагнул вперед да и еще вырос прямо на глазах. С кустом сравнялся, а куст-то выше человека! Засверкали в глазах у него огни красные, оскалил он пасть, и видно, что шерсть его еще гуще сделалась. Прижался Васятка к дереву, а фашисты и забыли про него. От страха слова не молвят. Опять ружья подняли и пустились стрелять куда попало. Волку хоть бы что! Медленно, осторожно так лапами переступает и все ближе к врагам. А с каждым шагом становится больше, и вот уже идет на врагов огромный зверь, какого свет не видывал, а только что в сказках бывает. Поднял он огромную лапу, поставил под пули, будто отбивается, и полетели они обратно... Фашисты от своих же выстрелов замертво падают...

Кто не упал, побросали от страха ружья, побежали с криками прочь, до самой деревни, не оглядываясь. Что уж они рассказали там, неизвестно, только бежали из нашей деревни срочно. И когда пришли наши солдаты — их уже тут ни одного не было. То-то было радости на деревне!

— Дедушка, а волк фашистов догонял?

— Нет, внучек, из леса он не выходит, только в лесу, говорят, его сила.

— А Васятка что?

Васятка остался цел и невредим, он про это и рассказывал. Говорил, что, когда враги побежали, волк будто обернулся к нему. Отряхнулся и сделался совсем обыкновенным. Потом быстро-быстро побежал прочь. Только послышалось Васятке, как прошумели ветки в кустах... И сорока протрещала звонко, будто от радости. Тут у мальчонки и страх пропал. Говорят, что в том месте, где чудо такое случилось, до сих пор пули находят в стволах деревьев. Памятки. А лес уцелел.

Теперь он вечно будет жить, потому что Василий Степанович, Васятка то есть, там порядок наводит. После войны лесником стал. Браконьерам спуска не дает. Однако надо сказать, браконьеры наших лесов побаиваются. Про брянского волка тоже слыхали. Молва ведь быстрее пули летит... Эй, внучек, никак спишь?... Ну, ну... Вот это и хорошо. Мама придет, а у нас с тобой все правильно. Не успел я тебе еще про Василия Степановича важное сказать. Он ведь у нас сказки для детей мастер придумывать. Лесные. О разных лесных чудесах. Ну, это теперь в другой раз.

2

— Дедушка, расскажи еще лесную сказку.

— Не знаю, про что тебе, внучек, рассказать, все уже сказки ты мои переслушал. Проси у бабушки, она про Узорницу много знает.

— Это которая мастерица чудесная?

— Так точно.

— А я хочу еще про брянского волка.

— Твоя правда. Про Анноту-Узорницу больше женщины интересуются. Особенно те, кто рукодельем занимается: вяжут, вышивают... Да... Но одну сказку про Узорницу и я знаю. И про волка. В прошлый раз не досказал тебе. Ведь брянский волк еще раз показывался Василию Степановичу.

Было это дело уже после войны, в самый разгар лета. Делал Василий Степанович свой обход лесной. То есть проверял: все ли деревья на месте, не нужно ли какое деревце подлечить, не наведывались ли браконьеры заезжие, кто наших порядков не знает, не остался ли где костер... У лесника дел всегда много. Ходит, присматривается, заодно грибы собирает. Как раз грибная пора наступила.

Незаметно далеко зашел и слышит, будто голос девичий. То ли смеется, то ли зовет кого. Любопытно стало Василию. Не заблудился ли кто? Крикнул он громко: «Э-э-й!» Прислушался — нет ответа. Постоял и опять как будто услышал голоса... Решил пройти немного в глубь леса. И все ему что-то слышно... Решил дойти до ближней лощины, а дальше уже нельзя, потому что за лощиной непроходимая чаща начинается... Идет он осторожно, и чем дальше, тем кусты выше да гуще. Остановился. И тут почти рядом, чуть-чуть вперед, услышал девичий смех. Раздвинул он ветки и просто онемел. Глядит — глазам не верит.

Сидит на поваленном дереве девица красоты чудесной. Сарафан у нее зеленый, узором переливчатым разукрашен, на голове венец радужный, лента ясная в косе, она и есть по всем приметам — Узорница. Где ж ей еще и бывать, как не в наших лесах. Тут для нее столько чудесных узоров природа надумала, что человеку за всю жизнь не сочинить. Сидит она и перебирает будто клубочки ниток. На зеленый по-

любуется, примерит к сарафану. Потом желтый повертит, к косе приложит... Голубой перекинет с руки на руку... А рядом — огромный волчище, ростом почти с человека, и смешно вертит головой, как будто тоже клубочками интересуется. Тут она подбросила один вверх, а волчище подпрыгнул да и отбил клубочек, словно мячик, и прямо в руки девицы. Смеется она, заливаясь. Так играют: она подкидывает, а он обратно ей отдает, но при этом с каждым прыжком как будто меньше делается. Вот уже прямо на глазах стал похож на большую собаку, а потом и вовсе щенком игривым прикинулся. Подбежал к девице, потрепала она его за ухо, погладила по голове... И показалось леснику нашему, что как будто поглядел на него волчонок, будто заметил и хочет сказать: «Видишь, я совсем даже не страшный...»

Пошевелился Иван, хрустнула ветка под ногой, и вся картина эта враз пропала. Как будто ни девицы не было, ни волка...

Потом кому ни рассказывал Василий Степанович про это, никто не поверил. Решили, что это у него от жары такое видение случилось.

— А я хочу верить, дедушка.

— Вот-вот. Поэтому Василий Степанович детям и рассказывает свои лесные истории.

— Дедушка, а почему волк маленьким становился?

— Как почему? Зачем же ему хороших людей пугать? Это для врагов он страшный. Теперь в лесу только грибники ходят. Он очень умный, брянский волк...

3

— Дедушка, а если нам встретится брянский волк, что тогда?

— Нет, внучек, это вряд ли. Видишь, мы с тобой грибы собираем. Зачем ему нам показываться, человека пугать? Мы же в лес с добром идем? Вот паучка не обидели, не тронули его паутинку, гнездышко в траве не разорили... Так?

— Да, правда.

— Стало быть, мы лесу друзья.

— А я слышал, как веточка хрустнула. Как будто побежал кто-то. Вон за теми кустами.

— Не бойся, внучек. Кто побежал, тот нас испугался. Может, заяц, может, лосенок — у нас они водятся. В лесу много зверюшек. Может, и птица взлетела. Я тут раньше тетеревов встречал. Совят на ветке как-то видел... Гляди-ка, внучек, какой гриб сидит!

— Где, где, дедушка?

— А ты внимательно оглядись. Ну-ка, сам найди.

— Вижу, вижу, дедушка! Какой большой! Под той березой!

— Беги, срезай, ты пошустрей меня. Хороший боровик, ох, какой важный! И как шляпа его подрумянилась на солнце! Точно пирог...

Теперь в корзинку его... Вот так... Давай-ка тут рядом поищем. Вряд ли такой красавец один вырос...

— Дедушка, я лисички нашел!

— Молодец, внучек. Хорошим грибником будешь... Я это место еще прошлым годом приметил. Тут, видишь, дерево поваленное, сухое. И травка негустая. Солнце пригревает полянку. Тут лисички всегда растут. Только срезай осторожно, чтобы корешки в земле остались... Так... Мы с тобой сейчас и посидим на этой полянке. Отдохнем немножко, а потом и к дому станем двигаться.

— А грибы еще будем собирать?

— Да у нас ведь корзинка полная уже! Пусть подрастут, мы их и найдем в другой раз. Садись-ка рядом; в ногах, старые люди говорят, правды нет. Вот... Послушаем, как лес говорит.

— Разве он говорит?

— А ты прислушайся. Ну-ка, что слышно?

— Птичку слышу. Там, далеко... И другую.

— Вот это и есть их разговор. Одна другой что-то сообщает. У них свой язык.

— И никто-никто не знает, про что их разговор?

— Почему? Есть умные люди, ученые, которые изучают птиц. Они понимают.

— Я тоже хочу понимать.

— Учиться много надо, внучек. Присматриваться, наблюдать... Кто природу изучает, тот самый умный человек.

— Почему?

— Как тебе сказать... Природа многому учит человека, подсказки дает... Вот, например, смотри: растет травка. Мы на нее наступили нечаянно, она и припала к земле. Трудно ей. А пока сидели, она уж и распрямилась, стебельки расправила. Где только силы взяла. Вот и нам пример. Как будто говорит: «Бывает и трудно, а ты найди силы. Я совсем маленькая, а ты — человек, значит, ты много сильнее меня...»

— Дедушка, а я вчера упал и не заплакал. Мне больно было. А сегодня уже не больно.

— Вот. Про это я и говорю. Послушай, как березка шумит. Слышишь?

— Слышу.

— Это листочки переговариваются. Их ветер там вверху шевелит, они и шелестят. Радуются, что выросли, что тепло им... Что нет никакой войны... Опять нам пример: жизни всегда радоваться нужно...

— Почему ты знаешь, дедушка?

— Как не знать, я больше тебя живу. Вот придем сюда по осени, совсем другой разговор услышим... А теперь пора нам с тобой к дому... Мама, наверное, ждет нас.

— Дедушка, а, может, мы в другой раз и волка увидим?

— Что ж, внучек, все может быть. То в лесу и интересно, что всегда что-нибудь новое увидишь или услышишь... И все же с волком лучше нам с тобой не встречаться.

— Почему, дедушка? Он же добрый!

— То, внучек, в сказках. А волк — он и есть волк.

— Дедушка, я знаю, какой брянский лес.

— И какой же, по-твоему?

— Он волшебный!

— Ишь ты... Догадался. Но я тебе другое скажу. Вся Земля наша такая, внучек, — волшебная. Хорошо, если бы все люди это понимали. Тогда никогда не было бы войны.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

г. Кодинск Красноярского края

СЛЕЗЫ ДРАКОНА

В одном старом селе жил юноша по имени Матвей. Такое имя ему дал старый рыбак Арсений, который нашел плачущего ребенка на одном из островов, разбросанных по руслу быстрой таежной реки, и усыновил его.

А дело было так. Погожим сентябрьским днем, возвращаясь с рыбалки с хорошим уловом, Арсений был в приподнятом настроении. Проезжая мимо самого большого на реке острова, который местные жители называли Ягодным за обилие растущей на нем красной и черной смородины, он вдруг услышал детский плач.

«Откуда здесь взятся ребенку?» — подумал старый рыбак и, не раздумывая, причалил к острову.

Пройдя не более двадцати метров вдоль берега, он увидел мальчика пяти лет от роду, сидящего под большим раскидистым кустом черной смородины.

— Ты чей? — спросил его Арсений.

— Я не знаю, — ответил тот, с тоской глядя на старого рыбака заплаканными глазами зеленого цвета.

— А имя у тебя есть? — поинтересовался Арсений.

Но мальчик покачал головой и заплакал так громко и жалостно, что у старого рыбака сердце заныло.

— Ладно, — сказал он. — Дома разберемся, что к чему.

Арсений взял ребенка на руки и отнес в лодку. Всю дорогу до села ребенок не проронил ни слова. Он вертел головой во все стороны, словно запоминал дорогу от острова до села.

— Сам пойдешь до дому или на руках отнести? — спросил Арсений мальчика, когда лодка причалила к берегу.

— Сам! — крикнул тот и первым выпрыгнул из лодки на берег.

— Матвейка, не беги так! — вдруг неожиданно для себя выкрикнул Арсений, когда мальчик, обогнав его, пробежал мимо дома старого рыбака.

Услышав имя, мальчик резко остановился и обернулся.

— Ты вспомнил мое имя? — спросил он и улыбнулся. — Мама сказала, что, если ты меня узнаешь, я буду жить с тобой и заботиться о тебе.

— Какая мама? — удивился Арсений.

— Мама Настя, — ответил Матвей и с укором посмотрел на своего спасителя.

— Этого не может быть! — воскликнул старый рыбак. — Моя жена Настасья умерла при родах двадцать лет назад, и ребенок не успел родиться.

Мальчик подошел к Арсению и, сняв с шеи цепочку с медальоном, протянул рыбаку украшение своей матери. Тот сразу узнал его. Это был его свадебный подарок жене Настасье.

— Но как же так? — спросил Арсений и, присев на лежащее у забора бревно, заплакал.

Мальчик сел рядом и стал гладить старого рыбака по рано поседевшим волосам и утешать добрыми словами.

— Просто я родился там, поэтому ты и не веришь, — произнес вдруг Матвей и указал рукой на небо.

— Как же я могу не поверить, если у тебя глаза Настины и голос такой же звонкий, какой был у нее, — ответил Арсений и погладил мальчика по голове.

— Пошли в дом, сынок, — сказал старый рыбак. — А то две любопытные кумушки у забора остановились. Будет теперь о чем посудачить в селе.

Так и стали жить вдвоем Арсений с Матвейкой. Мальчик быстро обучился рыбацкому делу и вскоре стал ловить рыбы больше отца, да и рыба ему попадалась крупная и отменного качества.

— Это потому что рыбе нравится Матвейкино пение, вот она сама в сети и плывет, — отшучивался Арсений от вопросов односельчан, почему его сын всегда возвращается с рыбалки с богатым уловом.

И, как ни странно, все верили словам старого рыбака. Голос у Матвея и впрямь был ангельский, как запоет, так заслушаешься и обо всем позабудешь.

Однажды дочь мельника, слепая Полина, услышала, как поет Матвей, и потеряла покой. Стала она тогда просить отца, чтобы привел он в дом певца. Тот сначала отнекивался, мол, какой-то сын рыбака, от которого за версту пахнет рыбой, не достоин, чтобы мельник принимал его как гостя в своем богатом доме. Но наконец, поддавшись на уговоры дочери, пригласил Матвея в дом с условием, что тот споет три

песни для его слепой дочери и затем под благовидным предлогом покинет его дом. Матвей согласился и в назначенное время постучался в дверь дома мельника.

Мельник проводил юношу в гостиную, где уже в ожидании певца сидели в мягких креслах жена мельника Марфа и дочь его Полина.

Когда Матвей увидел слепую девушку, то полюбил ее с первого взгляда. Так случается, когда встречаешь человека, предназначенного тебе судьбой. Вот почему юноша пел так проникновенно и сладостно, словно душу свою растворял в музыке и позволял слушателям испытать ее мелкими глотками.

Помня уговор с мельником, Матвей исполнил три песни и, попрощавшись с благодарными слушательницами, покинул дом мельника.

— Батюшка, верните его! — крикнула Полина.— Я хочу познакомиться с ним поближе.

Но мельник сделал вид, что не расслышал просьбы дочери.

— Не пара он тебе, — сказал он. И погрозил жене пальцем, приглядывая, мол, получше, а также приказал привратнику следить за тем, чтобы ворота ограды были постоянно заперты на верхний и нижний засовы. А то, не дай бог, слепая дочь выйдет за ворота и встретится с сыном Арсения.

Возвращаясь домой от мельника, Матвей вспоминал все, что когда либо слышал про мельника и его слепую дочь.

Если верить слухам, то с отцом Матвея у мельника были старые счеты. Кумушки поговаривали, что затаил мельник обиду на Арсения за женитьбу на Настасье, слывшей в то время на селе первой красавицей. А еще кумушки поговаривали, что это мельник подкупил повитуху, которая перед родами отравила жену Арсения каким-то зельем.

Только Арсений никаким слухам не верил и зла на мельника не держал.

— Зло держит тот, кто духом слаб! — не раз повторял он сыну.— Мало ли кто о чем говорит. Иным людишкам оговорить человека, что высморгаться, ничего не стоит.

Матвей так же, как и отец, не доверял слухам, но один разговор отца с теткой Матреной, жившей с ними по соседству, он запомнил слово в слово. Было ему тогда двенадцать лет, и тетка Матрена тогда еще была в здравой памяти.

Юноша так явственно представил себе приход тетки Матрены к отцу и разговор с ним, что присел на лавочку у чужого забора, чтобы ненароком не растерять воспоминания.

О ТАЙНЕ МАТРЕНЫ

«Зашла как-то вечером тетка Матрена к соседям и как раз к ужину угодила.

— Садись, соседка, поужинаешь с нами,— пригласил Арсений тетку Матрену к столу, но та отказалась.

— Сказать я тебе должна что-то важное,— произнесла она тихим голосом.— Будто бы кто-то меня заставляет. Каждый день слова в ухо нашептывает: пойди да расскажи. Прямо извелась я вся.

— Если должна, то сказывай,— произнес Арсений, не понимая, к чему вдруг такая спешка.

— Помнишь, Арсений, тот случай, когда наш мельник Филипп натравил на нищенку своего пса? — спросила она, глядя в глаза соседу.— Это было на следующий день, как ты привез Матвейку.

— Ну, об этом не только я, но и все жители села помнят,— ответил Арсений.— С той поры мельник потерял всякое уважение у сельчан. Виданное ли дело: за просьбу подать кусок хлеба спустить на старую женщину цепного пса.

Но тетка Матрена не стала обсуждать подробности, у нее была другая цель.

— Я давно хотела тебе сказать, что своими ушами слышала, как эта нищенка наложила проклятие на дочь мельника,— произнесла соседка со вздохом.

— А если слышала, то почему столько лет молчала? — удивился Арсений.— Давно бы уже вылечили от слепоты девчонку. Говорят, что такой красавицей уродилась, всем на диво. От людских глаз подалее мельник держит дочь взаперти и ждет жениха богатого.

— Потому и не говорила, что болезнь дочери мельника простыми лекарствами не лечится,— ответила соседка.— Тут волшебство нужно.

— И все-то ты знаешь! — заметил Арсений.— Откуда?

— Когда вы все ловили пса, я побежала за нищенкой и догнала ее,— сказала тетка Матрена.— Она-то мне и сказала, как можно снять проклятие с Полины и вернуть ей зрение.

— И что же она тебе такого умного сказала? — поинтересовался Арсений. Он уже давно брал под сомнение фантазии тетки Матрены, возраст которой давал основание не верить ее высказываниям.

— Пока Полине зеленоглазый юноша, посланный с небес, не положит на каждый глаз по двенадцать слезинок дракона Дзю, она не прозреет,— скороговоркой выпалила соседка.

— Уж не на моего ли Матвейку ты намекаешь? — удивился старый рыбак.— Мал он еще!

— А я что? Я ничего! — произнесла тетка Матрена и быстрехонько сбежала домой».

На этом воспоминание Матвея обрывалось...

Юноша посидел еще немного на лавочке, но больше ничего вспомнить не удалось.

«Может быть, отец знает, где живет дракон? Надо спросить у него»,— подумал Матвей и поспешил домой.

Когда сын вернулся, Арсений заметил, что тот чем-то встревожен.

— Случилось что? — забеспокоился старик.

— Не беспокойся! Со мной все в порядке,— поспешил Матвей успокоить отца.— Просто не могу вспомнить, где живет дракон Дзю.

— Зачем тебе нужен дракон? — удивился Арсений.

— Я должен вылечить от слепоты дочь мельника,— ответил Матвей, с надеждой глядя на отца, а вдруг да вспомнит.

Арсений оглядел сына с ног до головы, словно увидел его впервые, и вдруг его осенило.

«Как же я раньше не сообразил, что Матвейка и есть тот самый зеленоглазый юноша, посланный небесами для исцеления от слепоты дочки мельника? — подумал он.— И тетку Матрену зря обидел, сказав, что заговариваться стала. Надобно извиниться».

— Пойдем к тетке Матрене, может быть, она знает,— предложил старик сыну.

И они отправились в гости к тетке Матрене, да не с пустыми руками, а с большим ведром, полным уже выпотрошенной свежей рыбы.

— Поумнел? — вместо приветствия спросила Арсения соседка.

— Ты уж прости меня, Матрена, затмение нашло,— извинился тот.

Но тетка Матрена только рукой махнула на его извинение. Она взглянула на Матвея. Тот переминался с ноги на ногу, стоя перед ней с полным ведром рыбы.

— Отнеси ты его сначала на кухню,— сказала тетка Матрена.— А потом приходи и спрашивай.

— Помнится, когда я был маленьким, вы отцу говорили, что Полину исцелить могут только слезы дракона Дзю. Но не сказали, где живет этот дракон,— произнес юноша с плохо скрываемым волнением.

— Оттого и не сказала, что отец твой мне не поверил,— ответила соседка.— А тебе скажу потому, что любишь ты Полину всем сердцем.

Матвей, смущенный ее словами, кивнул головой, подтверждая их правоту.

— Если от дома мельника идти десять дней прямо на восток, то дойдешь до пятиглавой горы, где в одной из пещер живет дракон Дзю, охраняющий свое озерко слез от завистливых глаз. Но у тебя есть знак неба, который и поможет тебе войти вовнутрь горы,— сказала тетка Матрена.— Сегодня полнолуние, в полночь и отправишься. Иди, собирайся. И не забудь взять с собой Настасьин кошелек, который отец хранит за иконой Богородицы. Наполнишь его слезами дракона, чтобы не растерять по дороге.

— Какой такой знак неба? — спросил юноша, с удивлением глядя на соседку.

— Тот, который мать тебе на шею повесила,— ответила тетка Матрена и выпроводила гостей за дверь.

— Идите уж, не до гостей ныне! — сказала она на прощание и перекрестила спину уходящего юноши.

Как только часы пробили полночь, Матвей вышел из дома и направился сначала к дому мельника и уже оттуда прямо на восток, как и сказала тетка Матрена. Дорога была не из легких: идти пришлось через дремучий лес, где на каждом шагу встречались топи и болота. Но все когда-то кончается. Так и дорога уткнулась в отвесную скалу, вершина которой напоминала медвежью голову.

«А как же мне войти в нее?» — подумал юноша, внимательно осматривая отшлифованную дождями и ветрами поверхность скалы.

Вдруг он увидел пульсирующий красный лучик, пробившийся изнутри скалы.

— Это наверно к нему надо приложить медальон,— произнес Матвей вслух и, сняв с шеи оберег, подаренный матерью, прикрыл им пульсирующий красный лучик.

Услышав грохот, визг и скрежет, юноша схватил медальон и, зажав его в кулаке, отбежал в сторону и стал издали наблюдать за происходящим. Он увидел, как на отполированной поверхности скалы сначала появилась трещина, которая стала быстро расширяться до тех пор, пока не образовался проем по ширине около двух метров.

«Это и есть вход в скалу,— подумал Матвей.— Хитро же задумано, вряд ли кто догадается».

Юноша подошел к проему и храбро шагнул вовнутрь скалы. К своему удивлению, он очутился в слабо освещенном коридоре, по которому и пошел, через каждые десять метров пути опускаясь на ступеньку ниже. Когда Матвей насчитал двадцать пять ступенек, коридор неожиданно кончился и юноша увидел округлое озерцо с водой изумрудного цвета. На берегу сидел маленький дракон и плакал. Его слезы капали в воду озерка.

«Поэтому и называется озерком слез»,— подумал юноша.

Словно прочитав его мысли, дракон перестал платать и, повернув голову, выжидающе посмотрел на гостя.

— Меня зовут Матвеем, пришел я из села Покровка,— произнес юноша, подойдя к дракону на расстояние вытянутой руки.

— Дзю,— ответил дракон.— Сказывай, зачем пришел. По пустякам небесный знак не используют.

Выслушав рассказ юноши о желании помочь прозреть любимой девушке, дракон долго молчал. Потом окунул голову в свое озерко. Матвей понял, что Дзю принял решение. Так оно и случилось.

— Я помогу тебе,— сказал дракон Дзю.— Только есть одно условие в чуде исцеления.

— Какое же это условие? — спросил Матвей. — Я выполню любое твое условие, лишь бы Полина прозрела.

— Первый мужчина, которого твоя Полина увидит после того, как прозреет, должен стать ее мужем. И нет гарантии, что им будешь ты, — ответил дракон Дзю, испытующе глядя в глаза юноши.

— Я согласен, — сказал Матвей. — Для меня главное, чтобы девушка была счастлива.

— Тогда отдай мне свой дар, а взамен получишь лекарство от слепоты, — предложил дракон.

— О каком даре ты говоришь? — спросил юноша, с удивлением глядя на дракона Дзю.

— О твоём ангельском голосе, — ответил тот.

— Будь по-твоему! — воскликнул Матвей и в ту же минуту онемел.

— Зачерпни полную пригоршню моих слез и увидишь, что будет, — попросил дракон юношу, и тот послушно опустил руки в озерко слез.

Как только зеленая жидкость коснулась рук Матвея, тотчас же превратилась в пригоршню изумрудов. Как и советовала тетка Матрена, юноша наполнил слезами дракона Настасьин кошелек.

— Положишь на каждый глаз слепой девушки по двенадцать моих слезинок, и она прозреет, — услышал он голос дракона Дзю, который, отвернувшись от юноши, направился к входу в пещеру.

— Ступай домой и постарайся не спорить с судьбой, — донесся голос дракона Дзю из пещеры.

Матвей поклонился следу дракона и бегом отправился в обратный путь.

Когда юноша вышел из леса на тропу, ведущую к селу, сердце у него учащенно забилось. Первым делом он зашел домой, чтобы умыться и привести себя в порядок. Новость о Полине, услышанная от Арсения, огорчила его.

— Мельник нашел дочери богатого жениха, — сообщил тот Матвею, отводя взгляд в сторону. — Жених-то старый и обрюзгший, днюет и ночует в доме мельника. На пару с Филиппом сторожат Полину, чтобы не сбежала до свадьбы.

Матвей молча кивнул головой и, выйдя из дома, направился к мельнику.

«Как же я объясню ему, что смогу исцелить его дочь?» — подумал юноша, стоя у ворот дома мельника.

Но объяснять ничего не пришлось. Мельник, увидев Матвея, ухватил его за рукав рубахи и повел в дом.

— Хорошо, что ты пришел, — сказал он. — Споешь Полине пару песенок, она и повеселеет. Совсем извелась от тоски невеста. Радоваться надо, что жених богатый попался, а она слезы льет.

Войдя в комнату, где находились плачущая дочь мельника и ее жених Прохор, мужчина лет пятидесяти, Матвей поклонился. Затем, достав из Настасьино кошелька слезы дракона, разделил их поровну. Подойдя к Полине с двумя пригоршнями слез дракона, он приложил их к глазам девушки.

Рассерженный вольностью юноши Прохор оттолкнул Матвея в сторону, но сам не удержался на ногах и растянулся во весь рост на полу.

— Матвей, какой ты красивый! — произнесла Полина, подойдя к юноше. — Я так рада, что мой сон сбылся.

— Какой сон? — спросил юноша вслух. От радости, что к нему вернулся голос, Матвей всхлипнул и две слезинки, скатившиеся из его глаз, превратились в два изумруда.

— Подаришь своей невесте на свадьбу от меня подарок. Пусть серьги закажет ювелиру, — явственно услышал юноша дракона и оглянулся по сторонам. Затем он поднял упавшие на пол изумруды и протянул их дочери мельника.

— Это тебе подарок от дракона Дзю, — сказал Матвей. — Он помог мне исцелить тебя от слепоты.

— Я все знаю, — ответила Полина. — Ко мне во сне приходил дракон Дзю и все о тебе рассказал. Он сказал также, что ты моя судьба.

— А как же твой отец? — спросил юноша. — Он же уже сговорился с Пророгом.

— Сбежал Прохор! — произнес мельник, заходя в комнату. — Судьбу не обманешь!

Надо ли говорить о том, как были рады Арсений и тетка Матрена, сидя за свадебным столом Матвея и Полины? Я думаю, что надо. Чем больше добрых людей прикоснутся к чужой радости, тем радостнее будет добро, ими творимое.

Ирина ГОНЧАРОВА

г. Москва

ПОТОМУ ЧТО У МЕНЯ НЕ БЫЛО ДЕДУШКИ

Организмы Мишки и Славика, как у многих подростков, время от времени невыносимо требовали чего-нибудь экстремального. И этот экстрим нужно было найти во что бы то ни стало, иначе жизнь теряла свои краски.

Новогодние каникулы обещали быть незабываемыми, поскольку ребята задумали тайно от родителей посетить дремучий лес за старой почти вымирающей деревней в двухстах километрах от их города. Они хотели было взять в компанию Петьку, но тот испугался и дал слово

всех прикрывать, отвечая, когда его спросят, что все они дружно поедут к его бабушке в деревню отдыхать. Мишка и Славик взяли два двухлитровых термоса с горячим чаем, сухарей, баранок, спичек, два фонарика. Сели на пригородный поезд и поехали в глухую деревню.

В этой деревне раньше жила бабушка Славика, но год назад она умерла. Ее дом стоял почти у леса. Ребята решили сходить в лес ненадолго, пока просто посмотреть, как оно там, в зимнем лесу, а уже завтра отправиться туда на целый день. Все свои вещи, кроме фонариков, оставили в доме. Заснеженная лесная сказка манила своей неизвестностью. Тропка, ведущая в лес, казалась легко запоминаемой. Им показалось, что зашли они недалеко, однако ребята не заметили, как заблудились.

— Мы шли оттуда,— Мишка махнул куда-то вправо.

— У тебя всегда было плохо с ориентацией на местности,— самоуверенно ответил Славик.— Мы оттуда зашли,— показал он в противоположную сторону.

— Если так, пусть каждый пойдет по своему пути,— вспылил Мишка, обидевшись на обвинение в плохой ориентировке.— И посмотрим, кто раньше придет домой.

Мальчишки разошлись. Славик быстро нашел дорогу обратно. Самодовольно ухмыльнувшись, он посмотрел в сторону леса и пошел в дом своей бабушки.

Путь, по которому пошел Мишка, тоже мог вывести из леса, только на это потребовалось бы больше времени и тропы были более путанными. К тому же (мальчики об этом не знали), в лесу протекала река, не замерзавшая на зиму, и при одном неверном шаге скатиться в нее ничего не стоило.

В лесу стремительно темнело. Мишка начинал замерзать. Он перестал понимать, куда идет. Вдруг нога Мишки заскользила, и он кубарем покатился с пригорка прямо в ледяную реку. Она была неглубокой, но своим холодом парализовывала от макушки до пят. Мишка почувствовал, что даже крикнуть «Помогите!» он не в силах.

Славик зашел в дом. Перекусив еще горячим чаем из термоса и банками, он решил подремать. Проснувшись через час, Славик испуганно вскочил. Мишки не было. За окном уже стемнело. Он взял фонарик и вышел на улицу. Тишина и пустота вокруг, как будто, не то что в деревне, на целой планете Славик остался один. Он вошел в дом. В холодной избе было неуютно и пахло сыростью. Он трясся то ли от холода, то ли от испуга. Принес из сарая дрова и стал неумело растапливать печь. Руки дрожали, очень хотелось согреться, но не получалось растопить печь.

Что делать теперь? Как сказать родителям Мишки, что их сын пропал? А что сказать своим родителям? Обманули всех. Наврали, что поедут отдохнуть к Петькиной бабушке. Петька-то поехал, а они свернули совсем в другую сторону. Целый год со смерти Славкиной бабушки этот дом не отапливался. Истопник, конечно, из Славика никакой — кто его научит в городской квартире растапливать печь? Из его глаз от осознания собственной беспомощности потекли слезы. Вот они всегда искали экстрима: прыгали летом с тарзанки, ныряли с аквалангом, зимой выделывали виражи на лыжах... А сейчас пришло настоящее испытание, и они его не выдержали. Мишка вовсе в лесу сгинул, а Славик даже печки растопить не может, чтобы согреться. Вот где экстрим: попробуй, не замерзни в собственном доме!

Славику было стыдно и страшно. Он решил не выходить из дома и в город не возвращаться. Пусть он медленно умрет от голода и холода, но не признается родителям Мишки, что по его вине их сын пропал. Что скажут в школе? Что Славик предатель — бросил друга в лесу? На его родителей будут показывать пальцем: вырастили, мол, предателя. Его загнобят...

Он нашел в шкафу плед и одеяло. Они были холодными и совсем не согревали. Но Славику уже было все равно — пропадать так пропадать. Он закутался в них и стал беззвучно плакать.

По случайности Илья Гаврилович шел к своей избушке, когда Мишка скатился в речку. Илья Гаврилович бросился вытаскивать мальчика. Тот был без сознания. Илья Гаврилович, взяв на руки Мишку, занес его в избушку. Снял мокрую одежду и принялся растирать его своими травяными мазями, которые научился варить еще в детстве. В избушке жарко натоплено. Но он укрыл Мишку одеялом и заварил свой специальный отвар, который и его самого не раз выручал. Оставив отвар настаиваться, Илья Гаврилович присел на кровать рядом с Мишкой. Тот начал приходить в себя, но глаза ему было сложно открыть. «Лет пятнадцать,— подумал Илья Гаврилович, глядя на Мишку,— моему Владике было бы сейчас столько же».

Илья Гаврилович недавно потерял всю свою большую дружную семью: детей и внуков. Они возвращались с далекого заграничного курорта. Позвонили накануне вылета. Были счастливые, радостные и загорелые. Но навсегда остались в небе...

Избушки в лесу были у многих деревенских жителей, кто любил уходить в лес на рыбалку или на охоту, на пару-тройку дней, а то и на неделю или даже на месяц. Илья Гаврилович тоже имел избушку. Со своими сыновьями он любил тут бывать. Однако после потери семьи удалялся в избушку только тогда, когда хотелось вспомнить добрые времена, когда все его родные были живы...

Как ему потом будет вспоминаться, Мишка сначала услышал треск горящих поленьев. Потом открыл глаза и увидел над собой потолок из крепких бревен. Он попытался повернуть голову, но почувствовал боль от ушибов, полученных при падении.

— Вот и у меня появился внучок. Такой новогодний подарок! — услышал он чей-то ласковый голос.— Отдам внучка, отдам. Так хоть на денечек будет у меня внучочек.

Мишка все же сделал усилие и повернул голову на голос.

Он увидел высокого, жилистого старика. Белоснежно-седая борода и волосы, обрамлявшие его лицо, делали весь его облик как бы светящимся. Голос его был необыкновенно добрым и ласковым. Мишка мог бы принять его за деда Мороза, если бы верил в его существование.

— Ты не бойся,— увидев, что Мишка открыл глаза, сказал ему старик,— я тебя провожу домой. Вот поправишься и провожу.

Мишке показалось, что он смог в ответ улыбнуться, но старик увидел на лице его гримасу боли.

— Плохо тебе? Потерпи. Травки, они помогают всем. И мед еще. И тепло, конечно, без него никак после ледяной речки.

Прошло два дня и Мишке стало гораздо лучше. Он мог уже самостоятельно вставать и от ушибов остались только воспоминания.

— Ну вот,— услышал он утром на третий день,— можно тебя родителям возвращать.

Они засобирались в дорогу.

— Дедушка, а вы кто? — спросил Мишка напоследок.

— Да просто — дед.

— Спасибо вам! У меня никогда не было дедушки.

— А у меня уже нет внука. Ну, иди по этой тропке, прямо, не сворачивая. Вон там, вдали, уже и деревню видно. Тропинки здесь путанные, так что будь осторожен. Здесь даже бывалые пропадали.

Мишка постучал в дом. Славик боялся открывать. Сам он за эти дни уже заиндевел в холодном доме, но признаваться в своем проступке все же боялся. Чай из термоса был давно выпит, в животе квакали лягушки, но вернуться в город и покаяться было для него непреодолимой задачей.

Мишка подошел к окну. Сквозь замороженное стекло ничего не было видно. Он постучал.

— Славик! Это я. Я вернулся!

Славик подумал, что от холода и голода у него начались галлюцинации, и не решился открывать. Мишка продолжал тарабанить. Наконец Славик осмелел и открыл замерзшую дверь.

— Мишка! Ты живой?! Ты не глюк?!
— Я не глюк! — ребята сжали друг друга в объятьях так сильно, что у обоих хрустнули косточки.

— А я ... так боялся,— трясясь, говорил Славик,— так боялся, что ты... что ты...

— Да я сам боялся, но ничего. Меня дед какой-то спас. Хороший такой дед! Я так жалею, что у меня нет дедушки! — неожиданно для себя сентиментально произнес Мишка последнюю фразу.

Мальчишки в тот же день поехали домой. Конечно, рассказывать правду никому не стали. Петьке соврали, что видели медведя и совсем не испугались, а как раз наоборот — медведь их испугался. Почему тот не был в спячке? Ну, может быть, ради них, городских гостей, и проснулся. Родителям, само собой, ни словом не обмолвились, иначе, понятное дело, больше без контроля ни шагу сделать не дадут. В общем, все концы в воду удалось спрятать. Только вот Мишка никак того деда забыть не мог. Стоял он у него в глазах и забываться ну никак не хотел. У Мишки, действительно, никогда не было дедушки. У всех в его классе были дедушки, а у него не было. И так обидно было, хоть плачь. Он, конечно, не должен быть сентиментальным, он уже взрослый, ему пятнадцать, скоро шестнадцать лет. Надо уже о девушке думать, а не о дедушке... Только вот он не мог. Не мог забыть и голос тихий и добрый, и лицо, белоснежной бородой обрамленное, и глаза сине-голубые ласковые.

Прошло почти десять лет с тех пор, как Мишку спас тот неизвестный ему дедушка. Мишка уже стал Михаилом Борисовичем, окончил вуз и защитил кандидатскую диссертацию, женился. Работал в научно-исследовательском институте, но... никак не мог забыть своего спасителя. Однажды он рассказал эту историю своей жене Люде.

— Знаешь,— сказала она ему,— все в жизни не случайно. У меня ведь тоже не было дедушки. А ты был бы не против, чтобы он с нами жил?

— Конечно, нет! Об этом можно только мечтать! — воскликнул тот.— Только где же его найти? В этой деревне он больше не живет, я уже туда ездил, спрашивал у всех. Сказали, что вроде бы добровольно решил уйти в интернат для престарелых. В каком интернате его искать и как? Я даже не знаю, как его зовут.

— Моя подруга Юлия доброволец в благотворительном фонде «Дорогие мои старики». У них в базе все дома престарелых страны. С фотографиями! Ты ведь помнишь, как он выглядит, а это гораздо облегчит задачу!

— В каком же интернате его искать? — недоумевал Миша.— У нас их по области вон сколько!

— Потратим немного времени, посмотрим все фотографии,— с оптимизмом в голосе сказала Люда.

У Миши отчего-то безнадежность острой иглой кольнула в сердце. «А вдруг он уже умер?» — мелькнуло в голове. Столкнуться лицом к лицу с этой реальностью было бы ударом для него. Он так мечтал найти дедушку, и вдруг все будет напрасно? Но, видя решимость жены, он не позволил себе отказаться от этой идеи.

Они отправились в благотворительный фонд.

— Давайте начнем с интерната нашего района,— предложила им Юля.

Но поиск оказался тщетным. Еще две попытки тоже не увенчались успехом. Интернаты расформировывались, стариков переселяли, старые данные не всегда обновлялись, в общем, всем троим начало казаться, что смысла в поиске уже нет, однако никто вслух этого не сказал, и Юля упорно давила на клавиши ноутбука. Наконец на четвертом интернате им повезло. Миша увидел знакомое лицо: те же синеголубые глаза — ласковые, и светящаяся седина, обрамлявшая его лицо.

«Добролюбов Илья Гаврилович»,— прочел Миша под фотографией.

— Илья Гаврилович, как же я рад, что нашел тебя,— прошептал Миша, глядя в монитор.

Миша с женой решили забрать Илью Гавриловича на Новый год. Однако неожиданно Мишку вызвали в командировку.

— Давай ему письмо с открыткой отправим,— предложила жена.— А то так — с бухты-барухты придем, люди незнакомые. Для начала письмом о себе напомним. Ты вернешься, и мы его заберем!

Решили так и сделать: написать письмо, отправить открытку, созвониться с администрацией, договориться (Юля, конечно, поможет договориться) и забрать его к себе. Забрать навсегда.

Помирать в одиночестве Илья Гаврилович не хотел. Да и ему, привыкшему к большой семье, было скучно одному. В деревне общаться стало почти не с кем, особенно зимой. А летом деревню наполняли в основном незнакомые дачники. Местных жителей становилось все меньше и меньше...

Илья Гаврилович решил уйти в дом престарелых. Домик свой завещал соседям. Взял с собой дорогие сердцу фотографии, документы и одежду на смену. Навещать его никого не просил. Нового адреса никому не оставил.

В доме престарелых народ, конечно, был разный. Тихих интеллигентов было только двое — собственно сам Илья Гаврилович и еще один старичок. Вот с ним он только и мог говорить по душам. С

остальными обитателями интерната Илья Гаврилович держался дружелюбно: с заядлыми шахматистами играл в шахматы, кого надо было выслушать — выслушивал, однако никого не осуждал. День свой старался проводить деятельно: начинал утро с зарядки, читал, выходил на прогулку. Но по вечерам накатывала непреодолимая тоска, отчего-то хотелось рыдать и рвать на себе рубаху. Старички и старушки здесь хорошие, но ему до сердечной боли не хватало семьи. От того каждую ночь, глядя в черно-синюю мглу за окном, он чего-то ждал.

Илья Гаврилович проснулся раньше всех. В доме престарелых стояла тишина, время от времени прерываемая лишь чьим-то сонным вздохом или всхрапыванием. Кровать его стояла у окна. Он сел. И с какой-то неизвестно откуда взявшейся надеждой на ожидание чего-то нового, посмотрел в чернильную мглу, в которой точками сияли далекие придорожные фонари.

Стало светать. «Четвертое января»,— прочел Илья Гаврилович на календаре.

— Илья Гаврилович, вам письмо,— войдя в его комнату, сказала сестра-хозяйка.

— Странно... Мне вроде писать никто не должен. Одинокий я, никого у меня нет.

— Знаю-знаю. Но вот, однако же.

— Спасибо,— Илья Гаврилович принял из рук сестры плотный конверт. Отправитель был незнакомый.

«Что ж, может, напутал кто»,— подумал он, вскрывая конверт. В нем оказалась новогодняя открытка и письмо.

«Здравствуйте, дорогой Илья Гаврилович! Я очень рад, что нашел Вас наконец! Не удивляйтесь: есть на свете человек, который Вас помнит и благодарит за свое спасение. Помните, десять лет назад Вы вытащили из мерзлой реки мальчишку-подростка и вылечили его? Это был я. Все эти годы я о Вас помнил и очень хотел найти. И нашел! Как? Об этом при встрече. Я обязательно приеду к Вам и заберу к себе домой. У меня никогда не было дедушки и я безумно рад, что Вы появились в моей жизни. У меня большой дом, я и моя семья будем рады Вам...».

«И кто сказал, что чудес не бывает? Они случаются даже со стариками. Вот вам доказательство»,— подумал Илья Гаврилович.

— Опоздали с поздравлением? — спросила сестра, кивнув на открытку «С Новым годом», которую Илья Гаврилович положил на тумбочку.— В праздничные дни почта работает плохо, особенно в нашей глуши. Надо было им раньше отправлять.

Илья Гаврилович, услышав шум машины, выглянул в окно. Из автомобиля вышли мужчина и женщина и направились к дому престарелых. Он понял, что это к нему.

— Да нет, как раз вовремя! — ответил он сестре, радуясь тому, что Рождество, старый Новый год, да и вообще все праздники он теперь будет встречать дома.

Ольга АНДРЕЕВА

г. Тула

Родилась в г. Туле 17. 11. 1959 г. Окончила Механический факультет Тульского политехнического института в 1982 г. С 1987 г. преподает. Обучала детей лепке. С 1997 г. — учитель в школе изобразительного искусства «Морозко» в г. Москве. Занимается возрождением тульской игрушки. Имеет звание народного мастера России. Член Союза художников России.

О ЧЕМ ЗАДУМАЛСЯ СВЕТОФОР

В одном небольшом городе, на шумном перекрестке висел Светофор.

Висел он много лет и весело подмигивал и пешеходам и водителям всеми своими тремя глазами. Ни мороз, ни ветер, ни дождь, ни жара не могли испортить его игривого настроения. По соседству со Светофором стоял огромный Уличный Фонарь. Светил он только вечером и ночью, а днем, как правило, дремал или лениво зевал, наблюдая за тем, как радостно трудится его сосед. И вот однажды он решил заговорить со своим жизнерадостным коллегой.

— Эй, приятель, а не надоело ли тебе моргать и моргать? Не хотелось бы тебе отдохнуть и отправиться в путешествие?

Светофор от неожиданности вздрогнул. Повернул свою блестящую голову к Фонарю:

— А я, уважаемый, как-то об этом не думал,— ответил трехглазый весельчак.

— А ты подумай, дружище. Вот, к примеру, я! Работаю немного. Отдыхаю. К каждому празднику мою красивую ногу красят. Да и новости я почти все знаю. Вон, посмотри, как много на мне информации. И влюбленные частенько встречаются под моей головой. Вот это ЖИЗНЬ! А ты, что? — Моргаешь, моргаешь. Света белого не видишь.

И тут Светофор ЗА-ДУ-МАЛ-СЯ.

Наверное, прав мой сосед. Вишу на холоде и под палящими лучами солнца. Тружусь. Тружусь, а что я вижу? Бегущих пешеходов, вечно

куда-то спешащих. Машины, машины, гудящие, летящие кто куда. Может, они едут навстречу своей ЛЮБВИ, а может, к своему теплому, пахнущему яблочными пирогами ДОМУ. А может, они торопятся на встречу с мамой. А может, спешат на поезд, чтоб увидеть разные страны? Только я крепко привязан к проводам и никуда не могу уехать, ничего не могу увидеть, кроме своего перекрестка, вечно торопящихся пешеходов и бесконечно шумящих машин и водителей? Отдыхать я не имею права, а должен трудиться, трудиться, не получая даже простого человеческого «СПАСИБО!»

Пока Светофор думал, размышлял, его разноцветные глазки дружно замерли и стали еще больше. Сам же трехглазик не заметил, как на его перекрестке столпились машины, большие и маленькие, грузовые и автобусы. Все пищат, гудят, кричат, плачут дети, воют собаки, ругаются водители. Пешеходы остановились в недоумении, как быть? Как улицу перейти? А ведь их всех ждут ЛЮБОВЬ, ДОМ, РАБОТА, ДЕТИ и ПУТЕШЕСТВИЯ. Светофор же висит и не мигает ни одним своим глазом. Тут подлетела к нему Сорока, села ему на голову и давай клевать по макушке мечтателя. Она во время всего разговора сидела на проводе, который был привязан к фонарю, и, конечно же, все слышала, все видела.

—Эй, мечтатель, очнись! Посмотри, что ты наделал!.. Столпотворение! Хаос! Хаос! А ну-ка, встрепенись, ведь ты же самый важный, самый главный на нашем перекрестке. Без тебя не едут, не идут. Все стоит! Все замерло! Ты так им всем нужен. Давай, голубчик, начни мигать и подмигивать всем, кто этого от тебя так ждет! Ну а что не можешь сойти со своего места, так это не беда. Ты на этом месте нужен всем, а делая добро, делай его от чистого сердца и не думай о награде.

Тук-тук! Стукнула Сорока Светофор по голове и улетела.

Весельчак встрепенулся, зажмурился и начал мигать, как и мигал ранее.

И полетели машины навстречу ЛЮБВИ, ДОМУ, МАМЕ, ДЕТЯМ и УДАЧЕ!

Побежали пешеходы по переходу с колясками и пакетами, чемоданами и сумками, свертками и коробками. Завертелась жизнь, закружилась! А Фонарь взглянул на эту суету, вздохнул, зевнул, отвернулся от жизнелюба и уснул. Каждому СВОЕ!

Вот и вся история, которая произошла в нашем небольшом городке, на самом шумном перекрестке.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

СКАЗКИ. В СТРАНЕ СНОВ*

В СТРАНЕ БОЛОТНЫХ ЛИЛИЙ

— Лак, давай передохнем! Совсем немножко,— предложила Аленка.

Они сели на траву.

— Смотри, земляника! — обрадовалась девочка.

Она нарвала полные ладошки ягод и принесла другу.

— Спасибо, Алена! — теперь уже обрадовался Лак.— Нам немного осталось идти. Ви-

дишь, впереди начинается сосновый лес? За ним владения Раджива. Сейчас правит страной его сестра. Живет она в старом замке на краю болота. Говорят, что неприятная особа. Мальчик и девочка, взявшись за руки, снова отправились в путь.

— Лак, смотри, что это за башня? Странная какая-то, без окон,— зашептала Аленка, увидев впереди останки старой полуразрушенной мельницы.— Давай подойдем и посмотрим.

Осторожно, чтобы не шуметь, они подошли близко к башне.

— Алена, откуда-то из-под земли я слышу шум крыл. Пойдем икать вход в подземелье.

Лак бродил вокруг странного строения и внимательно всматривался в землю. Он что-то искал.

— Лак, не это ли ты ищешь? Аленка показала мальчишке на стальное кольцо, видневшееся среди травы.

Он обрадовался, схватился за кольцо и изо всех сил потянул его вверх. Крышка приоткрылась, и они увидели птиц, сидящих в полутемном подземелье. В небольшие дыры-окошечки, прикрытые досками, сочился бледный свет. В углу стояли кормушки. Видно за птицами кто-то присматривал, и тот неизвестный мог появиться здесь в любую минуту.

— Лак, мы должны освободить птиц. Я спущусь вниз и буду тебе по одной их подавать, а ты опускай их на траву. Они привыкнут к свету и сами улетят.

Птицы, радуясь свободе, кружились над поляной, садились на деревья и радостно пели. Одна птичка с перламутровой спинкой села

* Продолжение. Начало в «Ковчеге» вып. 8.

Алене на плечо, затем перелетела на плечо Лака и, взмахнув крылами, полетела в сторону болота. Вернувшись, снова полетела в том же направлении:

— Аленка, она зовет нас! Побежали! — обрадовался Лак.

Дети помчались за птичкой. Она привела их к старому замку, принадлежавшему роду Раджива. Птица взлетела на самую высокую башню и исчезла в узком открытом окне.

Бр-р-р! Какое противное место! Здесь так сыро, холодно и страшно! — съежилась девочка.— А болотные лилии, словно заколдо-

ванные принцессы, молят о помощи...

Алена перевела взгляд на замок:

— В таком мрачном замке может жить только злая колдунья,— решила она.— Лак! Кто это?

В окне показалась белокурая красавица с птичкой в руках.

— Это Олия! — воскликнул Лак.— Она заперта в Девичьей башне!

АНТИЯ. СПАСЕНИЕ КОРОЛЕВЫ

— Добрый волшебник! Помоги нам спасти Олию и ее страну. Ей больше некому помочь! — взмолилась Аленка, сидя на холодном камне и наблюдая за белыми лилиями на болоте.

— Что будем делать, Лак? — спросила она, теребя в руках поднятый с земли прутик.

— Алена, ты фея! А феи умеют творить чудеса!

Девочка смотрела на цветы, и ей показалось, что одна из лилий пытается вырваться из чьих-то цепких лап. Она прикоснулась к ней прутиком, и вдруг цветок осветился и засиял разноцветными огоньками.

Аленка закрыла глаза, а когда открыла, то цветка уже не было. На его месте сидела красивая девушка с длинными, струящимися до пояса черными волосами и в красивом бледно-желтом платье.

— Спасибо тебе, фея! — радостно воскликнула красавица.— Ты освободила меня от злых чар Вассы.

Аленка не верила своим глазам. «Значит, прутик волшебный! Я умею творить чудеса?!» — еще больше удивилась она.

— Кто ты? — спросила Алена.

— А кто такая Васса? — поинтересовался Лак.

— Я дочь короля Алона, страны Утреннего сияния. Меня похитили слуги царя Раджива, потому что отец не захотел выдать меня за него замуж. Они рассорились, и в отместку Раджив попросил свою сестрицу Вассу превратить меня в болотную лилию,— ответила прекрасная принцесса.— А зовут меня Антия. Я знаю, зачем вы пришли, и помогу

освободить Олию. С западной стороны замка есть подземный ход. Об этом шептали птицы, пролетающие над болотом. Я знаю, как пробраться в Девичью башню. Скоро стемнеет, и мы, незамеченными, сможем туда войти.

Смеркалось. Прячась за стволами деревьев, друзья отправились спасать Олию. Вход в подземелье был найден быстро. Дверь распахнулась с помощью волшебного прутика. И вот они уже осторожно пробираются по каменной лестнице в светелку пленницы. Вдалеке замаячил свет фонаря, и послышались громкие голоса.

— Стража обходит владения,— шепотом сообщила Антия.— Скоро они пойдут по этой лестнице. Вперед, друзья!

Светелка была тесной. Большая кровать под розовым балдахином занимала половину комнаты. Олия возлежала на мягких подушках. На ее руке сидела уже знакомая им птичка. Узница гладила ее перламутровую спинку.

— Я ждала вас. Моя подружка принесла добрую весточку,— улыбнулась королева.

(Окончание следует в «Ковчеге» выпуск 10)

Вячеслав МИХАЙЛОВ

г. Москва

РЫБАЧОК И ПЛОТ

Колька проснулся оттого, что бабушка слегка тормозила его за плечо: «Вставай, рыбачок, вставай... Сам же просил поднять. Иль передумал рыбалить-то?»

— Нет... Встаю,— проямлил внук в полудреме, выползая из-под одеяла.

Мысль о предстоящей рыбалке сразу добудила. Рыбалка для городского двенадцатилетнего Кольки — самое милое занятие на летних каникулах. Ловил рыбу он по-всякому и повсюду в округе. Но больше всего по душе было удить на простенькую поплавочную удочку тут же, рядом с дедушкиным и бабушкиным деревенским домом, стоявшим шагах в тридцати от реки. Это не требовало долгих сборов: взял снасть, баночку с червями, припасенную с вечера, пару кусков свежего хлеба (один для наживки, другой — если вдруг захочется перекусить), на лодку и напрямик к противоположному камышовому берегу. Долго клева нет, вытянул якорек, один момент и дома — река тут шириной всего метров пятьдесят. Опять же, придут пацаны куда-либо звать,—

так вот он Колька, в пределах видимости и слышимости. При заманчивом предложении рыбалку можно свернуть. Особенное удовольствие доставлял выход рано утром в безветренную погоду, когда поплавок выдает даже слабый рыбий интерес к приманке. Никого... Тишина... Изредка только прострекочет за спиной в траве бойкий кузнечик да тиутикнет степная птаха, присевшая где-то поблизости... Случится, засомневается Колька спросонья — идти или не идти, глянет в окно, увидит спящую покойно реку с застывшей зеркальной поверхностью, под которой, конечно, спуют в поисках пищи голодные рыбы стаи, и принимается собираться.

Сегодня как раз с клевом повезло: уже через час после того, как Колька загнал лодку в камыши и сделал первый заброс, в ведерке толклись с десяток небольших подлещиков, плотвичек, четыре приличных окуня — приятно поблескивали чешуей. Следующий час удвоил улов. Колька уже перекусил, с аппетитом умяв три прихваченных пирожка с картошкой. Опять повезло: бабушка вчера пекла. Теперь хватит надолго. Еще можно с часок половить, раз рыба идет, хоть и волна легкая по реке побежала. Солнце быстро поднималось, нагоняло тепло. Зачастили трактора и автомашины по железобетонному мосту, что возвышался метрах в трехстах вверх по течению.

Наблюдавшему за поплавком Кольке показалось вдруг, будто с моста что-то упало. Он взгляделся в мост и заметил на нем несколько мальчишек: не узнать только кто — далековато. Находились они у одного из деревянных щитов, выставленных вдоль мостовых перил. Месяц назад соседний совхоз прогонял по мосту большую отару овец на новую ферму. Его люди и приладили дополнительное ограждение из второсортных досок, зная, что не одна овца запросто может свалиться в воду через старые, небезопасные перила. Установили да, наверное, забыли или просто махнули рукой на свою неказистую древесину. И ребятня недели две уже как облизывалась на те щиты: кто-то подал идею покидать их в реку, соединить в большой плот и использовать такой деревянный остров для игры в догонялки. Размеры, кстати, каждый щит имел солидные: в высоту полтора метра и в длину метра три — три с половиной.

Пацаны на мосту завозились у щита, стали переворачивать его через перила и «оп»: он ухнул в реку! «Ясно,— подумал Колька,— это уже второй». Меж тем щиты один за другим слетали вниз. Точно — операция «Плот» началась. Теперь Колька, забывший про поплавок, увидел лодку: она только что отчалила от берега близ моста и двигалась к сброшенным щитам. Один из двух пацанов, что вели ее, встал, оставив весло, призывно махнул Кольке рукой и крикнул:

— Коля-я-я-н, айда плот делать!

— Жорка! — узнал рыбак своего приятеля.

Не раздумывая, мигом собрал удочку, вернулся к дому, отволок ведерко с рыбой на кухню, захватил кусок проволоки и отправился на лодке помогать отлавливать щиты и буксировать их к берегу. В предвкушении новой шалости, старой игры в неизведанном варианте нутро Колькино восторженно вибрировало.

Василь, плотницкий сын, прикатил на одноколенной тележке ворох деревянных обрезков, банку длинных гвоздей и несколько молотков, и всей ватагой взялись крепить и колотить. Совсем скоро гигантский, где-то девять на десять метров, плот был готов. Тут же вплавь вытолкали его на середину реки, зафиксировали якорем — тяжелым булыжником, поныряли немного на пробу и стали играть в те самые догонялки: и по плоту, и в воде вокруг него. Топот, дикие крики, визг, хохот понеслись над рекой.

Увернувшись опять от догонялы, Колька поднырнул под угол плота, чтобы вылезти там, где не ждут. Но, выплывая, уткнулся головой в доску. «Промахнулся»,— подумал он, оттолкнулся от воды ногами, сделал два-три энергичных гребка руками — и опять уперся в дно плота. Теперь он открыл глаза, крутнулся, но в непрозрачной воде трудно было разобрать, где ближний край плота. Воздух в легких стремительно иссякал, возникшее чуть раньше беспокойство переросло мгновенно в ужас и панику. Колька рванулся из последних сил назад и наверх, по ходу осознав свою ошибку: надо было плыть в ту же сторону, в какую начал, а так выходит, что он мечется туда-сюда... И снова плот не выпустил, а любимая река все крепче обхватывала, тянула вниз, не желая упускать законную добычу. Колька задыхался, устал противиться, смирился. Не выдержав, глотнул воды и ясно представил, как она, мутноватая, заполняет его всего. Невыносимая эта картина передернула: судорожно заработали руки, ноги — он сделал еще один рывок, и теперь голова его показалась на поверхности воды, сантиметрах в десяти от кромки плота. Рот хватнул немного жизни. Не выдохнув толком, Колька сразу же вдохнул еще — до отказа, так, что кольнуло в груди.

— Вот он,— раздался радостный вскрик Жорки, и несколько пар рук быстро ухватили обессилевшего Кольку за плечи, локти, втащили на плот.

— Ты даешь, блин,— восхищенно протянул бледный Жорка, обглядывая приятеля.— А мы только хватились, думали, ты буль-буль... Тут метров восемь глубина — фиг донырнешь... Че молчишь-то, язык проглотил, что ль, со страху?

— Да погоди, дай подышать,— дрожащим голосом прошептал Колька, лежавший отрешенно на спине.

Он приходил в себя, смотрел вокруг: «Солнце! Небо! Облака! Пацаны!»

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

КОШКА АНЮТКА

Жила-была приветливая, ласковая, добрая кошечка Анютка. Она никому не причиняла вреда, старалась всем вокруг дарить радость и тепло своего нежного щедрого сердечка. В семье, где поселилась кошечка, ее очень любили все: девочка по имени Маша и Машины родители, а потому она была веселой и счастливой. Вернее, веселой и счастливой кошечка Анютка оставалась до того дня, пока ее не укусила прямо в нос маленькая разбойница — оса, неизвестно откуда прилетевшая! Анютка очень обиделась! Она не могла найти причину такого хулиганского поведения осы! Кошке было очень больно: нос горел огнем и с каждой минутой увеличивался в размерах! Вскоре перед глазами Анютки на месте ее прежнего крошечного плоского носика стала возвышаться целая гора! Кошечка опечалилась. Боль съела ее веселое настроение и сияющую улыбку. Анютка потеряла интерес даже к своему любимому кошачьему лакомству «Вискас»!

Девочка Маша пыталась отвлечь кошечку песенками, гладила ее по шерстке, успокаивала, уверяла, что скоро все пройдет. Однако кошечка оставалась грустной и несчастной. На третий день нос Анютки стал почти прежним, но она оставалась грустной. Казалось: радость навсегда покинула ее. Маша понимала, что без умения радоваться кошечка не сможет быть снова счастливой! Девочка долго думала, как помочь Анютке вернуть радость и наконец догадалась. Она написала письмо Фею. Машеньке было всего лишь шесть лет, поэтому она умела хорошо писать только печатными буквами. Письмо получилось таким:

ДОРОГАЯ ФЕЯ, ПОДАРИ МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВОЛШЕБНЫЕ КРЫЛЫШКИ! ОНИ НУЖНЫ ДЛЯ СПАСЕНИЯ МОЕГО ЛУЧШЕГО ДРУГА! МНЕ НЕОБХОДИМО СЛЕТАТЬ НА ПЛАНЕТУ УЛЫБОК! СПАСИБО!

Машенька положила письмо на подоконник в своей комнате и поспешила уснуть, чтобы поскорее прошла ночь. Наступило утро. Девочка подбежала к окну и, увидев сверкающие цветами радуги волшебные крылышки, радостно закричала: «УРА!» Рядом с крылышками лежало сердечко из красного блестящего картона. На его обратной стороне были написаны стройными тоже печатными буквами следующие слова: **ЖЕЛАЮ УСПЕХА! ФЕЯ!**

1.

Маша быстренько умылась, нарядилась в свое самое любимое голубое платье, почти такое же, как у принцессы Эльзы, и, не завтракая,

чтобы не терять время, надела волшебные крылышки! Девочка не могла предположить, что крылышки окажутся более быстрыми, чем знаменитые сказочные сапоги скороходы!

Едва крылышки коснулись Машиной спины, девочка тотчас взлетела ввысь! Прошло всего несколько секунд, и она оказалась на планете «Улыбок»! Девочка пришла в восторг! Неповторимая восхитительная праздничная страна! Каждая улыбка напоминала маленькое солнышко. Все вместе они представляли собой бесконечный волшебный океан золотого света, который, несмотря на свою невиданную яркость, совсем не слепил Машины глаза. Этот свет был необыкновенно нежным, мягким, приветливым, уютным, любящим, как мамины объятия, и сладким, как мамин поцелуй. Девочка чувствовала себя так, словно находилась в кругу самых дорогих ей друзей! Сияющие улыбки, подобно прекрасным цветам, неутомимо направляли свой целебный аромат, бесконечную доброту, неиссякаемую любовь всем тем, кто унывал, горевал, тосковал, то есть потерял радость! Улыбки творили великие чудеса! Они возвращали радость и счастье тем, кто по той или иной причине оставался безрадостным и несчастным.

Машенька уверенно подошла к одной из очаровательных Улыбок, улыбнулась ей в ответ и приветливо сказала: «Здравствуйте!» Улыбка засияла еще ярче, когда услышала: ЗДРАВСТВУЙТЕ. Она хорошо знала, что при помощи этого божественного слова передают пожелания добра и процветания! «Здравствуй, прелестное дитя! — ответила Улыбка и добавила: — Что тебя привело на нашу планету?» Машенька немедленно начала рассказ о проблемах кошки Анютки. Внимательно выслушав девочку, Улыбка ласково произнесла: «Я все поняла и с удовольствием помогу. К Анютке обязательно вернется радость, а ты поступила как настоящий верный друг!»

Улыбка немедленно собралась в дорогу. Ей не нужен был чемоданчик с пилюлями, как доброму Доктору Айболиту, потому что она лечила не таблетками, не гоголем-моголем, а целебным светом радости. Девочка вновь надела скоростные крылышки! Летающая Улыбка взяла ее за руку. И они вместе с Машенькой полетели к ее любимой, нуждающейся в дружеской помощи, кошечке. В мгновение ока путешественницы успешно приземлились. Стоило Улыбке появиться — вся квартира озарилась ярким золотым светом! Тут же кошечка освободилась от злых чар. Она обрадовалась, побежала навстречу Маше и Улыбке. Радость возвратилась к Анютке, она снова улыбалась и весело пела песенку о дружбе.

*Дружба — это хорошо,
Просто замечательно!
Я друзей себе нашла
Добрых и внимательных!*

*Без друзей никак нельзя,
Ни за что на свете!
Если рядышком друзья,
Ярче солнце светит!*

Маша и Улыбка были счастливы! Кошечка простила обидчицу осу. Мало того, она была благодарна ей за то, что поняла: без улыбки и радости жизнь становится бесцветной, кислой, неинтересной. Радость украшает нашу жизнь и приносит счастье! Летающая Улыбка улетела на свою планету, чтобы с высоты ей хорошо было видно тех, кто хочет улыбаться и жить счастливо!

МАМА

Небеса послали детям
Маму — Ангела Земли.
Нет того на белом свете,
Чтобы мамы не смогли!
Мама — друг мой самый
лучший,
Помощь скорая во всем!
Мама — мой счастливый

случай

И успешности подъем!
Мама — мир тепла и света
Мама — мудрость в каждый час!
Мама — солнце, мама — лето
И везения указ!
Мама — слово дорогое!
Мама — нежности уют.
Мама — сердце золотое,
Где меня всегда поймут!

Татьяна ШЕЛЕПИНА

г. Алексин
Тульской
области

АЛФАВИТ В ЗАГАДКАХ

Эту ягоду большую
Не поднимет карапуз.
На бахче ищи такую,
И зовут ее... (Арбуз)

Я несу в корзинке груши
Под названьем бергамот.

Их сегодня будет кушать
Толстый крошка... (Бегемот)

Мы нашли в лесу родник,
Из земли он здесь возник.
В нем холодная всегда
Родниковая... (Вода)

Шар с иголками из леса
Принесли для интереса.
Разбудил нас топот ножек,
Это был не шар, а... (Ежик)

Им в футбол всегда играют,
И голы им забивают.
Чуть ударь — несется вскачь,
Просто он — футбольный... (Мяч)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА.....	4
Изречения св. Антония Великого.....	5
Все учение преподобного Сергия Радонежского — жизнь.....	6
Русские писатели о культуре и нравственности.....	8
Ф. М. Достоевский.....	8
И. С. Тургенев.....	9
А. П. Чехов.....	10
ПРОЗА.....	13
Ирина ГОНЧАРОВА. Чудо в день рождения.....	14
Алексей ЯШИН. Такси до станции Астапово.....	18
Николай ЗАЙЦЕВ. Цыгане.....	24
Ляман БАГИРОВА. Доля.....	34
Людмила КОЗЛОВА. Матрица Мебиуса.....	45
Сергей КРЕСТЬЯНИН. Никогда.....	48
Геннадий МАРКИН. Картежный долг.....	52
Игорь КАРЛОВ. Как бы не так... ..	59
Михаил СМИРНОВ. Дачный сезон.....	71
Натали ЛАЗАРЕВА. Пропажа.....	80
Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ. Небесное спасение.....	94
Владимир ГЕРАСИМОВ. Шкатулка.....	98
Вячеслав АЛТУНИН. Деревенские истории:	
Петух — рыцарь.....	109
Многоэтажное семейство.....	109
Пиранья из лесного озера.....	110
Знакомая цапля.....	111
Дружок.....	111
Призрак старого дома.....	112
Средство Шалапина.....	113
Евгений СКОБЛОВ. Бабочки.....	114
Евгения КУРГАНОВА. Музыка души.....	117
Тамара ХАРИТОНОВА. Родители.....	119
Рудольф АРТАМОНОВ. Мексиканец.....	123
Сергей ЛЕБЕДЕВ. Хлеб.....	127
Галина КЛИНКОВА. На ладони опавший листочек кленовый.....	132
Вячеслав МИХАЙЛОВ. Защитник Сусанина.....	134
Алексей КУРГАНОВ. Жили мы на Пестеля, рядом с гастрономом.....	138
Ольга КАРАГОДИНА. Записки из полицейского участка.....	146
Николай МАКАРОВ. ГКЧП, или Последний год моего советского прошлого.....	150

Галина СОЛОНОВА. Вспомним время былое.....	152
Поэзия.....	157
Светлана МАКАШОВА	
Кортик.....	158
Рука солдата.....	158
Живи, земля.....	158
Тепла огней столичных мне не надо.....	159
Евгений ШЕПЕЛЕНКО	
Матерый.....	159
Карета из тыквы.....	160
Старый год.....	160
Новый год.....	160
Валерий ХОДУЛИН	
Пушкинский сквер.....	160
По Белеву едет Пушкин.....	161
Сергей НИКУЛОВ	
Дорога к дому.....	162
«Тусклый свет, деревья в инее...».....	162
Троица.....	163
Олеся МАМАТКУЛОВА	
Рождение дня. Венок сонетов.....	163
Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ	
Предчувствие.....	167
«Память зрелого сердца...».....	167
«Вот и вновь я на родину еду...».....	167
Наталья ШЕСТАКОВА	
Бабочки.....	168
Звуки падения.....	168
Осень.....	168
Татьяна АНАНЬИНА	
Секрет осени.....	169
Родина моя.....	169
Основной закон.....	169
Девочки и мальчики войны.....	169
Ирина МАЦНЕВА	
«Уйти туда, где ничего не ждут...».....	170
В тургеневском Красивомечье.....	170
«На расстоянии невидимой руки...».....	171
Татьяна ПАНОВА	
Россия.....	171
«Давай немного помолчим...».....	171
«Где с покатых крыш с разбега...».....	171

Наталья АРТЕМОВА	
«И то, что раньше родиной звалось...».....	172
«А все-таки я верю в светлое...».....	172
«А русского примет осталось мало...».....	172
Ольга АРТЕМОВА	
«Скупают землю городские воротилы...».....	173
«Я завещаю вам любовь...».....	173
Игорь МЕЛЬНИКОВ	
«Не спеши дочитатьсь до истин...».....	174
«Вдыхаю воздух, не тая...».....	174
«То на бочке пороховой...».....	174
Галина ЛЯЛИНА	
В полночь.....	174
Мы начнем все заново.....	174
Лесное озеро.....	175
Любовь САМОЙЛЕНКО	
У Снежедь реки... ..	175
На Куликовом поле... ..	175
Сергей ФИЛИППОВ	
«Часы мои не мной заведены...».....	176
Коробейники.....	176
«Всегда приятно слышать...».....	176
Анна МИКАЕВА	
Подружка-осень.....	177
Грустное.....	177
Олег ПАНТЮХИН	
Вместе ты и я.....	178
«Я скитался по белому свету...».....	178
«О, как прекрасно осени тепло...».....	178
Анна БАРСОВА	
«Мне эти голоса и крики...».....	178
«Трудный век нам достался...».....	179
«Осень, осень, золотая птица...».....	179
Елизавета БАРАНОВА	
«Губы, как веточки тонких рябин...».....	179
«К недоступным берегам...».....	180
Юлия КОЛОБКОВА	
«Господи! Помилуй матерей!...».....	180
Распрекрасная деревня!.....	180
Николай ТИМОХИН	
Джон Китс. Сонет 40.....	181
Джон Китс. «Чаттертону» (с. 4).....	181
Ольга БОРИСОВА	
К познанию.....	182

На горе.....	182
Идем.....	182
Татьяна ШЕЛЕПИНА	
«Приду на берег нашей речки...».....	183
К 9 Мая. Семидесятилетие Победы.....	183
Людмила СЕНИНА	
Дождь.....	184
Звездочка.....	184
«Мне грустно, милый, без тебя...».....	184
Нина ГАВРИКОВА	
Мама.....	185
Николай ЕРМОХИН	
Говорунья.....	185
Певучий платок.....	186
Ольга ПРИСТУПЕНКО	
Цветы России.....	186
Валерий ВИНОГРАДОВ	
Зимний день.....	187
«Серое утро, скрытая даль...».....	187
А. С. Пушкину.....	187
Валентина ДИНЕСЮК	
Переход России в XXI век.....	187
Виктор МЫЗНИКОВ	
Благочестивая Татьяна.....	188
Быть с Богом.....	189
Игорь МАЛЬЦЕВ	
«Посмотри мне в глаза...».....	189
«Замечает ноябрь...».....	190
Валерий АКИМОВ	
«Автоинтервью».....	190
Из родословной.....	190
Дом.....	191
Вячеслав АЛТУНИН	
В деревне.....	191
Петухи.....	192
Галина ЗЕЛЕНКИНА	
Осенняя хандра.....	192
Лариса ЛЕБЕДЕВА	
Малиновый вечер.....	193
Ветра забвенья.....	194
Сергей ШИЛКИН	
Тихий август.....	194
Елена ГАДЕНОВА	
Кемерово. 26 марта 2018 г.	195

Юрий МАРТИШИН	
Печальное.....	196
София МАКСИМЫЧЕВА	
«С неба сыплет снежной стружкой...».....	196
Людмила ПЕНЬКОВА	
Дождь кадрили протанцевал.....	197
Ольга ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ	
В Солнцеград. Поэма.....	197

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ..... 200

Яков ШАФРАН. Неповторимая история Тулы, величавой и нужной для России.....	201
Сергей ОДИНОКОВ. Приемы создания комизма в пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения».....	208
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. Добрая слава. В год 200-летия И. С. Тургенева.....	220
Евгений ТРЕЩЕВ. «А победит любовь и доброта». О «Ковчеге»-8	230
Людмила АЛТУНИНА. Мой Тургенев.....	236
Кирилл КАРЛОВ. Габриэль Гарсиа Маркес. Генерал в своем лабиринте.....	242

ПУБЛИЦИСТИКА..... 248

Яков ШАФРАН. Золотая «осень патриарха».....	249
Валентин ОГНЕВ. Тульская земля и Оптина Пустынь. Схиархимандрит Ксенофонт.....	258
Сергей ОВЧИННИКОВ. По дороге в Ефремов.....	266
Елена ГАДЕНОВА. Музыка зимних чудес.....	274
Евгения КУРГАНОВА. Обреченные на бессмертие.....	277
Ирина НИКОЛЬСКАЯ. Сны.....	279
Людмила ПЕНЬКОВА. Доброе слово.....	280

9 ЛЕТАХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ..... 283

Татьяна АНАНЬИНА. Внученьке.....	284
Кира КРЕСТЬЯНКИНА. Пришло время.....	284
Лев ГРИГОРЯН. Весенний вальс солнечных зайчиков.....	289
Галина СОЛОНОВА. Муравьиная история.....	300
Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА. Брянский волк.....	303
Галина ЗЕЛЕНКИНА. Слезы дракона.....	310
Ирина ГОНЧАРОВА. Потому что у меня не было бабушки.....	317
Ольга АНДРЕЕВА. О чем задумался светофор.....	324
Ольга БОРИСОВА. Сказки. В стране снов (продолжение).....	326
Вячеслав МИХАЙЛОВ. Рыбачок и плот.....	328

Людмила ПЕНЬКОВА. Кошка Анюта.....	331
Мама.....	334
Татьяна ШЕЛЕПИНА. Алфавит в загадках.....	334

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК
«МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО
«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

Яшину А.А..

300025, г. Тула

а/я 920

*Алекс. в 1957
от 21.12.2018г.*

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Примите нашу сердечную благодарность за Ваше постоянное внимание к яснополянскому музею Л.Н. Толстого, за присланные в дар музею журнал «Приокские зори» (2018, №3) и литературно-художественный альманах «Ковчег» (Тула, 2018, №8).

На юбилей Л.Н. Толстого откликнулись многие периодические издания. Приятно, что в их числе оказались и Вы. Нам понравилось, как представлен толстовский материал: современно, интересно, разнообразно. Спасибо большое.

«Приокские зори» и «Ковчег» займут достойное место в фондах нашей научной библиотеки. Желаем Вам творческих успехов на Вашем благородном поприще. Всего Вам самого доброго!

С уважением, специалист
по учетно-хранительской документации
отдела книжных фондов

 Лапина Л.Н.

НАШИ УТРАТЫ

Четвертого апреля этого года на 71-м году ушла из жизни одна из лучших представительниц литературной среды не только Алтайского края, не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья, поэт, прозаик, главный редактор литературного, художественно-публицистического издания «Огни над Бией», член Союза писателей России с 1994 года, автор нашего альманаха — Людмила Максимовна Козлова.

Людмила Максимовна Козлова (Кузнецова) родилась 16 июля 1948 г. в городе Никольске Вологодской области. Детство и школьные годы прошли на Алтае. В 1971 году окончила Томский государственный университет и аспирантуру. Успешно защитила диссертацию — кандидат наук.

Стихи и проза публиковались в центральных журналах «Литературная учеба», «Студенческий меридиан», «Наш современник», альманахе «Поэзия», «Академия Поэзии», в журналах «Новая юность», «Новый берег» — №28, 2010 г. (Дания), в журнале искусства и критики «Клаузура» — вып.2, 2011 г., в журналах: «Алтай», «Барнаул», «Бийск», «Август», «Парус», «Бийский вестник», «Огни над Бией», «Приокские зори», в альманахе «Ковчег», в антологии «Писатели Алтая» (т.1 и 2), в антологии поэтов Сибири, во многих изданиях Общественно-благотворительного Фонда «Возрождение Тобольска», в энциклопедии, изданной к 300-летию г. Бийска и за рубежом (США, Канада, Дания, Украина, Белоруссия, Венгрия). Отдельными изданиями в Барнауле, Бийске и за рубежом вышли более тридцати книг.

Людмила Максимовна Козлова — лауреат краевых литературных премий им. В. М. Шукшина (1991 г), им. Л. С. Мерзликина (2003 г) и премии Славянского общества в номинации «Литература» (2005 г). Лауреат Международного литературного конкурса им. Сергея Михалкова (2008 г) — за рукопись сказок для детей. Победитель краевого литературного конкурса на издание литературных произведений (губернаторский конкурс) — 2009 и 2015 гг. Лауреат премии Алтайского края в области литературы (2010 г.), победитель краевого литературного конкурса фантастики (2012 г.). Лауреат Международного литературного конкурса «Лучшая книга года» — 2014 в номинации «Фантастика» (Берлин, Германия) и Финалист в номинации «Остросюжетная проза» — 2017 г. (Берлин — Франкфурт). Награждена специальным Дипломом Берлинского литературного института им. А. П. Чехова за развитие культурных связей с Германией. Руководитель и издатель проектов для молодых писателей — книжной серии «Блиц» 2002—2005 гг. (издано 15 книг молодых авторов г. Бийска), основатель и издатель литературного художественно-публицистического журнала Бийского отделения СП России «Огни над Бией» — издается в течение пятнадцати лет и по настоящее время. С 2016 года — член Всемирной Корпорации писателей (ВКП), директор регионального отделения ВКП на Алтае.

Редационный совет альманаха «Ковчег» выражает глубокие соболезнования в связи с кончиной Людмилы Максимовны Козловой, автора и друга нашего издания.

УЧРЕДИТЕЛЬ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ», ВЫХОДЯЩИЙ ПОД ЭГИДОЙ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
И АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ЯКОВ ШАФРАН — главный редактор и составитель
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА — зав. отделом
публицистики и литературоведения
ВЛАДИМИР РЕЗЦОВ — зав. отделом поэзии
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН — зав. отделом прозы
АЛЕКСЕЙ ЯШИН (от «Приокских зорь»)
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ

**АЛЬМАНАХ ОСНОВАН В 2011 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ГОД**

12 +

***В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах
массовой информации» и Федеральным законом
от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей
от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», альманах предназначен
для людей старше 12 лет.***

(произведения раздела «О детях и для детей» читаются детям младше 12-ти лет взрослыми людьми)

В макете обложки образцом явилось фото автора Ирсен:
<http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1>

В иллюстрациях использованы гравюры Юлиуса фон Карольсфельда из «Библии в картинках» («Die Bibel in Bildern»). Издано в Лейпциге в 1852—60 гг. (из Интернета):
стр. 3 — «Нагорная проповедь». Графика. Гравюра.
стр. 12 — «Иисус и грешница». Графика. Гравюра.
стр. 156 — «Иисус Христос благословляет детей». Графика. Гравюра.
стр. 199 — «Крещение Иисуса Христа». Графика. Гравюра.
стр. 247 — «Проповедь Павла в Афинах». Гравюра.
А также:
стр. 282 — «Мадонна в облаках». Агостино Карраччи. Графика. 1582 г. (из Интернета).

КОВЧЕГ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ», ВЫХОДЯЩИЙ ПОД ЭГИДОЙ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
И АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСК 9

Произведения, опубликованные в альманахе, даны преимущественно в авторской редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакторы: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
В. В. Резцов, Я. Н. Шафран

Корректоры: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
В. В. Резцов, Я. Н. Шафран

Компьютерный набор: авторы

Компьютерная верстка, изготовление оригинал-макета,
дизайн обложки и оформление: Я. Н. Шафран, В. В. Радько

Составление: Я. Н. Шафран

Издатель — всероссийский ордена Г. Р. Державина
Литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

Контакты составителя: 300040, Тула, ул. Калинина, д. 26, кор. 2, оф. 210
e-mail: bonyans@yandex.ru тел. 8-953-443-14-69

Альманах выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров

Дата выхода в свет 01.07.19
Формат 60x84/16. Усл.-печ. л. 18,7.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 006

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Полиграфинвест»
300028, Тульская область, Тула, Сурикова 20
Тел.: (4872) 71-02-92

СМИРНОВ
Михаил

ТИМОХИН
Николай

ФИЛИПОВ
Сергей

ХАРИТОНОВА
Тамара

ШЕСТАКОВА
Наталья

ШИЛКИН
Сергей

БАГИРОВА
Ляман

ЛЕБЕДЕВ
Сергей

МАКАШОВА
Светлана

МИКАЕВА
Анна

САМОЙЛЕНКО
Любовь

СОЛОНОВА
Галина

ШЕПЕЛЕНКО
Евгений

АКИМОВ
Валерий

АЛТУНИНА
Людмила

АНДРЕЕВА
Ольга

АРТАМОНОВ
Рудольф

ГАВРИКОВА
Нина

ГЕРАСИМОВ
Владимир

ГОНЧАРОВА
Ирина

ГРИГОРЯН
Лев

ДИНЕСЮК
Валентина

ЕРМОХИН
Николай

КАРЛОВ
Игорь

КАРЛОВ
Кирилл

КЛИНКОВА
Галина

КОЛОБКОВА
Юлия

КРЕСТЯНКИНА
Кира

КУРГАНОВ
Алексей

ЛАЗАРЕВА
Натали

ЛЕБЕДЕВА
Лариса

МАКСИМЫЧЕВА
София

МАЛЬЦЕВ
Игорь

МАЦНЕВА
Ирина

МИХАЙЛОВ
Вячеслав

МЫЗНИКОВ
Виктор

НИКОЛЬСКАЯ
Ирина

НИКУЛОВ
Сергей

ОГНЕВ
Валентин

ОДИНОКОВ
Сергей

ПРИСТУПЕНКО
Ольга

СЕНИНА
Людмила

КОВЧЕГ

